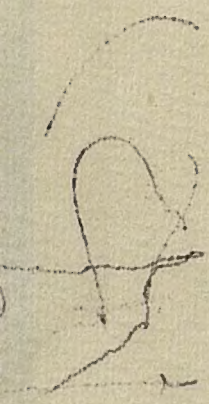
К12 6/25

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!



Б.Т.К.В.А.С.В.Ф.Н.

3.

К 12 6/25

ДОДИ СТАРАТО ВЪКА

ЛЮДИ СТАРАГО ВѢКА

ЛЮДИ СТАРАГО ВѢКА

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ БЫТА ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПЕНКАЗА
И ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРІИ

Л. В. БОЛТОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВ ПЕР., Д. 11—2
1880

K12 6/25

ЛЮДИ СТАРАГО ВѢКА

Разсказы изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи

Г. В. ЕСИПОВА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1880

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 28272
20-XII 1930 г. М

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всѣ статьи, помѣщенныя въ настоящемъ изданіи, напечатаны были въ разныхъ журналахъ. Здѣсь эти статьи исправлены, а нѣкоторыя дополнены новыми свѣдѣніями изъ дѣлъ разныхъ Архивовъ. Бытовая сторона жизни *людей стараго вѣка* составляетъ главное содержаніе разсказовъ изъ дѣлъ Преображенскаго приказа и Тайной канцеляріи. Для насъ теперь странны, дики и отвратительны пріемы уголовнаго судопроизводства, существовавшіе до царствованія Екатерины Великой—но тогда, въ свое время, они никого не удивляли, потому что требовались закономъ, Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича. Обвинять людей XVII и первой половины XVIII столѣтія за пытки, казни и пр. было-бы равносильно обвиненію ихъ въ томъ, что они принадлежали этимъ столѣтіямъ.

КОЛДОВСТВО ВЪ XVII и XVIII СТОЛѢТІЯХЪ.

(изъ архивныхъ дѣлъ).

АРХИВНЫЯ дѣла сохранили намъ много свѣдѣній о колдовствѣ, волшебствѣ, заговорахъ, гаданьяхъ и пророчествахъ. Подробное изслѣдованіе о томъ, когда, откуда, въ какой формѣ и съ какимъ внутреннимъ содержаніемъ пришли къ намъ эти темныя проявленія заблужденія человѣческаго разсудка, какъ они развивались и усвоивались нашимъ народнымъ бытомъ, какія причины и обстоятельства дали такую живучесть этимъ заблужденіямъ, что мы ихъ встрѣчаемъ еще и въ наше время, — это изслѣдованіе можетъ быть предметомъ обширнаго ученаго труда. Въ настоящей же статьѣ, составленной на основаніи архивныхъ дѣлъ, мы имѣемъ цѣлью познакомить читателей съ такими дѣлами о нашихъ доморощенныхъ колдунахъ и волшебникахъ XVII и XVIII столѣтій, въ которыхъ довольно подробно рисуется бытовая сторона того времени.

I.

Чародѣй Симонъ Даниловъ и бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.

До Петра Великаго убѣжденіе въ силу колдовства, въ связи съ религіозными вѣрованіями и при отсутствіи всякаго образованія, было принадлежностію всего Русскаго народа, начиная отъ царя до послѣдняго холопа. Всѣ боялись и всѣ вѣрили въ чародѣйство. Боялись потому, что если чародѣйство могло излѣчивать болѣзни, могло располагать человѣка, чтобы добръ былъ, точно также оно могло и морить людей, и дѣлать недобрыми. Вѣрили потому, что большинство чародѣевъ или колдуновъ дѣйствовало заговорами, въ которыхъ призывались на помощь святые церкви, а такія средства не шли въ разрѣзъ съ религіозными убѣжденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что, живя съ природою, при отсутствіи всякихъ медицинскихъ свѣдѣній и пособій, въ народѣ были извѣстны многимъ разныя травы и разныя средства къ лѣченіямъ; но эти многіе, а можетъ быть и немногіе, изъ личныхъ выгодъ, скрывали то, что они знали и чѣмъ лѣчили, обстанавливая свое лѣченіе таинственными пріемами, какъ-то: нашептываніемъ, наговариваніемъ различныхъ непонятныхъ словъ, или цѣлыхъ заговоровъ... Секреты свои передавали не многимъ, и эти продолжали тоже фокусничество. А между тѣмъ больные излѣчивались, — и вѣра въ колдуна утверждалась. Его берегли и рѣдко выдавали правительству. Такъ было среди народа, — но при дворѣ царскомъ жизнь и здоровье государя охранялись зорко, и малѣйшій посту-

покъ, который могъ привести къ сомнѣнію о колдовствѣ, вызывалъ строгое преслѣдованіе.

Въ іюлѣ 1647 года царь Алексѣй Михайловичъ жилъ въ Коломенскомъ. Приказный человѣкъ, т. е. управитель села Коломенскаго, Иванъ Алексѣевъ, 18-го іюля донесъ боярину и дворецкому, князю Алексѣю Михайловичу Львову, что въ селѣ Коломенскомъ живетъ какой-то крестьянинъ Симонъ Даниловъ, за которымъ пріѣзжаютъ всякіе люди, куда-то его увозятъ, а для чего—того онъ не вѣдаетъ.

Приказный человѣкъ зналъ очень хорошо, кто Симонъ Даниловъ, кто за нимъ пріѣзжаетъ, но не смѣлъ высказаться подробно въ донесеніи, потому что въ дѣлѣ былъ замѣшанъ любимый боярин царя Алексѣя Михайловича Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ.

По доносу приказнаго человѣка крестьянина Симона Данилова подстерегли, схватили и привели къ допросу передъ дворецкаго князя Львова.

Симонъ былъ обвиняемъ въ колдовствѣ—сначала онъ отпирался, но на пыткѣ сознался откровенно и разсказалъ:

«Онъ, Симонка, и жена его Оринка многое вѣдомство и шептанье, и чародѣйство, и ворожбу дѣлали во многихъ домахъ; у Семена Лукьяновича Стрѣшнева, вѣдомствомъ своимъ и шептаньемъ, и кореньемъ лѣчили людей — Сережку Нѣмчинова да Мишку Трубача отъ падучей болѣзни и псарскихъ робятъ; а въ подмосковной Стрѣшнева деревнѣ на Черной Грязи лѣчили лошадей и изъ конюшни дьявола выгоняли травами и кореньемъ и ворожбою съ наговоры и, въ воду положа коренья и травы, приговаривали многія свои вѣдомскія

слова и воду крестили своею рукою по трижды и кореньемъ, и травами тѣхъ Семеновыхъ людей окуривали, и водою окачивали, и спрыскивали, и то Семенъ вѣдалъ и въ тѣ поры самъ тутъ былъ. Дьяволовъ выгонялъ при Семенѣ Стрѣшневѣ и на Московскій дворъ къ Стрѣшневу ходилъ и въ деревню на Черную Грязь пріѣзживалъ и прихаживалъ по часту, и жена его Оринка бывала у жены Стрѣшнева, да и въ селѣ Коломенскомъ у Семена Стрѣшнева бывалъ же, и Стрѣшневъ его виномъ паивалъ. А началъ онъ ходить къ Стрѣшневу на дворъ и съ нимъ знаться съ тѣхъ поръ, какъ онъ Сережку лѣчилъ,— тому осьмой годъ. Заговорамъ учился какъ онъ былъ въ донскихъ казакахъ — тому лѣтъ съ десять, а училъ его донской казакъ Дружинко Бѣловъ, который уже умеръ; положа въ воду коренья и травы: матулъ и папортникъ, онъ, Симонъ, призывалъ всѣхъ святыхъ, да тутъ же приговаривалъ: зори, орлы и вороны, и рыбы, и звѣри, и воду крестилъ своею рукою трижды и говорилъ по трижды аминь; а кореньемъ и травами окуривалъ тѣхъ людей, которыхъ лѣчилъ, и водою по хоромамъ прыскалъ, чтобъ черти бѣгали“...

Дѣти его, Егупка, Гришка и Митька, показали тоже что и отецъ. Жена Симона еще прибавила, что Стрѣшневъ и жена его присылали къ ней въ село Коломенское людей своихъ съ просьбою, чтобъ Симонъ и жена его приворотили королевича, — чтобъ онъ женился на государынѣ царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ. Орина отказала, говоря: „что ее столько не будетъ“. Научилъ ее, Орину, ворожить мужъ. „Наговорами лѣчила она малыхъ дѣтей, травою папортникъ, а приговаривала и призывала на помощь всѣхъ святыхъ и, наговоря ту траву,

въ воду кладывала и, положа въ воду, по трижды своею рукою крестила и говорила аминь по трижды же; да у нея же есть отъ грыжи, и отъ ворочуши, да отъ черной немочи и отъ иныхъ болѣзней травы: боль-цвѣтокъ да девесилъ".

Дѣло было отдано на обсужденіе боярской думы и доложено царю, и Алексѣй Михайловичъ черезъ Дворецкаго объявилъ Стрѣшневу слѣдующее свое рѣшеніе:

„Ты, Семенъ, вѣдалъ все и то все ты, Семенъ, дѣлалъ, преступивъ государево крестное цѣлованье и забывъ Бога и его государскую премногую къ себѣ милость, былъ ты при его государевѣ милости въ ближнихъ людяхъ и пожалованъ кравчимъ съ путемъ своимъ своей мѣры, чего былъ ты и недостоинъ; которые бывали и великіе господа въ кравчихъ и такою честью путемъ были не пожалованы; а ты, Семенъ, преступя государево крестное цѣлованье, забылъ Бога и его государскую премногую къ себѣ милость, съ такими злыми вѣдуны Симонкомъ Даниловымъ да съ жонкою Оринкою знался многіе годы и на Московскій твой дворъ и въ подмосковскую деревню къ тебѣ пріѣзжали и въ селѣ Коломенскомъ у тебя бывали многажды, а государево пришествіе въ село Коломенское бываетъ по часту, и ты, Семенъ, государево здоровье не остерегалъ и государю про такихъ злыхъ вѣдуновъ не извѣстилъ и самъ съ ними знался многіе годы и по ся мѣсто ихъ укрывалъ; а ты, Семенъ, и самъ при государѣ и при боярехъ такое слово говаривалъ: кто съ вѣдунами знается, и тотъ-де достоинъ смерти, и то ты, Семенъ, говаривалъ воровски, лестью, забывъ его государево крестное цѣлованье, а нынѣ то сыскалось подлинно, что ты съ

такими злыми вѣдунами знался самъ многіе годы, и государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси и бояры, слушавъ тѣхъ разспросныхъ и пыточныхъ рѣчей, приговорили бояре за то твое воровство тебѣ, Семену, учинить жестокое наказаніе и сослать въ дальніе сибирскіе города въ тюрьму, и государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси на милость положилъ пожаловалъ: наказанья жестокаго тебѣ, Семену, учинить и въ дальніе сибирскіе городы въ тюрьму сослать не велѣлъ, а велѣлъ тебя, Семена, послать на Вологду и быть на князь Иванова мѣстѣ Черкасскаго".

Замѣчателенъ отвѣтъ Стрѣшнева царю, записанный въ дѣлѣ: „И Семенъ Стрѣшневъ, выслушавъ сказки, поклонился въ землю и молвилъ: на государской милости челомъ бью, что государь его пожаловалъ жестокаго наказанья учинить и въ дальніе сибирскіе городы въ тюрьму сослать его не велѣлъ, и говорилъ: въ томъ-де воленъ Богъ да государь, стражу-де и гнѣвъ государской пріимаю за свое согрѣшеніе къ Богу, а милости у государя прошу, чтобъ-де государь пожаловалъ велѣлъ быть въ Баковѣ деревнѣ хотя и за приставомъ, а съ такое-де государево дѣло его Семена не будетъ, что-де онъ человѣкъ молодой, у государевыхъ дѣлъ нигдѣ не бывалъ и чтобъ-де государеву дѣлу его простотою какая проруха не учинилась".

II.

Колдовство на царя Ѳеодора Алексѣевича и на царя Петра Алексѣевича.

Во время Стрѣлецкаго бунта 1682 года колдовство было пущено въ ходъ для усиленія народнаго волненія, съ помощью котораго царевна Софья Алексѣевна слабоумнаго и болѣзненнаго царевича Іоанна Алексѣевича посадила на престолъ рядомъ съ Петромъ, а сама сдѣлалась правительницею государства. Еще при жизни царя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1681 году, въ народѣ ходила молва, что царь былъ испорченъ какою-то бабою вѣдуньей, и этотъ слухъ снова распространился при самомъ разгарѣ Стрѣлецкаго бунта. 17 мая 1682 года, на Красной площади, народъ искалъ этой бабы, и сотни челобитчиковъ явились передъ Стрѣлецкимъ приказомъ съ требованіемъ отыскать ее. Явился доносчикъ—какъ послѣ оказалось, соперникъ этой бабы въ лѣченьи и колдовствѣ—поморецъ Евтюшка Марковъ. Онъ объявилъ, что знаетъ эту бабу: живетъ она на Поварской улицѣ, и онъ ее найдетъ. Съ толпою стрѣльцовъ отправился Евтюшка въ Поварскую улицу и привелъ старуху въ приказъ Стрѣлецкій, передъ боярина Василія Семеновича Волынскаго. Баба эта была жена водопроводныхъ дѣлъ мастера Ивана Яковлева, звали ее Марѳушкою. Она объявила, что Евтюшку не знаетъ, никого не лѣчила, царя Ѳеодора Алексѣевича не портила, и такое великое и страшное дѣло и не мыслила, и волшебства о порчѣ не знаетъ. На пыткѣ ей дали 32 удара кнутомъ, но она твердила все тоже. 31-го мая стрѣльцы снова подали

челобитную, чтобъ бабу еще пытать при нихъ и жечь огнемъ накрѣпко, потому что она при первой пыткѣ не созналась — „знатно, что отъ пытки оттерпѣлась чародѣйствомъ своимъ“. Марѳушку повели опять въ застѣнокъ, подымали на дыбу, били кнутомъ и жгли огнемъ. Она повторила, „что царя Ѳеодора Алексѣевича не портила и волшебства, и чародѣйства не знаетъ, только наметывала горшки Чаплыгинскимъ невѣстамъ—и больше того ничего не знаетъ“. Несчастная баба не выдержала пытки на огнѣ и умерла. Доносчикъ поморецъ Евтюшка послѣ ея смерти былъ освобожденъ.

Прошло 17 лѣтъ. 2-го декабря 1699 г. чрезъ Спасскія ворота изъ Кремля вели преступниковъ на смертную казнь. Окруженные солдатами, они шли съ цѣпями на рукахъ и ногахъ и съ зажженными свѣчами. Толпа народа слѣдовала за несчастными, бабы и дѣвки по обыкновенію выли и визжали; на Спасскомъ мосту безмѣстные попы, ожидавшіе тутъ приглашеній на службу въ боярскіе дома, провожали преступниковъ пѣніемъ „со святыми упокой“! Нѣкоторые преступники отвѣчали имъ бранью и гремѣли цѣпями, показывая кулаки. Всѣхъ осужденныхъ на казнь было человѣкъ десять; они были осуждены за разбой и убійства; начальникъ ихъ Ѳедька Малютинъ и въ эту минуту шелъ впереди— товарищи даже и передъ смертью давали ему почетъ. Ѳедька Малютинъ шелъ спокойно, какъ будто не на смерть, а по временамъ оглядывалъ народъ съ какою-то злобною улыбкою. Только что вышла эта толпа на Красную площадь, какъ Ѳедька Малютинъ закричалъ „слово и дѣло“! Солдаты остановились — народъ разбѣжался въ стороны. Крикъ „слово и дѣло“ разогналъ

всѣхъ. Это было страшное слово! извѣстно, что кто слышалъ эти слова и не доносилъ, подвергался пыткѣ и наказанію. Народъ разбѣжался—явились еще солдаты съ караула у Спасскихъ воротъ, и преступниковъ повели въ Преображенскій приказъ для допроса и слѣдствія. Для нихъ все дѣло было во времени — изъ Преображенскаго можно еще бѣжать и спасти свою жизнь.

Ѳедька Малютинъ былъ человѣкъ опытный: во время Стрѣлецкаго бунта 1698 года онъ побывалъ въ Преображенскомъ приказѣ, доносилъ тамъ на стрѣльцовъ, которые были казнены по его доносу, и за правый донось получилъ въ награжденіе 5 рублей и свободу. При стрѣлецкихъ розыскахъ Ѳедька узналъ многія подробности объ отношеніяхъ царевны Софьи и ея женской прислуги къ стрѣльцамъ; онъ слышалъ и видѣлъ, какъ жестоко преслѣдовали всѣхъ знакомыхъ съ постельницами царевны; онъ понялъ, какое значеніе могло имѣть въ то время обвиненіе въ колдовствѣ на царскій домъ— и, съ твердымъ убѣжденіемъ спасти себя и товарищей отъ смертной казни, спокойно предсталъ предъ грознаго князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго.

Слово и дѣло по доносу Ѳедьки Малютина объяснилось въ слѣдующемъ его разсказѣ въ Преображенскомъ приказѣ:

„Тому съ годъ времени онъ пришелъ въ Ордынскую улицу, на дворъ дьяка Леонтія Кмешина, къ дворнику Евтюшкѣ Маркову, просить лѣкарства отъ зубовъ, и въ то время у Евтюшки была постельница, съ которою Евтюшка говорилъ невѣдомо что тайно, и поминала она, постельница, имя государево не вѣдомо для чего. А жена его, Евтюшки, сказывала ему, Ѳедькѣ:

мужъ-де ея той постельницѣ далъ два кусочка вощечку и велѣлъ прилѣпить, а гдѣ и для чего, того не вѣдаетъ, а вѣдаютъ про то тотъ дворникъ и жена его. Онъ же, Евтюшка, въ прошлыхъ годахъ хаживалъ въ дѣвичій монастырь (гдѣ содержалась царевна Софья) къ старицамъ Панфилѣ и къ Еленѣ, и когда Елена послана въ ссылку, онъ, Евтюшка, въ то число скрылся. Да и ему, Ѳедькѣ, какъ онъ жилъ у торговаго иноземца Фрея, онъ, Евтюшка, давалъ травы и велѣлъ, зашивъ у кафтана въ вороту, носить для того, тотъ-де хозяинъ твой будетъ до тебя добръ. И онъ, Ѳедька, ему, Евтюшкѣ, отказалъ, говоря: тотъ-де хозяинъ до меня и такъ добръ. У него же, Евтюшки, жилъ крестьянинъ Салтыкова Алешка Ивановъ въ волшебномъ дѣлѣ и еще пуще его, Евтюшки, и про то волшебное дѣло Алексѣя сказывалъ ему самъ Евтюшка. Про волшебство Евтюшки знаетъ крестьянинъ Ивашко Ѳедоровъ, который съ нимъ живетъ вмѣстѣ. О волшебствѣ Евтюшки сказывали ему Ѳедька и жена Евтюшки".

Донось Ѳедьки Малютина былъ очень хорошо обдуманъ. Постельницѣ шепчутся тайныя слова и поминается имя государя, дается воскъ налѣпить куда-то, все это дѣлается волшебникомъ, посѣщающимъ Новодѣвичій монастырь, гдѣ содержится царевна Софья и т. д., и все это въ то время, когда разслѣдованіе Стрѣлецкаго бунта продолжалось еще такъ дѣятельно, когда всякіе намеки и указанія на среду, чрезъ которую царевна Софья боролась съ Петромъ, какъ бы они ни были темны, служили поводомъ къ строгому разслѣдованію особенно при намекѣ на колдовство, въ которомъ могла скрываться порча, отрава.

Въ то время, какъ Ѳедька Малютинъ разсказывалъ князю Ромодановскому объ Евтюшкѣ, Евтюшка, не предчувствуя грозившей ему бѣды, преспокойно занимался двумя ремеслами: шилъ сапоги и лѣчилъ разными травами. „Наукѣ лѣченья“ выучился онъ давно, еще при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, и изъ зависти, что баба Марѳушка удачнѣе его лѣчила и получала больше денегъ, онъ, какъ мы видѣли, въ Стрѣлецкій бунтъ 1682 года, выдалъ ее стрѣльцамъ, и по его доносу несчастная старуха умерла въ пыткѣ. Съ тѣхъ поръ, счастіе хотя и помогало Евтюшкѣ—сапоги и травы приносили довольно денегъ въ его карманъ,—но эти деньги не держались, только что накопится ихъ побольше, а совѣсть какъ тутъ говоритъ безпрестанно: а гдѣ Марѳушка? Что она тебѣ сдѣлала? за что ты погубилъ ее? Часто по ночамъ ему грезилась Марѳушка: на дыбѣ, окровавленная, въ судорогахъ, она, грозя ему пальцемъ, кричала: „и тебѣ тоже будетъ“! и, вставши по утру, онъ отправлялся по кабакамъ и кружаламъ, пропивалъ всѣ деньги. Потомъ опять принимался работать и лѣчить, и опять сонъ съ Марѳушкою.

5-го декабря 1690 года, рано утромъ, Евтюшка услышалъ стукъ въ двери своей избы. Онъ вскочилъ съ постели, взглянулъ въ окно: у избы стояли солдаты, подъячій и знакомый ему когда-то Ѳедька Малютинъ.

Евтюшка вспомнилъ Марѳушку, вспомнилъ сны и какъ убитый пошелъ съ солдатами и Ѳедькою въ Преображенскій приказъ. Подъячій приказа обшарилъ всю избу и нашелъ какіе-то травы и коренья, толченые и нетолченые, стклянку съ водою, и подъ лавкою въ чер-

номъ деревянномъ ставцѣ, въ водѣ, образъ на мѣди Страстной Богородицы.

Теперь Евтюшкѣ, изъ личныхъ выгодъ обвинившему Марѳушку въ волшебствѣ, пришлось самому оправдываться и доказывать, что онъ не волшебникъ. При допросѣ въ Преображенскомъ приказѣ Евтюшка показалъ:

„Жилъ онъ на Москвѣ лѣтъ съ 30; сперва жилъ для ученья у аптекарей русскихъ, Ѳедора Емельянова, да у Прова Семенова, лѣтъ съ восемь слишкомъ; они померли и по той наукѣ будучи на Москвѣ жилъ въ разныхъ мѣстахъ, и теперь на дворѣ дьяка Леонтія Кмешина изъ найма съ порукою. Жилъ работой, сапожнымъ мастерствомъ, а также лѣчилъ всякихъ чиновъ людей отъ скорбей нутряныхъ и отъ кликотныхъ болѣзней, травами и кореньями безъ наговору. Для лѣчьбы хаживалъ ко многимъ: къ духовнику царскому Петру Васильевичу, лѣчилъ ему ноги; также ходилъ лѣчить къ князю Михаилу Юрьевичу Одоевскому, да за Тверскія ворота къ Плещееву. Тому другой годъ или больше, садовникъ Ѳедька Малютинъ приходилъ къ нему для лѣкарства къ зубамъ, и тогда при немъ, Ѳедькѣ, привезла къ нему въ домъ стрѣльчиха Устюшка постельницу Арину Федорову, для лѣчьбы у нея ногъ, а при какой царевнѣ та постельница, онъ, Евтюшка, не знаетъ. Постельницѣ отъ ножной болѣзни онъ далъ грыжной травы, и велѣлъ ей тою травою ноги парить. Тайно съ постельницею не говорилъ, имени государева не поминалъ и двухъ кусочковъ воску постельницѣ не давалъ. Травы и коренья, и водка, то все его, и все доброе и не воровское. Въ дѣвичьемъ монастырѣ не

былъ, а у старицы Панфиліи былъ на ея дворѣ подъ монастыремъ, лѣчилъ жену ея дворника Куземки Семенова; была вся она дряхлая, давалъ ей съ травъ пить и парить грыжной же травы безъ наговору, а старицу Елену не знаетъ и не укрывался. Травы для пришитія къ вороту не давалъ. Крестьянинъ Салтыкова Алешка Ивановъ знаетъ больше въ лѣкарствахъ, чѣмъ онъ, Евтюшка. Образъ на мѣдной доскѣ былъ не подъ лавкою, а на лавкѣ—и ту доску мылъ въ поставцѣ съ другими образами къ празднику Николая Чудотворца".

Пришлось Евтюшкѣ отвѣчать и про свое страшное дѣло, которое мучило его совѣсть—про старуху Марѳушку.

„Въ прошлыхъ годахъ, при великомъ государѣ царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, приходила къ нему жена водозводнаго мастера Марѳушка Долгая, призывала его къ себѣ въ домъ и говорила, чтобъ онъ далъ ей такого лѣкарства, чтобъ былъ къ ней князь Ѳеодоръ добръ, а кто тотъ князь Ѳеодоръ, того она, Марѳушка, именно ему не сказала, а онъ ей въ томъ отказалъ. И послѣ того вскорѣ, его государя не стало, и онъ, Евтюшка, напомнилъ то, что она, Марѳушка, поминала имя князя Ѳеодора Алексѣевича и дозналъ собою, что его, государя, испортила она, Марѳушка, знатно для того она, Марѳушка, то имя къ тому его, государеву, имени у него, Евтюшки, такого лѣкарства и просила. И онъ, Евтюшка, взявъ солдатъ съ стѣннаго караула, ту Марѳушку поймавъ, привелъ на Красное крыльцо и вверху на Красномъ крыльцѣ держаны они были въ смутное время сутки и сосланы были въ Стрѣлецкій приказъ и

въ томъ приказѣ они были и пытаны, и съ пытки онъ, Евтюшка, очистился, а Марѳушка въ застѣнкѣ послѣ пытки на огнѣ сожжена".

Евтюшка выпутывался отъ обвиненія въ ворожбѣ, увѣрялъ, что онъ лѣчилъ травами безъ наговору. Но противъ него явилась обвинителемъ жена его. Она разсказывала, что къ нему пріѣзжали многіе люди, у кого рука или нога болитъ, или сердце, или ломъ, и по тѣмъ болѣзнямъ просили у Евтюшки лѣкарства. Съ иными говорилъ онъ тайно, и когда она его спрашивала, о чемъ онъ съ ними шепчется, онъ отвѣчалъ: „ты де сиди околѣвъ, то дѣло не твое, я-де лѣчу, въ томъ и отвѣтъ дамъ и до тебя не дойдетъ". — Иногда, поговоривъ съ иными людьми, хаживалъ мужъ ея въ избѣ своей за занавѣсъ одинъ, а ихъ посадитъ въ избѣ на лавку и, будучи за занавѣскою, снявъ съ себя крестъ, металъ кругомъ, знатно ворожилъ или иное что дѣлалъ, того не знаетъ, и вышедъ изъ занавѣски, говаривалъ съ тѣми людьми тайно и отпускалъ ихъ въ домы.

Евтюшка сознался, „что ходилъ за занавѣсъ и, снявъ съ себя крестъ, металъ и по тому кресту признавалъ, которую болѣзнь можно ему лѣчить, за ту принимался и лѣчилъ, а которыхъ лѣчить не можно, тѣмъ отказывалъ, а смотрѣлъ онъ на крестъ спроста безъ волхованья. А училъ его тому признаванью тому лѣтъ съ 20 на Москвѣ псковской солдатъ Ѳедька Ивановъ, который умеръ лѣтъ съ 15; а онъ, Евтюшка, той ворожбѣ никого не училъ".

Товарищъ Евтюшки крестьянинъ Алешка Ивановъ тоже сознался, что онъ, Алешка, лѣчилъ всякихъ лю-

дей травами отъ всякихъ внутряныхъ и кликотныхъ болѣзней, безъ волшебства и наговора.

Жонка — вдова Устюшка, приводившая къ Евтюшкѣ постельницу Аринку, также въ допросѣ созналась, что кормилась повивая дѣтей и лѣчила отъ скорбей, покупая травы на Варварскомъ крестцѣ, лѣчила безъ наговору. Постельницу Аринку Ѳедорову къ Евтюшкѣ тому два года назадъ привозила по ея Арины просьбѣ, а для чего — того она не знаетъ. А живетъ она, постельница, въ Звонаряхъ, и она дворъ ея знаетъ.

Наконецъ-то князь Ѳедоръ Юрьевичъ добрался до главной нити его интересовавшей, до постельницы придворной. Князю необходимо было выяснить: нѣтъ ли тутъ связи съ кознями царевны Софьи Алексѣевны, которая въ это время въ Новодѣвичьемъ монастырѣ поручена была личному, непосредственному надзору князя.

8-го декабря, по указанію Устюшки, отыскали постельницу царевны Софьи Алексѣевны Арину Ѳедорову, дочь Оглоблину — она была уже замужемъ за стрѣльцомъ Озерова полка Никитою Зайцевымъ.

Изъ допроса постельницы князь Ѳедоръ Юрьевичъ не открылъ ничего важнаго о царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, въ чемъ была его главная цѣль, но изъ ея разсказа обнаружилось, что Евтюшка дѣйствительно колдовалъ.

Постельница разсказывала слѣдующее:

„Прежде была она за-мужемъ на Угличѣ за подъячимъ приказной избы Иваномъ Оглоблинымъ; мужъ ея умеръ тому 16 лѣтъ и послѣ смерти его пріѣхала она въ Москву и поступила въ постельницы царевны Софьи Алексѣевны черезъ старицу Вознесенскаго монастыря

Панфилію, которую она знала, потому что братъ Панфиліи, Матвѣй Супоневъ, былъ воеводою на Угличѣ. Была въ постельницахъ при царевнѣ 13 лѣтъ, а когда въ Новодѣвичій монастырь никого пущать не стали, то она, Арина, отъ царевны Софьи Алексѣевны отошла къ царевнѣ Маѳѣ Алексѣевнѣ; жила при ней года съ два, и когда царевна Маѳа Алексѣевна пошла въ монастырь, она, Арина, вышла замужъ въ прошломъ 207 году послѣ Успенья дня. Съ Евтюшкою Марковымъ познакомилась она по слѣдующему случаю: тому четвертый годъ жила у ней, Арины, нищая жонка Парашка, къ которой прихаживала жонка Устюшка, и въ то время у ней, Арины, дѣвка ея, покрадя, бѣжала. Она, Арина, о покражѣ плакала. Жонка Устюшка, утѣшая ее, говорила: есть-де за Москвою рѣкою мужикъ-ворожей, онъ тебѣ про ту дѣвку скажетъ—сыщется или нѣтъ. По этимъ словамъ она, Арина, съ Устюшкою ходили за Москву-рѣку къ Евтюшкѣ Маркову, и она, Арина, сказала Евтюшкѣ о покражѣ, да еще что ноги болятъ. Евтюшка далъ ей для лѣченья ногъ травы и велѣлъ ту траву парить и прививать къ ногамъ, а объ дѣвкѣ-воровкѣ, зашелъ у себя въ углу за завѣсъ, ворожилъ и вышедъ сказалъ, будетъ тебѣ про ту дѣвку вѣсть. Съ Евтюшкою же тайнонии о чемъ не говорила, про государево имя не поминала, и Евтюшка двухъ кусочковъ воску ей не давалъ. Извѣдчика Ѳедюшки Малютина не знаетъ".

Послѣ допросовъ, по принятому порядку въ Преображенскомъ приказѣ, даны были сперва очныя ставки Евтюшкѣ съ Ѳедькою Малютинымъ, а потомъ обоихъ пытали. Евтюшка не выдержалъ третьей пытки и умеръ.

Ѳедьку Малютина велѣно по прежнему приговору, за

разбои и отраву своего товарища-разбойника, казнить смертью.

Жена Евтюшки оставалась въ тюрьмѣ Преображенскаго приказа еще нѣсколько мѣсяцевъ. Ее допрашивали съ пыткою: „не давалъ ли ея мужъ постельницѣ Аринѣ двухъ кусочковъ воска и поминала ли она государево имя“? На трехъ пыткахъ она отвергала это обвиненіе на своего покойнаго мужа.

19 іюля 1700 года состоялось рѣшеніе въ Преображенскомъ приказѣ: „Бояре приговорили: Анютку, жену Евтюшки освободить, потому что она въ томъ дѣлѣ очистилась кровію“.

Постельница Арина возвращена къ мужу.

III.

Колдовство боярыни Авдотьи Федоровны Волынской.

1698 г.

Въ народѣ существовалъ особенный страхъ къ кликушамъ—и причина этого страха была совершенно основательна. Кликуши, по преданіямъ народнымъ, перешедшимъ въ убѣжденіе, были произведеніе колдовства, порчи, и во время странныхъ припадковъ выкликали имена тѣхъ, которые будто ихъ испортили. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ о кликушахъ XVIII столѣтія оказывается, что въ большинствѣ случаевъ кликуши выкликали имена тѣхъ, которымъ онѣ мстили изъ личной ненависти, и этихъ несчастныхъ, какъ колдуновъ и волшебниковъ, вели въ

застѣнокъ на дыбу и подъ кнутъ палача. Вообще порча играла очень серьезную роль въ домашнемъ быту, не только крестьянъ, но и помѣщиковъ и людей высшаго общества. Порча, по убѣжденію современниковъ, производилась большею частью наговорами на соль, на хлѣбъ, которые давали съѣсть, или на вино, на воду, на масло. Но встрѣчаемъ и другія средства портить, какъ напримѣръ: берутъ червей, зарождающихся въ пустыхъ винныхъ бочкахъ, высушиваютъ ихъ, кладутъ въ вино, надъ которымъ читаютъ заклинанія, и начитаннымъ виномъ поятъ того, кого хотятъ испортить (Великорусскія заклинанія, соч. Майкова, стр. 100). При условіяхъ крѣпостного состоянія, помѣщики боялись порчи отъ своихъ крѣпостныхъ, а крѣпостные, желая получить свободу, доносили на помѣщиковъ въ колдовствѣ.

Въ 1698 году, въ маѣ мѣсяцѣ, стольникъ Петръ Артемьевичъ Волынской жаловался въ Сыскной приказъ на людей своихъ, что они портятъ жену его Авдотью Ѳедоровну. Изъ Сыскнаго приказа дѣло и обвиненныхъ переслали для слѣдствія Дѣдиловскому воеводѣ; при допросѣ всѣ люди показали, что портитъ помѣщицу дворовая жонка Дунька Якушкина. Воевода повелъ ее въ застѣнокъ къ пыткѣ: Дунька закричала государево слово и дѣло; ее переслали въ Преображенскій приказъ.

Въ первомъ же допросѣ Дунька показала на свою помѣщицу важное дѣло, объясняя слѣдующее:

„До перваго Азовскаго похода, о святой недѣлѣ, и послѣ того, пріѣзжала на дворъ въ домъ ко вдовѣ Авдотьѣ Ѳедоровнѣ, нынѣ женѣ Волынскаго, съ верху (т. е. изъ

дворца) комнатная дѣвка Анка Александрова дочь Яковлева Жукова и съ нею пѣвчій Василій Ивановъ; прислала-де ее, Анку, изъ Дѣвичьяго монастыря царевна Софья Алексѣевна говорить ей, вдовѣ Авдотьѣ, про великаго государя царя Петра Алексѣевича, о чемъ-де тебѣ царевна прежде сего приказывала сходить въ Преображенское, ходила ли въ Преображенское или нѣтъ? Волынская при ней, Дунькѣ, отвѣчала Анкѣ: была-де я въ Преображенскомъ и вынула слѣдъ изъ ступня великаго государя земли и ту землю отдала Ѳедора Петрова Салтыкова крестьянской жонкѣ Ѳіонкѣ Семеновой для составу, чтобъ сдѣлать отраву у себя въ домѣ, чѣмъ извести великаго государя на смерть, и ту-де землю, которую взяла въ Преображенскомъ изъ ступня государева, та жонка Ѳіонка приняла у ней, вдовы Авдотьи, и сдѣлала съ нею отравной составъ. Дѣвка Анка поѣхала къ себѣ. Послѣ, спустя дня съ три, или больше, пріѣзжала къ ней, Авдотьѣ, опять дѣвка Анка и при ней, Дунькѣ, не таясь, спрашивала она, Анка, Авдотью: гдѣ же ты дѣла отравное зелье, которое было въ кувшинѣ? Волынская отвѣчала: ходила-де я въ Марьину рощу съ тѣмъ составомъ, съ человѣкомъ своимъ Гришкою Булычевымъ и такова-де время не излучила, чтобъ тотъ составъ изъ кувшина лить въ ступни великаго государя гдѣ онъ ходилъ, а гдѣ-де она тотъ кувшинъ съ зельемъ отравнымъ дѣла, того она, Дунька, не вѣдаетъ. Только-де она, Волынская, тотъ кувшинъ и что въ немъ было изготовлено, показывала и въ кувшинѣ-де она видѣла то составное зелье красно что кровь, и она, Волынская, ей, Дунькѣ, сказала: какъ бы-де я излучила время шествію великаго государя, въ слѣдъ его ступени

налила того зелья изъ кувшина и великій государь отъ того зелья не былъ бы живъ въ три часа; да она же, Волынская, была въ гостяхъ у дьяка Лукина и, возвратясь въ домъ свой, говорила ей, Дунькѣ: не вѣдала-де я того, что великій государь будетъ у него, дьяка, а есть ли бы-де вѣдала и я бы-де то зелье взяла бы съ собою, и она-де, Дунька, стала ей, Авдотьѣ, говорить: „для чего ты на великаго государя такое злое дѣло помышляешь, что-де Богъ небесный, то и государь нашъ земной, не только-де про великаго государя какую злую мысль учинить, не довлѣетъ-де и намъ про васъ худыхъ словъ говорить; и въ то-де число прилучились у ней, Волынской, Иванъ да Петръ Лукины дѣти Воейковы, и она, Дунька, имъ тѣ слова про нее, Авдотью Волынскую, сказывала, да прилучился же-де у ней, Волынской, братъ ея родной Василій Ѳедоровичъ Головленковъ, и она-де, Дунька, сказывала и ему, Василью, и онъ-де, Василій, къ ней, сестрѣ своей, не ѣздилъ недѣль съ тридцать и за то-де ее, Дуньку, она, Авдотья Волынская, велѣла связать, свезть въ Ряжскую вотчину и велѣла предать смерти: посадить въ воду“ (т. е. утопить).

Всѣ свидѣтели, которыхъ назвала Дунька въ своемъ допросѣ, были привезены въ Преображенскій Приказъ, и жонка Ѳіонка, составлявшая по словамъ Дуньки зелье, первая должна была оправдываться.

Ѳіонка, жена крестьянина изъ села Кимры, показала: „Въ прошлыхъ годахъ, какъ она съ своимъ мужемъ жила въ томъ селѣ Кимрѣ и въ то время она, Ѳіонка, испорчена была кликотною болѣзнью, и отъ той ее болѣзни лѣчилъ травами пріѣзжій человѣкъ, Ивашкомъ

звали, а чей онъ былъ—про то не вѣдаетъ; давалъ съ тѣхъ травъ ей пить; а съ наговоромъ ли пить давалъ и нынѣ онъ гдѣ, и живъ, или мертвъ, про то все не вѣдаетъ, и отъ того-де его лѣкарства она, Ѳіонка, отъ кликотной болѣзни оздравѣла, и какъ-де то село Кимра по указу великихъ государей отдано было боярину Ѳедору Петровичу Салтыкову и съ того-де времени мужъ ея Пронька съ нею пришли къ Москвѣ и кормились на Москвѣ, живучи по разнымъ мѣстамъ, сапожнымъ мастерствомъ; тому нынѣ другой годъ мужъ ея умре, а она кормилась, ходя въ домы, лѣчила всякихъ чиновъ людей мужеска и женска полу отъ всякихъ болѣзней, кромѣ кликотной болѣзни, покупая въ зелейномъ ряду травы, спрашивая лавочныхъ сидѣльцевъ которая въ которой болѣзни бываетъ угодна, простотою своею безъ нагооѳоровъ, и ни отъ кого она тому лѣкарству не учивалась, да и тѣми травами: скородубкомъ, да донникомъ, да ленкомъ дикимъ, которыми ее, Ѳіонку, тотъ пришлой человѣкъ Ивашко отъ кликотныя болѣзни лѣчилъ, лѣчила же, покупая ихъ изъ зелейнаго ряду и въ домъ окольничаго князя Ивана Никитича Засѣкина къ женѣ его, къ княгинѣ Авдотьѣ, что нынѣ за Петромъ Волынскимъ она, Ѳіонка, захаживала же для того, что мужъ ея на него, князя Ивана, и на нее, Авдотью, на людей ихъ шилъ сапоги и башмаки, а она, Ѳіонка, ее Авдотью, лѣчила отъ лихорадки, а брату ея Василью Головленкову ногу отъ ломоты, а жену его Васильеву отъ страховательной болѣзни, а до перваго Азовскаго походу она, Авдотья Волынская, земли изъ ступни государевой ей, Ѳіонкѣ, для составу, чтобъ сдѣлать отраву такую, чтобъ извести великаго го-

сударя на смерть, ей не отдавала. Она, Дунька, ее Θіонку клеплетъ напрасно, и человѣкъ она, Θіонка, добрый и за худымъ дѣломъ не ходила, а она, Дунька, вѣдомая воровка, живучи въ домѣ ея, Авдотьинѣ, испортила кликотною болѣзнью двухъ жонокъ, да двухъ дѣвокъ: татарку, да ученицу свою, которая выучилась у нея, Дуньки, шитью мастерствомъ лучше ея, Дуньки, а какъ-де тѣмъ жонкамъ и дѣвкамъ имена, про то сказать не упомнитъ, да и боярыню свою Авдотью Волынскую хотѣла она, Дунька, испортить же и въ тѣхъ-де порчахъ она, Дунька, ей, Авдотьѣ, въ дому ея при ней, Θіонкѣ, и винилась и сказывала про то именно: портила-де она въ разныхъ ѣствахъ и отъ тѣхъ-де кликотныхъ болѣзней тѣхъ жонокъ и дѣвокъ лѣчилъ невѣдомо какого чину человѣкъ, а зовутъ его Ивашко Егоровъ и за такое-де Дунькино воровство она, Авдотья, ее, Дуньку, велѣта сослать въ дальную свою вотчину, а въ которую вотчину сослана была и въ какое время—и про то она не вѣдаетъ".

На очной ставкѣ Θіонка съ Дунькой подтверждали свое. Дунька въ порчѣ людей не сознавалась, и говорила, что когда Авдотья сослала ее въ деревню, то людямъ дворовымъ и крестьянамъ, которые везли ее, велѣно ѣдучи дорогою посадить ее въ воду, и за это дано имъ денегъ 5 рублей; но они этого не сдѣлали. Потомъ перевозили ее изъ деревни въ деревню, и наконецъ, тому больше году, за три дни до Рождества Христова въ Ряжскую Авдотьину вотчину, гдѣ она содержалась подъ карауломъ, пріѣзжалъ изъ Москвы отъ нея, Авдотьи, человѣкъ ея Гришка Булычевъ и сказалъ ей, что приказала-де тебя боярыня моя Авдотья посадить въ

воду, но сдѣлать это не мочно, боимся Бога, и велѣлъ ей, Дунькѣ, бѣжать, и въ нынѣшнемъ 206 году, передъ Рождествомъ Христовымъ, она, Дунька, и бѣжала и пришла къ Москвѣ. Человѣкъ Петра Волынскаго Гришка Тимофеевъ поймалъ ее, сковалъ, привезъ къ Волынскому на дворъ и въ ту же ночь отвезъ въ Дмитровскую его вотчину, въ село Никольское, а наконецъ въ Дѣдиловѣ отдали ее воеводѣ для розыску будто въ порчѣ людей Волынскаго.

Допросили Василья Головленкова, брата боярыни Авдотьи Волынской. Онъ отвергалъ показанiи Дуньки.

Иванъ Воейковъ и человѣкъ Волынскаго Гришка Булычевъ также отвергали всѣ показанiя Дуньки, а Гришка Булычевъ прибавилъ, что она сослана была его госпожею за порчу людей и его Гришку и жену его портила разными кликотными и иными порчами и въ четырехъ порчахъ она, Дунька боярынѣ Авдотьѣ и повинилась: въ порчѣ жонки Ѳедосьи, да жонки Аниськи, да жонки Аксютки, да дѣвки Марѳушки. Наконецъ, что Дунька клеплетъ на него, Гришку напрасно за то, что что ее поймалъ на Москвѣ и привелъ къ Волынскому, откуда она была отослана въ Дѣдиловъ къ розыску.

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ свидѣтелей не подтвердилъ доноса Дуньки; оставалось распросить Волынскую. 23 мая ее привезли въ Преображенское, и она объяснила князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому:

„Въ прошлыхъ годахъ, какъ она, Авдотья, была замужемъ за окольничимъ за княземъ Иваномъ Никитичемъ Засѣкинымъ, и въ то время верховая дѣвица Анна Александрова Жукова въ домъ къ ней, Авдотьѣ, пріѣзживала, потому что она ей своя, а многажды ли—того

сказать не упомнитъ, и послѣ смерти мужа ея князя Ивана Никитича, какъ она, Авдотья, была вдова, она, Анна, пріѣзживала же, а многажды ли пріѣзживала, про то не упомнитъ же, для того, что она, Анна, ей, Авдотьѣ, своя и живетъ у царевны Маѳы Алексѣевны и по присылкѣ той царевны съ нею, Анною, она, Авдотья, бывала и въ займы ей, царевнѣ, она, Авдотья, 50 руб. денегъ дала; да она же Авдотья бывала и у царевны Наталіи Алексѣевны для того, что за брата ея Авдотьина, Василья, дана отъ великія государыни царевны и великія княгини Наталіи Алексѣевны Петрова дочь Взимкова, Аксинья. И пѣвчій Василій Ивановъ съ товарищи въ домѣ ея для славленья пріѣзживали же. И какъ она, Авдотья, вышла замужъ за Петра Волынскаго и она-де, Анна, по тому же свойству въ домъ къ ней, Авдотьѣ, пріѣзживала, а многажды ли—того сказать не упомнитъ".

Затѣмъ Авдотья Волынская, отвергая доносъ Дуньки, разсказала:

„У дьяка Игнатья Лукина въ домѣ она, Авдотья, была въ гостяхъ для того, что въ то время она, Авдотья, у человѣка его у Ѳедотки крестила сына, а въ то-де время у него Игнатья въ домѣ былъ государь, да бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ, съ женою своею съ боярынею Катериною Богдановною, и, возвратившись домой, она не говорила Дунькѣ показанныя въ ея доносѣ слова. И во всемъ Дунька клеплетъ ее напрасно избывая своего воровства, что она портила жонокъ и дѣвокъ, да и ее, Авдотью, хотѣла отравить зельемъ".

На очной ставкѣ съ Дунькою Волынская отпиралась,

а Дунька прибавила еще, что послѣ Свѣтлой недѣли Волынская, переодѣвшись въ шубку служанки Матренки, взяла какой-то съ собою узелъ и ходила къ Всесвятскому мосту и, выйдя изъ Всесвятскихъ воротъ, не ходя черезъ мостъ, сошла она налѣво къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ что-то строилось и, сѣвъ на берегу Москвы-рѣки на камень, она, Авдотья, вырыла изъ песку небольшую яму и тотъ узелъ закопала и затоптала ногою и потомъ пошла домой. Дунька ее спросила—„что въ узлѣ закопала“?—„Закопала-то—что ты не знаешь“!—отвѣчала Авдотья. И если бы послали ее, то она отыщетъ это мѣсто, а буде что и сгнило, тряпицы остатокъ, знать, будетъ. Людей Волынскаго не портила: Авдотья клеплетъ на нее напрасно.

Волынская возразила, что въ порчѣ не клеплетъ, а говоритъ истинно, потому что тѣ порченные люди въ той порчѣ кличутъ на имя Дунькино. О скрытіи узла на берегу Москвы рѣки не сознавалась.

Въ тотъ же день Дуньку послали за Всесвятскія ворота отъискивать узелъ съ подъячимъ Иваномъ Суворовымъ. Придя на то мѣсто, гдѣ стоитъ пильная мельница, Дунька подлѣ городовой стѣны указала мѣсто, и на томъ мѣстѣ „стоитъ хоромное строеніе, поставлены свѣтлицы и осмотрѣть нельзя“.

Всѣ доказательства Дуньки о преступномъ намѣреніи Волынской рушились—и ее по установленному порядку подвергли пыткѣ. Она созналась, что говорила все неправду и на Волынскую поклепала напрасно за то, что она держала ее, Дуньку, за карауломъ, въ разныхъ деревняхъ, года съ три безвинно.

Чѣмъ кончилась судьба Дуньки—изъ дѣла не видно.

IV.

Колдунъ рыбакъ Максимъ Аѳанасьевъ.

1708 г.

Преобразованіе Петромъ Великимъ нашего войска, состоявшаго большею частью изъ стрѣльцовъ и дворянъ съ ихъ дворнею, въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія было еще вновѣ. Для водворенія дисциплины и пріученія къ строевому порядку, необходимы были особенныя строгости, и солдату того времени приходилось весьма часто испытывать батоги. Особенно солдатская служба была трудна людямъ слабаго сложенія, если притомъ же они любили подвыпить. Наказанія тѣлесныя, вмѣстѣ съ повтореніями выпивки, дѣйствовали прямо на нервную систему, и послѣдствіемъ этого являлись такіе припадки, которыхъ не понималъ ни больной, ни его окружающіе.

Солдатъ Семеновскаго полка Алексѣй Григорьевъ былъ изъ числа тѣхъ несчастныхъ, которымъ не давалась солдатская служба, и ему приходилось, то за лѣность, то за пьянство, терпѣть постоянно побои. Пришла масляница 1708 года; Алексѣй покутилъ и попилъ такъ, что на первой недѣлѣ поста, послѣ опохмѣлья, въ среду на четвергъ, въ полночь, начались съ нимъ припадки небывалые. Его корчило, судороги въ рукахъ и ногахъ, и къ этому „великій страхъ и ужасъ“. Бѣдная жена его перепугалась и призвала священника. Алексѣя причастили, соборовали масломъ; ему сдѣлалось лучше, онъ всталъ на ноги и началъ каждый день

ходить въ церковь. Судороги прекратились, но страхъ, боязнь чего-то неизвѣстнаго, овладѣли имъ; онъ чувствовалъ, что кто-то толкалъ его и ноги подсѣкались... Не заколдовалъ ли его кто-нибудь, не испорченъ ли онъ? И въ церкви „страхъ и ужасъ“ не проходятъ: надобно обратиться къ такому человѣку, чтобъ сговорилъ съ него порчу.

Въ Кожевникахъ жила у Алексѣя родственница, солдатская жена Лисафа (Елизавета) Васильева. Она иногда разсказывала Алексѣю и женѣ его, что есть люди, которые заговариваютъ и лѣчутъ отъ порчи. Лисафа должна была ему 10 алтынъ, заняла давно, а срокъ наступилъ въ великій постъ. Алексѣй отправился къ ней за деньгами, да кстати и поговорить о болѣзни своей. Денегъ у Лисафы не оказалось, но за то она сообщила Алексѣю, что есть у нея знакомый рыбакъ Михаилъ Афанасьевъ, который пособитъ Алексѣю отъ его скорби.

— А чѣмъ же онъ поможетъ мнѣ? спросилъ Алексѣй.

— А уже поможетъ,—отвѣчалъ Лисафа,—онъ ходитъ за ворожбою.

— А какъ же его видѣть, гдѣ живетъ?

— Человѣкъ добрый, хорошій, мой знакомецъ, зовутъ его Максимъ Аѳанасьевъ; онъ записной рыбакъ Приказу большаго двора, ходитъ по разнымъ озерамъ рыбу ловить про государевъ обиходъ, по наряду изъ Приказу; живетъ зз Москвою-рѣкою, въ Кузнецкой, на дворѣ стольника Блохина.

— Да я знаю его, — отвѣчалъ Алексѣй, — вотъ ужъ лѣтъ десять у него покупывали рыбу. А не слыхалъ, что онъ лѣчитъ.

— Да приходи ко мнѣ послѣ завтра, онъ придетъ, потолкуете.

Въ назначенный день явился Алексѣй въ Лисафѣ— колдунъ рыбакъ уже былъ тутъ. Разсказалъ ему Алексѣй про свою скорбь, про свой смертный страхъ. Рыбакъ все выслушалъ спокойно, смотря ему въ глаза, потомъ взялъ его за руку и повелъ вонъ изъ избы.

— А гдѣ бы поговорить съ тобою безъ людей? Тутъ на дворѣ не ладно.

— А вотъ сарай пустой,—отвѣчалъ Алексѣй.

Вошли въ сарай и сѣли на ворохъ сѣна.

— Подай лѣвую руку,—говорилъ рыбакъ.

Алексѣй протянулъ руку.

Рыбакъ долго смотрѣлъ на ладонь, водилъ пальцемъ то въ одну, то въ другую сторону и все покачивалъ головою.

— Трудно, а вылѣчу тебя отъ скорби и отъ смертнаго страха. Испортилъ тебя лихой человѣкъ. Приходи завтра къ Лисафѣ, я приду также по-вѣчеру, и пойдемъ къ тебѣ на дворъ. Только не надо ни жены твоей, ни стороннихъ людей, а одинъ на одинъ.

На другой день, какъ уговорились, такъ и сдѣлали. Рыбакъ-колдунъ Максимъ и Алексѣй сошлись у Лисафы и потомъ отправились къ Алексѣю. Жена Алексѣя что-то работала въ избѣ; мужъ выслалъ ее вонъ. Рыбакъ налилъ воды въ ковшъ, вынулъ изъ за-пазухи церковную свѣчку, прилѣпилъ ее къ ковшу и началъ говорить на воду: „Пойду рабъ Божій Алексѣй въ чистое поле, въ зеленое лукоморье, въ дикіе лѣса; найду я, рабъ Божій Алексѣй, въ дикихъ лѣсахъ ражее море-океанъ, въ ражемъ морѣ-океанѣ былъ златырь-камень,

у бѣлаго златыря-камня золотой замокъ, у золотаго замка золотой ключъ; возьму, рабъ Божій Алексѣй, золотой ключъ; отпираю я, рабъ Божій Алексѣй, золотой замокъ, и запираю я, рабъ Божій Алексѣй, въ тотъ замокъ всякихъ людей хитромудрыхъ, колдуновъ, вѣдуновъ, старыхъ старушихъ, малыхъ малушихъ, горбатыхъ, сутуловатыхъ, на носъ покляпыхъ, и бросаю я, рабъ Божій Алексѣй, тотъ замокъ въ ражее море-океанъ и какъ тому замку изо-дна моря не бывать, такъ бы меня, раба Божія Алексѣя, отнюдь никому не увѣчить, не портить отъ нынѣ и до вѣка и во вѣки вѣковъ аминь. И мое слово крѣпость"... Окончивъ заклинаніе, рыбакъ велѣлъ Алексѣю раздѣться на-голо, окатилъ его водою изъ ковша и положилъ его на лавку, окутавъ суконнымъ кафтаномъ.

— Потѣешь ли? спросилъ черезъ нѣсколько времени рыбакъ.

— Какъ мышь весь мокрый.—отвѣчалъ Алексѣй.

— Вставай и умойся,—сказалъ рыбакъ, наполнивши снова водою ковшъ. Алексѣй всталъ и рыбакъ лилъ ему воду на руки „съ корешка", а въ это время велѣлъ ему другой корешокъ держать во рту.

Рыбакъ оставилъ оба корешка во владѣніе Алексѣю, приказалъ точно такъ всякій день съ одного корешка умываться, а другой въ то время держать во во рту—и простился съ Алексѣемъ, говоря: „отъ скорби будешь свободенъ".

Алексѣй далъ ему за это гривну. Это былъ на третьей недѣлѣ Великаго поста. Всякое утро потихоньку отъ жены Алексѣй умывался съ одного корешка, а другой держалъ во рту, но „скорби не проходили". Тоска

и страхъ смертный не оставляли его, а солдатская служба требовала здоровья. Прошла недѣля — все плохо! Алексѣй опять отправился къ Лисафѣ попросить ее отыскать рыбака и сказать ему, что корешки не дѣйствуютъ. На свое счастье онъ засталъ у Лисафы рыбака-колдуна.

— Что, родимый, скорбь не проходитъ! По твоему велѣнью и умывался, и корешокъ во рту держалъ—нѣту помочи!

— Сильно испортилъ тебя лихой человѣкъ! — отвѣчалъ ему Максимъ рыбакъ.

— Какъ же быть? Больно тяжело—вся внутренность изныла: полѣчи, Максимъ, жизнь не въ жизнь! — говорилъ Алексѣй.

— Не тужи! поможемъ. Принеси завтра, объ эту пору, сюда, къ Лисафѣ, немного масла деревяннаго, я приду сюда, возьму у тебя масло къ себѣ домой, и что надобно въ немъ управлю, и отдамъ тебѣ—будешь здоровъ.

Алексѣй опять далъ рыбаку гривну.

Досталъ Алексѣй у старушки своей матери деревяннаго масла изъ лампады и въ назначенный день отдалъ его Максиму въ домѣ Лисафы. Черезъ нѣсколько дней Максимъ и Алексѣй сошлись у Лисафы, и колдунъ повелъ опять Алексѣя въ пустой сарай.

— Вотъ тебѣ два корешка,—говорилъ рыбакъ, отдавая корешки Алексѣю: — одинъ корешокъ съ пескомъ брось въ воду и умывайся, а другой брось въ курятникъ, а масло побереги до моего прихода—будетъ легче, згинетъ скорбь.

Черезъ три дня рыбакъ-колдунъ пришелъ къ Алексѣю.

— Ну что? помогло?—спросилъ рыбакъ.

— Ничего!—отвѣчалъ Алексѣй—всѣ три дня провалялся и на службу не могъ идти—просто горе!

— Ну сильно же испортили тебя!—сказалъ рыбакъ.—А надо помочь! Пойдемъ въ баню. Возьми съ собою масло.

Пришли въ баню; рыбакъ велѣлъ Алексѣю париться и во время паренья натиралъ его масломъ, нашептывая какія то молитвы и положилъ Алексѣю въ уши по кусочку воска.

— Ну теперь пройдетъ скорбь! — говорилъ рыбакъ, выходя съ Алексѣемъ изъ бани.

Ни масло, ни воскъ не помогли. Наканунѣ Вербнаго воскресенья пошелъ Алексѣй опять къ Лисафѣ. Онъ засталъ у нея въ гостяхъ какую-то старую нищую.

— Ну что, Алексѣй, помогъ тебѣ Максимъ? — спросила Лисафа.

— Какое помогъ! и денегъ побралъ, и колдовалъ, и въ баню ходилъ, а скорбь не проходитъ.

— А я такъ знаю человѣка? — заговорила нищая — такого человѣка, что людей лѣчитъ и помогаетъ.

— А гдѣ живетъ тотъ человѣкъ,—спросилъ Алексѣй—пойду къ нему, коли правду говоришь.

— Правду, сущую правду! не обманщикъ, а богобоязненный человѣкъ, не колдунъ, а молитвою лѣчитъ.

— Да гдѣ живетъ онъ, бабушка?

— Алексѣемъ его зовутъ, чей сынъ—не знаю, а живетъ въ подъ монастырской слободѣ Спаса Новаго. Тамъ на дорогѣ есть всего одна лавка, въ ней и лавочникъ Алексѣй.

Вернулся домой Алексѣй; жена сказала ему, что при-

ходили изъ полка объявить, что Алексѣю стать съ понедѣльника въ караулъ въ Новоспасскомъ монастырѣ при арестантахъ. Въ Вербное воскресенье не пришлось ему отлучиться изъ дому, а въ понедѣльникъ съ ранняго утра онъ отправился на службу въ Новоспасскій монастырь. Два дня не приходила „скорбь“ къ Алексѣю; въ среду, поутру, снова тоска и страхъ смерти: ноги дрожатъ, въ глазахъ мутится. Алексѣй вспомнилъ о новомъ лѣкарѣ, рекомендованномъ нищею, и не спросясь караульнаго капитана, ушелъ съ караула въ подъмонастырскую слободу. Нашелъ лавку и новаго лѣкаря. Алексѣй солдатъ вызвалъ Алексѣя-лѣкаря изъ лавки и тайно разсказалъ ему о своей скорби и какъ лѣчилъ его Максимъ рыбакъ.

— Обманщикъ твой рыбакъ Максимъ,—отвѣчалъ ему лавочникъ—не ходи къ нему. Станемъ Богу молиться, а приходи завтра, съ молитвою я тебѣ помогу.

На другой день Алексѣй опять потихоньку ушелъ съ караула и явился у лавочника.

— Пойдемъ въ избу, сказалъ лавочникъ.

— Положи три поклона предъ иконами и, творя молитву, сядь вотъ тутъ—говорилъ лавочникъ—указывая Алексѣю на лавку передъ столомъ. Самъ Алексѣй лавочникъ досталъ ковшъ, налилъ въ него квасу и такъ наговаривалъ:

— „Заговариваюсь я, рабъ Божій Алексѣй, отъ колдуновъ, отъ колдуницъ, отъ еретиковъ и отъ еретицъ, отъ князей и отъ бояръ, и отъ поповъ, и отъ поповыхъ женъ, и отъ дѣвки, и отъ дѣвкина сына, что есть еретиковъ на свѣтѣ; замыкаю я, рабъ Божій Алексѣй тридевять замковъ туго на-туго и крѣпко на-крѣпко и

отдаю я тѣ 39 замковъ Михаилу архангелу; нося они 39 замковъ на океанѣ-морѣ, кладутъ подъ алатырь-камень, ни слѣдомъ никому не хаживать, океана-моря не выпивать, меня, раба Божія Алексѣя, никому не порчивать и другу недругу, брату небрату, не похитити и не помудрити и въ которыхъ 39 замкахъ спицы крѣпки, таковъ я, рабъ Божій Алексѣй, отъ колдуновъ и отъ еретиковъ; всѣмъ моимъ словамъ единое слово, кои слова говорены и неговорены. Аминь".

— Выпей этотъ квасъ, и скорбь пройдетъ!

Алексѣй выпилъ — далъ гривну новому своему лѣкарю и побѣжалъ въ монастырь на караулъ.

Только что воротился Алексѣй, какъ пришелъ къ нему въ караульню Максимъ рыбакъ. Алексѣй испугался— зачѣмъ Максимъ пришелъ.

— А отъ чего ты такъ давно не видалъ меня? ко мнѣ бы пришелъ поблагодарить, коли скорбь прошла.

— Не прошла, Максимъ, скорбь моя—вотъ и вчера опять прикинулась.

— Ну такъ я тебѣ дамъ вѣрную помощь—дай мнѣ твой крестъ.

Алексѣй безпрекословно повиновался и отдалъ ему крестъ.

Рыбакъ прилѣпилъ къ кресту кусочекъ воску.

— Носи этотъ воскъ на крестѣ и береги его—скорбь пройдетъ и будешь здравъ, а завтра по утру приду рано и все тебѣ сдѣлаю.

Все это они говорили между собою шопотомъ, удалясь въ уголъ караульной избы.

Но товарищи Алексѣя, караульные, видѣли какъ налѣпилъ рыбакъ воскъ на крестъ и донесли объ этомъ

сейчасъ капитану. Капитанъ вошелъ въ караульню при послѣднихъ словахъ рыбака и слышалъ ихъ.

Убѣжденіе въ существованіи колдуновъ и заговорщиковъ въ то время было еще всеобщее, и дежурный въ караулѣ Семеновскаго полка капитанъ Арсеньевъ былъ человѣкъ своего времени. По военному артикулу (пунктъ 1) признавалось существованіе чародѣевъ, даже такихъ, которые съ дьяволомъ осязательство могутъ имѣть. По Кормчей книгѣ всякій обязанъ былъ выдавать властямъ чародѣя, а неисполнившій этого приговаривался „принять конечную муку“. Арсеньевъ тотчасъ же отправилъ рыбака и солдата Алексѣя Григорьева подъ карауломъ въ Преображенскій Приказъ съ письменнымъ заявленіемъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ рыбакъ далъ солдату воску и сказалъ ему: „что утро де рано приду и все сдѣлаю“, вслѣдствіе чего и опасается, „чтобъ отъ того какая худоба не произошла“.

Въ Преображенскомъ Приказѣ допросили обоихъ. Солдатъ разсказалъ все откровенно, а рыбакъ отпирался въ наговорѣ на воду и на воскъ, и увѣрялъ, что онъ лѣчилъ Алексѣя ладаномъ и масломъ отъ лихорадки.

Лисафью и лавочника не призывали въ Преображенскій Приказъ; Алексѣя солдата освободили, а объ рыбакѣ Максимѣ состоялось слѣдующее рѣшеніе князя Ромодановскаго:

„1708 года, апрѣля въ 27 день. По указу великаго государя, стольникъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій приказалъ тому рыбаку Максиму Аѳанасьеву за его плутовство, что онъ наговаривалъ на воду и на масло и приходилъ въ Спасскій монастырь къ солдату Алексѣю Григорьеву, учинить наказанье вмѣсто кнута

бить плетьми нещадно и освободить на поруки, чтобы ему впредь не плутовать и не наговаривать шептами ни на что, а что онъ запирался и тому вѣрить нечему, для того въ разспросахъ Максимъ и самъ сказалъ, что онъ на пятой недѣлѣ Великаго поста въ субботу къ тому солдату на дворъ приходилъ и воскъ и ладанъ къ нему принесъ и тотъ воскъ и ладанъ ко кресту, что у него, Алексѣя, на рамехъ, прилѣпилъ и носить велѣлъ и, обливъ деревяннымъ масломъ, его въ другой рядъ пришедъ мазалъ, и потому то его плутовство и явно учинилось".

V.

Колдовство лягушкою.

Крѣпостное состояніе, такъ долго державшееся въ Россіи, имѣло и хорошія и дурныя стороны; конечно послѣднихъ было болѣе; хорошее проявлялось только тогда, когда и помѣщикъ и крѣпостной человѣкъ оцѣнивали и чувствовали нравственную связь между собою для обоюдной пользы. Но эти случаи были рѣдкіе и въ преданіяхъ они сохранились для насъ подъ названіемъ патріархальнаго отношенія барина къ своимъ крѣпостнымъ. Съ другой же стороны владѣніе неограниченное человѣкомъ какъ вещью, при всеобщей грубости нравовъ и необразованности людей XVIII столѣтія, имѣло неизбѣжнымъ послѣдствіемъ желаніе крѣпостнаго человѣка освободиться какими бы то ни было средствами отъ мучителя-барина. Освободиться законнымъ путемъ

было невозможно, — оставалось выбирать преступленіе: побѣгъ, убійство, отраву, и наконецъ отправленіе на тотъ свѣтъ колдовствомъ, заговорами. Послѣднее средство для крѣпостнаго было удобнѣе и до нѣкоторой степени безопаснѣе, потому что оно исполнялось темными путями и съ полнымъ убѣжденіемъ въ успѣхѣ.

Въ 1752 году, 28 августа, сенатскій секретарь, Степанъ Семеновъ Алексѣевъ, по утру, проснувшись, увидѣлъ возлѣ своей постели живую лягушку. Жена секретаря, лихая барыня, какъ прозывали ее дворовые, кликнула дворовую жонку Ирину Иванову и приказала ей поймать лягушку и убить. Ирина принесла двѣ лучинки, поймала лягушку и съ нею вышла изъ свѣтлицы. Въ домѣ между прислугою началась болтовня о лягушкѣ: какъ, откуда явилась лягушка въ спальнѣ барина? Ирина сказала имъ, что убила лягушку и забросила черезъ заборъ. Возвратился въ вечерню баринъ домой и спросилъ Ирину, убила ли она лягушку? Ирина отвѣчала, что спустила сквозь заборъ живую на улицу. Баринъ велѣлъ непремѣнно отыскать лягушку и убить, а за непослушаніе поколотилъ Ирину. Лихая барыня не отказала себѣ также въ удовольствіи дать нѣсколько пощечинъ Иринѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Ирина принесла мертвую высушенную лягушку и объявила, что взяла въ томъ мѣстѣ, гдѣ она живую сквозь заборъ опустила, но она ли самая, которая была въ спальнѣ, или другая, не знаетъ. Живая лягушка возбудила уже разговоры между дворовыми, но явленіе высушенной лягушки подало поводъ къ болтовнѣ о колдовствѣ, объ отравѣ. Народъ боялся всякихъ сушеныхъ насѣкомыхъ, гадъ и зелій—это были

предметы отравъ и привораживанія въ рукахъ колдуновъ. Болтовня началась уже невыгодная для Ирины и дошла до барыни и барина. Начались строгіе допросы съ истязаніями: откуда, для чего явилась сушеная лягушка?

Ирина созналась своему барину, „что найденную у постели живую лягушку, тому недѣли съ три дала ей одна торговка, торгующая у Данилова моста рѣпою, и велѣла ей пустить оную въ помѣщичьихъ свѣтлицахъ на полъ, чтобъ добры для нея были ея помѣщики. Такъ она и сдѣлала. Баринъ потребовалъ указать эту торговку. Ирина смутилась и объявила, что она эту лягушку поймала сама на Москвѣ рѣкѣ, принесла въ домъ и берегла ее съ недѣлю въ банѣ въ кувшинѣ, а 28 августа пустила ее подъ постель помѣщицы, чтобъ она была къ ней добра“.

„Нельзя живою лягушкою человѣка къ добродѣтели привести,—отвѣчалъ ей баринъ: ты для другой какой нибудь причины принесла лягушку“! и конечно допросъ сопровождался побоями. Ирина созналась: „Грѣхъ мой до меня пришелъ: лягушку съ Москвы рѣки принесла и подъ постель пустила на смерть своей помѣщицѣ; если бы никто не увидалъ этой лягушки, то въ то время, когда умерла бы лягушка, умерла бы и помѣщица; а слышала о такомъ случаѣ отъ сестры моей родной, вдовы Матрены, которая сказывала, что такимъ же образомъ, лягушкою же, не любя, уморила мужа своего, а высушенную лягушку принесла я въ Москву, изъ деревни, зашитую въ подушкѣ своей и намѣревалась, истолокши мелко и улуча время, дать въ квасу помѣщицѣ своей, чтобы она отъ того умерла, только такого

время сыскать не могла, а тому злу научена отъ мужика-колдуна, у котораго напредь сего жила; а какъ зовутъ и гдѣ жительство имѣетъ, не знаю".

10 сентября баринъ, секретарь Алексѣевъ, представилъ Ирину въ Сыскной Приказъ и объяснилъ всѣ подробности въ челобитной, прося розыскать и по розыску рѣшеніе учинить.

Показаніе Ирины при первомъ распросѣ записано въ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ:

„Ириною ее зовутъ, Иванова дочь, отъ роду двадцать девять лѣтъ, отецъ-де ея Иванъ Михайловъ былъ такожъ и она, Ирина, Володимірскаго уѣзду, вотчины помѣщика Ѳедора Семенова, сына Кабанова, сельца Вауловца крестьяне, и тому нынѣ четвертой годъ означеннаго Ѳедора Кабанова сынъ его Иванъ Кабановъ продалъ ее, Ирину, съ мужемъ ея Кирилою Мироновымъ, вышеписанному секретарю Степану Алексѣеву и по продажѣ сосланы были въ отчину онаго господина ея, секретаря Алексѣева, въ Володимірскій уѣздъ въ деревню Новреву, въ которой деревнѣ она, Ирина, съ показаннымъ мужемъ своимъ и жила, а потомъ оной мужъ ея сего 752 году на первой недѣлѣ Великаго поста въ той деревнѣ умре, а по смерти его она, Ирина, того-жъ Великаго поста на Страстной недѣлѣ изъ той деревни взята въ московской господина ея домъ, который имѣется за Серпуховскими вороты въ приходѣ церкви Вознесенія Господня, для работы; тому нынѣ другая недѣля, ходила она на Москву-рѣку съ платьемъ и на лугу поймала лягушку живую и принесши пустила въ корзину подъ кровать госпожи своей по утру, для того, что когда-бы оная лягушка тутъ умерла, то-бъ госпожа ея

стала сохнуть, а что-де она показывала на жонку, торгующую у Данилова монастыря рѣпою, которая будто велѣла пустить подъ кровать, и на ту бабу показала напрасно, а о такомъ злодѣйствѣ слыхала она, какъ жила въ Куньевской волости въ деревнѣ Шувой, у крестьянина Максима Иванова сына Ботнева, и по тѣмъ его словамъ она то и учинила: оную лягушку и принесла, чтобъ оная помѣщица ея сохла, и какъ кормилица ту лягушку увидѣла и объявила госпожѣ, и оная помѣщица велѣла ей Иринѣ ту лягушку вынесть и убить, и она ту лягушку и убила на заднемъ крыльцѣ, а что она помѣщику своему показывала, якобы ту лягушку пустила сквозь заборъ на улицу, то показывала напрасно, а вынесла ту лягушку лучинками, чтобъ помѣщицу и дѣтей не испужать, а сухую лягушку далъ ей означенный крестьянинъ Ботневъ и велѣлъ дать помѣщицѣ въ питьѣ: то-де она скоро умретъ, и она Ирина то учинить и хотѣла; токмо не улучила времени, чтобъ ту лягушку истолочь, не удалось; и означенный мужикъ умре тому года съ два, но оная-де лягушка осталась у ней, которую съ собою и привезла, а объ оной лягушкѣ другіе служители не знали и въ семъ распросѣ сказала она Ирина сущую правду".

Въ Сыскномъ Приказѣ дѣлъ было много и до Ирины дошла очередь только 30-го октября. Ее привели изъ тюрьмы къ пыткѣ. Послѣ 35 ударовъ, на дыбѣ — она слово въ слово подтвердила показаніе, данное при первомъ допросѣ.

Въ дѣлѣ Ирины обнаруживается, какъ мало заботились тогда о несчастныхъ, которые содержались въ тюрьмахъ. Объ Иринѣ не было никакого производства

до 1754 года—почти два года, когда ее пытали во второй разъ—и дали 40 ударовъ. Ирина, не свѣдущая въ порядкахъ тогдашняго розыскнаго производства, отреклась отъ прежняго показанія и дала новое: „сухую лягушку не приваживала и съ Москвы-рѣки не приношивала, а показывала не стерпя побой у помѣщика своего“.

Измѣняя показаніе, Ирина думала спасти себя, или по крайней мѣрѣ, облегчить свою участь, но вышло наоборотъ. 22-го марта 1754 года, въ Сыскномъ Приказѣ рѣшили: „вышеписанную жонку изъ перемѣнныхъ рѣчей пытать еще дважды и жечь огнемъ и притомъ спрашивать съ обстоятельствомъ: то свое показаніе сговариваетъ не позасылкѣ ль и не про взятковъ ли, и что съ пытокъ покажетъ — доложить“.

7-го іюля, съ перемѣнныхъ рѣчей Ирины, послѣдовала ей вторая пытка—30 ударовъ. Ирина снова показала, что сухую лягушку ей далъ крестьянинъ Максимъ, который уже умеръ и наговаривалъ надъ лягушкою и велѣлъ ей пустить эту сухую лягушку въ питье, и отъ того у помѣщицы въ утробѣ расплодятся лягушки, отъ чего помѣщица умретъ; что живую лягушку принесла съ Москвы-рѣки и пустила подъ кровать, но что никого не портила и что про то другіе никто не знали.

Несчастную еще бы приходилось пытать лишній разъ съ новыхъ перемѣнныхъ рѣчей, но къ ея благополучію, вѣроятно, изъ жалости, желая прекратить истязанія, секретарь Алексѣевъ подалъ 2-го сентября челобитную, что онъ Ирину въ домъ къ себѣ обратно взять не желаетъ, а проситъ сослать куда надлежитъ и представилъ прогонныя и кормовыя деньги.

Сыскной Приказъ сослалъ Ирину на вѣчное житье въ Оренбургъ.

VI.

Корешокъ въ спальнѣ императрицы Елизаветы Петровны.

Въ 1752 году, при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ находился камердинеръ Матвѣй Ивановичъ Вороновъ; онъ былъ женатъ на вдовѣ Аннѣ Дмитріевнѣ Думашевой. Покойный мужъ ея пользовался высочайшимъ покровительствомъ, и Анну Дмитріевну особенно любила императрица. Анна Дмитріевна была бойкая, ловкая, умная женщина и по довѣрію къ ней императрицы не только низшій придворный кружокъ, но и большіе господа того времени заискивали расположеніе Анны Дмитріевны. Стрѣшневы, Румянцевы, Рѣпнины, Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Мусины-Пушкины, Шереметьевы, Демидовы и другіе безпрестанно дарили Анну Дмитріевну—то золотою табакеркою, то брилліантами, то серьгами и т. п. Самъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій подарилъ ей перстень съ драгоцѣнными каменьями.

Сергѣй Васильевичъ Салтыковъ впалъ въ немилость—и онъ понесъ ей подарокъ, „чтобъ на него не нападали“. Эти господа хлопотали черезъ Анну Дмитріевну о сохраненіи своихъ придворныхъ и свѣтскихъ отношеній. Другіе, пониже чинами, прибѣгали къ Аннѣ Дмитріевнѣ съ просьбами похлопотать за нихъ и въ

Сенатѣ, и въ коллегіяхъ. Каждый подносилъ что-нибудь: кто 100, кто 200, а одинъ купецъ и 500 рублей. Анна Дмитріевна, находясь въ почетѣ и прибыльно живя во дворцѣ, завелась и милымъ дружкомъ въ лицѣ камеръ-лакея Бочкина. Онъ былъ красавецъ и ловкій, а мужъ Анны Дмитріевны строгій и старый. Какъ ни хитрила Анна Дмитріевна, чтобъ скрыть свою связь съ Бочкинымъ, но старый и ревнивый мужъ заподозрилъ ихъ и началъ преслѣдовать Бочкина. Случаи къ этому въ придворной жизни представлялись ежедневно и не одинъ разъ. То не такъ подалъ, то не такъ взошелъ, то не въ порядкѣ одежа и пр. и пр. Анна Дмитріевна была женщина съ чувствомъ: горе взяло ее за своего милаго. Мужъ то и дѣло бранитъ, а иногда и побьетъ Бочкина. Какъ и чѣмъ помочь? какъ умиротворить, расположить мужа къ Бочкину? Жила у ней передъ этимъ временемъ старушка Ивановна — любила она Анну Дмитріевну какъ дорогое свое дѣтище. Собирается ли Анна Дмитріевна идти къ императрицѣ одѣвать, а при этомъ и попросить объ комъ-нибудь — старушка видитъ, что Анна Дмитріевна безпокоится, застанетъ ли въ духѣ императрицу — и вотъ Ивановна вынимаетъ изъ сундука своего какое-то завѣтное полотенце, обведетъ имъ по лицу своего дѣтища и проговоритъ: „Ступай, Анна Дмитріевна, будетъ государыня къ тебѣ милостива, будешь счастлива“. И сбывались вѣрно слова Ивановны. Анна Дмитріевна возвращалась отъ императрицы веселая и довольная, обнимала и цѣловала старушку. У Ивановны была еще наговоренная соль, разсыпанная въ маленькихъ боченкахъ. Случится ли въ семьѣ какая немочь: мужу ли, дѣтямъ ли—

Ивановна даетъ имъ наговоренной соли или выпить, или развести въ водѣ и умыться; и немочь проходила. Какъ же не вѣрить наговору и въ полотенцѣ, и въ соли? Чего вѣрнѣе и безопаснѣе—обратиться къ Ивановнѣ съ просьбой объ какомъ-нибудь средствѣ, чтобъ мужъ былъ добръ къ Бочкину? Но въ этомъ-то и было горе Анны Дмитріевны: старушка Ивановна съ годъ какъ умерла, соли не осталось, а полотенце дѣйствуетъ только для Анны Дмитріевны. Какъ же быть? гдѣ достать другую Ивановну? Была у нея служительница Дарья Кондратьевна, которая ей приводила когда-то, до Ивановны, какого-то солдата, который далъ ей травку вмятую въ воскъ — велѣлъ зашить въ ладанку и носить, чтобъ государыня была къ ней добра. Анна Дмитріевна отыскала эту ладанку и передала Бочкину. Ладанка не дѣйствовала—мужъ все преслѣдуетъ Бочкина. Отыскала Кондратьевна этого солдата, онъ далъ новую травку въ воску; надѣла Анна Дмитріевна новую ладанку на Бочкина—нѣтъ, ничего не помогаетъ. Время идетъ: Анна Дмитріевна и Бочкинъ страдаютъ жестоко.

6-го октября 1754 года, по обыкновенію, утромъ Анна Дмитріевна пошла за приказаніями къ камеръ-медхенъ императрицы Татьянѣ Ивановнѣ; у дверей встрѣтилъ ее флигель-адъютантъ Мансуровъ.

— Куда вы, Анна Дмитріевна?

— Къ Татьянѣ Ивановнѣ.

— Нельзя, сказалъ Мансуровъ.

— Что вы, батюшка, пустите! полно баловать.

— Нельзя, повторилъ Мансуровъ, и такимъ тономъ, что Анна Дмитріевна побѣжала прочь къ комнатнымъ императрицы дѣвушкамъ, надѣясь узнать, что такое

случилось съ Татьяною Ивановною. Анна Дмитріевна не повѣрила своимъ глазамъ: у дверей комнаты дѣвушекъ расхаживали сержантъ и ѣздовой конюхъ. Строгое „нельзя“ обратило въ бѣгство Анну Дмитріевну.

Что же такое случилось?

Въ это утро „ея императорское величество изволила отдать графу Александру Ивановичу Шувалову найденный въ опочивальнѣ ея величества корешокъ въ бумажкѣ и приказала допросить камеръ-медхенъ Татьяну Ивановну и комнатныхъ дѣвокъ Авдотью и Катерину: не онѣ ли подложили корешокъ или не видали ли корешка, когда убирали; наконецъ, не имѣютъ ли онѣ какого сомнѣнія въ подложеніи кѣмъ-нибудь этого корешка“? Графъ Шуваловъ тотчасъ же распорядился: послалъ допрашивать и приставилъ флигель-адъютанта Мансурова къ дверямъ комнаты камеръ-медхенъ, а къ дѣвушкамъ сержанта съ ѣздовымъ конюхомъ, отдавъ имъ приказаніе, чтобъ никого не впускали, но чтобъ никому не объясняли, что поставлены карауломъ.

Черезъ допросы женской прислуги открылось и колдовство Анны Дмитріевны и Ивановны. Анну Дмитріевну заарестовали въ Тайной канцеляріи, и здѣсь она откровенно разсказала все объ Ивановнѣ, объ Контратьевнѣ, о солдатѣ, о Бочкинѣ, о подкупахъ и взяткахъ — только объ корешкѣ ничего не знала.

Подробности дальнѣйшаго хода слѣдствія въ Тайной канцеляріи, къ сожалѣнію, пропали навсегда, потому что бумаги такъ сгнили и слиплись, что нѣтъ возможности что-нибудь разобрать. Уцѣлѣли только двѣ бумаги объ Аннѣ Дмитріевнѣ: одна — письмо къ ней, помѣченное 2-мъ февраля 1755 г., отъ Ивана Михай-

ловича Морсочникова, въ которомъ именемъ императрицы онъ объявляетъ ей, чтобъ она не закладывала и не продавала пожалованныхъ ей императрицею деревень „ибо оныя отъ ея императорскаго величества пожалованы, такъ какъ и прочимъ, на пропитаніе“, къ тому же — прибавляетъ Морсочниковъ: „у васъ и дѣти въ службѣ ея императорскаго величества, которыя могутъ отъ того остаться безъ пропитанія“.

Другая бумага — донесеніе оберъ-секретаря Хрущова графу Александру Ивановичу Шувалову 1756 года, февраля 26-го, изъ котораго видно, что Анна Дмитріевна жила на свободѣ въ Москвѣ въ своемъ домѣ, но что за ней ежедневно присматривали отъ Тайной канцеляріи и доносили въ Петербургъ, куда она выѣзжаетъ изъ дому и кто у ней бываетъ. Хрущовъ, между прочимъ, доноситъ: „Съ февраля 19-го по 23-е въ домѣ Анны Вороновой пріѣзду и ее и дѣтей, изъ дому выѣзду, кромѣ церкви Божіей было не видно, а 23-го оная Воронова съ дѣтьми была въ гостяхъ въ домѣ Алексѣя Шленевскаго, а 24-го въ домѣ оной Вороновой былъ оберъ-полиціймейстеръ Кочетовъ, а 25-го Воронова ѣздила кататься въ Покровское село и въ домѣ ея былъ Шленевскій и Алексѣй Николаевичъ Сухотинъ и Сибирскаго Приказа маклеръ Иванъ Петровичъ Шапошниковъ“.

VII.

Волшебство солью въ домѣ царевны Грузинской.

Въ 1754 году, жилъ въ Москвѣ богатый помѣщикъ генералъ-маіоръ царевичъ Георгій Грузинскій.

Князь держалъ открытый домъ; нѣсколько разъ въ недѣлю пріѣзжали къ нему обѣдать и званые, и незваные; кухня отличная, вины заморскія, сервизы все золотые и серебряные. Въ іюнѣ и въ началѣ іюля, послѣ уборки со стола, началъ оказываться постоянно недостатокъ; то пропала серебряная ложка, то тарелка, то вилка. Камердинеръ и дворецкій царевича, Петръ Калмыковъ, былъ въ отчаніи: онъ перепоролъ всѣхъ лакеевъ, но никто изъ нихъ не сознался.

Собралась высѣченная прислуга въ людскую и начала толковать между собою, какъ помочь горю: всѣхъ сѣкутъ, всѣ въ подозрѣніи, а воръ долженъ быть домашній. Гости у князя все люди знатные. Не они же воруютъ!

Прислуга Грузинскаго царевича была по своему составу довольно разнообразная и оригинальная. Главнымъ начальникомъ надъ прислугой былъ дворецкій и камердинеръ Петръ Алексѣевъ, прозванный Калмыковымъ, потому что происходилъ изъ калмыковъ, почти ребенкомъ былъ вывезенъ царевичемъ изъ Астрахани въ Москву и крещенъ въ православную вѣру. Ему было теперь 26 лѣтъ, и уже годъ какъ онъ поступилъ на свою важную должность. Царевичъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность — всѣ деньги и драгоцѣнныя вещи были на рукахъ Калмыкова. Онъ держалъ

себя довольно строго съ прислугою, которая его боялась и не любила. Одинъ только портной Герасимъ пользовался до нѣкоторой степени его расположеніемъ. Герасимъ былъ индѣецъ, вывезенный вмѣстѣ съ отцомъ своимъ изъ Грузіи царевичемъ Арчиломъ Вахтанговичемъ, потомъ достался царевичу Бакару, а отъ него поступилъ въ крѣпостные къ царевичу Георгію и былъ тоже крещенъ въ Греко-Россійскую вѣру. Остальная прислуга состояла изъ грузинъ, калмыковъ, башкиръ, татаръ и русскихъ. Всѣ они жили очень дружно. Пропажа серебра отозвалась у всѣхъ на спинѣ батожьемъ, всѣ хлопотали отъискать вора.

— Долго ли намъ будетъ страдать безвинно? говорилъ скороходъ Нефедьевъ своему товарищу лакею Индѣйцеву: дорого бы далъ, чтобъ воръ нашелся.

— А надо отыскать, отвѣчалъ Индѣйцевъ: вотъ я повсегодно хожу въ село Богородское на Казанской Богу молиться; на дорогѣ, въ деревнѣ Богдановской, случивалось ночевать, и слышалъ отъ прохожихъ людей, что есть въ деревнѣ старуха, и дворъ мнѣ ее указывали — и та старуха о всемъ узнаваетъ.

Нефедьевъ сообщилъ объ этомъ камердинеру. Камердинеръ позвалъ Индѣйцева.

— Ступай, завтра, сыщи такого человѣка, который бы воровство могъ искоренить. Возьми 10-ть коп. на дорогу.

Индѣйцевъ нашелъ старуху, но та отказалась ворожить. „А вотъ,— говорила старуха, — въ деревнѣ Новленской живетъ старикъ, зовутъ его Маркомъ Тихоновымъ, вотъ онъ знаетъ и отгадываетъ; отъ многихъ прохожихъ людей слышала, что подлинно знаетъ“...

Индѣйцевъ отправился въ деревню Новленскую, отыскалъ старика, и послѣдній не отказался погадать о ворѣ.

Старикъ взялъ ковшъ, налилъ въ него воды, поставилъ передъ образомъ свѣчу и началъ смотрѣть въ воду.

— У васъ много въ домѣ пропажи, — говорилъ старикъ,—а дуритъ все одинъ и тотъ же человѣкъ—пришлите ко мнѣ дворецкаго: ему открою.

Индѣйцевъ возвратился въ Москву, разсказалъ камердинеру Калмыкову. Въ тотъ же день Калмыковъ съ Индѣйцевымъ отправились къ старику.

Старикъ опять взялъ ковшъ, налилъ въ него воды, поставилъ предъ образомъ свѣчу и началъ смотрѣть въ воду.

— Поѣзжайте домой, воръ найдется.

Камердинеръ возвратился домой, собралъ всю дворню и началъ всѣхъ лакеевъ, по очереди, распрашивать о покражѣ съ угрозами.

Лакей Андрей Ивановъ сознался и въ тотъ же день, по приказанію царевича Грузинскаго, отправленъ въ Сыскной Приказъ для допроса и наказанія.

— А надо поблагодарить старика, говорилъ камердинеръ Индѣйцеву: пойдемъ въ лавку, надо купить подарки, и поѣдемъ къ старику.

— Куда ѣдешь? спросилъ Индѣйцева скороходъ Алексѣй Нефедьевъ.

— Ѣдемъ къ колдуну для благодаренія, что пропажа нашлась.

Открытіе вора по пророчеству колдуна, было особенно важно для скорохода Нефедьева. Вся прислуга

царевича въ свободные часы исключительно занималась или попойкою въ кабакѣ, или дома игрою въ карты, и Нефедьевъ, постоянно проигрывалъ, и товарищи его прозвали бѣднымъ Макаромъ. Нефедьеву пришла мысль: колдунъ открылъ вора—стало быть настоящій колдунъ; нельзя-ли достать отъ колдуна заговора противъ несчастья въ игрѣ?

Нефедьевъ отвелъ Индѣйцева въ сторону и потихоньку сказалъ ему:

— Поговори старику: не дастъ-ли онъ чего, чтобъ была фортуна въ карты играть; вѣдь на твоихъ глазахъ все проигрываю! Авось поможетъ! да и тебя научитъ.

— Ладно, поговорю, отвѣчалъ Индѣйцевъ.

Въ подарокъ старику купили въ лавкѣ кожанъ, шапку русскую суконную, рубашку александрійскую красную съ галуномъ золотымъ, и камердинеръ съ Индѣйцевымъ поскакали въ деревню Новленскую.

Пріѣхали уже вечеромъ — отдали старику подарки, возвращаться было поздно; остались ночевать у него.

При камердинерѣ Индѣйцевъ боялся сказать старику о просьбѣ скорохода; прислуга царевича играла въ картѣ потихоньку отъ камердинера,—хотя знала, что и онъ охотникъ поигрывать на сторонѣ въ картишки, но боялась его строгости. Индѣйцевъ воспользовался минутнымъ выходомъ камердинера изъ избы и сообщилъ старику-колдуну просьбу скорохода.

— Возьми съ него крестъ и привези, отвѣчалъ старикъ,—тогда я посмотрю.

На другой день камердинеръ и Индѣйцевъ возвратились домой.

— Говорилъ объ тебѣ старику—сказалъ Индѣйцевъ Нефедьеву, — велѣлъ крестъ съ тебя снять и привезти къ нему—а тогда-де, говорилъ, посмотрю.

— Спасибо, Алексѣй, отвѣчалъ Нефедьевъ — ну за угожденье, тебѣ будетъ угощенье. Пойдемъ въ кабакъ— поднесу.

Вышли за ворота; у воротъ стоялъ форейторъ башкирецъ Василій Ивановъ, мальчишка 12 лѣтъ. Въ малолѣтствѣ былъ онъ вывезенъ княземъ Василіемъ Алексѣевичемъ Урусовымъ изъ Башкиріи; Урусовъ подарилъ его княгинѣ Аннѣ Михайловнѣ Долгоруковой; княгиня окрестила его и потомъ отдала въ приданое за дочерью своею Марьею Яковлевною, при выходѣ въ замужество за царевича Георгія Грузинскаго. Василій, прозванный Башкировымъ, хотя и мальчишка, а не отставалъ отъ лакейской компаніи ни въ попойкахъ, ни въ карточной игрѣ—и тоже проигрывался послѣднее время. Нефедьевъ кликнулъ его къ себѣ.

— Вотъ ты играешь въ карты, да только какъ и я, лишь проигрываешься, а у насъ есть человѣкъ, который въ игрѣ фортунку подать можетъ, только требуетъ крестъ съ себя снять и привезти къ нему—тогда скажетъ что дѣлать.

Башкировъ обрадовался. — „Ладно, возьми съ меня крестъ, отвези и скажи, что велитъ дѣлать“. Съ этими словами онъ снялъ крестъ съ себя и отдалъ Индѣйцеву.

Пошли всѣ трое въ кабакъ; взялъ Индѣйцевъ крестъ и у Нефедьева и отправился въ деревню Новленскую.

— Вотъ тебѣ, дѣдушка, и не одинъ, а два креста— еще одинъ молодецъ хочетъ выигрывать.

Старикъ поставилъ передъ образомъ свѣчу, взялъ

ковшъ, налилъ въ него воды, опустилъ въ нее оба креста и началъ смотрѣть въ воду.

— Да! нѣтъ имъ бѣднымъ въ игрѣ счастья, а я помогу имъ.

Пошелъ старикъ въ чуланъ и вынесъ оттуда два маленькихъ узелка.

— Возьми, вотъ въ этихъ узелкахъ соль наговоренная—отдай имъ и кресты и узелки и вели имъ—когда станутъ играть, то чтобы тою солью терли руки свои, тогда и будетъ имъ счастье.

— А вотъ тебѣ отъ каждаго по гривнѣ благодареніе, сказалъ Индѣйцевъ, уходя отъ старика.

Хлопотали Нефедьевъ и Башкировъ получить отъ колдуна спасеніе отъ несчастія въ игрѣ; пришлось и камердинеру просить о помощи колдуна, только уже по болѣе серьезному дѣлу.

Камердинеръ Калмыковъ, какъ и подчиненная ему прислуга, любилъ играть въ карты; у него былъ свой кружокъ: дворецкій князя Дмитрія Юрьевича Трубецкаго, камердинеръ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, и поручикъ Рауканъ. Игра была по очередно то у одного, то у другаго. Камердинеру не повезло и онъ все проигрывалъ; наконецъ своихъ денегъ не хватило, пришлось платить княжескими деньгами: такъ что израсходовалъ господскихъ рублей до 500-тъ. 16-го іюля царевичъ призвалъ его къ себѣ и велѣлъ отвезти къ Сергѣю Григорьевичу Строганову десять тысячъ рублей. Царевичъ велъ счетъ деньгамъ, находящимся на рукахъ у Калмыкова, и зналъ, что эта сумма должна была находиться у него въ наличности. Между тѣмъ Калмыкову въ проигранныхъ имъ 500 руб. сознаться

было невозможно. Что дѣлать? Онъ позвалъ скорохода Нефедьева и приказалъ ему ѣхать въ домъ Строганова и отыскать слугу управляющаго и дать этому слугѣ 20 коп. за то, чтобъ онъ, когда пріѣдетъ Колмыковъ, сказалъ бы, что управляющаго нѣтъ дома. Калмыкову нужно было время, чтобы отыскать недостающія деньги. Когда Нефедьевъ поѣхалъ въ домъ Строганова, царевичъ призвалъ Колмыкова и велѣлъ тотчасъ везти деньги Строганову. Калмыковъ поѣхалъ; подкупъ не удался: слуга управляющаго объявилъ, что управляющій дома.

— Ступай, — сказалъ Калмыковъ Нефедьеву — въ Ямскую, найми тройку, пріѣзжай въ домъ царевича и жди меня.

Калмыковъ отдалъ управляющему 9,500 р., а остальные обѣщалъ тотчасъ привезти.

Нефедьевъ дожидался съ тройкою, какъ ему приказано.

Калмыковъ, возвратясь домой, не заходя къ барину, сѣлъ съ Нефедьевымъ въ телѣгу и велѣлъ ѣхать въ деревню Новленскую къ старику-колдуну.

— Бѣда случилась, дѣдушка! не достаетъ господскихъ денегъ 500 руб.—истратилъ! Царевичъ погубитъ меня: пособи, чтобъ онъ смиловался.

Старикъ поставилъ передъ образомъ свѣчу, налилъ въ ковшъ воды и смотрѣлъ...

— Будешь по прежнему въ милости.

Потомъ пошелъ въ чуланъ и вынесъ соль.

— Посыпай этою солью по покоямъ царевича, гдѣ онъ, царевичъ, ходитъ, и онъ въ тѣхъ деньгахъ тебя проститъ!

Ночь застигла Калмыкова и Нефедьева у старика-

колдуна—пришлось ночевать. Утромъ рано они поскакали въ Москву. Но какъ явиться къ царевичу, прежде чѣмъ подѣйствуетъ волшебная соль. Не доѣзжая до города, версты за три, Калмыковъ велѣлъ остановиться и попросилъ Нефедьева ѣхать въ городъ и посыпать солью въ покояхъ, гдѣ ходитъ царевичъ, а онъ, Калмыковъ, пріѣдетъ ужъ тогда, когда соль подѣйствуетъ.

Но соль опоздала.

Царевичъ Грузинскій былъ у Строганова въ домѣ въ тотъ же день, когда посылалъ въ нему Калмыкова съ деньгами. Управляющій объявилъ о недоплаченныхъ 500 рубляхъ. Царевичъ возвратился домой и отъ людей узналъ, что Калмыковъ уѣхалъ на тройкѣ неизвѣстно куда съ Нефедьевымъ. Началась переборка прислуги, угрозы, батожье, розги,—открылось колдовство солью. Царевичъ пересмотрѣлъ все въ комнатѣ Калмыкова—между драгоцѣнными вещами недоставало золотой табакерки—денегъ ни копѣйки. Воровство и побѣгъ. Это было ясно. Проходитъ ночь—Калмыковъ не возвращается. На утро Нефедьевъ является и узнаетъ отъ людей объ суматохѣ. Нефедьевъ рѣшился идти прямо къ царевичу; отдалъ ему соль и разсказалъ откровенно обо всемъ, какъ было.

Посланные царевичемъ люди привезли Калмыкова въ домъ, и царевичъ 19-го іюля при челобитной представилъ для слѣдствія въ Сыскной Приказъ камердинера, скорохода Нефедьева и Башкирова.

Царевичъ обвинялъ камердинера въ кражѣ денегъ и табакерки, въ побѣгѣ и въ волшебствѣ; Индѣйцева и Башкирова въ томъ, что брали соль у волшебника.

Процедура уголовная въ Сыскномъ Приказѣ началась по обыкновенію допросами.

Всѣ обвиняемые показали такъ, какъ нами уже разсказано, съ нѣкоторымъ лишь прибавленіемъ.

Индѣйцевъ сказалъ, что у старика-колдуна для себя онъ ничего не бралъ и къ отравѣ царевича и домашнихъ его умысла никогда не имѣлъ.

Нефедьевъ—что съ Калмыковымъ отъ царевича не бѣгалъ, денегъ и табакерки не кралъ; на другой день послѣ полученія соли онъ игралъ съ людьми царевича въ карты и солью руки вытеръ, только никакого счастья ему отъ того не было, и затѣмъ онъ ту соль бросилъ и къ отравѣ царевича и домашнихъ его умыслу никогда не имѣлъ.

Калмыковъ, сознаваясь въ проигрышѣ 500 руб., относительно табакерки объяснилъ, что имѣлъ ее всегда при себѣ для ношенія табаку, и она у него взята теперь царевичемъ. Къ отравѣ царевича и домашнихъ умыслу не имѣлъ.

Башкировъ показалъ, что на третій день послѣ полученія соли игралъ съ стряпчимъ Тимоѳеевымъ въ карты, солью руки вытеръ, проигралъ и никакой фортуны къ тому выигрышу не было „и ту соль, не почитая за сущее къ тому дѣйство, а паче за обманъ“, бросилъ, и къ отравѣ царевича и домашнихъ его умыслу никогда не имѣлъ.

Башкировъ въ уваженіе малолѣтства въ тотъ же день былъ освобожденъ изъ Сыскнаго Приказа и только наказанъ батогами, чтобъ онъ впредь соли не бралъ на счастье для игры въ карты.

Индѣйцева съ солдатами послали отыскивать кол-

дуна, который 8-го августа и былъ привезенъ въ Сыскной Приказъ. Показаніе его записано въ дѣлѣ слѣдующимъ образомъ:

„А въ распросѣ сказалъ: Маркою его зовутъ, Тихоновъ сынъ, по прозванію Холодовъ; отъ роду ему лѣтъ съ восемьдесятъ, а подлинно не упомнитъ, крестьянинъ-де онъ Московскаго уѣзда, дворцоваго села Пахрина, деревни Новленской, и жительство имѣетъ въ той деревнѣ своимъ дворомъ, и содержалъ онъ, Холодовъ, при Сукромкахъ мельницу, которая отъ той деревни состоитъ болѣе версты и во время его той мельницы содержанія, когда колеса, а иногда шестерни, портились почасту, а отъ чего—онъ, Холодовъ, не зналъ; и назадъ тому года съ два, случился онъ, Холодовъ, быть въ дворцовомъ селѣ Домодѣдовѣ, въ праздникъ чудотворца Николая, что бываетъ весною, въ домѣ того села крестьянина, а какъ зовутъ, не упомнитъ, и въ то время въ тотъ день случился-жъ быть дворцоваго села Острова крестьянинъ, нищій Ѳедоръ, а чей сынъ, не знаетъ (который назадъ тому съ годъ умре) и въ то время, въ томъ селѣ, у крестьянина Іуды Ларіонова лошади попритчилось съ водопою незнаемо что, и тотъ Ларіоновъ звалъ того Ѳедора, чтобъ онъ пошелъ той лошади пособилъ, почему онъ, Ѳедоръ, и пошелъ и, пришедши обратно, сказалъ: та-де лошадь здорова будетъ; и отъ того крестьянина пошли вмѣстѣ, и дорогою онъ, Холодовъ, въ разговорахъ говорилъ тому нищему, что онъ, Холодовъ, не можетъ мельницы держать, ибо-де у него портятся колеса и шестерни, и просилъ его: не дастъ ли ему въ томъ наставленія какого; тотъ нищій сказалъ, что-де надобно тебѣ поучиться, чтобъ съ дьяво-

лами имѣть сообщеніе, а то-де тое мельницу не даютъ держать тѣ дьяволы, что съ ними сообщенія не имѣешь, и онъ, Холодовъ, просилъ того нищаго, чтобъ онъ съ ними, дьяволами, сдѣлалъ ему сообщеніе, и тотъ нищій по просьбѣ его, Холодова, вывелъ на поле и велѣлъ ему съ себя крестъ скинуть и положить отъ себя, напримѣръ, саженъ съ пять, и притомъ велѣлъ ему отретчися отъ отца и отъ матери, и отъ всего роду племени, для того, что-де овъ призоветъ къ себѣ тѣхъ дьяволовъ, чтобъ онъ предъ тѣми дьяволами имѣлъ то отрицаніе, почему онъ, Холодовъ, и обѣщался, и показанный Ѳедоръ, остановя его на полѣ и поставилъ за собою назадъ и велѣлъ ему держаться за себя и говорилъ рѣчь такую: „Иди съ востоку, иди съ моря, идолъ князь, иди въ полѣ, въ полѣ трава, въ лѣсу лѣсъ, при утренней зарѣ и при вечерней иди ко мнѣ на воду, примаю я тебя на руки и будь послушенъ, а я буду тебѣ съ товарищи платить плату“. И на томъ мѣстѣ показалъ ему пятнадцать дьяволовъ во образѣ человѣка и при томъ тотъ Ѳедоръ велѣлъ ему при тѣхъ дьяволахъ отретчися отъ отца и отъ матери, и отъ всего роду племени, почему онъ, Холодовъ, и отрекся, а отъ Бога онъ, Холодовъ, отреканія не имѣлъ, и тѣ дьяволы ему сказали—только-де давай намъ плату, то-де мы тебѣ будемъ послушны и что прикажешь, то и дѣлать будемъ, а велѣли тѣ дьяволы плату давать ему такую, хотя барана или гуся, и въ то время тѣмъ дьяволамъ велѣлъ онъ, Холодовъ, изъ имѣющихся у него въ стадѣ своихъ барановъ взять одного барана, котораго тѣ дьяволы и взяли, и при томъ тотъ Ѳедоръ объявленныхъ дьяволовъ велѣлъ къ себѣ призывать такимъ же поряд-

комъ, какъ и онъ призывалъ; да еще жъ онъ, Ѳедоръ, говорилъ: когда-де скота или человѣка притча постижетъ, или кого испортятъ, то-де говори такія рѣчи: „Благослови, Спасъ Пречистая Богородица Егитрія Казанская, единъ Богъ Іисусъ Христосъ, Николай чудотворецъ, благослови раба, научи меня, Господи, на добрыя дѣла, ангелъ мой хранитель, сохрани, помилуй раба, имя рекъ, всякій день и всякій часъ, и всякое время, и во дни, и въ нощи по его вѣкъ и по его смертъ". И отъ того-де Богъ проститъ и помилуетъ, а когда-де у кого что пропадетъ, то налей въ ковшъ воды и смотри въ него и говори такой стихъ: „Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня, благослови меня раба, научи меня, Господи, на добрыя дѣла, помилуй Господи всякаго раба и отъ воды, и отъ земли, и отравы, и отъ старова, и отъ малова, отъ дѣвицы, и отъ вдовицы, отъ холостова и женатова, ангелъ мой, и сохрани и помилуй всякой день и всякой часъ". И въ то-де время въ томъ ковшѣ будетъ изъ помянутыхъ дьяволовъ сидѣть одинъ, о чемъ надобно и то показывать станетъ точно; а когда-де надобно будетъ удержать воду, чтобъ она не сошла, то говори такія рѣчи: „Господи Іисусе Христе, благослови меня Пресвятая Богородица, единъ Богъ Іисусъ Христосъ благослови и сокрѣпи Господи, сократи Господи воду". И оттого-де та вода—когда станетъ плотину загаживать—проходу себѣ не сдѣлаетъ. Послѣ того на третій день онъ, Холодовъ, вышелъ на то-жъ мѣсто и проговорилъ вышеписанное наставленіе; при семъ тѣ дьяволы собрались и пришли уже не въ подобіи человѣка, но въ подобіи такомъ, какъ печатаются на картинѣ о Страшномъ судѣ Христове и, призвавъ

ихъ, послалъ на помянутую мельницу и сказалъ имъ, чтобъ они той мельницы не портили и велѣлъ имъ взять изъ плавающихъ на водѣ его, Холодова, гусей, одного гуся, котораго тѣ дьяволы и взяли, и послѣ того той его мельницѣ поврежденія никакого не бывало, а когда и сильная вода приступитъ, чтобъ колесъ и шестерни на той мельницѣ не поломало, то онъ, Холодовъ, тѣхъ дьяволовъ вышеписаннымъ порядкомъ призывалъ-же, изъ которыхъ одинъ ихъ вышеписанный князь выходилъ иногда въ образѣ человѣка, а иногда въ подобіи коровы объ одномъ рогѣ, и тѣ колесы и шестерню тѣ дьяволы отъ той воды защищали и послѣ того принятія показанныхъ дьяволовъ, незнаемо съ чего, разнаго званія люди къ нему, Тихоному, когда отъ порчи, а иногда и у кого что пропадетъ, пріѣзживали, и по вышеписаннымъ стихамъ онъ, Тихоновъ, тѣмъ людямъ чинилъ всякую пользу, а кто таковые люди къ нему пріѣзжали— того онъ не упомнитъ, и во вревя говоренія тѣхъ стиховъ помянутыхъ дьяволовъ не призывалъ, и что онъ, Тихоновъ, за собою показанное волшебство имѣетъ, о томъ онъ во время исповѣди въ нынѣшній Великій постъ объявлялъ села Колычева попу Алексѣю Васильевичу, который по духовности ему то чинить воспретилъ, причемъ онъ отъ того и отрекся, и тотъ попъ сверхъ того за помянутый грѣхъ велѣлъ среду и пятокъ имѣть постъ и класть поклоны въ пятокъ по сту, въ среду по сороку, а въ прочіе дни велѣлъ ему, Холодову, класть поклоны по возможности своей; но токмо послѣ того онъ, Холодовъ, отъ того волшебства не отсталъ и назадъ тому болѣе мѣсяца, а подлинно не упомнитъ, показанный приводный по сему дѣлу дому грузинскаго

царевича Георгія служитель Герасимъ Индѣйцевъ, незнаемо съ какого случая, пришедъ къ нему и говорилъ, что-де въ домѣ того царевича есть серебряной и прочей посуды пропажа и не можноль-де такого вора сыскать? почему онъ, Холодовъ, взявъ ковшъ и наливъ въ него воды, и поставя предъ образъ свѣчу, и по вышеписанному порядку смотрѣлъ, въ которомъ былъ дьяволъ и водою замутилъ,—почему онъ, Холодовъ, и дознался, что тотъ воръ найдется и тому Индѣйцеву сказалъ, что-де пришли дворецкаго, и при томъ тотъ Индѣйцевъ говорилъ ему, что-де есть у него корова, да только изъ стада бѣгаетъ, и онъ, Холодовъ, сказалъ, что не попритчилось-ли той коровѣ и вышеписанный стихъ отъ притчи проговорилъ надъ солью и велѣлъ тое соль посыпать на хлѣбъ и дать той коровѣ съѣсть: то-де та корова и бѣгать не станетъ, и, взявъ тое соль, оный Индѣйцевъ отъ него пошелъ и въ тотъ же день онъ, Индѣйцевъ, съ показаннымъ дворецкимъ Петромъ Калмыковымъ къ нему, Холодову, пріѣхали, и онъ, Холодовъ, посмотря, показаннымъ же порядкомъ, наливъ въ ковшъ воды, и по усмотрѣнію своему сказалъ ему, Калмыкову, что поѣзжай домой и собери всѣхъ служителей и спрашивай о той пропажѣ: то-де воръ найдется, и послѣ того спустя дней съ пять, а подлинно не упомнитъ, помянутый Калмыковъ съ нимъ, Индѣйцевымъ, къ нему пріѣхалъ и съ собою привезъ кожанъ, шапку русскую суконную, рубашку александрійскую красную съ галуномъ золотымъ (которые у него нынѣ взяты въ Сыскной Приказъ) и ему, Холодову, отдалъ и притомъ объявилъ, что-де воръ нашелся и притомъ помянутый Индѣйцевъ ему на единѣ говорилъ, что-де есть въ домѣ

помянутаго царевича служители и играютъ они въ карты, да только проигрываются и не можешь ли-де имъ подать въ томъ счастія, на что онъ, Холодовъ, ему сказалъ, что возьми съ нихъ кресты и къ нему привези; и послѣ того спустя съ недѣлю, а подлинно не упомнитъ, помянутый Индѣйцевъ принесъ къ нему два креста: одинъ мѣдный, другой серебряный, которые онъ взялъ, положилъ въ ковшъ въ воду и смотря сказалъ, что-де имъ въ игрѣ нѣтъ счастья и, наговоря на тѣ кресты, что онъ по наставленію порученныхъ себѣ дьяволовъ имѣетъ, ему, Индѣйцеву, отдалъ, да сверхъ же того ему, Индѣйцеву, еще далъ два узелка соли, на которую по вышеписанному порядку имѣлъ наговоръ, и велѣлъ ему тѣ кресты и соль отдать тѣмъ служителямъ, и когда они станутъ играть, тобъ тою солью терли руки, и завсегда будутъ выигрывать; и послѣ того спустя болѣе недѣли, а подлинно не упомнитъ, помянутый Калмыковъ по сему дѣлу, съ приводнымъ же Алексѣемъ Нефедьевымъ, къ нему въ домъ пріѣхали, и помянутый Калмыковъ на-единѣ ему говорилъ, что онъ, Калмыковъ, проигралъ не малое число вышеписаннаго царевича денегъ и оттого-де ему есть немалая тоска и не можно ль ему въ томъ пособить и онъ, Холодовъ, по волшебству своему, взялъ ковшъ, и наливъ въ него воды, смотрѣлъ показаннымъ же порядкомъ и, по признанію своему, онъ, Холодовъ, тому Калмыкову сказалъ, что-де будетъ по прежнему у царевича въ милости, и потомъ онъ, Холодовъ, пошелъ въ чуланъ и взялъ соли, на которую по своему волшебству наговорилъ-же, чего обстоятельно ему, Холодову, показать не можно, и тое соль ему, Калмыкову, отдалъ и той соли велѣлъ

ему небольшое дѣло выпить въ квасу, а достальную велѣлъ разсыпать, гдѣ царевичъ ходитъ въ покояхъ, по полу, и оттого-де онъ, царевичъ, его, Калмыкова, можетъ простить; а болѣе того помянутые Калмыковъ и Индѣйцевъ и Нефедьевъ къ нему не пріѣзжали и къ умерщвленію помянутаго царевича и домашнихъ его ничего не требовали и, онъ-де, Холодовъ, того учинить не знаетъ; и отъ вышеписаннаго волшебства онъ, Холодовъ, сего августа 1-го дня пересталъ таковымъ образомъ: первое, что помянутую мельницу онъ, Холодовъ, сдалъ вотчины Петровскаго монастыря Московскаго уѣзду, деревни Сухромокъ крестьянину Ѳедору Афанасьеву сыну Козлову; второе, изъ показанныхъ дьяволовъ, призвавъ вышеписаннымъ порядкомъ, ему, Козлову, отдалъ и велѣлъ ему давать такую же плату, когда они потребны будутъ, какъ и онъ, Холодовъ, давалъ, и при томъ сказалъ, что-де та мельница никогда портиться не станетъ, и тѣхъ дьяволовъ тотъ Козловъ у него и принялъ, которые и нынѣ имѣются у него, Козлова, и по сдачѣ тѣхъ дьяволовъ ему, Козлову, пришедъ онъ къ вышеписанному священнику, сказалъ, что то волшебство покинулъ, а, что онъ, Холодовъ, помянутому Козлову тѣхъ дьяволовъ сдалъ—того священнику не сказывалъ, и онъ о томъ, что кому сдалъ—не спрашивалъ; а вреда людямъ и порчи онъ, Холодовъ, никому не чинивалъ и дѣлать никакого людемъ поврежденія не учился, и нынѣ онъ, Холодовъ, того волшебства за собою не имѣетъ и впредь имѣть не хочетъ и въ томъ объявляетъ самую истинную правду и въ показанномъ своемъ погрѣшеніи желаетъ онъ, Холодовъ, при народѣ

принесть церковное покаяніе и въ семъ распросѣ онъ, Холодовъ, сказалъ сущую правду".

Послѣ допроса колдуна, отыскивали мельника Козлова; но такого не оказалось.

Затѣмъ начались по принятому порядку пытки. Всѣ показывали одно и тоже, исключая колдуна, который, подтверждая на всѣхъ трехъ пыткахъ, что призывалъ и видѣлъ дьяволовъ, сознавался, что не сдавалъ ихъ другому мельнику Козлову, а пустилъ въ лѣсъ.

Индѣйцевъ во время слѣдствія умеръ.

Калмыковъ былъ сосланъ въ каторжную работу, а Нефедьевъ, по желанію царевича, возвращенъ въ домъ его безъ пытки.

О колдунѣ Холодовѣ состоялось слѣдующее рѣшеніе Сыскнаго Приказа, 3-го марта 1755 года: „учиня наказаніе кнутомъ, дать 30-ть ударовъ и, вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу В, а на щекахъ: на одной О, а на другой Р, и сослать въ тяжкую работу въ Рогервикъ".

Холодовъ просидѣлъ въ тюрьмѣ Сыскнаго Приказа еще два года, и 13-го марта 1757 г. дежурный караульный офицеръ донесъ, что колодникъ Марко Холодовъ волею Божіей умре.

СЛОВО и ДѢЛО.

1698—1722.

(ИЗЪ ДѢЛЪ ПРЕОБРАЖЕНСКАГО ПРИКАЗА).

ОБЫЧАЙ обнаруживать передъ властями преступленія по первымъ двумъ пунктамъ сказываньемъ *слова и дѣла* существовалъ еще прежде изданія Уложенія царя Алексѣя Михайловича,—самое объясненіе о „словѣ и дѣлѣ“ нѣкоторыхъ подробностей въ Уложеніи служитъ тому доказательствомъ—но когда именно начали сказывать слово и дѣло и въ какомъ смыслѣ сочеталось слово съ дѣломъ, это остается неизвѣстнымъ.

Въ настоящей статьѣ мы не предпринимаемъ историческаго ученаго изслѣдованія или юридическаго разбора этого проявленія исчезнувшей навсегда одной изъ формъ уголовнаго нашего судопроизводства, а постараемся познакомить читателей съ „словомъ и дѣломъ“ временъ Петра Великаго.

Дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ во все время царствованія

Петра были принадлежностью Преображенскаго Приказа, а причины, по которымъ въ Приказѣ полковомъ, гдѣ рѣшаются только дѣла до полка относящіяся, сосредоточились дѣла уголовныя первой важности, мы найдемъ въ современныхъ, совершенно случайныхъ обстоятельствахъ.

Послѣ Стрѣлецкаго бунта 1698 г., смутное время требовало строгаго присмотра за общественнымъ спокойствіемъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ пьянство, драки, грабежи, днемъ и ночью повторялись ежедневно во всѣхъ частяхъ города. До Стрѣлецкаго бунта охраненіе общественнаго спокойствія, или такъ-сказать внутренняя городская полиція, была на обязанности стрѣльцовъ, которые содержали караулы по всѣмъ частямъ города. Съ уничтоженіемъ стрѣльцовъ всѣ караулы по Москвѣ были заняты преимущественно Преображенцами, съ участіемъ Семеновскаго и Бутырскаго полковъ. Главная караульня была „подъ шатромъ“ въ Кремлѣ, прочія: постоянныя у всѣхъ кремлевскихъ, дворцовыхъ и городскихъ воротъ, при нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ; временныя, какъ называли ихъ тогда, *прибылыя*—на площадяхъ, у мостовъ и у кабаковъ. Нарушителей общественнаго порядка караульные приводили или на Потѣшный дворъ въ Кремлѣ, или въ Преображенское, и судъ и расправа чинились начальникомъ Преображенскаго Приказа, княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ.

Изъ столпцовъ Преображенскаго Приказа того времени видно, что въ первое время дѣла рѣшались очень скоро. Приводнаго человѣка, т. е. приведеннаго караульными къ „приводному столу“, распрашивали въ тотъ

же день: дѣло разъяснялось или показаніемъ караульныхъ о происшествіи, или показаніемъ приведенныхъ, или свидѣтелями, и князь Ѳедоръ Юрьевичъ объявлялъ свое рѣшеніе или отпустить безъ наказанія, взявъ только приводныя деньги, въ родѣ штрафа, или приказывалъ бить батогами и отпустить, или наконецъ отправлялъ приводнаго человѣка въ подлежащій приказъ для дальнѣйшаго производства изслѣдованія.

Въ первыхъ дѣлахъ Преображенскаго Приказа особенно замѣчательно изобиліе дневнаго воровства шапокъ; этимъ промысломъ занимались съ успѣхомъ сами солдаты, особенно семеновцы. Мужикъ или посадскій человѣкъ, окончивъ свои дѣла, заходилъ по обыкновенію выпить винца въ кабачекъ или въ аптеку, или въ харчевню; мѣховая или бархатная шапка привлекала вниманіе солдатъ; они слѣдили за нимъ, и въ какомъ-нибудь глухомъ переулкѣ, или на мосту, на городскомъ валу—шапка летѣла съ головы проходящаго; онъ кричалъ караулъ, но ворамъ и слѣду не было. Тѣ же солдаты брали его за „караулъ“ и отводили на Потѣшной дворъ „въ напрасномъ кричаніи караула“. Когда же продѣлка солдатъ обнаруживалась передъ Ромодановскимъ, онъ не щадилъ Семеновцевъ, билъ ихъ батогами, а мужичекъ, заплативши приводныя деньги, отправлялся домой и все-таки безъ шапки.

Съ каждымъ днемъ увеличивались столпцы Преображенскаго приказа о приводныхъ людяхъ. Вотъ нѣсколько такихъ дѣлъ.

Караульные хватаютъ пьянаго и приводятъ въ Преображенскій Приказъ за то, что онъ „напрасно съпьяну кричалъ караулъ“. Ромодановскій приказываетъ „бить

батоги". Приводнаго человѣка раздѣваютъ и на тѣлѣ его оказываются признаки, что онъ былъ когда-то битъ плетьми, въ платьѣ же у него находятъ въ платкѣ какіе-то корешки.

Корешки разныхъ растеній, зашитые въ тряпку, въ платкѣ или въ платьѣ, найденные у крѣпостныхъ людей или у колодниковъ, въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ, играли серьезную роль въ уголовной процедурѣ. Корешка такого боялись всѣ, начиная съ боярина до послѣдняго подлаго человѣка; корешокъ такой изобличалъ колдовство, ворожбу, заговоръ, порчу, отраву... И въ настоящемъ дѣлѣ явилось подозрѣніе: не колдунъ ли приводный человѣкъ? Какіе это корешки?

Допрашиваютъ приводнаго человѣка:

„Эти корни лѣчебные", отвѣчаетъ приводный человѣкъ, „я дѣйствовалъ ими, только давно. Вотъ корень заячья капуста, даю его пить въ винѣ, въ пивѣ и въ квасу; вотъ корень Петровъ крестъ, вотъ Одолень; они годны отъ кликотныя болѣзни, тоже въ питьѣ; вотъ корень, прозваніемъ сердечный, пригоденъ у кого сердечная болѣзнь, вотъ еще Пупной, пригоденъ тому, кто съ пупа сорветъ".

Это объясненіе было недостаточно Ромодановскому; приводнаго пьяницу заковали въ желѣза и посадили въ тюрьму, а коренья послали осмотрѣть въ Аптекарскую палату: добрые ли они или злые?

Аптекари Петръ Пилль, Романъ Шлаторъ, Яганъ Готфридъ Грегорій, отозвались, „что коренья познать невозможно для того, что тѣ коренья обломались".

Какъ же рѣшить дѣло? И вотъ спросили у колодника, кого онъ лѣчилъ. Колодникъ назвалъ нѣкоторыхъ го-

родскихъ жителей; ихъ собрали въ Приказъ; они объявили, что приводный человѣкъ дѣйствительно ихъ лѣчилъ и вылѣчилъ.

Ромадоновскій рѣшилъ: „приводнаго человѣка бить батогами и, взявъ приводныя деньги, отпустить".

Капитанъ Преображенскаго полка Василій Ушаковъ, 16-го марта 1699 г., ѣхалъ верхомъ въ Бѣломъ городѣ по Смоленской улицѣ; его перегоняетъ крестьянинъ съ дровнями, торопившійся на Москву-рѣку „по дрова". Лошадь крестьянина обрызгала грязью капитана. Капитанъ съ сопровождавшимъ его слугою налетѣлъ на мужика и началъ бить его плетью. „Караулъ! караулъ"! закричалъ крестьянинъ. Капитанъ самъ его сдалъ на первомъ караулѣ. Мужика привели на Потѣшной дворъ. Для разъясненія дѣла требовалось присутствіе капитана; пока его отыщутъ, крестьянина посадили въ тюрьму. Въ маловажныхъ дѣлахъ (это видно изъ множества однородныхъ дѣлъ), отъ тюрьмы можно было освободиться только на поруки или подвергаясь „битью батогами". Крестьянинъ упросилъ встрѣтившагося съ нимъ въ Приказной избѣ сѣннаго истопника записаться въ порукѣ—безъ этого тюрьма или батоги. Его освободили, взяли приводныя деньги,—тѣмъ дѣло и кончилось.

20-го марта 1699 г., на Красной площади, у Каменнаго столба, лежали мертвыя тѣла „воровъ и измѣнниковъ, Алешки Соковнина и Циклера съ товарищи".

Жена Ивашки Циклера приказала слугѣ своему разузнать у часовыхъ, нѣтъ ли какого-либо указа о тѣлахъ мужа ея и товарищей его.

Слуга Циклерши вступилъ въ разговоръ съ часовымъ у Каменнаго столба и безъ „обиняковъ" спросилъ его

о тѣлахъ Циклера и Соковнина. Вопросъ былъ опасный по тогдашнимъ обстоятельствамъ: слугу отвели на Потѣшной дворъ.

На этотъ разъ Ромодановскій былъ въ необыкновенно-кроткомъ расположеніи духа: велѣлъ взять съ слуги приводныя деньги и освободить безъ наказанія.

Голутвинской слободы тяглецъ Петрушко Курятниковъ явился (въ мартѣ 1699 г.) на Красное крыльцо къ дежурному капитану Ивану Гравенкину и жаловался ему, „что у Приказа Большой Казны караульные, преображенскіе солдаты, берутъ съ посадскихъ людей по рублю за то, чтобы впустить ихъ въ Приказъ, а кто не дастъ, того не пропускаютъ“. Курятникова отвели на Потѣшной дворъ.

Ромодановскій выслушалъ и велѣлъ: взять съ Курятникова приводныя деньги и вытолкать его вонъ.

24-го марта 1698 г. на караулъ къ Спасскимъ воротамъ пришелъ мужичекъ и спрашивалъ у караульныхъ: „а гдѣ государь Петръ Первый находится“? Такая оффиціальная справка о царѣ была неумѣстна. Дежурный капитанъ велѣлъ отвести мужичка на Потѣшной дворъ. Ромодановскому было очень любопытно знать, зачѣмъ надобенъ мужичку государь Петръ Первый. „А вотъ зачѣмъ, отвѣчалъ мужичекъ: онъ спрашивалъ государя для того, что хотѣлъ ему донести, что во Владимірскомъ уѣздѣ, въ царскомъ лѣсу, въ Словецкомъ краю, явились лоси“. Что не понравилось въ этомъ отвѣтѣ Ромодановскому—не понятно—и 27-го марта Ромодановскій велѣлъ мужичка бить батоги и, взявъ приводныя деньги, освободить.

Въ апрѣлѣ 1699 г., прибылой караулъ (временной),

поставленный на Тверской улицѣ, у Золотой рѣшетки, противъ Луковскихъ палатъ, прибѣжалъ на шумъ: дрались свалкою неизвѣстные люди. Солдаты хотѣли разнять драку, но вмѣсто того неизвѣстные люди бросились на солдатъ, начали ихъ бить, побили, привели въ бѣгство, а сами ушли на дворъ князя Михаила Григорьевича Ромодановскаго. Побитые солдаты отправились съ жалобою къ князю Ѳедору Юрьевичу. Онъ послалъ сержанта съ усиленнымъ карауломъ захватить виновныхъ, по указанію битыхъ солдатъ. Нашли и привели одного только человѣка князя Ивана Голицына—Петрушку Вахрушкина. Онъ показалъ, что дрались люди Голицына и Ромодановскаго, но именъ ихъ и прозвищъ хорошо не знаетъ.

Ромодоновскій велѣлъ отпустить его и прекратить дѣло.

Въ іюлѣ 1699 г. къ Тверскимъ воротамъ подъѣхала телѣга съ тремя мужиками и бабою. Баба кричала „караулъ!“... Караульные отвезли всѣхъ на Потѣшной дворъ. Прежде всего осмотрѣли телѣгу и въ ней нашли: сарафанъ, сшитый изъ скатертей, „на немъ наклеены живописныя всякія вещи, дахаря кожаная, да рукавицы овчинныя, покрытыя скатертнымъ же полотномъ“. Распросили бабу:

„Зовутъ ее дѣвка Агашка Ефремова. Служитъ она у стольника Ивана Ивановича Нарышкина „по крѣпости въ шутихахъ“. Сего 6-го іюля, въ 7 часу дня, пришла она на дворъ къ кравчему Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину, къ дворовой его дѣвкѣ, для взятія холста своего, а Кирилла Алексѣевичъ велѣлъ ее посадить на цѣпь въ верхнихъ хоромахъ и ночью, посадя ее въ

телѣгу, приказалъ отвезти въ свою деревню Братцово. Спросили мужиковъ, которые везли насильственно эту шутиху; они подтвердили ея показаніе.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ приказалъ Агашку бить батогами и отправилъ къ Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину.

Такимъ-то порядкомъ рѣшались дѣла, возбужденныя въ началѣ учрежденія Приказа черезъ представленіе караульными приводныхъ людей. Молва скоро разнесла по городу о томъ, какъ быстро и рѣшительно чинится судъ и расправа въ Преображенскомъ и что тамъ вѣдаютъ полицейскія дѣла, и вотъ начали являться и сами собою просители съ жалобами.

Крѣпостной человѣкъ напился пьянъ и нагрубилъ своему барину. Баринъ исколотилъ его и посадилъ на цѣпь. Слуга разбилъ цѣпь и явился въ Преображенскій Приказъ съ жалобою на побои.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ бьетъ его батогами и возвращаетъ помѣщику.

Игуменья Страстнаго монастыря Улея жалуется Преображенскому приказу (6-го апрѣля 1699 г.), что поставленные въ монастырѣ на караулѣ семеновскіе солдаты между собою дерутся, бранятся и чинятъ всякое неподобное безчестіе—возвращаются поздно по ночамъ пьяные, будятъ весь монастырь и врываются силою въ ворота. Солдатъ Камыникъ указанъ игуменьею, какъ заводчикъ этихъ безпорядковъ, повторявшихся еще наканунѣ.

„Вчерашняго числа“, отвѣчалъ при допросѣ Ромодановскаго Камыникъ, „за Тверскими воротами учинился шумъ, дрались неизвѣстные люди, и у церкви Рождества

Христова, что слыветъ въ Палашахъ, били въ колоколъ по набатному.

„Они на тотъ бой побѣжали и виновныхъ отвели на Потѣшной дворъ, а въ ворота монастырскія ломились поздно ночью солдаты семеновскіе, Иванъ Ураевъ и другіе". Ураевъ и его товарищи сказали, что они воротились поздно въ монастырь отъ того, что были на службѣ на Потѣшномъ дворѣ.

Ромодановскій велѣлъ наказать ихъ плетьми и безъ приводныхъ денегъ освободить изъ-подъ ареста. За что же били плетьми, если они были на службѣ? Вѣроятно открылись солдатскія продѣлки въ монастырѣ, которыя скрыты были на бумагѣ и заслуживали по тогдашнему плетей.

Прошенія и жалобы въ Преображенскій Приказъ съ каждымъ днемъ учащались. Полицейскія преступленія начали разнообразиться и къ нимъ постепенно прививались преступленія уголовныя: обманъ, воровство, грабежи, убійство, кража лошадей, святотатство, колдовство-расколъ...

Такъ, изъ полковой приказной избы образовалось это судилище, грозное, безпощадное, подъ управленіемъ князя-кесаря, любимца Петра Великаго, князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, о которомъ молва ходила во всѣхъ концахъ Россіи. Этому-то Приказу, поручено было въ 1702 г. окончательно завѣдывать дѣлами о „словѣ и дѣлѣ". Въ старину сказывающихъ слово и дѣло приводили въ Москвѣ въ Московскій судный приказъ, сюда же присылали колодниковъ по этимъ дѣламъ изъ провинцій воеводы, приказные люди, монастырскія власти, помѣщики и вотчинники (П. С. З., т. IV, ст. 1918).

Впрочемъ и въ Преображенскомъ Приказѣ до 1702 г. встрѣчаются, хотя очень рѣдко, дѣла о „словѣ и дѣлѣ“. Первое найденное нами дѣло относится даже къ 1697 г.

Января 24, человѣкъ стольника князя Василья Ѳедоровича Макидонскаго, Стенька Ивановъ, явился въ Преображенскую приказную избу и объявилъ государево дѣло такое: что у помѣщика его, на конюшнѣ, государева лошадь, что онъ объявлялъ объ этомъ въ Конюшенномъ приказѣ и его посадили тамъ въ желѣза. Стенька воспользовался тѣмъ, что желѣза были не сомкнуты и ушелъ изъ-подъ караула, „чтобъ объявить о воровствѣ государевой лошади“. Въ столбцѣ отмѣчена резолюція: „стольникъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій приказалъ отослать его обратно въ Конюшенный приказъ“. Въ дѣлахъ Преображенскаго этого года найдено нами очень оригинальное дѣло, и хотя оно не относится къ „слову и дѣлу“, но, говоря о Преображенскомъ приказѣ, мы кратко передадимъ его содержаніе:

12-го апрѣля 1697 г. вдова Ульяна Коптева, въ 9-мъ часу дня, „шла къ великой государынѣ царевнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, верхними дворцовыми переходами, отъ хоромъ великаго государя Іоанна Алексѣевича къ Вознесенской церкви... У дверей, на круглой лѣстницѣ, стоялъ внутренній караулъ.

Коптева спросила часоваго, чьего они полка...

— Лефортова, отвѣчалъ солдатъ.

— Чьи на васъ красные кафтаны, государевы или свои?

— Свои.

— Развѣ Францу Яковлевичу Лефорту отданъ Агѣевъ полкъ Шепелева?

— Отданъ.

— А на Москвѣ Бутырскій полкъ?

— На Москвѣ.

Вотъ весь разговоръ, послѣ котораго Коптева отправилась по дворцовымъ переходамъ.—Но чѣмъ онъ кончился? Часовой разсказалъ дежурному офицеру о вопросахъ Коптевой; офицеръ донесъ Ромодановскому и „мая 19-го, въ Преображенскомъ, объ Ульянѣ Коптевой приговорили:

„За ея вышеписанныя слова, о чемъ было ей тѣхъ солдатъ спрашивать и говорить съ ними непристойно, учинить наказаніе бить плетьми и сослать подъ началъ въ Горскій монастырь *) и быть ей въ томъ монастырѣ подъ началомъ за крѣпкимъ карауловъ до указу великаго государя".

Возвратимся къ слову и дѣлу.

Въ 1713 г. Петру Великому стало положительно извѣстно, что народъ бѣдствуетъ, отягощенный и раззоренный многочисленными денежными сборами и злоупотребленіями по рекрутскимъ наборамъ. „Милосердуя о народахъ государствъ своихъ". (П. С. Зак., т. V, ст. 2707). Указомъ 25 августа предписывались мѣры для искорененія „неправедныхъ бѣдственныхъ, всенародныхъ тягостей и похищеніи лукавомъ государственной казны, понеже извѣстно ему, великому государю, учинилось, что возрастаютъ на тягость народную и умножаются для лукавыхъ пріобрѣтеній и похищеній

*) Горскій монастырь, Псковской губерніи.

государственныхъ интересовъ великія неправды и грабительства, и тѣмъ многіе всякихъ чиновъ люди, а наипаче крестьяне, приходятъ въ раззореніе и бѣдность". Въ этомъ указѣ обнаружено явно, что сборщики разныхъ казенныхъ оброковъ грабятъ народъ. Заботясь дѣятельно о своихъ подданныхъ, въ октябрѣ 1713 г. (П. С. Зак., т. V, ст. 2726). Петръ объявилъ всенародно: „ежели кто такихъ преступниковъ и повредителей интересовъ государственныхъ и грабителей вѣдаетъ, и тѣ-бъ люди пріѣзжали и объявляли о томъ самому его царскому величеству, только чтобъ доносили истину. Дозволено доносить съ октября по мартъ мѣсяцъ и за справедливый доносъ обѣщаны награды „богатство того преступника движимое и недвижимое, а если окажется достойнымъ, то и чинъ преступника".

Это было, какъ мы видѣли, въ октябрѣ 1713 г.

Жалобы и доносы посыпались со всѣхъ концовъ Россіи; разборъ ихъ одному человѣку былъ невозможенъ, трудъ неисполнимъ. Петръ увидѣлъ, что онъ не сладитъ съ этимъ дѣломъ и чрезъ три мѣсяца, въ декабрѣ 1713 г., объявилъ, чтобъ лично ему письменно или словесно доносили только о „словѣ и дѣлѣ"... При этомъ разъяснено, что такое „слово и дѣло". Оно относилось къ дѣламъ „о ихъ, государевомъ, здоровьѣ и высокомонаршей чести, о бунтѣ и измѣнѣ". О прочихъ дѣлахъ велѣно доносить кому надлежитъ, и если кто будетъ сказывать за собою государево „слово и дѣло", „кромѣ помянутыхъ причинъ и имъ за то быть въ великомъ наказаніи и раззореніи и сосланы будутъ на каторгу" (Т. V, П. С. Зак., ст. 2756).

Повелѣніе царя остановило доносъ словесный, — но

донось письменный явился въ новой формѣ: въ подметныхъ, безъимянныхъ письмахъ. Самовластіе воеводъ, злоупотребленія и пристрастіе судей ожесточали народъ и подметныя письма учащались.

Въ 1715 г. (Т. V С. З., ст. 2877) запрещено подметывать письма и сверхъ того приказано: кто какое письмо подниметъ, тотъ бы отнюдь не доносилъ объ немъ, а не распечатывая и не читая: объявилъ бы его свидѣтелямъ и жгли бы на томъ мѣстѣ, гдѣ подымутъ. Въ этомъ же указѣ Петръ, упрекая народъ въ недовѣріи къ нему, указывалъ на Ларіона Елизарьева, Григорья Силина, награжденныхъ за донось на Циклера и Соковнина, и снова приглашалъ явиться къ нему самому или къ дежурному при дворѣ его сержанту и объявлять доношенія, но только: 1) о зломъ умыслѣ противъ персоны его величества или объ измѣнѣ; 2) о возмущеніи или бунтѣ; 3) о похищеніи казны; о прочихъ дѣлахъ доносить тому, кому тѣ дѣла вручены.

Между тѣмъ Преображенскій Приказъ не прерывалъ своихъ дѣйствій и дѣла о „словѣ и дѣлѣ“ безъ апелляціи рѣшались княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ. Къ чести Русскаго народа надо сказать, что мы не встрѣтили въ дѣлахъ Преображенскаго Приказа ни одного дѣла, въ которомъ обнаружилось бы покушеніе на здоровье или честь Петра, на измѣну государству. Все большею частью болтовня пустая, народные безсмысленные слухи и вымышленные извѣты изъ личной ненависти доносчика къ обвиняемому, изъ мщенія. Много также кричали „слово и дѣло“, избѣгая побой или съпьяну. Разскажемъ для образца краткое

содержаніе нѣкоторыхъ дѣлъ, они всѣ почти на одинъ ладъ.

Въ 1709 г. въ Вологдѣ, дьячекъ Яковъ Михайловъ за драку и пьянство сидѣлъ на цѣпи въ архіерейскомъ домѣ. Обыкновеніе сажать цѣпь за пьянство и буйство было принято вездѣ: и у помѣщика, и у военныхъ, и у духовенства, и въ Приказахъ. Это было домашнее исправленіе, сопровождаемое иногда батогами, плетью, и, въ рѣдкихъ случаяхъ, кучерскимъ кнутомъ.

Дьячекъ проспался, отрезвился и спросилъ сторожа домашней архіерейской тюрьмы, за что его посадили. Сторожъ нашелъ самымъ приличнымъ отвѣчать: по государеву указу. — „А къ чорту его государевъ указъ“, отвѣчалъ взбѣшенный на цѣпи дьячекъ. На этотъ разъ неуважительный отзывъ дьячка о государевомъ указѣ остался безнаказаннымъ, потому что сторожъ не нашелъ нужнымъ сдѣлать доносъ—и дьячка по исправленіи выпустили изъ тюрьмы.

Черезъ нѣсколько дней дьячекъ за что-то въ ссорѣ побилъ сторожа. Сторожъ сталъ угрожать дьячку, что донесетъ на него „въ порицаніи указа“. Дьячекъ съ своей стороны грозилъ пырнуть ножемъ сторожа—подрались опять—ихъ розняли и посадили на цѣпь обоихъ. Сторожъ объявилъ „слово и дѣло.“ Эти два слова имѣли магическую силу: они прекращали надъ сказывающимъ „слово и дѣло“ всякое право и власть — они останавливали даже силу закона. Много найдено нами случаевъ, когда рука палача бралась за преступника, обличеннаго и сознавшагося въ страшныхъ преступленіяхъ убійства, святотатства, чтобы повѣсить его или отрубить голову, но преступникъ кричалъ дерзко передъ

окружающей эшафотъ толпою „слово и дѣло“—и дѣйствія закона останавливались. Преступника отправляли, нерѣдко изъ далекихъ концовъ Россіи, въ Преображенское.

Такъ и со сторожемъ и дьячкомъ. Ихъ отправили изъ Вологды въ Преображенское. Сторожъ объявилъ Ромодановскому „о порицаніи указа“ дьячкомъ.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ приказалъ дьячка бить плетьми нещадно и отпустилъ домой.

Въ Ростовскомъ уѣздѣ, въ одной деревнѣ, два попа при счетѣ и раздѣлѣ церковныхъ денегъ поссорились. Старшій обдѣлилъ младшаго. Младшій объявилъ за собою „государево слово и дѣло“. Привезли обоихъ въ Преображенское въ оковахъ по рукамъ и ногамъ. Какое же важное дѣло имѣлъ донести младшій попъ? А вотъ его доносъ: „Старшій попъ когда-то говорилъ ему, что духовникъ царевны Натальи Алексѣевны (сестра Петра Великаго, очень имъ любимая) Варлаамъ бросилъ свою попадью и живетъ неблагочестиво... (намекъ на царевну). Ромодановскій велѣлъ обоихъ наказать плетьми и возвратить на мѣсто жительства.

Солдатъ Ивановъ сидѣлъ въ Преображенскомъ подъ карауломъ, въ подозрѣніи, что онъ укралъ у одного колодника три алтына. Подъячій Преображенскаго Приказа Иванъ Павловъ, которому поручено было допрашивать солдата, нѣсколько разъ безуспѣшно приходилъ въ тюрьму — солдатъ не сознавался. Время тогда было простое, безцеремонное. Подъячій призналъ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ поскорѣе добиться до сознанія батогами и принялся за солдата. Удары сыпались — Ивановъ въ цѣпяхъ былъ беззащитенъ. Онъ закричалъ

„слово и дѣло“! Волшебныя слова остановили взмахнувшуюся руку подъячаго.

При допросѣ солдатъ объяснилъ, что кричалъ „слово и дѣло“ не стерпя побоевъ а что за нимъ нѣтъ никакого „слова и дѣла“.

При осморѣ солдатской спины, оказалось, „что у него, Иванова, на спинѣ бито знатно батоги“.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ рѣшилъ: солдату Иванову за ложное показаніе слова и дѣла учинить показаніе: бить кнутомъ нещадно, что и исполнено. О подъячемъ въ дѣлѣ ни слова.

Въ сентябрѣ 1717 г. князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій умеръ. „Со всегорестными слезами окончнымъ сиротствомъ моимъ“, писалъ Петру сынъ князя Иванъ: „ко вашему царскаго величества покрову притекая, молю, дабы напоминаніемъ службъ къ пресвѣтлѣйшему царскаго величества маестату бывшихъ отъ отца моего, я во всеконечномъ сиротствѣ моемъ милостивымъ вашего величества повелѣніемъ и призрѣніемъ не былъ оставленъ“.

Петръ назначилъ сына Ромодановскаго начальникомъ Преображенскаго Приказа и 19 января 1718 г. (т. V, П. С. З., ст. 3143), во время слѣдствія надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, повторилъ указъ 1715 г. о доносѣ „по слову и дѣлу“. Въ это же время образовалась сама собою, однимъ почеркомъ пера Скорнякова-Писарева, Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, изъ которой впослѣдствіи учреждена Тайная канцелярія. Такимъ образомъ съ 1718 г. дѣла о словѣ и дѣлѣ поступали одновременно въ Преображенскій Приказъ и въ Канцелярію тайныхъ розысныхъ дѣлъ. Послѣдняя занималась пре-

имущественно изслѣдованіемъ по доносамъ на лицъ, заподозрѣнныхъ по дѣлу царевича и царицы, монахини Елены. Впрочемъ и въ Преображенскій Приказъ попадались дѣла, возникавшія отъ пустой болтовни и сплетенъ, распространенныхъ въ народѣ о царевичѣ. Народъ, а въ особенности низшее духовенство, любили и жалѣли царевича; даже въ женскихъ монастыряхъ повторялась болтовна объ Алексѣѣ Петровичѣ. Расносились слухи, что царевичъ еще живъ, что онъ уѣхалъ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ невѣдомо куда, что донскіе козаки не хотятъ меньшому царевичу (Петру Петровичу) служить, а просятъ большаго царевича, при этомъ повторялись давно распространенные слухи въ народѣ, что на царствѣ не прямой царь, что царица Наталья Кирилловна родила царевну и ее обмѣняли, а взяли царя въ Нѣмецкой слободѣ у нѣмки и пр. и пр. Сочувствія къ царевичу и сомнѣніе, что Петръ не русскій уроженецъ, сдѣлались предметомъ многочисленныхъ доносовъ о „словѣ и дѣлѣ“. Выпишемъ нѣкоторыя дѣла изъ Преображенской Канцеляріи и канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Басманной слободы жилецъ Мокатениновъ донесъ (марта 14, 1719 г.), что Благовѣщенскаго собора сторожъ Еремѣй говорилъ ему наединѣ: „Какъ-де будетъ на царствѣ нашъ государь царевичъ Алексѣй Петровичъ, тогда-де государь нашъ царь Петръ Алексѣевичъ убирайся и прочіе съ нимъ, и смутится-де народъ: онъ-де, государь, неправо поступилъ къ нему, царевичу.

Разумѣется сторожа Еремѣя попытали, посѣкли кнутомъ и отправили въ Сибирь.

Одинъ нищій проходилъ черезъ деревню и попросился у мужика погрѣться (1719).

— Откуда идешь? спросилъ хозяинъ.

— Изъ Петербурга.

— А что въ Питерѣ дѣлается? спросилъ дьячекъ, бывшій въ гостяхъ у крестьянина.

— Меншиковъ убилъ царевича, а царевича сынъ жаловался на него, Меншикова, о томъ государю своему дѣду, и государь Меншикова сковалъ.

Въ разговорахъ, на свою бѣду, нищій разсказалъ, чей онъ крестьянинъ и изъ какой деревни. Черезъ годъ дьячекъ поссорился съ крестьяниномъ-домохозяиномъ и донесъ на него „слово и дѣло“ въ слышаніи разсказовъ нищаго. Дьячекъ, крестьянинъ и нищій биты кнутомъ и безъ ноздрей отправлены въ Сибирь въ каторжную работу.

Въ Астрахани поссорились подъячіе (1719). Одинъ изъ нихъ явился къ астраханскому губернатору Артемію Волынскому, и объявилъ „слово и дѣло“ такое: что товарищъ его подьячій Григорій Емельяновъ сочиняетъ письма противъ чести государевой. Волынскій сковалъ доносчика и Григорія Емельянова, забралъ у нихъ всѣ бумаги и отправилъ въ Преображенскій Приказъ. Вотъ письмо, о которомъ доносчикъ показывалъ на Емельянова:

„Лежитъ дорога, черезъ ту дорогу лежитъ колода, по той колодѣ идетъ самъ сатана, несетъ кулекъ песку, да ушатъ воды; пескомъ ружье заряжаетъ, водою ружье замываетъ; какъ въ ухѣ сѣра кипитъ, такъ бы въ ружьѣ порохъ кипитъ, какъ бы оберегатель мой навсегда бодръ былъ, а монархъ нашъ царь Петръ буди проклятъ, буди проклятъ, буди проклятъ“.

Емельяновъ въ допросѣ объяснилъ, что нашелъ это письмо года съ три тому назадъ въ огородѣ Зарайскаго купца. Судьба Емельянова остается неизвѣстною, потому что дѣло оканчивается перепискою объ отысканіи купца.

Кстати объ отысканіи лицъ, на которыхъ показывалось „слово и дѣло“. Вотъ одинъ оригинальный образецъ:

Курскій посадскій человѣкъ (1715) донесъ на помѣщика сельца Ржавой Зелени, слѣпца Антона Мазалевскаго, что онъ ворожитъ, шепчетъ и бобами разводитъ; угадываетъ, верстъ за тысячу и больше что дѣлается, и знаетъ про государя, когда будетъ или не будетъ удача на бояхъ противъ непріятеля. Необходимо было сыскать Мазалевскаго, и вотъ три года сидѣлъ курскій мѣщанинъ въ тюрьмѣ и къ нему возили изъ всѣхъ губерній всѣхъ найденныхъ Мазалевскихъ и когда предъявляли ихъ доносчику, все не тотъ — весьма понятно, привозили все зрячихъ, а тотъ, на котораго было донесено, слѣпецъ. Наконецъ, признали самымъ удобнымъ послать самого мѣщанина въ Курскъ, и открылось, что колдунъ-слѣпецъ давно уже умеръ. За смертью колдуна прекращено дѣло.

Коммиссаръ Афросимовъ и Луцкій помѣщикъ Городецкій имѣли тяжебное дѣло съ бывшимъ псковскимъ ландратомъ, Степаномъ Лопухинымъ. Лопухинъ когда-то побилъ Афросимова. 26-го апрѣля 1719 года, въ день выноса тѣла царевича Петра Петровича, Степанъ Лопухинъ стоялъ на клиросѣ въ Троицкой церкви. Въ церковь взошли соперники его съ подъячимъ Петербургской канцеляріи Кудряшевымъ — всѣ трое были пьяны. Степанъ взглянулъ на нихъ и разсмѣялся.

Афросимовъ спросилъ Кудряшева: „чему Лопухинъ смѣется„?—А зачѣмъ ты съ нимъ ссорился“? отвѣчалъ подъячій. „Еще его, Степана, свѣча не угасла, будетъ ему, Лопухину, и впередъ время“.

Вотъ сущность доноса. Болтовня и больше ничего, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ эта болтовня была слово и дѣло. Лопухинъ былъ родственникъ царицы Евдокіи и царевича Алексѣя Петровича — надо было разъяснить загадочныя слова, „что свѣча его, Степанова, не угасла и что будетъ ему, Лопухину, время“. Эти слова были очень непріятны въ то время, когда Лопухиныхъ преслѣдовали, ссылали, казнили. Кудряшову о его пророческихъ словахъ пришлось отвѣчать съ дыбы подъ ударами палача. „Говорилъ онъ, что свѣча „его, Лопухина, не угасла“, потому что остался великій князь (сынъ царевича, будущій Петръ II), чая, что Степану Лопухину впередъ будетъ добро“. — Но какъ же придраться къ Лопухину, а очень просто — вотъ рѣшеніе Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (декабря 5-го, 1710): „Степану Лопухину, который апрѣля 26-го числа сего года, по представленіи блаженныя памяти государя царевича Петра Петровича, во время такой государственной всенародной печали, а именно въ день выноса тѣла его высочества къ погребенію, въ бытность въ Троицкой церкви смѣялся, якобы радуяся о такой приключившейся всенародной печали и за то учинить ему наказанье: вмѣсто кнута бить батоги нещадно и сослать его съ женою и съ дѣтьми въ Кольскій острогъ на вѣчное житье, а движимымъ и недвижимымъ его имѣніямъ быть при немъ неотъемлемо. А подъячему Тимоѳею Кудряшову за

слова его о Степанѣ Лопухинѣ вмѣсто смертной казни учинить наказанье: бить кнутомъ нещадно и, вынявъ ноздри, послать на каторгу въ вѣчную работу".

Степана Лопухина били кнутомъ и сослали въ Кольскій острогъ за улыбку въ церкви, а въ то же время пѣвчіе свѣтлѣйшаго князя Меншикова и царицы веселились какъ слѣдуетъ, и безнаказанно.

Вотъ какъ это было:

1-го мая 1719 г. баталіона городовыхъ дѣлъ подполковникъ Наумъ Чашоковъ представилъ въ Канцелярію розыскныхъ дѣлъ сказавшихъ за собою „слово и дѣло", цѣловальника отъ кирпичныхъ заводовъ Еремѣева и приказчика откупщика Мартынова. Еремѣевъ въ допросѣ объявилъ: „Въ нынѣшней недѣлѣ во вторникъ пилъ онъ въ кабакѣ у кирпичныхъ заводовъ пиво за государево здоровье и притомъ примолвилъ: здравствую, государь царь Петръ Алексѣевичъ! Приказчикъ Мартыновъ на это сказалъ ему: здравствовалъ бы-де свѣтлѣйшій князь, а государю не долго жить". Спросили Мартынова. Онъ отперся отъ такихъ словъ. Дали очныя ставки, пытали, не сознается. Еремѣеву приходилось плохо: за ложный доносъ пытка, кнутъ и каторга. Желая показать справедливость своего показанія, онъ дополнилъ слѣдующимъ разсказомъ: что въ то время, когда Мартыновъ говорилъ ему эти противныя слова, мимо кабака проѣзжали въ лодкѣ человѣкъ съ десять. Остановились передъ кабакомъ и одинъ человѣкъ изъ лодки подошелъ къ окошку кабацкому: „что вы за люди?" спросилъ Еремѣевъ. „Пѣвчіе свѣтлѣйшаго князя". Еремѣевъ будто-бы разсказалъ пѣвчему о против-

ныхъ словахъ Мартынова, но что пѣвчій рванулъ его за бороду, отвѣчая, „мнѣ до этого дѣла нѣтъ“.

9-го мая пѣвчій князя Семенъ Іерусалимцевъ объяснилъ, какъ было дѣло:

28-го апрѣля ѣздилъ онъ на кирпичные заводы вверхъ по Невѣ рѣкѣ, отъ С.-Петербурга въ 10-ти верстахъ водою, въ лодкѣ, погулять съ своими товарищами и съ пѣвчими царицы Екатерины Алексѣевны, да съ живописцемъ, который на помянутыхъ заводахъ у государева дѣла. Остановясь противъ кабака, Іерусалимцевъ съ нѣкоторыми товарищами вышелъ изъ лодки и подошелъ къ окну пить пиво. Цѣловальникъ спросилъ ихъ: что они за люди?—Свѣтлѣйшаго князя пѣвчіе. „И я свѣтлѣйшаго князя знаю, говорилъ цѣловальникъ, и государя знаю, и какъ онъ государь ѣхалъ съ Ижоры, у насъ въ гостяхъ былъ“. Потомъ онъ сталъ имъ мѣрить пиво, да неправильно. Іерусалимцевъ замѣтилъ это, началъ браниться, выпилъ пиво, рванулъ за бороду цѣловальника и ушелъ въ лодку. О словахъ же про царское величество ничего не слыхалъ и не отвѣчалъ.

Пѣвчихъ освободили тотчасъ послѣ допроса, а Еремѣева освободили, наказавши кнутомъ.

Въ ноябрѣ 1718 г. Камеръ-Коллегіи подъячій Алексѣй Березинъ подалъ Петру Андреевичу Толстому доносъ о „словѣ и дѣлѣ“ слѣдующій: „Ѣхалъ онъ лѣтомъ 1718 г. съ Москвы въ С.-Петербургъ съ казенными письмами и изъ Новгорода отправленъ былъ водою. На суднѣ съ нимъ находился какой-то человѣкъ, называвшій себя деньщикомъ свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова. Въ разговорѣ Березинъ сказалъ деньщику:

— Явно, какъ Господь сохранилъ отъ злоумышлен-

никовъ и отъ смущенія и отъ междоусобнаго смятенія, но слава Богу, что царскому величеству извѣстно учинилось, о чемъ манифестъ царевича Алексѣя Петровича повѣствуетъ во весь народъ, за что лишенъ наслѣдства, а наслѣдникомъ быть царевичу Петру Петровичу.

Деньщикъ отвѣчалъ: „по которыхъ мѣстъ государь живъ, а ежели умретъ, то-де быть другимъ“.

Толстой представилъ доносъ Петру Первому. Царь приказалъ объявить Березину, чтобъ онъ отыскалъ деньщика. Это было въ ноябрѣ (11) 1718 г. Какими путями и черезъ кого, но только почти черезъ годъ, сидя въ тюрьмѣ, и именно сентября 18-го 1719 г. Березинъ объявилъ, что деньщикъ этотъ былъ курьеръ князя Дмитрія Михайловича Голицына, кіевскій житель Антонъ Наковалкинъ, и что поймать его за дальнимъ разстояніемъ не можетъ.

За Наковалкинымъ послали въ Кіевъ и привезли 7-го января 1720 г. Вотъ его объясненіе: „Онъ ѣхалъ съ Березинымъ водою до Перспективной дороги и напился пьянъ, а въ пьянствѣ говорилъ Березину: нынѣ при царскомъ величествѣ всѣ подъ страхомъ и можеть-де быть твердо, покамѣсть его царское величество здравствуетъ, а ежели каковъ грѣхъ учинится и его царскаго величества не станетъ, то можетъ быть что всѣ не подъ такимъ будутъ страхомъ, какъ нынѣ при его величествѣ, для того, что можетъ-де быть, что онъ, государь царевичъ Петръ Петровичъ, будетъ не такимъ, что отецъ его, его величество. А деньщикомъ свѣтлѣйшаго князя назывался на Соснинскомъ Яму, при взятіи подводъ для того, чтобъ ему въ томъ остановки не было“.

Наковалкинъ поплатился за это разсужденіе батогами.

Въ 1722 г. одно происшествіе въ Пензѣ было поводомъ изданія указа, который, къ сожалѣнію, увеличилъ число дѣлъ „о словѣ и дѣлѣ“. Главное дѣйствующее лицо въ этомъ происшествіи былъ монахъ Пензенскаго Предтеченскаго монастыря Варлаамъ Левинъ — жизнь котораго, обнаруженная слѣдствіемъ, чрезвычайно интересна и въ связи съ исторіею раскола того времени *).

19 марта 1722 г. монахъ Варлаамъ Левинъ пришелъ изъ монастыря въ Пензу на базаръ, взлѣзъ на „полокъ“, на которомъ продаютъ „съѣстное“, снялъ съ себя камилавку и клобукъ и закричалъ народу: „Послушайте, христіане, послушайте“! Народъ обступилъ его.

Варлаамъ началъ разсказывать, „что онъ служилъ многіе годы въ арміи у генералъ-маіора Гаврила Семеновича Кропотова въ командѣ, жилъ въ Петербургѣ, гдѣ монахи и всякіе люди въ посты ѣдятъ мясо и его ѣсть заставляли; а въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ, а онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а антихристъ. И въ Москвѣ всѣ мясо ѣсть будутъ Сырную недѣлю и Великій постъ, и весь народъ мужска и женска пола будетъ онъ печатать, а у помѣщиковъ всякій хлѣбъ описывать, и тѣмъ помѣщикамъ давать хлѣба самое малое число, а изъ достальнаго отписнаго хлѣба будетъ давать только тѣмъ людямъ, которые будутъ запечатаны, а на которыхъ печатей нѣтъ, и тѣмъ-де хлѣбъ давать не станутъ и чтобы они тѣхъ печатей боялись и куда бы нибудь скрылись“.

---

*) См. Варлаамъ Левинъ. Раскольн. дѣла XVIII ст.

Варлаама арестовали, отправили въ Канцелярію розыскныхъ дѣлъ и осудили на смертную казнь „за злыя слова, касающіяся до превысокой чести его императорскаго пресвѣтлаго величества и весьма вредительныя государству“. 26 іюля 1722 г. въ Москвѣ на болотѣ Левину отрублена голова и туловище сожжено. Голова отправлена въ Пензу, гдѣ и была она поставлена на колу на той площади, гдѣ Левинъ кричалъ возмутительныя слова. Дѣло восходило до Правительствующаго Сената. Сентенцію подписали: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Григорій Долгорукій, графъ Яковъ Брюсъ, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, графъ Андрей Матвѣевъ, баронъ Петръ Шафировъ, князь Дмитрій Голицынъ.

При производствѣ дѣла о Левинѣ въ Тайной канцеляріи, Петромъ Андреевичемъ Толстымъ составленъ указъ, обнародованный 28 апрѣля. Приказано всѣмъ доносить, если кто услышитъ, „что кто явно злое въ народѣ разсѣеваетъ, а если кто (услышитъ) не поймаетъ такого человѣка или не извѣститъ и будетъ послѣ въ этомъ изобличенъ, то подвергается безъ всякой пощады смертной казни, а движимое и недвижимое ихъ имѣніе будетъ взято на его императорское величество“.

Это распоряженіе наводнило Преображенскую и Тайную канцеляріи доносами и исказило первоначальное по тогдашнимъ понятіямъ серьезное значеніе „слова и дѣла“. Не умыселъ или намѣреніе на честь государя или измѣна, которые и въ голову не приходятъ русскому человѣку, а всякое слово, о царской персонѣ сказанное, хотя бы и почтительное, всякое слово объ измѣнѣ или бунтѣ, было предметомъ доно-

са. Ссора, драка въ пьянствѣ, личная, домашняя или родственная вражда, зависть, мщеніе, сдѣлались побудительными двигателями къ доносу. Сверхъ того, кругомъ народа фискалы, инквизиторы, кормившіеся и наживавшіеся взятками, подслушивали всякое слово и къ этому еще раскольники, ненавидящіе Петра и преданныхъ ему изъ духовенства, все это вмѣстѣ принесло плоды грустные и тяжелые. Опасно и страшно было сказать одно слово о вѣрѣ, о двухъперстномъ сложеніи, о старыхъ книгахъ, о нововведеніяхъ Петра, объ указахъ, о тягостяхъ народныхъ, о царедворцахъ.

На крестьянской сходкѣ одинъ мужичекъ, при всемъ мірѣ, разсказалъ слышанное отъ проходящаго, что „государь сковалъ Александра Меншикова, знатно де (т. е. вѣрно), что Меншиковъ царевича (Алексѣя Петровича) извелъ“.

Разошлись мирно, поболтали, а послѣ кто-то изъ нихъ поссорился, подрались, съпьяну мщеніе и злоба закипѣли: „слово и дѣло“!—и болтовня пустая въ Преображенскомъ Приказѣ повторилась на дыбѣ и подъ кнутомъ.

Въ одной деревнѣ десятскій измучился, ходя по дворамъ сбирать подати; пришелъ въ сборную избу и въ изнеможеніи упалъ на лавку. „Сбился съ ногъ, ребята, крестьяне денегъ не даютъ, что съ ними дѣлать“? „Мужики отъ податей раззорились, оскудѣли, отвѣчалъ староста. Какой у насъ царь? царишка! Измотался весь. Оставилъ Москву, живетъ въ Питерѣ и строитъ городъ. Пропалъ весь народъ отъ податей“!

Нашелся доносчикъ, и десятскій, и староста узнали, что такое Преображенская канцелярія.

Разбойникъ по прозванію Курица, сидя въ острогѣ, донесъ на своего товарища колодника, бѣглаго солдата Соколова:

„Соколовъ разсказывалъ ему, что онъ смотрѣлъ съ какимъ-то старцемъ въ книгу, и тотъ старецъ говорилъ, что государю нашему жить только три года, для того, что вѣру христіанскую перевелъ и женился на иноземкѣ, а прежнюю царицу послалъ въ заточеніе, велѣлъ носить сатанинское платье и бороды брить; былъде добрый человѣкъ Талицкій и сталъ было за правду и за вѣру христіанскую, и онъ, государь, его сжегъ и я при томъ былъ и видѣлъ. А старецъ-де читалъ такую книгу, какихъ теперь нигдѣ нѣтъ, и къ нынѣшнимъ попамъ на исповѣдь онъ не ходитъ, иконамъ не молится, а молится, которымъ знаетъ“.

Соколовъ при допросѣ въ Преображенскомъ не отпирался отъ своихъ словъ, а еще прибавилъ свое убѣжденіе, почему онъ такъ говоритъ: „потому что нынѣшній государь не прямой царь, предтеча антихристовъ, потому вѣру христіанскую и сложеніе перстовъ перемѣнилъ, велѣлъ креститься тремя большими персты, а платье носить нѣмецкое и брить бороды и лбы, а людей берутъ неволею въ солдаты и пятнаютъ имъ руки и велитъ служить себѣ неволею и женился на другой женѣ, на иноземкѣ, а прежнюю царицу послалъ въ заточеніе въ Ладогу“.

Старца искали, но не доискались, а Соколовъ послѣ наказанія сосланъ былъ на каторгу.

При такомъ открытомъ полѣ состязанія доносчиковъ, оставался еще уголокъ, въ которомъ находили пріютъ тайныя помышленія приверженцевъ старины, враговъ

нововведеній. Этотъ уголокъ былъ дорогъ для нихъ, къ нему не было доступа ни врагу, ни пріятелю, ни фискалу, ни доносчику, ни отцу, ни матери, ни женѣ, ни дѣтямъ. Это была исповѣдь. Въ этомъ тайникѣ они находили утѣшеніе, раскаяніе—и молитва теплая о прощеніи уничтожала сомнѣніе и водворяла спокойствіе въ душѣ грѣшника. Мрачныя и грустныя страницы бываютъ въ исторіи каждаго народа, но чтеніе ихъ необходимо и полезно; они оставляютъ въ потомкахъ теплыя, благодатныя чувства состраданія къ своимъ предшественникамъ, соединенныя съ благодарственными молитвами къ Богу за настоящее, не имѣющее ничего общаго съ грустнымъ прошедшимъ.

Указомъ мая 17-го 1722 г. (Полн. Собр. Зак., т. VI, ст. 4012) разрѣшено духовникамъ „доносить объ открытыхъ ими преднамѣренныхъ злодѣйствахъ, если исповѣдывающіеся въ оныхъ не раскаялись и намѣренія своего совершить ихъ не отложили“. Всякій священникъ давалъ объ этомъ особую присягу.

Поведеніе священника въ этомъ случаѣ оправдывалось въ указѣ ученіемъ Христа Спасителя: „Аще согрѣшитъ къ тебѣ братъ твой, иди и обличи его между тобою и тѣмъ единемъ, аще тебѣ послушаетъ, пріобрѣлъ еси брата“. Симъ объявленіемъ священника (сказано въ указѣ) „не порокуется исповѣдь, понеже объявленіе беззаконія намѣреннаго, котораго исповѣдывающійся отстать не хочетъ и въ грѣхъ себѣ не вмѣняетъ, не есть исповѣдь ниже часть исповѣди, но коварное къ прельщенію совѣсти своей ухищреніе“.

Въ примѣръ подобныхъ исповѣдей приведены: исповѣди вора Талицкаго, царевича Алексѣя Петровича и

пензенскаго монаха Варлаама. Нѣтъ сомнѣнія, что когда духовнику исповѣдывающійся заявитъ о намѣреніи сдѣлать такое-то преступленіе и о нежеланіи отступить отъ своего намѣренія, то духовникъ, безъ всякаго указа, пойметъ, что такое заявленіе не входитъ въ составъ исповѣди, и донесетъ немедленно куда слѣдуетъ; совѣсть должна подсказать, что не донеся, онъ дѣлается соучастникомъ преступленія. Но въ эту эпоху, когда всякое слово неодобрительное о нововведеніяхъ Петра, о его уклоненіяхъ въ частной его жизни отъ стариннаго русскаго быта, о преслѣдованіи старой вѣры, о мѣрахъ тяжкихъ для народа и пр. считалось преступленіемъ,— такая строгая мѣра имѣла большое вліяніе на нравственность народа православнаго, на его довѣріе къ духовенству, неминуемо усилила расколы и подала еще больше пищи къ негодованію тѣмъ, которые до сихъ поръ, по фанатической привязанности къ старинѣ, осуждали Петра и нововводимые порядки.

„Слово и дѣло“ продолжалось во все время царствованія Петра. Это было несчастное наслѣдство, полученное имъ отъ предшествующихъ царствованій. Теперь насъ возмущаетъ этотъ варварскій обычай, вкравшійся въ Уложеніе, насъ поражаетъ убѣжденіе того времени въ законности истязаній нечеловѣческихъ, но тогда никого это не удивляло, все это дѣлалось по естественному, постепенному ходу событій, въ систематической послѣдовательности перехода идей грубыхъ, невѣжественныхъ, нравовъ дикихъ и очерствѣлыхъ къ понятіямъ здравымъ и чувствамъ человѣческимъ. Можетъ возникнуть вопросъ, отчего же Петръ, преобразовывая Россію, не обратилъ вниманія на этотъ страшный обычай, узаконенный Уло-

женіемъ? Разрѣшеніе этого вопроса принадлежитъ исторіи, но не той односторонней исторіи, изъ которой мы знали, что тогда-то взошелъ на престолъ Петръ, тогда-то мы сражались и взяли такіе-то города, столько-то убитыхъ и раненыхъ, такой-то заключенъ миръ съ иностранною державою и пр. и пр. Нѣтъ, намъ нужна рядомъ съ этимъ исторія нашего народа, какъ онъ жилъ и какъ управлялся, какія нравственныя начала или понятія служили основою для каждой народной единицы, чтобъ сознать, что преступно; какими юридическими понятіями руководствовались власти въ назначеніи наказаній за преступленіе и въ опредѣленіи самыхъ преступленій; нужно знать, какъ строилась Россія внутри при Петрѣ, какъ потомъ прояснялись идеи и сглаживались нравы и какъ наконецъ выстроилась Россія постепенно въ тотъ порядокъ, въ которомъ она является предъ нами. Мы видимъ ясно, что между нравственными началами и понятіями нашими и современниковъ Петра разница страшная, но какими путями совершился этотъ переходъ, что сохранили мы хорошаго или дурнаго отъ нашей старины, что мы пріобрѣли новаго хорошаго и дурнаго. Кого мы должны благодарить за хорошее, кто виноватъ въ пріобрѣтеніи дурнаго? Обвинять всегда гораздо удобнѣе и легче; нежели оправдывать, но когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ фактовъ и нравственныхъ побужденій историческихъ личностей, которые находятся въ непосредственной связи съ идеями и юридическими понятіями, существовавшими тому назадъ двѣсти лѣтъ, обвиненія и оправданія, основанныя исключительно только на нашихъ современныхъ понятіяхъ, будутъ всегда ошибочны.

Вся Европа прошла подъ страшными сводами инквизиціи,—мы испытали „слово и дѣло“. При Петрѣ оно было законно; но пришло время, и благодѣтельная рука Александра Благословеннаго подписала указъ объ уничтоженіи навсегда пытки и пристрастныхъ допросовъ.

„Слово и дѣло“ для насъ теперь преданіе, легенда, но въ немъ мы найдемъ обильный источникъ для исторіи нашего народнаго быта, во всѣхъ концахъ Россіи, съ подробностями о семейной и общественной жизни, объ идеяхъ, о нравственныхъ побужденіяхъ, о суевѣріяхъ и предразсудкахъ.

БЕРЕЗКА и КОРАБЛИКЪ.

(изъ дѣлъ Преображенскаго приказа).

ШЕСТНАДЦАТАГО іюля 1703 года, передъ начальникомъ страшнаго Преображенскаго Приказа, передъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромовскимъ явился стольникъ, князь Юрій Яковлевичъ Хилковъ, и объявилъ ему слѣдующій словесный извѣтъ:

„Тому нынѣ третій день, на московскомъ своемъ дворѣ смирялъ онъ человѣка своего, Родіона Семенова, за многія его вины, и тотъ-де его человѣкъ, Родіонъ Семеновъ, сказалъ за собою государево слово, и онъ-де того человѣка велѣлъ сковать, и чтобъ великій государь пожаловалъ его, велѣлъ извѣтъ его рѣшить, а человѣка его съ двора у него взять въ Преображенскій Приказъ".

Остановимся на время и передадимъ читателямъ, по какому случаю закричалъ Родіонъ Семеновъ „слово и дѣло," и за что, и какъ смирялъ его помѣщикъ.

Князь Юрій Яковлевичъ Хилковъ принадлежалъ къ

одной изъ первыхъ русскихъ княжескихъ фамилій. Родоначальники Хилковыхъ были знаменитые въ Русской исторіи XV вѣка князья Ряполовскіе, которые, неизвѣстно почему, въ XVI вѣкѣ перемѣнили свою фамилію и стали писаться: старшая вѣтвь князьями Хилковыми, а младшая князьями Татевыми. Князья Татевы угасли въ XVII вѣкѣ, князья Хилковы существуютъ и теперь.

Отецъ князя Юрія Яковлевича, князь Яковъ Васильевичъ, былъ женатъ на Аннѣ Иларіоновнѣ Лопухиной; черезъ нее князь Юрій былъ въ свойствѣ съ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ, сестра котораго была замужемъ за Авраамомъ Ѳедоровичемъ Лопухинымъ, братомъ первой жены Петра царицы Евдокіи. Братъ князя Юрія, Михайло, былъ женатъ на Марьѣ Петровнѣ Матюшкиной; другой братъ, князь Андрей Яковлевичъ, на Марьѣ Васильевнѣ Еропкиной *). Дочь князя Юрія, Прасковья, была замужемъ за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Долгоруковымъ, который игралъ столь важную роль въ царствованіе Петра II. Сестра князя Юрія была за княземъ Иваномъ Васильевичемъ Солнцевымъ-Засѣкинымъ. Самъ князь Юрій Яковлевичъ (род. 1661, ум. 1729) женатъ былъ три раза—въ первый на Евдокіи Петровнѣ Нелединской, во второй—на княжнѣ Домнѣ Васильевнѣ Касимовской и въ третій—на Марьѣ Максимовнѣ Свиньиной.

Дѣло, о которомъ мы разскажемъ, происходило въ то

*) Онъ былъ назначенъ въ 1700 году резидентомъ въ Швецію и по случаю войны съ Карломъ XII былъ задержанъ въ Стокгольмѣ, гдѣ и умеръ въ 1718 году (Бантышъ-Каменскій. „Словарь достоп. людей“).

время, когда князь Юрій былъ женатъ на княжнѣ Домнѣ Васильевнѣ Касимовской.

Князь Юрій Яковлевичъ, имѣя большія помѣстья, принадлежалъ, какъ и всѣ помѣщики того времени, къ одному изъ „кумпанствъ“ *), которыя обязаны были Петромъ сооружать корабли для флота. Члены кумпанствъ, по числу дворовъ вносили въ кумпанство извѣстную плату, Князь Юрій Яковлевичъ нашелъ раціональнымъ и справедливымъ, наложенную на него повинность отъ правительства переложить на крестьянъ своихъ, а сборъ этихъ денегъ поручилъ крѣпостному своему человѣку Родіону Семенову. Сверхъ того Родіону поручено было собирать съ крестьянъ и другіе сборы, положенные въ казну, какъ-то: на жалованье ратнымъ людямъ драгунскихъ полковъ, да въ Приказъ адмиралтейскихъ дѣлъ

---

*) Петръ Первый, возвратившись изъ-подъ Азова въ 1696 г., рѣшилъ построить въ одинъ годъ не менѣе 50 кораблей, отъ 20 до 30 пушекъ съ немалымъ числомъ галеръ и судовъ бомбардирныхъ. Столь огромныя предпріятія требовали и способовъ чрезвычайныхъ. Въ казнѣ денегъ на это не было, и царская дума возложила строеніе кораблей на помѣщиковъ и вотчинниковъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина, на гостей торговыхъ, на посады и слободы, не исключая и бѣлопашцевъ съ тѣмъ, чтобъ владѣльцы духовные съ 8,000 крестьянскихъ дворовъ, а свѣтскіе съ 10,000 выстроили по кораблю оснащенному и вооруженному, не позже апрѣля 1698 г. Помѣщики и вотчинники, имѣвшіе не менѣе 150 дворовъ крестьянскихъ, обязаны были къ 1 января 1697 г. явиться въ Москву въ помѣстный приказъ для корабельной раскладки, кому съ кѣмъ быть въ кумпанствѣ. По раскладкѣ корабельной повинности и по образованіи кумпанствъ все дѣло о постройкѣ судовъ передано изъ помѣстнаго приказа въ судный Владимірскій (Устряловъ „Исторія Петра В.“, т. II, стр. 305—307).

на починку кораблей и на дачу мастеровымъ людямъ. Для избѣжанія хлопотъ Родіону приказано было собираемыя деньги вносить прямо въ надлежащіе Приказы: кромѣ упрощенія въ разсчетахъ, тутъ была и другая цѣль: въ случаѣ недоимки, князя не безпокоили, брали подъ караулъ крестьянъ, творили надъ ними правежъ и прочія процедуры того времени.

Денежные сборы съ крестьянъ въ эту эпоху неустройства и общей государственной суматохи, были самымъ щекотливымъ дѣломъ и искусительною приманкою для сборщиковъ. Выборные отъ крестьянъ и посадскихъ людей сборщики, назначенные отъ правительства, безпрестанно попадались въ утайкѣ собранныхъ денегъ; что же мудренаго, что крѣпостной человѣкъ, не имѣвшій никакой собственности, не получавшій никакого жалованья кромѣ мѣсчины, затаивалъ иногда деньжонки изъ собранныхъ съ крестьянъ безотвѣтныхъ, и не все вносилъ въ Приказы? Но Родіону какъ-то не посчастливилось: въ Приказѣ открыли недоимку и засадили крестьянъ въ тюрьму. Дошли слухи объ этомъ до князя Юрія Яковлевича; желая удостовѣриться, такъ ли дѣло, князь послалъ въ Помѣстный Приказъ справиться другаго своего человѣка, Алексѣя... Какъ быть Родіону? Бѣда! Надо было выиграть время, чтобъ успѣть бѣжать. И Родіонъ употребилъ средства, весьма оригинальныя: онъ подкупилъ подъячаго Помѣстнаго Приказа, чтобъ княжескаго человѣка Алексѣя задержать въ Приказѣ и сковать за недоимку, которая, по его, Родіоновой, милости, числилась на баринѣ. Подъячій исполнилъ желаніе Родіона, который между тѣмъ побѣжалъ домой проститься съ женою. Здѣсь

ожидала его непріятная новость: пришелъ конюхъ Леонтій Стрижъ и объявилъ: „Зоветъ тебя, Родіонъ, въ передній подклѣть дворецкій Григорій Черемисиновъ, и хочетъ сковать“. Родіонъ смекнулъ, въ чемъ дѣло. „Прійду“, отвѣчалъ онъ конюху, а самъ съ двора долой.

Князю донесли о побѣгѣ Родіона. Онъ приказалъ забрать у жены Родіона изъ избы всѣ его пожитки и письма и принести къ себѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ подалъ прошеніе и жалобу въ Судный Приказъ и въ Помѣстный... Алексѣя, захваченнаго сюрпризомъ въ Помѣстномъ Приказѣ, отпустили, и дѣло о поступкѣ подъячаго потянулось вѣковѣчнымъ ходомъ, зацѣпляясь въ различныхъ замысловатыхъ и безполезныхъ справкахъ.

Между тѣмъ Родіонъ блуждалъ по Москвѣ: первую ночь проночевалъ у знакомаго своего человѣка полковника князя Михайла Михайловича Голицына, потомъ три ночи въ пустой лавкѣ на Никитской, близъ церкви Діонисія Ареопагита, потомъ двѣ ночи у человѣка стольника Степана Нелединскаго-Мелецкаго, Лаврентія Угрюмова. Родіонъ былъ друженъ съ Лаврентьемъ и разсказалъ ему свою бѣду, каялся въ своей винѣ и просилъ Лаврентья сходить къ князю упросить его, „чтобъ онъ, въ той его винѣ, что онъ отъ него сбѣжалъ, простилъ и не билъ бы его; а онъ де, Родіонъ, станетъ заслуживать, а въ деньгахъ-де на себя пороку онъ, Родіонъ, не положитъ и убытка собою не учинитъ, а справится онъ самъ подлинно“. Лаврентій взялся за ходатайство и умиротворилъ князя. 23 апрѣля возвратился Родіонъ къ барину съ повинною головою и просилъ дать ему очень недолгій срокъ для уплаты тѣхъ

денегъ, которыя онъ растратилъ. Князь согласился; но прошелъ срокъ, другой, а Родіонъ ничего не платилъ; князь, по общепринятому тогда обыкновенію, посадилъ у себя Родіона въ желѣза и принялся сперва изрѣдка, а потомъ и почаще смирять Родіона розгами, батогами, а иногда и кучерскимъ кнутикомъ. Такого рода смиренія производились тогда во всѣхъ углахъ Россіи. Родіону приходилось жутко, и тоже, по общепринятому тогда обыкновенію, онъ искалъ спасенія отъ страшныхъ побой въ магическихъ словахъ: *слово и дѣло.* „Слово и дѣло!“ закричалъ Родіонъ подъ ударами княжескихъ слугъ, смирявшихъ его по приказанію барина, и князь, какъ мы видѣли въ началѣ этого разсказа, принужденъ былъ объявить объ этомъ въ Преображенскомъ Приказѣ.

Три дня однакоже князь все раздумывалъ, выдавать ли Родіона князю Ѳедору Юрьевичу; а въ эти три дня Родіонъ припоминалъ все, что могъ бы сказать на князя, и когда за нимъ явились изъ Преображенскаго сержантъ съ солдатами, доносъ у него былъ готовъ въ головѣ.

Іюля 16, 1703, передъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ Родіонъ Семеновъ объявилъ:

„Государево-де слово за нимъ такое:

„Въ прошломъ году, какъ по указу великаго государя казнили на Москвѣ на площади вора Гришку Талицкаго и въ то-де число онъ, Родіонъ, ходилъ, по приказу помѣщика своего князь Юрья Хилкова, съ московскаго его двора, что межъ Никитской и Тверской, въ городъ къ Москворѣцкимъ воротамъ для покупки свѣжей рыбы на его помѣщиковъ расходъ, съ поваромъ Ефимомъ Коршуновымъ. Купя ту рыбу, принесъ онъ,

Родіонъ, къ нему, князь Юрью, на дворъ въ хоромы и положилъ передъ него. Въ то время, какъ поваръ разбиралъ передъ княземъ рыбу, князь спросилъ Родіона:

— А что, видѣлъ ли ты Талицкаго? кто къ нему ходитъ?

— Талицкаго видѣлъ, отвѣчалъ Родіонъ, и видѣлъ, какъ подъ него курево подпустили, а ходитъ къ нему преображенскій священникъ, да Ѳедоръ Ѳедоровъ сынъ Плещеевъ.

— Знаютъ они, кому и приказать, что съ нимъ Гришкою Талицкимъ говорить! сказалъ князь.

„И онъ Родіонъ ему князь Юрью противъ тѣхъ его словъ молвилъ: ходятъ-де къ нему Гришкѣ по указу великаго государя, и великій государь знаючи ихъ посылаетъ. И онъ-де князь Юрья молвилъ ему Родіону такое слово: „Богъ-де вѣдаетъ, что дѣлается, я де не чаю кому съ нимъ, Гришкою, какія слова говорить и о чемъ его спрашивать, онъ-де Гришка человѣкъ разумный“. И онъ-де Родіонъ, вышедъ отъ него князь Юрья изъ хоромъ въ переднія сѣни, и говорилъ повару Ефиму Коршуну: „Слышалъ ли-де ты, Ефимъ, что говорилъ помѣщикъ нашъ, князь Юрій Хилковъ?“

— „Какъ мнѣ тѣхъ словъ не слышать! отвѣчалъ поваръ, я тѣ слова отъ него князь Юрья слышалъ.

„И послѣ-де того, спустя недѣли съ двѣ, ходилъ онъ, Родіонъ, съ тѣмъ же поваромъ въ городъ купить свѣжей рыбы же на его жъ князь Юрья расходъ, и, идучи дорогою въ городъ, тому повару говорилъ для подтвержденія: а помнишь ты, Ефимъ, что помѣщикъ нашъ прежъ сего говорилъ про Гришку Талицкаго? — Какъ мнѣ того не помнить! отвѣчалъ поваръ.

„А въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ того Гришку Талицкаго казнили, и тѣ вышеписанныя слова помѣщикъ его князь Юрій Хилковъ говорилъ, и тому-де всему была у него Родіона записка въ тетрадехъ и ту-де записку и животы (имущество) его Родіоново, и всякія письма, и приходныя и расходныя книги, по приказу его князь Юрьеву у него Родіона обраты, и нынѣ-де та записка и животы его Родіоновы и всякія письма у него князь Юрья.

„Да въ прошломъ-де въ 202 г. (1694) лѣтомъ, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, того онъ Родіонъ сказать не упомнитъ, приходилъ къ помѣщику его, князь Юрью Хилкову, и къ женѣ его, княгинѣ Домнѣ, старецъ Савинъ, а котораго монастыря и чей онъ слыветъ, не знаетъ, по многи времена на московскіе его дворы, что въ Китаѣ и межъ Никитской и Тверской, и нынѣ тотъ старецъ къ нему же князь Юрью и къ женѣ его ходитъ же. И въ прошломъ 202 году, по приказанью того старца и по повелѣнью помѣщика его князь Юрья, княжій человѣкъ Леонтій Стрижъ снималъ березку, которая росла на церкви Божіей, у Ильинскихъ Воротъ, идучи изъ города на лѣвой сторонѣ близъ двора боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, подлѣ Бѣлаго Города, а какъ той церкви „во имя“, того онъ Родіонъ не знаетъ, а для чего и что изъ той березки дѣлали, того онъ Родіонъ не вѣдаетъ. Да по ихъ же старцеву и князь Юрьеву и жены его велѣнью сдѣланъ былъ на московскомъ его князь Юрьева дворѣ, что въ Китаѣ, корабликъ небольшой изъ драницъ, и поѣхалъ онъ князь Юрья и жена его и старецъ Савинъ на загородный свой дворъ, что за Петровскими

вороты у Убогова дома, тотъ корабликъ закопали на томъ дворѣ въ землю, а какъ-де тотъ корабликъ въ землю закопали, и въ то число были люди его князь Юрьевы вдова Мавра Емельяновская жена Лаговчина, да конюхъ Леонтій Стрижъ, а для чего тотъ корабликъ былъ сдѣланъ и въ землю отъ князь Юрья съ женою и съ старцемъ тотъ корабликъ закопанъ, того онъ Родіонъ ничего не вѣдаетъ, а вѣдаютъ про то про все вдова Мавра да конюхъ Леонтій.

„Да тотъ же-де старецъ съ того 202 году, приходя въ домъ къ матери его князь Юрьевой, княгинѣ Аннѣ Ларіоновнѣ дочери, вытравливалъ у дочери ея, у дѣвицы княжны Стефаниды, что нынѣ замужемъ за княземъ Иваномъ княжъ Васильевымъ сыномъ Сонцевымъ-Засѣкинымъ, изъ чрева ребенка, а прижилъ того ребенка у той дѣвицы князь Василій княжъ Матвѣевъ сынъ Оболенскій, и того-де ребенка у той дѣвицы тотъ старецъ изъ чрева не вытравилъ и съ тѣмъ ребенкомъ та дѣвица вышла замужъ, и вышедъ замужъ, спустя недѣли три, родила, и нынѣ тотъ ребенокъ живъ ли или нѣтъ, про то онъ Родіонъ не вѣдаетъ, а вѣдаетъ про то человѣкъ матери его, князь Юрьевой, Семенъ, Никитинъ сынъ, прозвище Четвергъ, также и про старца, гдѣ тотъ старецъ живетъ, вѣдаетъ тотъ же человѣкъ Семенъ, потому что онъ про того старца отъ нихъ князь Юрья и отъ жены его и отъ матери ѣзживалъ и къ нимъ того старца призывалъ“.

Родіонъ Семеновъ былъ неистощимъ; онъ выливалъ полною чашею свою желчь, накипѣвшую въ смирительныхъ подвигахъ.

„Да онъ же князь Юрья, какъ по указу великаго го-

сударя былъ у Соликамской воеводою, и въ то-де время, будучи въ томъ городѣ воеводою, торговалъ виномъ и табакомъ.

„А опричь-де того иного никакого государева слова за нимъ Родіономъ нѣтъ".

Окончивъ доносъ, Родіонъ сообразилъ, что его могутъ обвинить, отчего онъ такъ долго не доносилъ на помѣщика. По знакомству съ приказными и подъячими, ему были извѣстны всѣ юридическія опасности, и онъ поспѣшилъ оговориться.

„А напередъ сего въ томъ на помѣщика своего онъ Родіонъ не извѣщалъ для того, что въ нынѣшній Великій постъ помѣщикъ его князь Юрья Хилковъ держалъ его Родіона въ чепи (цѣпи) многое время, а какъ-де великій государь изволилъ идти съ Москвы въ Великій Новгородъ, и помѣщикъ-де его, князь Юрья Хилковъ, его Родіона приказалъ съ цѣпи свободить, а послѣ-де того онъ Родіонъ по сіе число не извѣщалъ потому, что-де великаго государя на Москвѣ нѣтъ, а дожидался онъ его великаго государя и хотѣлъ извѣстить ему великому государю самому, а въ Преображенскомъ Приказѣ стольнику князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому не извѣщалъ, убоясь его стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго потому, что помѣщикъ его князь Юрья Хилковъ ему стольнику князю Ѳедору Юрьевичу свойственный человѣкъ и однородецъ".

Доносъ былъ очень ловко составленъ, основательно обдуманъ и заключалъ въ себѣ разнородные предметы.

Во-первыхъ, обвиненіе въ сочувствіи къ Талицкому и хитрый намекъ, что князь зналъ его лично.

Талицкій—раскольникъ, казненный копченіемъ въ

1700 г., былъ въ глазахъ Петра, Ромодановскаго и прочихъ, преступникъ перваго разряда. Онъ сочинилъ тетрадки, въ которыхъ доказывалъ, изъ книгъ Священнаго Писанія, что Петръ Первый Антихри́стъ, имѣлъ намѣреніе напечатать эти тетрадки и подкидывать ихъ народу. Талицкій при розыскѣ въ глаза говорилъ это Петру. Это убѣжденіе Талицкаго, что Петръ Антихристъ, послѣ его мучительной смерти, перешло въ народъ; во всѣхъ концахъ Россіи, имя Талицкаго повторялось у раскольниковъ; знакомство съ Талицкимъ влекло неминуемо къ розыску.

Во-вторыхъ, извѣтъ о старцѣ, который приказывалъ срывать березку съ церкви, да еще строилъ и зарывалъ съ княземъ и съ его женою какой-то корабликъ, заключалъ въ себѣ обвиненіе въ колдовствѣ. Петръ Великій строилъ флотъ, а князь со старцемъ закапываютъ какой-то корабликъ—дѣло важное, таинственное. Колдовство надъ корабликомъ особенно могло разыграться очень худо для князя Юрья.

Учрежденіе кумпанства и вообще строенія кораблей было до крайности непріятно помѣщикамъ, и Петръ зналъ объ этомъ.

Мы разскажемъ одинъ случай изъ десяти, найденныхъ нами въ дѣлахъ Преображенской канцеляріи.

Стольникъ Яковъ Полтевъ въ 207 году (1698) у себя въ домѣ за ужиномъ разговаривалъ съ своимъ крестовымъ попомъ о разныхъ дѣлахъ, и, между прочимъ, коснулись до постройки кораблей на деньги помѣщиковъ и крестьянъ.

— Раззорили насъ корабли, да и въ конецъ намъ отъ нихъ погибнуть! говорилъ Полтевъ.

— Да будетъ ли когда вашимъ кораблямъ конецъ? спросилъ попъ.

— А тогда нашимъ кораблямъ конецъ будетъ, когда головы на немъ не будетъ.

Эти неосторожныя слова Полтевъ говорилъ громко, при своихъ крѣпостныхъ людяхъ, которые прислуживали за столомъ, и это не прошло ему даромъ.

Полтевъ, какъ и князь Юрій Яковлевичъ, и какъ всѣ прочіе помѣщики, тоже смирялъ нерѣдко своихъ крѣпостныхъ, и тоже, какъ и у князя Юрья Яковлевича, при одномъ такомъ смиреніи, человѣкъ Полтева сказалъ „слово и дѣло“.

Привели въ Преображенское; онъ донесъ, что помѣщикъ его часто говаривалъ: „въ корабли съ насъ деньги спрашиваютъ, а взять намъ негдѣ, потому что крестьяне скудны, денегъ намъ не платятъ, и въ корабли-де намъ денегъ платить нечѣмъ“.

Пошли допросы, переборка всѣхъ людей, достали и крестоваго попа—и болтовня за ужиномъ вышла на Божій свѣтъ.

Любопытно, что вся дворня Полтева доносила на него; одинъ только изъ слугъ, Ѳедька Петровъ, защищалъ барина и утверждалъ одинъ противъ всѣхъ, въ допросахъ, въ очныхъ ставкахъ, въ пыткахъ, что баринъ его никогда ничего противнаго не говаривалъ. Полтевъ долго не сознавался и, наконецъ, сознался только лично передъ Петромъ, что „говорилъ непристойныя слова о корабляхъ и объ немъ съпьяну, воротясь изъ гостей“. Это было марта 1-го, а 13-го марта переспросили Ѳедьку Петрова: онъ все твердилъ, что баринъ никогда ничего не говорилъ.

29 мая 1700 г. Петръ, лично присутствуя въ Преображенскомъ Приказѣ, объявилъ слѣдующее рѣшеніе: Доносчика, Полтева человѣка, Ивашку Бѣлосельскаго. который донесъ на своего барина съ женою и съ дѣтьми, изъ кабальнаго холопства свободить и дать ему изъ Преображенскаго Приказа отпускную, а хоромное его строеніе, которое на дворѣ Якова Полтева, и животы его отдать ему Ивашкѣ. Полтеву объявить смертную казнь, но, снявъ съ плахи и заклеймя, послать въ Азовъ.

Наказанье Полтева было извѣстно всей Москвѣ, и Родіонъ слышалъ объ немъ, и весьма хитро приплелъ въ своемъ доносѣ корабликъ.

Наконецъ, въ-третьихъ, торгъ виномъ и табакомъ, въ чемъ Родіонъ обвинялъ князя во время его воеводства въ Соликамскѣ, хотя и не составлялъ преступленія, подходящаго подъ слово и дѣло, но это обвиненіе роняло князя въ мнѣніи Петра.

Если бы подобный доносъ поступилъ къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому на какого-нибудь незнатнаго помѣщика, какъ князь Хилковъ, и притомъ еще не родственника, то, конечно, въ теченіе 24 часовъ, помѣщика бы схватили и посадили въ желѣза вмѣстѣ съ доносчикомъ; но тутъ повели дѣло иначе.

На другой день Родіона Семенова допросили, кто еще былъ въ хоромахъ князя Хилкова, когда князь говорилъ ему при поварѣ про Гришку Талицкаго, кто слышалъ эти слова и почему до сихъ поръ онъ не доносилъ?

Родіонъ отвѣчалъ, что „въ то время въ хоромахъ никого не было, кромѣ матери князя, вдовы княгини

Анны Ларіоновны, и жены князя, княгини Домны; но вышеписанныя слова слышали ли они или нѣтъ, того онъ Родіонъ не вѣдаетъ. А того-де времени, какъ Гришку Талицкаго казнили, по нынѣшній Великій постъ, онъ Родіонъ и на его князь Юрья въ тѣхъ вышеписанныхъ словахъ не извѣщалъ для того, что-де онъ Родіонъ искалъ о томъ извѣтѣ себѣ времени, въ которое бы время лучше было извѣстить".

На другой день (17 іюля) князь Хилковъ прислалъ въ Преображенскій Приказъ повара Ефима Коршуна и людей своихъ, Григорья Черемисинова и Алексѣя Третьякова, на которыхъ Родіонъ Семеновъ показалъ, что они обобрали все его имущество по приказанію барина, и въ немъ тетрадку, въ которой онъ написалъ подробно о своемъ баринѣ. Вмѣстѣ съ людьми этими князь Хилковъ прислалъ и всѣ ящики и сундуки и подголовокъ, взятые у жены Родіона.

При осмотрѣ бумагъ, Родіонъ объявилъ, что тетради этой тутъ нѣтъ и съ прочими она вынута, „а кто вынулъ, не вѣдаетъ".

Люди князя Хилкова подтвердили, что вещи Родіона отнесли къ князю, но были ли тамъ тетрадка и письма о Талицкомъ, они не знаютъ, потому что бумагъ не пересматривали. Ихъ освободили на росписку.

Привели къ допросу единственнаго свидѣтеля, на котораго показывалъ Родіонъ въ словахъ князя о Талицкомъ, повара Ефима Коршуна.

Поваръ объявилъ положительно, что съ Родіономъ покупать рыбы не хаживалъ, отъ барина о Талицкомъ разговору не слышалъ и съ Родіономъ объ этомъ ни-

какихъ разговоровъ не имѣлъ, и тѣмъ-де всѣмъ тотъ Родіонъ его Ефима поклепалъ напрасно.

Дали очную ставку.

Родіонъ утверждалъ прежнее—поваръ свое.

Преображенскій Приказъ отложилъ на время розысканіе по этому пункту, а занялся приведеніемъ въ ясность доноса о старцѣ, о березкѣ и о карабликѣ.

22 іюля, князь Юрій Хилковъ прислалъ въ Приказъ людей своихъ: вдову Мавру Емельяновскую Лаговчину, конюха Леонтья Стрижа, и матери своей, вдовы княгини Анны, человѣка Семена Четверга.

Мавра, передъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ разсказала нѣкоторыя подробности о старцѣ:

„Тому нынѣ лѣтъ съ десять (1693), у князь Юрья Хилкова, сыну его князь Якову двухлѣтнему учинилась причина: нашелъ на него страхъ и кричалъ безпрестанно и бросался къ ней Маврѣ на груди, потому что она Мавра была ему мама, и ради-де лечьбы того его сына, прихаживалъ къ нему князь Юрью и къ женѣ его княгинѣ Домнѣ въ домъ старецъ Савинъ, а котораго монастыря и чей слыветъ, не знаетъ, и на московскомъ-де его дворѣ, въ хоромехъ тотъ старецъ съ небольшой березки, того его сына князя Якова скатилъ водою, и съ того-де числа тому его сыну стало быть польготнѣе и живъ былъ отъ роду девять лѣтъ, а ту березку тотъ старецъ съ собою ли принесъ, или кто ему далъ и тою водою съ той березки окачивалъ съ наговоромъ ли, или безъ наговору, про то она не вѣдаетъ, а какъ тотъ старецъ отъ него князь Юрья изъ хоромъ пошелъ и ту березку взялъ съ собою и съ человѣкомъ его князь Юрьевымъ, съ конюхомъ Леонтьемъ

Стрижомъ, поѣхали на загородный его князь Юрьевъ дворъ, что за Петровскими вороты, и на томъ дворѣ ту березку закопали въ землю, про то она слышала отъ того конюха, а гдѣ закопана и для чего, того не вѣдаетъ, а длиннаго-де кораблика изъ драницъ въ домѣ его князь Юрьевомъ она не видала, и для чего сдѣланъ былъ, и на томъ загородномъ дворѣ въ землю закопали, того не вѣдаетъ, и ни отъ кого про то не слыхала".

Дали очную ставку Родіону съ Маврой; Родіонъ утверждалъ, что Мавра о кораблікѣ знаетъ; Мавра стояла на своемъ, что ничего не знаетъ.

Принялись за конюха Леонтія Стрижа, который, по увѣренію Родіона, доставалъ для старика березку съ церкви Іоанна Богослова, что въ Китаѣ, близъ двора боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго.

Конюхъ Леонтій объявилъ, что онъ старца Савина знаетъ, слышалъ, что онъ ходитъ къ князю для лѣченья дѣтей, но березки съ церкви не доставалъ — „и тѣмъ извѣтчикъ клеплетъ его напрасно; а тому-де будетъ лѣтъ съ десять, жена князя княгиня Домна посылала его къ Измайлову въ Сафроновскую рощу для взятія маленькой березки, и онъ такую березку принесъ, и слышалъ отъ своихъ людей, что тотъ старецъ съ той березки окачивалъ сына князя Якова, и ту березку закопалъ онъ въ землю, по повелѣнью княгини, на загородномъ княжескомъ дворѣ, а кораблика изъ драницъ никакого онъ не видалъ и въ землю не закопалъ".

Наконецъ, конюхъ матери князя Юрья Хилкова, княгини Анны—Семенъ, по прозвищу Четвергъ, показалъ, „что онъ въ разныя времена, по приказанію князя, жены его и матери, привозилъ къ нимъ старца Савина, жив-

шаго тому лѣтъ съ восемь или съ десять за Ильинскими воротами въ Стрѣлецкой слободѣ; но что онъ дѣлалъ въ домѣ княжескомъ, не знаетъ, потому что когда онъ приводилъ старца въ хоромы, его, Семена, изъ хоромъ высылали".

23-го іюля, князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій потребовалъ къ допросу самого князя Юрья Яковлевича Хилкова.

Князь отвѣчалъ противъ сдѣланнаго на него доноса, что объ Талицкомъ, какъ показывалъ Родіонъ, онъ никогда никакихъ разговоровъ не имѣлъ, и Родіонъ „клеплетъ его князь Юрья напрасно, отбывая воровства своего"; изъ бумагъ Родіона тетрадки не вынималъ, а писемъ его не разбиралъ, и всѣ сундуки, ящики, подголовокъ и проч. представилъ въ Преображенскій Приказъ, не тронувъ ихъ. Въ прошломъ 202 году (1694), старецъ Савинъ прихаживалъ къ нему лечить его сына князь Якова, страдавшаго притотчною болѣзнію. По приказанью старца, онъ посылалъ своего человѣка Леонтія Стрижа выкопать березку изъ рощи, гдѣ онъ найдетъ, и старецъ Савинъ съ той приносной березки сына его князь Якова отъ болѣзни его окачивалъ водою, а съ наговоромъ ли или безъ наговору, того онъ князь Юрья не вѣдаетъ; потомъ эту березку тотъ старецъ съ человѣкомъ его Леонтьемъ Стрижомъ закопали на загородномъ его князь Юрьевѣ дворѣ въ землю, а котораго монастыря тотъ старецъ и какъ ему отечество и прозваніе и гдѣ нынѣ тотъ старецъ живетъ, того онъ князь Юрья не знаетъ, а сказывался-де тотъ старецъ, что онъ пріѣзжій и пріѣзжая живалъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, а откуда тотъ старецъ пріѣз-

живалъ, про то ему князь Юрью тотъ старецъ не сказывалъ; „и послѣ-де того 202 году“ старецъ къ нему хаживалъ для такихъ же дѣтскихъ болѣзней не одинъ разъ, но нынѣ уже съ полгода пересталъ ходить. Кораблика ни онъ, ни жена его, ни старецъ Савинъ никакого не дѣлали и нигдѣ не видали“.

Оставалось еще князю объяснить самые щекотливые вопросы: о вытравливаніи старцемъ у сестры его княжны Стефаниды ребенка и о своей торговлѣ виномъ и табакомъ въ Соликамскѣ, во время своего воеводства. По первому вопросу онъ отдѣлался наивнымъ невѣдѣніемъ: „А въ домъ-де къ матери его князь Юрьевой княгинѣ Аннѣ тотъ старецъ приходя въ 202 году, у дочери ея, а его князь Юрьевой сестры, у дѣвицы княжны Стефаниды, что нынѣ замужемъ за князь Иваномъ Сонцовымъ-Засѣкинымъ, изъ чрева ребенка вытравливалъ или нѣтъ, также та его сестра, дѣвица княжна Стефанида, выдана за князь Ивана Сонцова-Засѣкина, чревата или нѣтъ, того ничего онъ князь Юрья не вѣдаетъ.

Свою честь и доброе имя, по запрещенной торговлѣ виномъ и табакомъ, князь защищалъ положительно: „Какъ-де онъ князь Юрья, въ 203 году, по указу великаго государя, былъ у Соликамской воеводою и въ то-де время въ бытность свою въ томъ городѣ виномъ и табакомъ онъ князь Юрья не торговалъ“.

Весь іюнь мѣсяцъ прошелъ въ очныхъ ставкахъ, въ разспросахъ людей князя Хилкова, на которыхъ указывалъ Родіонъ по запрещенной торговлѣ въ Соликамскѣ виномъ и табакомъ и въ закапываніи кораблика— и всѣ люди подтверждали, что князь не торговалъ, а

кораблика никто никакого не дѣлалъ и не видали. Въ августѣ мѣсяцѣ отъискали старца Савинова. Показанія его въ допросѣ очень любопытны, и потому мы передадимъ ихъ вполнѣ.

„Родиною онъ костромитинъ, въ бѣльцахъ былъ посадскій человѣкъ Семенъ Галкинъ, живучи въ посадѣ, промышлялъ — ростилъ солодъ.

„И тому нынѣ лѣтъ съ пятьдесятъ, какъ жилъ въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, въ Ферапонтовѣ Пустыни святѣйшій Никонъ патріархъ, и въ то время онъ, Савинъ, былъ въ Соловецкомъ монастырѣ, по обѣщанію молился, и идучи изъ Соловецкаго монастыря, зашелъ къ нему, святѣйшему патріарху, по знакомству, потому какъ онъ, святѣйшій патріархъ, прежъ того жилъ въ Воскресенскомъ монастырѣ и въ то время онъ, Савинъ, будучи бѣльцомъ, въ тотъ монастырь пріѣзживалъ молиться, и потому онъ, святѣйшій патріархъ, его, Савина, зналъ, и потому знакомству будучи въ Ферапонтовѣ монастырѣ, его постригъ для того, что онъ былъ не женатъ; и постригшись, жилъ у него, святѣйшаго патріарха, всего девять лѣтъ, да у него же, святѣйшаго патріарха, съ нимъ же, Савинымъ, жили черные дьяконы Питиримъ да Рувимъ.

„И живучи въ томъ Ферапонтовѣ монастырѣ, онъ, святѣйшій патріархъ, лечивалъ у многихъ людей всякія болѣзни по травнику и по лечебнику, а для того леченья строилъ изъ разныхъ травъ и изъ коренья водки, а тѣ травы сбирывалъ, ѣздя съ нимъ, Савинымъ, и съ вышеозначенными дьяконами, съ Питиримомъ и съ Рувимомъ, по рѣкамъ, озерамъ и по лѣсамъ, и по полямъ, и тому леченью онъ, святѣйшій патріархъ,

научилъ и его, Савина, и для того леченья съ того лечебника и съ травника далъ имъ списывать, а ему святѣйшему патріарху, тотъ лечебникъ и травникъ на Римскомъ языкѣ вывезъ изъ Персиды и перевелъ на Греческій, а съ Греческаго на Русскій языкъ, греченинъ, старецъ Мелетій.

„И какъ въ прошлыхъ же годахъ, его, святѣйшаго патріарха, изъ Ферапонтова монастыря перевели въ Кирилловъ Монастырь и отдали за караулъ, и въ то время онъ Савинъ и вышеписанные дьяконы сошли къ Москвѣ и съ того времени и по сіе число живетъ онъ Савинъ на Москвѣ. Переходя по разнымъ монастырямъ, лечилъ всякихъ чиновъ многихъ людей отъ порчей, отъ падучихъ, отъ лихорадочныхъ, отъ притошныхъ и отъ иныхъ многихъ болѣзней безъ наговоровъ и безъ шептанья, а для тое лечьбы травы и иныя лекарства, по лечебнику, который списалъ онъ у него, святѣйшаго патріарха, покупалъ изъ аптеки и изъ зеленнаго ряду.

„А стольника князь Юрья Хилкова знаетъ онъ Савинъ, потому что онъ Савинъ хаживалъ къ отцу его, князю Якову, по старинному знакомству, а не для леченья.

„И тому нынѣ десятый годъ, князь Юрья Хилковъ, увѣдавъ, невѣдомо отъ кого, отъ сторонних людей, что онъ Савинъ лечитъ людей, призвалъ его Савина къ себѣ въ домъ и почалъ ему говорить, что на сынѣ его, князь Львовѣ, двухъ годовъ, есть тяжелая падучая болѣзнь, и чтобъ онъ Савинъ ту болѣзнь вылечилъ.

„И онъ Савинъ того его сына отъ той болѣзни ле-

чилъ, а для той лечьбы покупалъ по лечебнику своему изъ аптеки травы, которыя къ той болѣзни надобны, изъ тѣхъ травъ дѣлалъ водки и тѣ водки давалъ тому его князь Юрьеву сыну пить.

„И какъ тѣ водки тотъ князь Юрьевъ сынъ сталъ пить, и отъ того та падучая болѣзнь вышла изъ него вся и послѣ того, самое послѣднее, велѣлъ онъ Савинъ, по тому же своему лечебнику, выкопать гдѣ ни есть въ лѣсу березку съ коренемъ маленькую, и какъ такую березку выкопали и привезли къ князю Юрью Хилкову на дворъ, и онъ Савинъ у той березки отсѣкъ вершину и бросилъ, а корень той березки онъ же да князь Юрья Хилковъ съ женою, того своего сына взявъ, ѣздили на его князь Юрьевъ загородный дворъ, что за Петровскими вороты, у убогихъ дому, и на томъ дворѣ въ его князь Юрьевѣ свѣтлицѣ, поднявъ полъ, велѣли конюху ихъ, а имени ему не упомнитъ, выкопать яму глубиною въ колѣно и въ ту яму положилъ онъ, Савинъ, тотъ березовый корень и надъ тѣмъ коренемъ того князь Юрьева сына, князь Якова, его же князь Юрьева жена держала руками подъ пазухи, а онъ Савинъ, взявъ изъ колодезя воды, и тою водою того ихъ сына надъ коренемъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа окатилъ, и окатя, въ то же время тотъ корень въ той ямѣ зарыли, для того, чтобъ та болѣзнь впредь не отрыгнула, и о томъ въ томъ его, Савиновѣ, лечебникѣ написано именно.

„И послѣ того, спустя дни съ два или съ три, та болѣзнь на томъ его князь Юрьевѣ сынѣ объявилась попрежнему для того: столяры, которые на томъ загородномъ дворѣ жили, чаяли, что они въ томъ под-

польѣ искали кладу и послѣ ихъ, какъ они съ того съ двора съѣхали, ту яму разрыли и тотъ березовый корень вырыли, и онъ, Савинъ, того сына надъ тѣмъ же коренемъ окачивалъ на томъ же загородномъ дворѣ, при немъ же князь Юрьѣ и при женѣ его въ другой разъ и зарыли тотъ березовый корень въ иномъ мѣстѣ, и послѣ того той болѣзни на томъ его князь Юрьевѣ сынѣ никогда не помянулось, лѣтъ съ десять, по самую его кончину, для того, что того корня никто не нашелъ.

„Да въ то же время, какъ онъ того его князь Юрьева сына лечилъ, мать его, князь Юрьева, говорила ему, Савину: есть ли-де у тебя такія вещи, чтобъ младенца изъ утробы вытравлять? а у кого, про то именно ему не сказала, и онъ, Савинъ, въ томъ ей отказалъ и сказалъ, что то дѣло не его, потому что онъ такихъ вещей не дѣлаетъ и не знаетъ; а послѣ тѣхъ же словъ слышалъ онъ, Савинъ, ихъ же двора отъ людей, а отъ кого — не упомнитъ, потому что давно — что ея княгинина дочь дѣвка выдана замужъ за солдата брюхата и послѣ вскорѣ родила. А изъ утробы у той княжны младенца онъ не вытравливалъ и вышеписанной березки съ церкви не снимывалъ и снимать никому не веливалъ, и за волшебствомъ, и за еретичествомъ не ходитъ, и еретиковъ, и волшебниковъ никого не знаетъ; а книга его лечебникъ, почему онъ лечитъ людей, въ прошлыхъ годахъ, какъ горѣли на Москвѣ ряды, и въ то время, въ Богоявленскомъ монастырѣ въ кельѣ его сгорѣла, и нынѣ онъ, Савинъ, никого не лечитъ и отъ того отъ всего отсталъ, потому что лечить стало не по чему“.

Отъ кораблика Савинъ отказывался: не дѣлалъ его, не видалъ и въ землю не закапывалъ.

Такимъ образомъ, всѣ лица, указанныя Родіономъ Семеновымъ, были допрошены. Доносъ о словахъ князя Юрія Хилкова о Талицкомъ не подтвержденъ никѣмъ; доносъ о корабликѣ и запрещенной продажѣ виномъ и табакомъ опровергнутъ всѣми свидѣтелями, приведенными самимъ Родіономъ; въ доносѣ на старца Савина волшебства и еретичества не оказалось. Въ очныхъ ставкахъ съ Родіономъ никто не подтвердилъ его извѣтовъ. Наступилъ страшный моментъ розыска.

Родіона (31-го августа) повели въ застѣнокъ, раздѣли, и у дыбы, по установленному порядку, допросили. Положеніе Родіона было безвыходное: сознаться, что „поклепалъ напрасно“, для подтвержденія будетъ пытка; стоять на прежнемъ показаніи — та же пытка. Въ надеждѣ выиграть время, онъ прибѣгнулъ къ особенному средству: объявилъ еще новое слово и дѣло на князя Юрія Хилкова.

„Все, что я говорилъ въ извѣтѣ своемъ и въ очныхъ ставкахъ на князя Юрья Хилкова, то все говорилъ правду, и, сверхъ того, есть за мною, Родіономъ, государево слово до него князя Юрья, и въ томъ словѣ есть у меня на него князя Юрья явное свидѣтельство, письменная улика, которая у меня Родіона спрятана“.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій спросилъ его, какое зто государево слово? и чтобъ сказалъ о томъ подлинно и письменную улику подалъ бы. Родіонъ молчалъ.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ приказалъ вздернуть на дыбу и при 25 ударахъ кнута требовалъ отъ него пока-

занія и улики. Родіонъ съ твердостью отвѣчалъ, что онъ того государева слова не скажетъ ему и письменной улики за свойствомъ его не подастъ (Ромодановскій, какъ мы выше показали, былъ свойственникъ князю Хилкову). А какое государево слово до него князя Юрья и гдѣ та письменная улика положена, про то онъ Родіонъ скажетъ и ту письменную улику подастъ самому государю.

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ задумался. Дружба дружбой, а служба службой! Какъ ни хотѣлось ему поменьше распрашивать князя Юрья по родству, но дерзкій и твердый отвѣтъ съ дыбы Родіона Семенова смутилъ его. Кто знаетъ? не былъ ли его свойственникъ князь въ связяхъ съ Талицкимъ? нѣтъ ли у него тетрадей Талицкаго, которыя были такъ ненавистны Петру? какими уликами грозилъ Родіонъ Семеновъ?

Двѣ недѣли прошли въ частныхъ, домашнихъ переговорахъ. Хилковъ увѣрялъ Ромодановскаго въ ложности доноса, но князь Ѳедоръ Юрьевичъ нашелъ болѣе покойнымъ соблюсти форму и пораспросить все семейство князя Хилкова въ Преображенскомъ Приказѣ, безъ всякаго лицепріятія.

14-го сентября явился въ Преображенское передъ княземъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ князь Юрій Яковлевъ Хилковъ, жена его, княгиня Домна, и мать его, вдова, княгиня Анна.

Они всѣ подтвердили въ формальномъ допросѣ, что когда Талицкаго казнили, такихъ словъ, какъ показываетъ Родіонъ, онъ князь не говорилъ, а жена его и мать присовокупили, что они не помнятъ, за давнопрошедшимъ временемъ, были ли они въ тотъ день у князя.

О вытравливаньи ребенка мать князя проговорилась, что она спрашивала у старца Савина: есть ли у него такія вещи, чтобъ младенца изъ утробы вытравить, но спрашивала единственно для того, чтобъ убѣдиться, нѣтъ ли за нимъ въ леченьи какого волшебства или еретичества, потому что онъ лечилъ ея внука. И еслибы тотъ старецъ, говорила княгиня, такія вещи у себя сказалъ, то она, княгиня Анна, хотѣла его, старца, за то съ двора отъ себя сбить, но онъ старецъ сказалъ, что онъ такихъ вещей не знаетъ и такое-де дѣло не его. И вышеписанный старецъ Савинъ, приходя къ нимъ въ домъ, у дочери ея, княжны Стефаниды, изъ утробы младенца не вытравливалъ и вытравливать было нечего, потому что та ея дочь за князя Ивана Сонцова-Засѣкина замужъ выдана прежде того времени, какъ тотъ старецъ сталъ къ нимъ въ домъ ходить для леченья ея внука, а въ которомъ году та ея дочь замужъ выдана, о томъ сговорная запись и нынѣ у нихъ въ домѣ".

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ, хотя и успокоился насчетъ своихъ родственниковъ, но рѣшительный тонъ Родіона на пыткѣ сбилъ его съ толку: дѣйствительно ли князь ничего не говорилъ о Талицкомъ? не былъ ли онъ съ нимъ въ сношеніяхъ? Оставался одинъ свидѣтель этого происшествія, поваръ князя, Ефимъ Коршунъ. 16-го сентября повара отвели въ застѣнокъ, и князь Ѳедоръ Юрьевичъ распросилъ его аккуратно; несчастный поваръ, которому влѣпили 30 ударовъ для перваго раза, твердилъ одно и то же: такихъ словъ, какъ показалъ извѣтчикъ Родіонъ Семеновъ, про Гришку Талицкаго отъ князя Юрья Хилкова онъ Ефимъ не слыхалъ.

Ромодановскій еще разъ велѣлъ поднять на дыбу Ро-

діона. Какое государево дѣло онъ знаетъ за княземъ Юрьемъ? чьей руки письменная улика? гдѣ она спрятана? спрашивалъ Ромодановскій. Новое ли дѣло, или по тому же, по которому онъ доносилъ?

Родіонъ съ мужествомъ выдержалъ мученія и отвѣчалъ: „Государево слово до него же, князь Юрья, онъ Родіонъ сверхъ вышеписаннаго своего извѣта, объявляетъ, и въ томъ словѣ улика—письма его князь Юрьева руки — у него Родіона спрятаны, а какое государево слово до него князя Юрья, и гдѣ та письменная улика положена, про то онъ Родіонъ скажетъ и ту улику подастъ самому государю“.

Петра не было въ это время въ Москвѣ: онъ воевалъ съ шведами и подъ ихъ ядрами строилъ Петербургъ. 11-го ноября Петръ возвратился въ Москву, гдѣ устроена была торжественная встрѣча, по случаю одержанныхъ надъ шведами побѣдъ; 24 ноября Петръ уѣхалъ въ Воронежъ и воротился въ Москву только 17-го декабря. 29-го января 1704 онъ пришелъ въ Преображенскій Приказъ, и Родіонъ Семеновъ распрашиванъ передъ самимъ великимъ государемъ: „Сверхъ объявленнаго имъ извѣту на князя Юрья Хилкова, какое его государево слово за нимъ Родіономъ есть и письменная о томъ улика князя Юрьева руки Хилкова о чемъ и гдѣ у него спрятана?

Родіонъ объявилъ государево слово на него Хилкова такое: „Онъ, князь Юрья отъ государевыхъ службъ отдѣлывался нарочно болѣзнями, будто боленъ. Въ прошлыхъ 1701 и 1702 годахъ подавалъ онъ князь генералъ-майору Ивану Ивановичу Чамберсу двѣ челобитныя, чтобъ его за болѣзнію на службу не посылать и

ту болѣзнь осмотрѣть. По приказанію Чамберса осматривали его князь Юрья, у него князя на дворѣ, лекаря иноземецъ Андрей Буровъ и Филимонъ Геникъ и какіяде болѣзни ему князь Юрью въ тѣхъ своихъ осмотрахъ написали, того онъ Родіонъ не знаетъ, только-де онъ князь Юрья боленъ не леживалъ, ѣздилъ по Москвѣ и по деревнямъ своимъ всегда свободно. А въ 1703 году объ отставкѣ отъ службы и челобитья его князь Юрьева у генерала не было; а кто его на Москвѣ отъ службы отставилъ, про то вѣдаетъ онъ князь Юрья самъ".

„Улика письменная Родіона была черная челобитная къ Чамберсу объ отставкѣ отъ службы, которая хранилась у брата Родіонова, у солдата полку губернатора Александра Даниловича Меншикова, у Василья Семенова".

Сверхъ-того Родіонъ еще объявилъ, что когда по государеву указу велѣно было изъ боярскихъ домовъ приводить мастеровыхъ людей въ Приказъ земскихъ дѣлъ въ солдаты для карауловъ и подавать сказки, сколько у кого во дворѣ какихъ мастеровыхъ людей, то князь велѣлъ ему Родіону скрыть двухъ человѣкъ портныхъ мастеровъ и не писать въ сказкѣ; а когда спрашивали съ помѣщиковъ и вотчинниковъ въ золотую палату подъ драгуновъ лошадей и велѣно было подавать свои сказки, князь Юрій Хилковъ не подавалъ такой сказки и на замѣчаніе Родіона, чтобъ не было какого худа— отвѣчалъ: изойдетъ-де и такъ.

„Такое-то за нимъ Родіономъ на него князь Юрья твое государево слово".

Петръ приказалъ доложить себѣ тутъ же все дѣло о Родіонѣ. Прочлип ередъ царемъ выписку, въ которой

изложены были всѣ прежніе допросы, очныя ставки и пытки, и царь приказалъ: Родіона Семенова, повара Ефима Коршуна съ товарищи и вдову Мавру Лаговчину, съ которыми у него извѣтчика въ чемъ споръ, пытать, а князь Юрьеву мать Хилкова, вдову княгиню Анну, послать къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину и велѣть ей быть на прядильномъ дворѣ въ работѣ.

Вопросъ объ вытравливаніи ребенка у беременной ея дочери, съ которымъ она обращалась къ старцу Савину, привелъ ее къ этому наказанію. Прядильный дворъ былъ въ родѣ арестантскаго, рабочаго дома, созданный Петромъ для преступницъ-женщинъ. Впослѣдствіи Прядильный дворъ изъ Москвы былъ переведенъ, при Петрѣ-же въ Калинкинскую деревню при Петербургѣ.

Теперь судьба князя Хилкова зависѣла отъ стойкости повара; если онъ выдержитъ три пытки и не собьется, то онъ спасенъ; если же скажетъ, что князь дѣйствительно говорилъ про Талицкаго, то ему князю придется висѣть на дыбѣ и опровергать ложное показаніе Родіона подъ кнутными ударами.

Поваръ Ефимъ Коршунъ выдержалъ застѣночный экзаменъ примѣрно, или, точнѣе сказать, безпримѣрно.

11-го марта 1704, его и Родіона пытали во второй разъ. Дали по 30 ударовъ. Ефимъ прибавилъ къ прежнимъ своимъ рѣчамъ только то, что ходилъ съ Родіономъ покупать рыбу, когда Гришку Талицкаго казнили, и возвратясь къ князю, когда показывали рыбу, Родіонъ самъ отъ себя разсказывалъ князю, какъ подъ Талицкаго положили курево, но на это князь Юрій не сказалъ ни слова.

25 мая дали Ефиму и Родіону по 25 ударовъ. Ефимъ не подтвердилъ доноса Родіонова.

16 сентября дали 25 ударовъ Ефиму, 30 ударовъ Родіону; оба твердили каждый свое. Пять ударовъ лишнихъ пришлось на долю Родіона вѣроятно потому, что онъ больше говорилъ, чѣмъ Ефимъ.

10 ноября дали обоимъ поровну по 25 ударовъ—тѣ же рѣчи, что и прежде.

Неизвѣстно, долго ли продолжались бы эти страшные юридическіе экзамены, еслибъ 26 февраля 1705 не прислали изъ Ингерманландской канцеляріи бумагъ отъ брата Родіона, солдата Василья, въ которой должна была находиться письменная улика на князя Хилкова объ отбываніи отъ службы.

Распечатали бумаги, и въ нихъ найдена черная челобитная, „а кто бьетъ челомъ, того невѣдомо, потому что въ ней имени не написано, а написано имярекъ, чтобъ для службы болѣзнь его осмотрѣть и по осмотру указъ учинить“.

Другая бумага бѣлая челобитная именемъ князя Юрья Хилкова Овчинной Слободы на Кондратья Данилова, на Михайла Васильева, чтобъ доправить на нихъ проѣсть и волокиты.

Третье: письмо, сколько въ его князя Юрья вотчинѣ продано барановъ и что за нихъ денегъ взято.

Присылка этихъ бумагъ, въ которыхъ не было никакихъ соотношеній къ вопросамъ, по которымъ цѣлый годъ тянулся кровавый споръ у Родіона съ Ефимомъ, положила конецъ дѣлу.

На другой же день состоялось рѣшеніе Преображенскаго Приказа: „1705 года, февраля въ 27 день, по

указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца, стольникъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій съ товарищи, сего дѣла слушавъ, приказалъ: князь Юрьева человѣка Хилкова извѣтчика Родіона Семенова за то, что онъ на него князь Юрья въ извѣтѣ своемъ сказалъ и съ пяти пытокъ говорилъ: какъ-де казнили на Москвѣ на площади вора Гришку Талицкаго и того-де числа онъ князь Юрья при немъ Родіонѣ и при человѣкѣ же своемъ, при поварѣ Ефимѣ Коршунѣ, будучи у себя въ домѣ, его, Гришку, хвалилъ и называлъ умнымъ человѣкомъ, а Ефимъ Коршунъ въ распросѣ и съ нимъ Родіономъ въ очной ставкѣ, и съ пяти же пытокъ, сказалъ: такихъ-де словъ про Талицкаго онъ, Ефимъ, отъ князя Юрья Хилкова никогда не слыхалъ; онъ же извѣтчикъ Родіонъ, будучи въ Преображенскомъ Приказѣ у розыску, на него же, князь Юрья, сказалъ государево слово и письменную улику, а какое государево слово и гдѣ та письменная улика положена, про то-де скажетъ онъ самому великому государю, а передъ великимъ государемъ онъ же, Родіонъ, въ распросѣ на него князь Юрья сказалъ только про то, что онъ, князь Юрій государевой службѣ не служитъ, отымается нарочно болѣзнями, и письменныя-де на него, князя Юрья, улики о томъ у брата его, Родіонова, роднаго, Ингерманландскаго полку у солдата Василья Семенова, и по тѣмъ его Родіоновымъ, распроснымъ рѣчамъ тѣ письма въ Преображенскій Приказъ взяты и по осмотру въ тѣхъ письмахъ явилась черная челобитная, а кто бьетъ челомъ невѣдомо, потому что въ ней имени не написано, а написано имя-

рекъ, чтобъ для службы болѣзнь его осмотрѣть и по осмотру указъ учинить; другая бѣлая челобитная именемъ князь Юрья Хилкова, Овчинной Слободы на Кондратья Данилова, на Михайла Васильева, чтобъ доправить ему на нихъ проѣсть и волокиты. Третье письмо, сколько въ его князь Юрьевой вотчинѣ продано барановъ и что за нихъ денегъ взято, а государева слова никакова въ тѣхъ письмахъ на него, князь Юрья, не явилось, и за тѣ его, Родіоновы, вышеписанныя вины за всѣ учинить ему, Родіону, жестокое наказанье: бить кнутомъ и, запятнавъ въ лобъ вѣдьми, съ порохомъ, въ трехъ мѣстахъ, послать въ сибирскіе дальніе города съ женою и дѣтьми. А повара Ефима Коршуна изъ Преображенскаго Приказу отдать князь Юрьеву человѣку Хилкову, который ходитъ за дѣлы съ росписки".

Затѣмъ въ рѣшеніи изложены подробно извѣты Родіона о березкѣ и леченіи ею старцемъ Савиномъ, о закопаніи березки, о корабликѣ. Этотъ извѣтъ или доносъ объясненъ такъ: что извѣтчикъ березкою и корабликомъ хотѣлъ на нихъ князь Юрья съ женою, и на старца, и на людей навести подозрѣніе въ умыслѣ на государево здоровье и въ произношеніи на государя непристойныхъ словъ; „но иныхъ никакихъ причинъ въ своемъ извѣтѣ и съ пытокъ не говорилъ, а сказалъ имянно: для чего ту березку съ церкви съимали и что изъ нея дѣлали, и корабликъ для чего же сдѣлали и въ землю закопали, того-де ничего онъ не вѣдаетъ и самъ того ничего не видалъ, а отъ кого слышалъ и про то съ розыску ничего не сказалъ, а потому явно, что онъ тѣмъ своимъ извѣтомъ о томъ кораблике поклепалъ ихъ напрасно".

„И по вышеписанному великаго государя указу, вышеписанному извѣтчику Родіону Семенову наказаніе учинено — битъ кнутомъ и запятнанъ пятномъ вѣдьми, съ порохомъ, въ лобъ, въ трехъ мѣстахъ".

Князь Юрій Яковлевичъ отдѣлался окончательно отъ угрожавшаго ему розыска. Мать его, княгиню Анну, какъ мы видѣли, въ 1704 г., по приказанію Петра, отправили въ работу на Прядильный дворъ. Въ 1705 году, февраля 3-го, Петръ, будучи лично въ Преображенскомъ, отдалъ приказаніе, чтобъ быть ей въ работѣ на Прядильномъ дворѣ только годъ, считая съ 6-го мая 1704 года. Наконецъ, 12-го мая 1705 года, Петръ приказалъ взять княгиню съ прядильнаго двора и послать въ Зачатейскій монастырь и въ томъ монастырѣ постричь.

КАБАЧЕКЪ МАРТЫШКА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ драма, извѣстная всѣмъ читателямъ Русской исторіи подъ названіемъ: „Судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ“—окончилась страшною развязкою: кончиною царевича. Трубецкой раскатъ Петропавловской крѣпости и сырыя его стѣны остались единственными дожившими до насъ свидѣтелями послѣднихъ минутъ страдальца. Но въ тѣхъ стѣнахъ были живые люди, не одни только тѣ, которые рѣшали судьбу царевича: тутъ были и исполнители приговоровъ,—палачи, солдаты, сторожа, мастеровые; у нихъ были жены, дѣти, родственники, друзья, знакомые. Возвращаясь домой, подъ страшною тайною, передавали они своимъ ближнимъ видѣнное и слышанное. Отъ одного переходили къ тысячамъ, и судъ народный, не слышный, невидимый, шелъ рядомъ съ судомъ государственнымъ. Какъ ни старался Петръ запирать Петербургъ, запрещая по всѣмъ заставамъ выѣздъ, какъ ни хлопоталъ онъ о сохраненіи тайны, издавая даже указъ, чтобъ никто, подъ смертною казнью, не смѣлъ писать въ затворенной ком-

натѣ о происшедшихъ событіяхъ, — народъ зналъ, что дѣлалось съ царевичемъ, слышалъ и говорилъ, хотя и несправедливо, что онъ умеръ не своею смертью.

Народъ любилъ царевича. Алексѣй Петровичъ былъ въ дружбѣ съ духовенствомъ, молился усердно по монастырямъ и церквамъ, пировалъ въ церковные праздники, заступался за монаховъ и монахинь, награждалъ ихъ деньгами, подавалъ часто нищимъ, не любилъ иноземцевъ и сочувствовалъ старинѣ; еще когда царевичъ былъ ребенкомъ, въ народѣ говорили уже, что онъ не любитъ нѣмцевъ. Слухи о пыткѣ царевича вызывали слезы въ избѣ простолюдина и возбуждали негодованіе на Петра. На Обжорномъ рынкѣ, въ Петербургѣ, вблизи царскаго дворца, сбирался народъ толпами, бесѣдовалъ о царевичѣ и бранилъ Петра.

Разсказъ, предлагаемый читателямъ и почерпнутый изъ подлинныхъ документовъ, объяснитъ, какими путями переходили въ народѣ вѣсти о царевичѣ, въ то время, когда приняты были всѣ мѣры, чтобъ все оставалось въ глубокой тайнѣ.

Въ двадцати верстахъ отъ Петербурга, въ мызѣ Кирпуле, принадлежавшей графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, на большой Стрѣленской проѣзжей дорогѣ, стояла мазанка съ раскрашенными окнами. Рѣдкій мужичекъ не останавливалъ своей лошадки, проѣзжая мимо этого домика, гдѣ въ отворенныя двери такъ привѣтливо блестѣли на ставкѣ бутылки и чарки. Это былъ кабакъ, по прозванію Мартышка. Содержатель заведенія, Андрей Порошиловъ, былъ человѣкъ ловкій, привѣтливый, расторопный и къ тому краснобай. Много видѣлъ, много слышалъ въ свою жизнь Порошиловъ;

сперва былъ онъ въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ служкой; въ 1704 г. нагрянулъ рекрутскій наборъ; Порошилова взяли изъ монастыря и привезли на смотръ въ Москву, къ графу Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину, управлявшему тогда Монастырскимъ Приказомъ. Высокій, статный служка понравился графу, и изъ монастырскаго платья Порошилова перерядили въ драгунское, съ назначеніемъ въ безсмѣнные деньщики къ графу.

Девять лѣтъ постоянной, преданной службы вызвали отъ графа награду, и Андрей изъ деньщиковъ опредѣленъ былъ прикащикомъ на графскую мызу Кирпуле, съ оставленіемъ при немъ драгунскаго жалованья 15 алтынъ въ мѣсяцъ. Жалованье незавидное, и Андрей началъ придумывать, „чѣмъ бы накопить деньгу“. Въ мызѣ былъ кабакъ въ откупномъ содержаніи, у иноземца Карлуса Монсова; у Порошилова были связи, — деньщики и дворецкіе знатныхъ господъ. Дѣло показалось выгодное, и Андрей перенялъ у Карлуса кабачекъ за 35 рублей въ годъ. Но одному торговать трудно, да и безъ женщины что за хозяйство? У Андрея была короткая знакомая, жена петербургскаго посадскаго человѣка Ирина Иванова; онъ сдѣлалъ ей предложеніе вступить въ товарищество, и посадская жена съ радостью приняла предложеніе бывшаго графскаго деньщика.

Время шло, Порошиловъ наживался, чему особенно способствовало знакомство его въ Петербургѣ съ дворецкимъ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева; къ фельдмаршалу привозили изъ Дерпта вино и табакъ. Дворецкій тайкомъ продавалъ задешево продукты По-

рошилову, а онъ съ барышомъ, и уже открыто, сбывалъ контрабанду въ своей Мартышкѣ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1718 г., рано утромъ, подъѣхала къ кабаку телѣга. Незнакомый Порошилову крестьянинъ вошелъ въ свѣтлицу и потребовалъ пива; хозяинъ завязалъ разговоръ съ пріѣзжимъ, который назвалъ себя крестьяниномъ фельдмаршала Шереметева. Слово за словомъ, хозяинъ самъ выпилъ пивца; пріѣзжій не торопился и остался обѣдать у прикащика; застольный кружокъ былъ невеликъ: хозяинъ, его товарищъ по откупу, Ирина Иванова, да братъ ея, пріѣхавшій въ гости, Егоръ Леонтьевъ, посадскій петербургскій человѣкъ. Вино и пиво развязали языки собесѣдниковъ, и скоро разговоръ коснулся событія временнаго, кончины царевича Алексѣя Петровича. Всякій передавалъ по своему, и о событіи, и о своемъ сочувствіи къ царевичу. Долго слушалъ хозяинъ молча болтовню бабы и ея брата, но когда заговорили о Петрѣ, онъ не вытерпѣлъ и вмѣшался въ разговоръ: „Видишь, какую планиту Богъ паслалъ, что сынъ на отца, а отецъ на сына... Нынѣ судьи не праведны, не право судятъ, а государь и сына своего не щадилъ... Какой онъ царь воскликнулъ въ жару разговора Порошиловъ, — сына, своего, блаженной памяти (всѣ встали и перекрестились), царевича Алексѣя Петровича, заведши въ мызу, пыталъ изъ своихъ рукъ. Самъ видѣлъ“. Баба Ирина, тоже подъ хмѣлькомъ, прибавила: „Онъ антихристъ! Да скоро конецъ, Преображенскіе солдаты хотятъ въ строю убить его“. Посадскій человѣкъ осудилъ Петра болѣе съ серьезной стороны: „Промѣнялъ онъ, государь, большаго сына своего на меньшаго, на шведскій духъ“,

сказалъ Егоръ Леонтьевъ, — „да нынѣ господа хотятъ ухлопать его за неправду, потому что многую неправду въ корнѣ показалъ, весь народъ его бранитъ“,—прибавилъ Егоръ, — „и ходитъ-то онъ, государь, безъ памяти“. Пріѣзжій перемѣнилъ разговоръ на кабацкіе доходы и сообщилъ хозяину о привозѣ къ Шереметеву новаго транспорта вина, предлагая Порошилову познакомить его съ дворецкимъ фельдмаршала. Порошиловъ хотя и былъ знакомъ съ дворецкимъ, но услышавъ, что вновь привезли къ фельдмаршалу много вина и табаку, умолчалъ о своемъ знакомствѣ и попросилъ пріѣзжаго свезти бабу Ирину на дворъ фельдмаршала для покупки товара. Такъ и сдѣлано. Баба Ирина снарядилась на скорую руку и потянулась въ Питеръ.

Гость Порошилова дорогою протрезвился и обдумалъ свое положеніе... Во-первыхъ, онъ солгалъ, назвавшись крестьяниномъ Шереметева: онъ былъ крестьянинъ князя Александра Даниловича Меншикова, по прозванію Дмитрій Макаровъ Солтановъ; потомъ весь разговоръ о царѣ и царевичѣ пришелъ ему на память. Дѣло страшное; хула на царя, слово и дѣло! Что если кто изъ собесѣдниковъ попадется по какому-нибудь дѣлу подъ кнутъ, и для спасенія скажетъ за собою слово и дѣло, чему примѣры были безпрестанные, а въ свидѣтели поставятъ его, Солтанова? Если и просто съпьяна, что тоже часто случалось, закричитъ Порошиловъ или посадскій человѣкъ: слово и дѣло! и покажетъ на Солтанова,—бѣда, опять бѣда неминучая! Пытка и смертная казнь! Съ этими тревожными мыслями, Солтановъ подъѣхалъ къ дому Шереметева. Что дѣлать? Онъ спустилъ съ телѣги Ирину Иванову, а самъ ударилъ по

лошади и слѣдъ простылъ... Солтановъ рѣшился донести самому царю лично о непристойныхъ словахъ, говоренныхъ на Мартышкѣ. Но какъ объявить доносъ? Свидѣтелей постороннихъ никого не было, все родственники, да друзья; они отопрутся, и первый кнутъ будетъ на его спинѣ. Не лучше ли откровенно донести своему барину, свѣтлѣйшему? Онъ близокъ къ царю и защититъ его. Въ этомъ предположеніи, Солтановъ обратился за совѣтомъ къ деньщику Меншикова. „Князь этими дѣлами не занимается“, сказалъ ему деньщикъ. Со страху Солтановъ занемогъ, и пролежалъ болѣе полугода. По выздоровленіи, страхъ бѣды, грозившей ему за бесѣду въ Мартышкѣ, не оставлялъ его, и едва оправившись, Солтановъ пошелъ съ доносомъ къ Андрею Ивановичу Ушакову, члену Тайной канцеляріи.

Въ это время, въ іюнѣ 1719 г., Петръ приказалъ всѣ подобныя дѣла завѣдывать князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, пріѣхавшему на время въ Преображенскую Канцелярію, въ Петербургъ.

13 іюня, Солтановъ разсказалъ все Ромодановскому. 14 іюня рано утромъ, Порошиловъ только-что успѣлъ отворить двери своего привѣтливаго домика, какъ подъѣхали двѣ телѣги съ сержантомъ и двумя солдатами Преображенскаго полка. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ привѣтомъ, но не ласковый отвѣтъ дали ему солдаты. Они схватили его и женку Ирину, заковали въ желѣзо, запечатали кабакъ и помчались въ городъ.

Порошилова съ женкой Ириной привезли прямо въ крѣпость, къ допросу, по извѣту Солтанова.

Порошиловъ въ распросѣ сознался, что въ прошедшемъ году, послѣ обѣда, при Солтановѣ, женкѣ Иринѣ

и Егорѣ Леонтьевѣ, онъ говорилъ о пыткѣ царевича, и зналъ объ этой пыткѣ, потому что „когда царевичъ содержался подъ карауломъ въ мызѣ своей, въ четырехъ верстахъ отъ Петербурга, то въ то время на карауле у него былъ сынъ его помѣщика, графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ; онъ ѣздилъ къ графу Платону, и видѣлъ самъ, какъ царевичъ лежалъ въ той мызѣ пытанный. Отъ словъ же поносныхъ на царя, и о томъ, что царь пыталъ его изъ своихъ рукъ, Порошиловъ отперся".

Распросили женку Ирину Иванову.

Ирина объяснила о себѣ, что она жена посадскаго человѣка Ѳедора Ѳедотова, который кормится отъ шитья мужскихъ шапокъ. Четыре года тому назадъ она откупила съ Порошиловымъ кабакъ Мартышку, и живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ, а мужъ къ ней приходитъ временемъ. Непристойныхъ словъ про царя и царевича не говорила, и ее поклепали напрасно.

Розыскъ шелъ законнымъ порядкомъ, по Уложенію царя Алексѣя Михайловича.

Даны очныя ставки доносителю и обвинителямъ; на очныхъ ставкахъ каждый остался при своемъ.

Привели Егора Леонтьева, брата Ирины. Онъ жилъ прежде въ Москвѣ, былъ посадскій человѣкъ, а въ настоящую минуту жилъ въ Петербургѣ, въ Бѣлозерской слободѣ, и также кормился шапочною работой. Въ распросѣ не сознался въ говореніи поносительныхъ рѣчей противъ его царскаго величества.

Сознанія противъ доноса не было. На другой день, 15 іюня, приступили къ пыткѣ. Андрей Порошиловъ

сознался, что говорилъ непристойныя слова про царя, съпьяна.

Женка Ирина, послѣ 25 ударовъ, тоже созналась, что непристойныя слова, показанныя доносителемъ, она говорила, а что другіе говорили, не помнитъ, потому что въ то время гораздо была пьяна, и въ томъ пьянствѣ, что говорила, сказать ничего не помнитъ.

Егоръ Леонтьевъ подъ пыткой объявилъ, что говорилъ ли онъ тѣхъ непристойныхъ словъ, какъ на него доносятъ, онъ не помнитъ, потому что былъ пьянъ, а пуще ему помнится, что онъ тѣхъ словъ не говаривалъ.

Порядокъ розыска, установленный закономъ, пошелъ своею неумолимою постепенностью. Слѣдовало пытать три раза.

Чрезъ два дня, 17 іюля, обвиненные приведены опять передъ Ромодановскаго.

Андрей Порошиловъ подъ пыткой показалъ, что говорилъ непристойныя слова про царя, а про царевича о пыткѣ говорилъ со словъ встрѣтившагося ему на дорогѣ, при поѣздкѣ въ мызу царевича, человѣка Мусина-Пушкина, Ивана Григорьева, который сказывалъ ему, что царевичъ пытанъ.

Послали въ домъ графа Мусина-Пушкина за Иваномъ Григорьевымъ; графъ отвѣчалъ, что у него такого человѣка нѣтъ и никогда не было.

Отъ Порошилова потребовали, чтобъ онъ сказалъ сущую правду, кто ему говорилъ о пыткѣ царевича. Порошиловъ, который можетъ быть думалъ, что онъ отдѣлается отъ пытокъ временемъ, необходимымъ для отысканія несуществующаго человѣка, сознался, что по-

казалъ на небывалаго Ивана Григорьева, „вчера при пыткѣ въ безпамятствѣ и второпяхъ; а что когда онъ ѣздилъ въ мызу государя царевича къ графскому сыну Платону, въ то время при немъ, графѣ Платонѣ, былъ графскій человѣкъ Андрей, а чей сынъ и прозвище запамятовалъ, и у той мызы тотъ Андрей ему, Порошилову, въ разговорахъ сказывалъ одинъ-на-одинъ, что онъ государь царевичъ пытанъ, и чтобъ онъ, Порошиловъ, о томъ инымъ никому не говорилъ, и по тѣмъ его Андреевымъ словамъ, онъ, Порошиловъ, про него, государя царевича, всѣ слышанныя слова говорилъ".

Доискались графскаго человѣка Андрея, и 24 іюля привели въ Преображенскую канцелярію.

Андрей Рубцовъ показалъ:

„Человѣкъ онъ дому Ивана Алексѣевича Мусина-Пушкина старинный, и живетъ у него въ домѣ въ жильцахъ. Въ прошедшемъ 1718 г., лѣтомъ, а въ какое время—не помнитъ, когда государь царевичъ Алексѣй Петровичъ былъ въ мызѣ своей съ недѣлю или больше,—подлинно не помнитъ, а для чего не знаетъ, въ то время при немъ государѣ царевичѣ былъ завсегда графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, да лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка четыре человѣка сержантовъ, а при немъ, Платонѣ, былъ завсегда онъ, Рубцовъ, а вышеписанный Порошиловъ къ нему, Платону, пріѣзжалъ впервые ввечеру, а для чего—не знаетъ, и въ тотъ вечеръ графъ Платонъ приказывалъ ему, Андрею, какъ утромъ будетъ Андрей Порошиловъ, чтобъ онъ ему сказалъ, чтобъ онъ Порошиловъ ѣхалъ домой, а его Платона, не дожидался. И какъ тотъ Порошиловъ пріѣхалъ поутру, и онъ Андрей ему ска-

залъ, чтобъ онъ ѣхалъ домой, теперь-де не до того, для того, что онъ, Платонъ спалъ, а такихъ словъ, что государь царевичъ пытанъ, онъ, Андрей, Порошилову не говаривалъ, и ни отъ кого не слыхалъ; только въ одно время, а въ которое не упомнитъ, какъ пріѣхалъ въ ту мызу царское величество, изъ избы его, Андрея выслали вонъ, и онъ, Андрей, стоялъ въ лѣсу отъ той мызы далече; и въ то время въ той мызѣ, въ сараѣ, кричалъ и охалъ, а кто не знаетъ, и послѣ того спустя дня съ три, видѣлъ онъ, что государь царевичъ говорилъ, что у него болитъ рука, и велѣлъ ту руку подлѣ кисти завязать платкомъ, и завязали, а для чего, и отчего та рука болѣла не знаетъ".

7 августа Андрея Порошилова, Андрея Рубцова, женку Ирину Иванову, посадскаго человѣка Егора Леонтьева, допрашивали снова подъ пыткой, въ подтвержденіе сказаннаго ими въ предъидущихъ пыткахъ. Они повторили прежнее безъ всякихъ измѣненій.

Доноситель, крестьянинъ Солтановъ, постоянно присутствовалъ при этихъ допросахъ, и 7 августа подбавилъ еще новое обвиненіе на посадскаго человѣка Егора Леонтьева, будто онъ говорилъ, „что когда государя царевича не стало, и въ то время государь на радости вырядилъ въ флаги фрегатъ и вышелъ передъ Лѣтній дворецъ".

Показанія были неточны, не вполнѣ согласовались между собою, и притомъ не утверждены еще установленнымъ числомъ допросовъ съ пристрастіемъ. Но произведенныя пытки изнурили обвиненныхъ; дали отдыхъ, и только 2 сентября приступили къ продолженію слѣдованія. Егора Леонтьева допросили на вискѣ; онъ по-

казалъ: „когда онъ былъ у вышеписаннаго Порошилова въ гостяхъ, и въ то время были они пьяны; въ разговорахъ про царевича, а къ чему не помнитъ, тотъ Андрей Порошиловъ сперва говорилъ: „нынѣ судьи неправедные, не право судятъ, а государь и сына своего государя царевича не щадилъ, заведши въ мызу, пыталъ“, а жена Ирина Иванова говорила, что онъ государь немилостивый и сына своего государя царевича замучилъ, а про фрегатъ говорилъ, что онъ былъ наряженъ въ флаги, въ день Полтавской баталіи.

Показаніе Леонтьева о фрегатѣ было справедливо: на другой день смерти царевича, 27 іюня 1718 г., Петръ дѣйствительно праздновалъ годовщину Полтавскаго сраженія (Устряловъ, т. VI, стр. 284). Но въ показаніи Леонтьева было новое обвиненіе на Ирину, въ словахъ, „что государь немилостивый“. Она должна была очистить себя новыми допросами. Ирина повинилась, „что говорила о царѣ, что онъ немилостивый“, а говорила потому, „что когда Андрей Порошиловъ пріѣхалъ изъ мызы государя царевича домой, ввечеру въ комнатѣ сидя плакалъ, а она, Ирина, спрашивала Андрея, для чего онъ плакалъ, онъ отвѣтилъ: „государь въ мызѣ сына своего царевича пыталъ“, а почему онъ про это зналъ или кто ему сказывалъ, того именно Андрей ей не сказалъ“.

Всякое новое показаніе требовало новаго распроса. Думалъ ли Андрей, горюя о царевичѣ, что его слезы будутъ ему обвиненіемъ? Но отъ него потребовали оправданія въ его чувствахъ и въ состраданіи къ царевичу; ему предстояло только очистить себя противъ словъ, что Петръ пыталъ царевича. Порошиловъ повторилъ

разсказъ, какъ дошли къ нему эти свѣдѣнія, и снова запуталъ Андрея Рубцова.

„Какъ-де онъ пришелъ изъ мызы царевича домой, плакалъ для того, какъ онъ былъ въ той мызѣ ввечеру, и вышеписанный Андрей Рубцовъ, вышедъ изъ избы, ему, Андрею, говорилъ одинъ-на-одинъ; не ходи-де для Христа, поѣзжай-де прочь, что-де теперь дѣлать? И онъ его, Андрея Рубцова, спросилъ, а что-де? И къ тѣмъ словамъ онъ, Рубцовъ, молвилъ: „государь царевича пыталъ: для Бога о томъ не сказывай“.

Андрею Рубцову, „старинному“ слугѣ графа Мусина-Пушкина, пришлось разсказать все какъ было; 9 сентября привели его въ застѣнокъ, раздѣли и поставили у дыбы. Палачъ перекинулъ роковую веревку чрезъ дыбу и вложилъ руки старика въ хомутъ.

Распросъ у дыбы, въ ожиданіи пытки, былъ страшнѣе самой пытки! Вздернутый на виску, съ каждымъ ударомъ кнута ожидалъ, что это послѣдній, а эта надежда облегчала его страданія, подкрѣпляла его нравственныя силы; при допросѣ же у дыбы, передъ пыткой, допрашиваемый испытывалъ одно безнадежное ожиданіе неизбѣжныхъ мукъ. Во время пытки, подъ ударами палача, обвиненный терялъ память, соображеніе, часто разсудокъ, и дѣлался безчувственнымъ, истерзаннымъ трупомъ. Въ допросѣ же у дыбы онъ съ полнымъ сознаніемъ своего положенія страдалъ еще нравственно, въ лихорадочномъ ожиданіи нестерпимыхъ истязаній.

Старикъ Андрей Рубцовъ началъ разсказывать Ромодановскому, какъ пришлось ему узнать о пыткѣ царевича на мызѣ. „Когда онъ былъ съ помѣщикомъ своимъ Платономъ въ мызѣ, гдѣ былъ государь царевичъ,

въ одно время помѣщикъ его приказывалъ ему, когда придетъ въ мызу царское величество, чтобъ онъ въ то время не мотался: станутъ-де государя царевича пытать, да и урядники, которые въ то время стояли на караулѣ, а именъ и прозвищъ ихъ не знаетъ,—ему-же, Рубцову, о томъ же, чтобъ онъ не мотался, именно они ему не говорили".

Опять новое показаніе: старикъ замѣшивалъ въ дѣло графа Платона Мусина-Пушкина, и преображенскихъ урядниковъ. Если онъ не откажется отъ этого показанія, то придется допрашивать графа и отыскивать всѣхъ урядниковъ, бывшихъ тому годъ назадъ, въ неопредѣленный день, на мызѣ царевича. Старику растолковали его болтовню и вздернули на виску.

Старинный слуга графскій, для молодаго графа Платона, пожертвовалъ собою и отказался отъ словъ своихъ. „Платонъ ему приказывалъ только, чтобъ онъ не мотался, а что станутъ пытать, именно не выговаривалъ, а сперва въ распросѣ онъ обмолвился, испугавшись въ торопяхъ", сказалъ Андрей Рубцовъ подъ мѣрными ударами палача. „Въ то же время, продолжалъ Рубцовъ, по пришествіи царскаго величества въ мызу, отошелъ онъ, Рубцовъ, въ лѣсъ и смотрѣлъ, какъ вели государя царевича подъ сарай, а тамъ слышалъ въ томъ сараѣ крикъ, охалъ, а кто именно, не знаетъ. Испужавшись отошелъ въ тотъ же лѣсъ далѣе, чтобы кто его не увидалъ—и больше того ничего не видѣлъ и не слышалъ; а сперва въ распросѣ и съ двухъ пытокъ во всемъ запирался, боясь смерти". Это показаніе онъ утвердилъ еще 16 сентября четвертою пыткою. Егоръ Леонтьевъ, при окончательной пыткѣ, прибавилъ еще одно новое

показаніе: „А что и государя весь народъ бранитъ, и то онъ говорилъ, а слышалъ на обжорномъ рынкѣ; стояли въ кучѣ, невѣдомо кто, всякіе люди и межъ собой переговаривали про кончину царевича, и въ томъ разговорѣ его государя бранили и говорили, и весь народъ его государя за царевича бранитъ, а что онъ же, государь, ходилъ безъ памяти, и то говорилъ, потому что когда царевича не стало, и въ тотъ день, будучи на пристани, видѣлъ его, государя, печальна".

Розыскъ былъ конченъ 16 сентября, съ соблюденіемъ въ точности порядка, установленнаго Уложеніемъ. Оставалось постановить рѣшеніе и выдать награду крестьянину князя Меншикова за его правдивый доносъ. 17 сентября Ромодановскій, уѣзжая въ Москву по приказанію Петра, передалъ все дѣло и колодниковъ въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Долго, слишкомъ два мѣсяца, томились въ тюрьмѣ несчастные страдальцы; преступленіе ихъ было велико; они знали о пыткѣ царевича на мызѣ, они осуждали Петра.

„5 декабря 1719 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ и отъ гвардіи капитанъ Петръ Андреевичъ Толстой, бригадиръ и лейбъ-гвардіи маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, полковникъ и лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ-капитанъ-поручикъ Григорій Григорьевичъ Скорняковъ-Писаревъ, слушавъ сіе и выписки, приказали: вышеписаннымъ тайнаго совѣтника господина графа Мусина-Пушкина деньщику Андрею Порошилову и посадскому человѣку Егору Леонтьеву и женкѣ Иринѣ, за непристойныя ихъ слова про его царское величество, которыя на нихъ вышеписанный крестьянинъ Дмитрій

Макаровъ (Солтановъ) показалъ, въ чемъ они въ распросахъ запирались, а съ очныхъ ставокъ съ нимъ Макаровымъ и съ розысковъ въ томъ повинились и за такое ихъ воровство, по Уложенію 157 года второй главы первой статьи *), учинить имъ смертную казнь, отнять головы, а человѣку его графскому Андрею Рубцову, за то, что онъ помянутому деньщику Порошилову, про царевича блаженной памяти Алексѣя Петровича говорилъ непристойныя же слова, учинить наказаніе, бить кнутомъ нещадно и отдать его помѣщику по прежнему. Подписали: Петръ Толстой, отъ гвардіи маіоръ Ушаковъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ".

15 декарбя 1719 г., содержатель Мартышки, его товарищъ по откупу Ирина Иванова, и шляпный работникъ Егоръ Леонтьевъ выведены за кронверкъ Петропавловской крѣпости. У роковаго столба, дьякъ Тайной канцеляріи прочелъ имъ приговоръ—и палачъ отрубилъ головы несчастнымъ. Въ это же время, немного въ сторонѣ, стариннаго слугу графскаго, Андрея Рубцова, наказывали кнутомъ нещадно.

Крестьянинъ Меншикова, Солтановъ, въ тотъ же день получилъ изъ Тайной кинцеляріи пятьдесятъ рублей награжденія.

Домы казненныхъ, въ тѣ времена, долго оставались запечатанными и стереглись караулами, но съ Мартышкой поступили благосклоннѣе. Вскорѣ послѣ казни

*) „Будетъ кто какимъ умышленіемъ учнетъ мыслить на государево здоровье злое дѣло, и про то его умышленіе кто извѣститъ, и по тому извѣту, про то его злое умышленіе сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ—такого по сыску казнить смертію (Уложенія 157 года, 2 главы 1 статья).

хозяина и хозяйки, кабачекъ, поступившій къ прежнему содержателю, былъ открытъ для проѣзжихъ, и старинные знакомые Порошилова нерѣдко, хотя и со страхомъ, вспоминали за бутылкой пива прежняго хозяина, а особенно привѣтливую хозяйку.

СЕРПУХОВСКІЕ КАЛАЧИКИ.

ВЪ ПОЛКОВОЙ Преображенской канцеляріи А. И. Румянцева, по спискамъ содержался арестантъ, серпуховской житель Гостиной сотни, Афанасій Львовъ сынъ Шапошниковъ. Никто не зналъ, за что Шапошниковъ посаженъ подъ крѣпкій караулъ въ Преображенскомъ, по списку видно было только, что онъ посаженъ вечеромъ 30 мая 1724 года, въ день рожденія Петра Великаго.

Петръ уѣхалъ въ Петербургъ 16 іюня—за нимъ и Румянцевъ съ своею канцеляріею и арестантомъ. Прошли недѣли, мѣсяцъ—объ арестантѣ ни откуда не было требованія. Румянцевъ рѣшился доложить царю. Петръ приказалъ отправить Шапошникова къ Андрею Ивановичу Ушакову въ Тайную канцелярію, съ приказаніемъ Ушакову доложить о колодникѣ его величеству „при случаѣ".

Это было 5 сентября 1724 года.

Положеніе бѣднаго серпуховскаго Гостиной сотни человѣка Шапошникова измѣнилось не къ лучшему. Его

заключили въ Петропавловской крѣпости, въ тюрьмѣ Тайной канцеляріи, и притомъ разрѣшеніе судьбы его зависѣло отъ того момента, когда вздумается Андрею Ивановичу Ушакову доложить объ немъ царю „при случаѣ“. Странное условіе доложить „при случаѣ“ о человѣкѣ, закованномъ по рукамъ и ногамъ и голодающемъ въ тѣсной, сырой тюрьмѣ!

Этотъ „случай“ не случился при жизни Петра Великаго, и Андрей Ивановичъ Ушаковъ при многосложныхъ своихъ занятіяхъ забылъ о Шапошниковѣ.

27 января 1725 г., въ день кончины Петра, Екатерина объявила манифестомъ прощеніе заключеннымъ въ тюрьмахъ, для молитвъ о здравіи его величества. Канцелярист Тайной канцеляріи подалъ докладъ объ освобожденіи Шапошникова, въ которомъ было выписано, что неизвѣстно за что онъ содержится въ тюрьмѣ. Но Андрей Ивановичъ вспомнилъ о „случаѣ“ и полюбопытствовалъ наконецъ узнать отъ самого преступника, кто онъ такой и за что онъ посаженъ подъ крѣпкій караулъ, по приказанію Петра 30 мая 1724 г.

Мы передадимъ читателямъ отвѣты Шапошникова его собственными словами.

„Отецъ его, Левъ Андреевъ сынъ Шапошниковъ, былъ Гостиной сотни, жительство имѣлъ въ городѣ Серпуховѣ и умеръ въ прошломъ 1710 году іюня 15 числа. Онъ, Афанасій, послѣ отца своего остался 12 лѣтъ и жилъ въ отцовскомъ домѣ въ Серпуховѣ съ матерью своею, вдовою Варварою Васильевою и съ братьями Алексѣемъ, Никифоромъ Шапошниковыми; науки никакой, кромѣ того, что читать книги и писать не знаетъ. Мать его живетъ въ Серпуховѣ и нынѣ, а

братья его здѣсь въ Петербургѣ имѣютъ купечество и пріѣзжаютъ временно, а живутъ на собственномъ его, Афанасьева, дворѣ въ оружейной. Онъ, Афанасьевъ, отъ матери своей изъ Серпухова поѣхалъ въ Москву, въ прошломъ 1724 г. мая 20 числа, для продажи пеньки, и пропитаніе себѣ имѣлъ отъ купечества, которое имѣлъ не вмѣстѣ съ братьями, а порознь.

Прибывъ въ Москву, съ мая мѣсяца жилъ онъ на Мясницкой, въ домѣ Гостиной сотни, у Ивана Выписляева, для того, что своего двора въ Москвѣ не имѣетъ, и былъ онъ въ томъ домѣ дней семь.

Послѣ того, въ томъ же маѣ мѣсяцѣ въ 30 числѣ, въ день рожденія его императорскаго величества, изволилъ его величество высокою своею особою быть въ селѣ Преображенскомъ, въ церкви Преображенія Господня у обѣдни, а онъ, Афанасій, былъ тутъ же у обѣдни и по окончаніи ея, безъ всякаго случая, ни съ кѣмъ о томъ не совѣтовавъ, подошелъ онъ, Афанасій, при той церкви въ притворѣ къ его императорскому величеству и, при поздравленіи, поднесъ его величеству три калача серпуховскіе, цѣною по 2 копѣйки калачъ, развязаны лентами: красными, бѣлыми, зелеными.

Его величество изволилъ тѣ калачи у него принять и его, Афанасія, изволилъ спросить: какой онъ человѣкъ? На что онъ его величеству донесъ, что онъ, Афанасій, рабъ Бога Вышняго, и его императорское величество изволилъ сказать: что-де за рабъ Бога Вышняго? на что Афанасій паки донесъ: и всѣ-де рабы Бога Вышняго.

Потомъ его императорское величество изволилъ путь воспріять изъ Преображенскаго въ Лефортовскій ново-

построенный домъ его величества, прежде бывшій Головинскій, и онъ Афанасій его величеству доложилъ: укажетъ ли ему ѣхать за собою.

Его величество указалъ ему ѣхать... и для того при его величествѣ онъ Афанасій поѣхалъ туда же и, прибывъ въ тотъ день, его императорское величество изволилъ идти въ спальню къ ея величеству государынѣ императрицѣ, а бывшимъ тогда при его величествѣ Василью Поспѣлову, Михаилу Ширяеву и другимъ, которыхъ было человѣкъ съ пять, при томъ же и онъ, Афанасій, изволилъ его величество объявить, чтобъ они его величество ожидали, и потомъ его величество паки къ нимъ изволилъ придти и пошелъ въ томъ же домѣ въ галлерею, которая сдѣлана на островку, а онъ Афанасій съ докладу же его величества пошелъ съ другими за его величествомъ, и въ той галлереи его величество изволилъ кушать, а при его величествѣ были тогда генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Ягужинскій, тайный кабинетъ-секретарь господинъ Макаровъ, благородные господа Александръ да Иванъ Нарышкины, господинъ бригадиръ Румянцевъ, Михаилъ Ширяевъ, пѣвчій Иванъ Михайловъ и другіе, которыхъ онъ Афанасій не знаетъ, всего человѣкъ съ 20, при томъ и онъ Афанасій тутъ же ѣлъ".

„Во время того обѣда между разговорами, когда его величество изволилъ принимать изъ табаку прошекъ (т. е. когда понюхалъ табаку), тогда онъ Афанасій его величеству донесъ, что-де есть-ли польза отъ употребленія табаку?"

„Его величество изволилъ ему сказать: ты Афанасій напредъ сего табакъ нюхивалъ ли? и онъ его величе-

ству донесъ: нюхивалъ де, но никакой въ томъ пользы не нашелъ кромѣ грѣха. И о томъ же табакѣ онъ Афанасій говорилъ и съ другими, и его величество изволилъ разсмѣяться и сказалъ ему: не рыть бы-де тебѣ Афанасій у меня каменья".

„Послѣ обѣда, по благодареніи Бога, его императорское величество изволилъ пойти въ спальню и онъ Афанасій подошелъ къ его величеству и хотѣлъ доложить, что ему повѣлитъ ли быть съ прочими или ѣхать домой, и его величество изволилъ ударить его тростью дважды и указалъ его взять подъ караулъ".

Вотъ и калачи, развязанные красными, бѣлыми и зелеными лентами! Петру вѣроятно надоѣла назойливость Афанасья, слѣдовавшаго повсюду за царемъ, да и замѣчанія Афанасья о нюханьѣ табака едва ли пришлись по вкусу. Этотъ проклятый табакъ, да нѣмецкое платье, да русская борода, безпрестанно вторились Петру въ раскольничьихъ розыскахъ, въ подметныхъ письмахъ, въ доносахъ и застѣнкахъ.

Простодушный и искренній разсказъ Афанасья, посидѣвшаго довольно долго въ тюрьмѣ, не смягчилъ сердца его современныхъ слушателей: Андрея Ивановича Ушакова и Петра Алексѣевича Толстаго. Эти господа видѣли въ поведеніи Афанасья дерзость и даже преступленіе, и потому задали ему вопросъ: какой ради причины вышеписанное ты все чинилъ и такъ дерзновенно поступалъ?

Странный и дикій вопросъ! Человѣкъ разсказалъ имъ откровенно все происшествіе, какъ оно было, безъ приправъ и лести, такъ тепло обнаружилъ свою преданность къ царю, выраженную въ скромныхъ двухъкопѣ-

ечныхъ калачахъ; и отъ него же добиваются причинъ дерзновеннаго поступка!

Бѣдный Афанасій не ожидалъ такихъ послѣдствій своего поздравленія: „Вышеписанное все чинилъ, отвѣчалъ онъ, только надѣясь на Бога и на его императорское величество, а обѣдать пошелъ и дерзновенно поступалъ съ повелѣнія его величества, а предводительства о томъ ни отъ кого не имѣлъ".

Ушаковъ и Толстой были неумолимы: имъ нужно было знать: а напредъ сего ты Афанасій такого дерзновенія не имѣлъ ли?

„Напредъ сего въ домѣ его императорскаго величества я не бывалъ,—отвѣчалъ Афанасій, которому вѣроятно не понятно было, что въ глазахъ его судей дерзновеніемъ считалось быть въ домѣ его величества... что если почтутъ за дерзновеніе что и его величество былъ у него Афанасья въ домѣ—а скрывать нельзя, въ Тайной канцеляріи надо было все разсказывать. Афанасій началъ припоминать и доложилъ присутствующимъ, что въ прошломъ 1723 году, въ бытность его величества въ Петербургѣ, на Свѣтлой недѣлѣ, онъ, Афанасій, просилъ его величество къ себѣ въ домъ, но его величество быть не соизволилъ.

Андрею Ивановичу и Петру Андреевичу все еще было недостаточно. Разсужденіе Афанасія о табакѣ, что онъ пользы не приноситъ, а грѣшно его нюхать, подавало подозрѣніе, не раскольникъ ли Афанасій? И вотъ ему опять допросъ: имѣетъ ли отца себѣ духовнаго и кого и сколь давно исповѣдывался и святыхъ таинъ пріобщался и гдѣ, и нѣтъ ли въ тебѣ потаеннаго раскола или не знавался ли съ ними?

Афанасій разсказалъ, когда исповѣдывался, пріобщался, у кого именно—но судьямъ и этого недостаточно: потребовали на очную ставку священника, на котораго указалъ Афанасій и тотъ подтвердилъ его показанія.

6 февраля 1726 г. экстрактъ изъ дѣла объ Афанасьѣ Шапошниковѣ представили на разрѣшеніе Сената, и 12 февраля состоялось сенатское рѣшеніе: Серпуховитина, Гостиной сотни, Афанасія Шапошникова, объявя ему, что онъ за продерзости его достоинъ былъ наказанія, но для поминовенія блаженныя и вѣчно достойныя памяти его императорскаго величества и для многолѣтняго здравія ея величества государыни императрицы, тое вину отпустить и изъ-за караула освободить и Тайной канцеляріи учинить о томъ по сему ея величества указу.

Афанасій поспѣшилъ домой въ Серпуховъ... Дорого стоили ему калачи, развязанные красными, бѣлыми и разными лентами!

РУССКАЯ ЧРЕВОВѢЩАТЕЛЬНИЦА XVIII-го СТОЛѢТІЯ.

ЧРЕВОВѢЩАНІЕ извѣстно было въ древнѣйшія времена. Въ язычествѣ оно было орудіемъ обмана, которое употребляли жрецы и пифониссы. Съ утвержденіемъ христіанства, всѣ продѣлки оракуловъ и жрецовъ, имѣвшія характеръ сверхъестественнаго, необъяснимаго умомъ человѣческимъ, отнесены были къ дѣйствію дьявола—въ томъ числѣ и чревовѣщаніе. Извѣстный ѳеологъ XV столѣтія Николай Лира, или Лираннусъ, въ своихъ замѣчаніяхъ (Postella) на восемнадцатую главу „Второзаконія“, говоритъ о пиѳониссахъ древняго міра, что онѣ были чревовѣщательницы, изъ живота которыхъ говорятъ демоны. Ученый Людовикъ-Целлій-Родигинусъ, жившій во второй половинѣ XV-го столѣтія, разсказываетъ о видѣнныхъ имъ женщинахъ-чревовѣщательницахъ: „Женщины-чревовѣщательницы не басня, заслуживающая насмѣшку; въ мое время онѣ существуютъ. Я видѣлъ въ своемъ отечествѣ (Венеціи) женщину, небольшаго роста, низ-

каго происхожденія, изъ живота которой слышался голосъ нечистаго духа. Этотъ голосъ, правда, былъ слабъ; но когда дьяволъ хотѣлъ, то говорилъ удобослышно и понятно. Многіе богатые и знатные люди, любопытствуя знать будущее, призывали къ себѣ эту женщину: раздѣвали на-голо и въ присутствіи всѣхъ (что случалось и при мнѣ) нагую распрашивали о будущемъ. Демонъ, поселившійся въ ея животѣ, прозывался Цинциннатусъ и охотно отвѣчалъ тѣмъ, которые называли его этимъ именемъ. Когда его распрашивали о предметахъ таинственныхъ, какъ, напримѣръ, о прошедшемъ или настоящемъ, онъ часто отвѣчалъ удивительно; но когда спрашивали о будущемъ, онъ говорилъ пустяки и обнаруживалъ свое незнаніе какимъ-то гуломъ, невнятнымъ ропотомъ, или глухими звуками, изъ которыхъ ничего нельзя было понять".

Юлій Кассеріусъ, философъ, докторъ медицины и анатоміи, сперва слуга, а потомъ сотрудникъ знаменитаго доктора Fabricio-ab-Aquapendente, жившій въ XVI столѣтіи, не смотря на изученіе науки, очищавшей суевѣріе, былъ подъ вліяніемъ современныхъ идей и, при обсужденіи читаннаго имъ о людяхъ, говорящихъ животомъ или грудью, утверждалъ, что это дѣйствіе дьявола.

Епископъ Августинъ Стевхій, жившій въ половинѣ XVI столѣтія, въ Кандіи, видѣлъ самъ женщинъ-чревовѣщательницъ и приписывалъ также слышанный имъ голосъ дьяволу.

Судьба чревовѣщательницъ была незавидная: ихъ ссылали или казнили.

„Въ моей молодости (разсказываетъ великій инквизи-

торъ Португаліи Олеастеръ, жившій въ XVI столѣтіи), когда я воспитывался въ королевскомъ училищѣ, въ Лиссабонѣ, видѣлъ я одну дѣвушку, Цецилію, представленную на судъ передъ Сенатомъ. Изъ ея локтей и изъ другихъ частей тѣла выходилъ слабый голосъ, который, по ея увѣренію, былъ голосъ какого-то Петра, уже умершаго. На всѣ вопросы голосъ отвѣчалъ немедленно и скороговоркой; большею частью онъ просилъ слушателей помочь Цециліи въ ея бѣдности. По рѣшенію сената Цецилія была сослана на островъ св. Ѳомы, одинъ изъ Антильскихъ острововъ, недалеко отъ Порто-Рико гдѣ она и умерла".

Въ XVIII столѣтіи положительныя науки, освободя разсудокъ изъ-подъ гнета воображенія, разъяснили идеи и по нѣкоторымъ предметамъ суевѣрія, въ томъ числѣ было и чревовѣщаніе.

Монахъ Донъ-Бонавентуро (родился 1640 г., умеръ 1704 г.) уже не увлекается идеями о дѣйствіи дьявола, а говоритъ о чревовѣщаніи съ точки зрѣнія науки: „Тотъ, кто не изучалъ дѣйствій воздуха въ пневматическихъ машинахъ, кто не имѣетъ свѣдѣній объ органахъ дыханія, о способахъ издаванія звуковъ и рѣчей, тотъ, слушая чревовѣщателя, убѣждается, что это дѣйствіе дьявола; но еслибъ онъ, напротивъ, далъ себѣ трудъ внимательно наблюдать за чревовѣщателемъ, то убѣдился бы, что съ предположеніемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ органахъ, можетъ случиться, что возможно произносить и изъ внутренней желудочной полости слова, которыя мы обыкновенно можемъ произносить только губами".

Наконецъ, въ XIX столѣтіи чревовѣщаніе выброшено

изъ сферы сверхъестественнаго и признано даже не особенною способностью, а искусствомъ, которое подлежитъ изученію и усовершенствованію.

Знаменитый физіологъ профессоръ Мюллеръ (Handbuch der Physiologie, v. Johannes Müller, 1845) опредѣляетъ даже способъ, какъ искусственнымъ образомъ производить чревовѣщаніе:

„Я дѣлаю (говоритъ Мюллеръ) глубокое вдыханіе воздуха, такъ что діафрагма (грудобрюшная преграда) выпираетъ впередъ внутренности брюха, потомъ выдыхаю особеннымъ образомъ, сильно сжимая дыхательное горло и весьма медленно вытѣсняя воздухъ сжиманіемъ стѣнокъ груди, тогда какъ діафрагма сохраняетъ тоже самое положеніе, которое она имѣла при вдыханіи и, слѣдовательно, брюхо останется выдавшимся впередъ въ теченіе времени образованія звуковъ рѣчи. Интонація, помощью сильнаго сжатія дыхательнаго горла, при медленномъ выдыханіи посредствомъ сжатія однихъ грудныхъ стѣнокъ, безъ содѣйствія брюшныхъ мускуловъ, рождаетъ тѣ особенные звуки, которыми отличается чревовѣщаніе. Звуки, образующіеся при этомъ, кажутся принесенными издалека и похожи на произносимые человѣкомъ, стоящимъ поодаль“.

„Эффекты чревовѣщанія (говоритъ Мюллеръ) много зависятъ отъ обмана слуха и другихъ чувствъ. Мы весьма трудно различаемъ направленіе и разстояніе звуковъ, и если вниманіе наше устремлено на какой-либо предметъ, то воображеніе, независимо отъ воли, переноситъ туда эти звуки наши, слышимые безъ очевидной причины ихъ источника“.

Справедливость филологическаго изысканія профес-

сора Мюллера оправдалась на самомъ дѣлѣ, и у насъ въ Россіи, по увѣренію г. Хотинскаго (въ любопытной книгѣ его „Разсказы о темныхъ предметахъ"), студентъ и нѣсколько его товарищей выучились этому искусству съ успѣхомъ.

Вотъ судьба чревовѣщанія, которая, по убѣжденію многихъ ученыхъ XVII и XVIII столѣтія, была орудіемъ дивныхъ явленій, въ рукахъ таинственныхъ жрецовъ, оракуловъ древняго міра!

Любопытно было бы прослѣдить нашу славянскую миѳологію, не найдемъ ли и въ ней проявленія чревовѣщанія; но оставляя это дѣло спеціалистамъ, разскажемъ читателямъ исторію нашей первоявившейся чревовѣщательницы, которую мы открыли случайно въ старинныхъ полусгнившихъ документахъ XVIII столѣтія:

„26-го августа 1737 года, въ Томскую воеводскую канцелярію явился неверстанный томскій боярскій сынъ Алексѣй Мещериновъ и привелъ съ собою двѣнадцатилѣтнюю дворовую свою дѣвочку Ирину Иванову. Онъ объявилъ, что „Ирина тому назадъ четвертый годъ испорчена и есть въ утробѣ у нея дьявольское навожденіе, которое говоритъ ясно человѣческимъ языкомъ вслухъ".

Можно себѣ вообразить удивленіе и страхъ подъячихъ и воеводы! Майоръ Степанъ Угрюмовъ (воевода), постигая всю важность происшествія, приступилъ сейчасъ же къ освидѣтельствованію дѣвочки. Въ свидѣтеляхъ не было недостатка. У майора въ это время были съ поклономъ пріѣзжія изъ Красноярска боярскія дѣти братья Степановы, ѣхавшіе въ Тобольскъ на драгунскую службу; еще случился попъ соборный, позванный для слу-

женія акаѳиста. Угрюмовъ приказалъ подъячему Комарову допрашивать дѣвочку. Ирина стояла молча передъ толпою; лицо ея было неподвижно, ротъ закрытъ. Подъячій спросилъ дьявола:

— Кто ты такой?

— Лукавый, послышалось всѣмъ издалека ребяческимъ, гугнивымъ голосомъ: — лукавый; зовутъ меня Иванъ Григорьевъ Мещеринъ; рожусь завтра, а посаженъ въ утробу Ирины во штяхъ (щи) дѣвкою Василисою Ломаковою, тому четвертый годъ.

— Откуда ты? спросилъ подъячій.

— Изъ воды, отвѣчалъ тотъ же голосъ.

Всѣ присутствующіе остолбенѣли. Угрюмовъ велѣлъ привести дѣвку Василису и потребовалъ объясненія, какъ она посадила въ штяхъ чорта въ утробу дѣвки. Василиса отперлась: „ничѣмъ дѣвочку не портила, и кто посадилъ ей въ утробу дьявола, говорящаго человѣческимъ голосомъ, не вѣдаетъ, и когда четыре года назадъ жила съ Ириною у Мещеринова, дѣвочка не была испорчена, а за нею Василисою ереси и волшебства не имѣется.

Въ наше время дѣвочка эта, конечно, нашла бы антрепренера, который, пользуясь ея удивительною самородною способностью чревовѣщанія, вывезъ бы ее изъ Томска и сталъ бы показывать за деньги; но тогда подобнаго рода явленія возбуждали не любопытство, а страхъ, преслѣдованія и наказанія. Дьявольское навожденіе было тогда человѣческимъ преступленіемъ, и дѣвочку отправили въ дѣвичій Томскій монастырь подъ арестъ въ келью игуменьи. Приставили къ кельѣ часового, а игуменьѣ велѣли водить почаще дѣвочку въ

церковь и смотрѣть за нею „на-крѣпко“. Вмѣстѣ съ тѣмъ воевода составилъ актъ освидѣтельствованія и о такомъ важномъ происшествіи послалъ нарочнаго съ донесеніемъ въ Тобольскъ, въ Сибирскую канцелярію.

Изъ Тобольска предписали воеводѣ: 1) Неверстаннаго сына боярскаго Алексѣя Мещеринова распросить „накрѣпко“, съ котораго времени дѣвочка испорчена, самъ ли онъ объ этой дѣвочкѣ узналъ и почему такъ долго не доносилъ. Притомъ узнать отъ томскихъ градскихъ обывателей: добрый ли онъ человѣкъ и не бывалъ ли прежде въ какомъ подозрѣніи, и нѣтъ ли за нимъ какого волшебства. 2) Объ дѣвкѣ Василисѣ также изслѣдовать, не бывала ли она въ какихъ приводахъ (то-есть подъ слѣдствіемъ), и нѣтъ ли за ней также волшебства. 3) Обо всемъ донести Сибирской канцеляріи; а если дьявольское навожденіе продолжается въ утробѣ Ирины, то и ее и Мещеринова и Василису прислать съ дѣломъ въ Тобольскъ. Въ то же время Сибирская канцелярія донесла о происшествіи Тайной канцеляріи въ Петербургъ.

Вотъ какую суматоху надѣлала наша первая доморощенная чревовѣщательница!

Между тѣмъ, пока Сибирская канцелярія обдумывала и сочиняла свое предписаніе томскому воеводѣ, чревовѣщательница еще напугала и игуменью, и часоваго, и воеводу.

1-го сентября въ Воеводскую канцелярію явился караульный томскій пѣшій казакъ Ѳедоръ Переводчиковъ и объявилъ слѣдующее:

„Августа 31 дня онъ, Переводчиковъ, по приказанію Томской канцеляріи, находился въ караулѣ въ Рожде-

ственскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, въ кельѣ у игуменьи Домники Власьевой, для караулу Ирины Ивановой, у которой въ утробѣ имѣлось дьявольское навожденіе, и оный-де дьяволъ въ вечернее время бранилъ его Переводчикова всякою неподобною м... бранью и притомъ же говорилъ: возьми-де фузею, и въ келью никого не пущай, я-де о томъ скажу на тебя воеводѣ господину Угрюмову, и онъ-де караульный на то сказалъ ему, что-де въ твоей кельѣ никого не имѣется, и онъ-де діаволъ говорилъ: я-де вижу, что подъ окномъ стоятъ люди, а подъ окномъ-де никого не было; а послѣ-де того въ отдачу дневныхъ часовъ, по приходѣ въ келью игуменьи Домники съ келейницею Ѳедосьею, Ирина легла на лавку и въ тоскахъ своихъ говорила, что-де ей приходитъ лихо, а оный дьяволъ стоналъ человѣческимъ голосомъ съ полчаса, а потомъ кричалъ громко и говорилъ келейницѣ Иринѣ: Ирина, прости меня, а игуменьѣ говорилъ же: матушка прости, тако жь и съ дѣвкой Ѳедосьей и съ матерью Ѳедосьи Мариной, которая въ то время лежала на печи, прощался же. Игуменья спросила: куда ты идешь? Дьяволъ отвѣчалъ: я-де иду въ воду—и велѣлъ онъ дьяволъ отворить двери, и какъ-де келейныя двери отворили, тогда у оной дѣвки Ирины, лежа на прилавкѣ уста широко растворились и шла мокрота и вскорѣ изо рта у нея появился подобно какъ дымъ и вышелъ изъ кельи въ двери вонъ, и послѣ того оная дѣвка Ирина сказала имъ: „изъ гортани-де ея незнамо что вышло, подобно какъ ворона мокрая и дьявольскаго-де навожденія въ утробѣ у нея не стало“.

Объявленіе солдата опять взволновало майора Угрюмова. Потребовали къ допросу игуменью и келейницъ—

онѣ подтвердили разсказъ караульнаго. Привели опять дѣвочку, осматривали со всѣхъ сторонъ, „но познать было невозможно (такъ доносилъ Угрюмовъ), имѣется ли у нея дьявольское навожденіе; только по вопросамъ христіанскимъ оный дьяволъ ни о чемъ не отвѣщаетъ“.

Это улетученіе дьявола черезъ келейныя двери даетъ убѣжденіе, что дѣвочка шалила, что она, вѣроятно случайно открыла въ себѣ способность къ чревовѣщанію, или выучилась этому искусству, и сперва вздумала попугать хозяина, но потомъ, когда допросили въ Воеводской канцеляріи и посадили подъ караулъ, она смекнула, что дѣло неладно, и рѣшилась увѣрить, что дьяволъ вышелъ изъ нея. Но она бѣдная не знала, что кромѣ дьявола на свѣтѣ есть канцелярія, судъ, подъячій, которымъ мало того, что дьявола уже нѣтъ у нея въ утробѣ, имъ нужно знать, и въ особенности писать и писать, откуда былъ дьяволъ, кто его сажалъ, съ какимъ умысломъ, для какой пользы, по чьему наущенью и пр. и пр.,—и вотъ Тайная канцелярія обсудивъ все происшествіе, даже съ участіемъ Сената, изъ Петербурга предписала Сибирской канцеляріи:

Мещеринова, дѣвку Василису, дѣвочку Ирину и мать ея, также свидѣтельствовавшихъ ее въ Томской канцеляріи, а именно: Алексѣевскаго монастыря намѣстника Рафаила, соборной церкви священника Прокопья Дмитріева, подъячаго Петра Комарова, посадскихъ: Петра, Тимоѳея и Василья Степановыхъ, караульнаго козака, также игуменью Домнику и келейницъ Ѳедосью и Ирину и Ѳедосьину мать Марину всѣхъ вытребовать изъ Томска въ Тобольскъ“.

„Дѣвочку Ирину привесть въ застѣнокъ и распросить

съ пристрастіемъ на-крѣпко, кто ее научалъ“ таковое вымышленное дѣло показывать и въ какомъ намѣреніи и каковыя изъ того вымысла, яко бы себѣ пользы надѣялась. А если она будетъ все подтверждать вымыселъ, „тогда, поднявъ ее на дыбу, вмѣсто кнута, за несовершенствомъ лѣтъ ея, бить розгами, а буде и потомъ объ означенномъ истины и вины своей не объявитъ, то какъ она послѣ розыску отъ болѣзни свободу себѣ получитъ, двоекратно розыскивать ею противъ вышепоказаннаго“.

„Мещеринова распросить въ застѣнкѣ на-крѣпко, почему онъ узналъ объ дьяволѣ въ утробѣ дѣвочки, и когда именно, и самъ ли, „ибо по всему видно (разсуждала Тайная канцелярія), что объ означенномъ вымышленно и ложно оный Мещериновъ показалъ“.

„Прочихъ, бывшихъ при освидѣтельствованіи дѣвочки Ирины, велѣть тобольскому архіерею увѣщевать порознь судомъ Божіимъ, объявляя имъ, что за вымышленныя богопротивныя дѣла не токмо имѣютъ быть истязаны, но и въ будущемъ вѣкѣ мучены будутъ, и того бы ради очищая душу свою, показали сущую правду о дьявольскомъ якобы въ утробѣ означенной дѣвки Ирины навожденіи, съ чего они умыслили показывать ложно вымышленное ихъ показаніе, какой пользы себѣ они надѣялись, и кто и чѣмъ именно ихъ обнадеживалъ... и егда означенныя игуменьи и прочіе вышеобъявленные, по увѣщаніи, чистой повинной своей объ ономъ не объявятъ, то отдать ихъ въ Тобольскую губернскую канцелярію, а изъ той канцеляріи привесть ихъ въ застѣнокъ порознь и о показаніи объ ономъ обо всемъ истины распросить съ пристрастіемъ на-крѣпко... и

потомъ обо всемъ изслѣдовать на-крѣпко же безъ всякаго упущенія, и по окончаніи онаго слѣдствія объ ономъ о всемъ обстоятельный экстрактъ переслать въ Тайную канцелярію, и кто по тому дѣлу виновны явятся, тѣхъ до указу держать въ Тобольскѣ подъ крѣпкимъ карауломъ".

Вотъ предписаніе, характеризующее степень нравственнаго и умственнаго образованія нашего общества того времени. Въ немъ мы видимъ невѣжество грубое, жестокость, самоуправство, отсутствіе ясныхъ религіозныхъ идей, неуваженіе къ личностямъ, къ человѣчеству.

Февраля 13 дня 1738 года всѣхъ привезли въ Тобольскъ.

22 февраля несчастную дѣвочку привели въ застѣнокъ и допросили: она объявила, что „подлинно испорчена, тому назадъ года съ три, Василисою такимъ случаемъ: попросила она Ирина у нея Василисы ѣсть штей (щей), и она-де Василиса налила тѣхъ штей въ ставецъ и подала ей ѣсть и притомъ избранила: трескай-де, чортъ съ тобою! и послѣ того времени въ третью недѣлю она Ирина занемогла и услышала, что въ утробѣ у нея Ирины сталъ ворчать какъ щенкомъ, и то ворчанье слышалъ хозяинъ ея, Алексѣй Мещериновъ, и мать его, Степанида Иванова, и подлинно-де у нея Ирины было въ утробѣ дьявольское навожденіе и человѣческимъ языкомъ въ-слухъ говорило. Ее подняли на дыбу, посѣкли розгами—подтвердила все тоже.

Взялись за Мещеринова. Въ застѣнкѣ объявилъ, что кто испортилъ Ирину, не знаетъ, потому-что онъ въ Якутскѣ „года съ полчетверти" и дома не былъ до

1737 г. до іюля мѣсяца. Когда же возвратился домой, мать Ирины сказала ему, что ея дочь испорчена, а потомъ въ августѣ мѣсяцѣ, какъ только услышалъ онъ самъ, что дьяволъ кричалъ въ утробѣ Ирины человѣческимъ голосомъ, тотчасъ отвелъ ее въ Воеводскую Томскую канцелярію и донесъ майору Угрюмову.

1-го марта 1738 г. составлена была духовная комиссія. Знаменскаго монастыря архимандритъ Геннадій, первопрестольнаго Тобольскаго Успенскаго собора протопопъ Матвѣй увѣщевали обвиненныхъ:

1) Мать дѣвочки Марину „калмыцкой породы“. Она начала такъ: „родомъ она женка Марина, какой націи и сколько числится отъ рожденія нынѣ лѣтъ, за древнею своею старостію и за оскудѣніемъ ея ума, сказать ничего не упомнитъ“. Объ дочери разсказала, что когда-то была больна оспою, потомъ въ огневой (т. е. въ горячкѣ), послѣ была въ разслабленіи и въ изступленіи ума, и въ той болѣзни у нея было истеченіе крови изъ носа и безвременное стонаніе, и то она приписывала порчѣ отъ неразумія своего, и въ томъ приноситъ повинную самому Богу и ея императорскому величеству.

2) Ва̄силиса (которая въ щахъ влила дьявола въ дѣвочку Ирину) отвѣчала, что жила, четыре года назадъ, мѣсяцевъ съ 10 у Мещеринова, и въ то время Ирина была здорова, и она объ дьяволѣ ничего не слыхала.

3) Архимандритъ Рафаилъ показалъ, что онъ при освидѣтельствованіи дѣвочки не былъ и ничего объ этомъ не слыхалъ. Дѣйствительно, послѣ оказалось, что воевода Угрюмовъ фальшиво на него показалъ. Архимандрита тотчасъ и отпустили.

4) Попъ показалъ, что онъ при свидѣтельствѣ дѣ-

вочки не былъ; а въ это время служилъ въ церкви обѣдню; послѣ обѣдни онъ былъ призванъ къ Угрюмову для отправленія „акаѳиста“, и здѣсь при немъ Угрюмовъ распрашивалъ дѣвочку, и отвѣты, будто-бы дьявола человѣческимъ языкомъ слышались издалеча, а не такъ ясно и близко, какъ отъ устъ ея самой происходило, „а онъ попъ самъ ее не опрашивалъ и заподлинно онаго дѣйствія, кромѣ дѣйствія мечтанія, не признаваетъ“. А подъ свидѣтельствомъ подписался онъ попъ послѣ черезъ недѣлю по приводу и по принужденію воеводы Угрюмова.

5) Томскій посадскій человѣкъ Петръ Андреевъ тоже показалъ, что самъ не свидѣтельствовалъ дьявола, а присутствовалъ, когда подъячій Комаровъ распрашивалъ дѣвочку и ничего изъ того за правдивое не признаваетъ и не утверждаетъ; подъ свидѣтельствомъ подписался также по принужденію.

6) Посадскій Тимоѳей Степановъ объявилъ, что онъ при свидѣтельствѣ не былъ и не подписывался.

7) Братъ его Василій Степановъ то же объявилъ, что Петръ Андреевъ.

8) Красноярскаго города изъ дѣтей боярскихъ новонаборнаго драгунскаго полка каптенармусы Сухотинъ, Иванъ Леонтьевъ, Тараканов и Иванъ Алексѣевъ Злобинъ объявили, что они случились въ домѣ Угрюмова проѣздомъ, ѣхавши изъ Красноярска въ Тобольскъ на смотръ, и при нихъ подъячій Комаровъ допрашивалъ дѣвку о дьяволѣ, а свидѣтелями же подписались черезъ недѣлю по принужденію воеводы.

Весьма важно показаніе было козака, караульнаго при дѣвочкѣ въ Рождественскомъ монастырѣ. Вотъ что от-

крылось. Игуменья Домника послала сказать воеводѣ, что дѣвочка отъ дьявола освободилась; воевода прислалъ разузнать обстоятельно въ монастырь подъячаго; тогда только козакъ услышалъ отъ игуменьи всѣ продѣлки дѣвочки, а самъ не видалъ, потому что стоялъ далеко и такъ же, какъ и прочіе свидѣтели, признаетъ все за мечтаніе.

Пришлось отвѣчать игуменьѣ: „Когда прислали къ ней дѣвочку подъ караулъ за ту вину, что въ ней сидитъ дьяволъ, она ее содержала въ своей кельѣ; съ недѣлю спустя возвратилась она отъ воеводы Угрюмова, къ которому ходила по своимъ дѣламъ, и нашяа дѣвочку у лавки; она стонала и прощалась съ ней; потомъ сдѣлалась съ ней рвота, и она заснула, а послѣ того объявила, что дьяволъ изъ нея вышелъ. И больше этого игуменья ничего не видала и не слыхала".

Келейницы отозвались, что онѣ тоже ничего не слыхали и не видали, потому что ихъ и въ кельѣ не было.

Второй допросъ послѣдовалъ только чрезъ мѣсяцъ, 24 марта. Дыба и розги подѣйствовали. Ирина разсказывала уже иначе:

„Назадъ тому года съ три была она Ирина больна, а въ утробѣ у нея было ворчанье, подобно какъ грыжная болѣзнь, а дьявольскаго навожденія въ утробѣ у нея никогда подлинно не бывало, и означенное, что будто въ утробѣ у нея былъ дьяволъ и говорилъ человѣческимъ языкомъ, все она Ирина затѣяла на себя напрасно, а что напредъ сего по приводѣ въ застѣнокъ и съ подъему на дыбу и съ битья розгами показала она, будто испортила ее во штяхъ дѣвка Василиса Лома-

кова, и то-де не на нее Василису показала она Ирина напрасно же".

Но это объясненіе противорѣчило факту освидѣтельствованія, произведеннаго Иринѣ въ Томской канцеляріи, при маіорѣ Угрюмовѣ и постороннихъ свидѣтеляхъ. Дѣвочка объяснила: „когда воевода Угрюмовъ спрашивалъ дьявола: кто-де ты такой? въ то время отвѣчала она своимъ языкомъ, тайно скрывая себя, а имя дьяволу умыслила сказать Иваномъ Григорьевымъ Мещериновымъ, въ такой силѣ, что хозяина ея Алексѣя Мещеринова отецъ былъ Иванъ Мещеринъ".

Продѣлку дьявола въ Рождественскомъ монастырѣ, въ кельяхъ игуменьи, Ирина объяснила слѣдующимъ образомъ: „Въ то-де время, лежа на печи онаго Переводчикова (караульнаго солдата) м... бранью бранила сама собою". Потомъ, по приходѣ въ келью игуменьи, она все, что выше расказала, говорила и двери отворить велѣла „для того, что когда оныя двери отворятъ, то будто дьяволъ отъ нея отойдетъ и болѣе въ ней говорить не будетъ". Матери своей Маринѣ она сказывала, что „у нея дьявольское навожденіе, но мать у нея слышала только одно ворчанье и въ томъ утверждается подлинно". Въ этотъ разъ на дыбу Ирину не поднимали и розгами не били; но 18-го іюля ее опять привели въ застѣнокъ. Она подтвердила второе показаніе. Опять на дыбу не поднимали и розгами не били.

8-го августа снова въ застѣнокъ, и уже прямо подняли на дыбу и подъ розгами распрашивали:

„Дьявольскаго навожденія въ утробѣ ея подлинно не было, и человѣческимъ языкомъ въ ней Иринѣ не го-

варивалъ, и учинила то она Ирина сама собою, притворно скрывая себя, а какимъ подобіемъ она Ирина то чинила, того не помнитъ, понеже въ то время была безъ памяти, и никто ее на то подлинно не научалъ, и въ томъ она утверждаетъ подлинно".

Іюля 12 дня пришлось игуменьѣ побывать въ застѣнкѣ. Здѣсь она повторила опять тоже, что и въ донесеніи Угрюмова, и призналась, что при архіерейскомъ увѣщаніи не сказала, за безпамятствомъ своимъ и за древнею старостью, потому что ей отъ роду 72 года. Мокрой вороны не видала, а голосъ издалеча слышала. Притомъ еще дополнила, что къ дѣвочкѣ приходилъ въ монастырь со многими посторонними воевода Угрюмовъ и спрашивалъ: „скоро ли будетъ Илья Греченинъ съ козакомъ?" Голосъ съ печки отвѣчалъ гугниво: „скоро будетъ".

Воеводѣ Угрюмову вѣроятно было совѣстно сознаться въ этомъ, и онъ утверждалъ, что это неправда, и онъ дѣвочкѣ такихъ вопросовъ не дѣлалъ. Притомъ прибавилъ, что свидѣтелей приглашалъ подписать свидѣтельство, потому что они дѣйствительно при этомъ били, но не принуждалъ ихъ.

Ирину, Мещеринова, мать Ирины, Марину, Василису Ломакову, караульнаго козака Переводчикова, келейницъ Ирину, Ѳедосью, всѣхъ посадили въ тюрьму.

Игуменью Домнику подъ крѣпкимъ карауломъ заключили въ Тобольскомъ дѣвичьемъ монастырѣ.

Они сидѣли долго.

Тайная канцелярія рѣшила это дѣло только 15 марта 1739 года, почти черезъ годъ. Вотъ и рѣшеніе:

1) Дѣвку Ирину за ложный вымыселъ дьявола, въ

чемъ она въ застѣнкѣ съ подъему и съ битья розогъ винилась, что объ ономъ о всемъ затѣяла она вымыселъ отъ себя ложно—хотя она и несовершеннолѣтняя, однакожъ, за вышеобъявленныя злоумышленныя притворныя богопротивныя дѣла, на страхъ другихъ, на основаніи блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Петра Великаго указа, учинить наказанье: бить кнутомъ, и вырѣзавъ ноздри, сослать въ Охотскій острогъ и опредѣлить ее въ работу вѣчно по разсмотрѣнію тамошняго командира.

2) Дѣвку Василису освободить.

3) Алексѣя Мещеринова за ложное показаніе вмѣсто кнута бить плетьми нещадно и послать въ дальній сибирскій городъ въ нерегулярную службу.

4) Мать Ирины за ложный разсказъ Мещеринову, что ея дочь испорчена, бить плетьми и освободить.

5) Съ маіора Угрюмова за то, что такъ какъ бы должно было не распрашивалъ о дьяволѣ и о видимомъ уже вымышленномъ притворствѣ, о сущей правдѣ подлежащаго слѣдствія не производилъ, за ложное въ Сибирскую канцелярію доношеніе, да еще за разглашеніе такого вымысла, взять штрафу 300 р. и по взысканіи освободить, а до указу содержать подъ карауломъ.

6) Подъячаго Комарова за то, что онъ распрашивалъ дѣвочку о дьяволѣ, хотя и съ приказу воеводы, но чинить сего не подлежало при постороннихъ ради соблазна и разглашенія, взять штрафу 50 р., а если не заплатитъ, бить плетьми и освободить.

7) Всѣхъ свидѣтелей, подписавшихъ актъ освидѣтельствованія, оштрафовать съ каждаго по 100 р., а если платить не будутъ — бить плетьми нещадно и освободить.

8) Съ караульнаго, за то, что онъ могъ весьма усмотрѣть, что не дьяволъ въ ней говорилъ, но сама собою притворно то чинила и проч., взять штрафу 100 р., а если платить не будетъ, бить плетьми нещадно.

9) Игуменьѣ Домникѣ, за то, что она признавала притворство дѣвочки за дьявольское навожденіе, слѣдовало бы нещадное наказаніе, но какъ по слѣдствію оказалось, что она въ престарѣлыхъ лѣтахъ, то за ея вину лишить игуменства и послать въ братство вѣчно въ другой дальній монастырь.

10) Келейницу Ирину бить плетьми. Дѣвку монастырскую Ѳедосью тоже.

Всѣмъ объявить указомъ, подъ страхомъ смертныхъ казней, чтобъ они впредь о вышеупомянутомъ не токмо никому не разглашали, но и разговоровъ бы о томъ ни съ кѣмъ не имѣли.

Воевода и подъячій заплатили исправно положенный на нихъ штрафъ; попъ, каптенармусъ Злобинъ и караульный козакъ не заплатили, за что и били ихъ плетьми.

Игуменья Домника послана въ Тюменскій монастырь.

САМОСОЖИГАТЕЛИ.

САМОСОЖИГАТЕЛЬСТВО—явленіе, исключительно принадлежащее исторіи Русскаго старообрядчества. Время, въ которое оно проявилось впервые, съ точностью опредѣлить трудно; можно только сказать, что не ранѣе преслѣдованій, возникшихъ при патріархѣ Никонѣ, и не позже 1675 г. Въ сочиненіи Аввакума на крестообразную ересь, писанную имъ во время заключенія его въ Пустоозерскомъ острогѣ, встрѣчается указаніе на самосожиганіе, какъ на фактъ уже совершившійся; вотъ слова Аввакума: „суть уразумѣвша лесть отступленія, да не погибнуть злѣ духомъ своимъ: собирающеся во дворы съ женами и дѣтками и сожигахуся огнемъ своею волею. Блаженъ изволъ сей о Господѣ“, прибавляетъ фанатикъ. (Описаніе нѣкоторыхъ раскольническихъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола. Ч. 2-я, стр. 5). Аввакумъ проповѣдывалъ, ободрялъ самосожиганіе, убѣждалъ не бояться смерти *).

*) Боисься пещи той? Дерзай, плюнь на нее — писалъ Аввакумъ—небось! До пещи страхъ-отъ, а егда въ нея вошелъ, тогда и

Нѣтъ сомнѣнія, что ученіе Аввакума, значительно распространенное между народомъ, особенно на сѣверѣ Россіи, въ первую эпоху борьбы старовѣрчества противъ Никоновыхъ нововведеній, имѣло большое вліяніе на послѣдующіе факты самосожиганія; но было ли самосожиганіе догматомъ—это вопросъ, подлежащій строгому критическому изслѣдованію. По нашему взгляду, догматъ всякой исключительной секты имѣетъ собственную самостоятельную жизнь и силу, внѣ всякихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, а самосожигательство едва-ли имѣетъ это значеніе. Самосожигательство—крайній исходъ борьбы за дѣйствительно усвоенные догматы, форма самоубійства, принятая во имя догматовъ для окончательнаго избѣжанія отъ преслѣдованія, отъ истязаній, которымъ подвергались старовѣры, попадавшіеся въ руки правительства. Еслибъ это былъ догматъ, то онъ проявлялся бы самъ собою, между тѣмъ какъ всѣ извѣстные до сихъ поръ случаи обнаруживаютъ положительно, что старовѣры сожигались только тогда, когда приходили брать ихъ силою, и всегда въ глазахъ пришедшей воинской команды.

Большею частью, всѣ доселѣ извѣстные случаи самосожигательства были въ губерніяхъ: Архангельской,

---

забылъ вся. Егда же загорится—а ты и видишь Христа и ангельскія силы въ нимъ. Емлютъ души тѣ отъ тѣлесъ да и приносятъ ко Христу—а онъ надежа и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную. Не уже къ тому бываетъ тяжка но яко воспереннаѣ туды же со ангелы летаетъ—ровно яко птичка попорхиваетъ—рада изъ темницы своей вылетѣла... Темница горитъ въ пещи—а душа, яко бисеръ и яко злато чисто взимается со ангелы выспрь во славу Богу и отцу!.. (Тамъ же, стр. 33).

Олонецкой и въ Сибири, и притомъ исключительно въ сектѣ безпоповщины. Какая была тому причина—въ настоящее время, при скудости матеріаловъ со всею ихъ подробностью, еще трудно разрѣшить. Теперь мы должны ограничиться изложеніемъ только фактовъ, которые дѣлаются постепенно извѣстными; придетъ время, когда исторія разъяснитъ подробно и положительно всѣ оттѣнки этого явленія, исключительно принадлежащаго намъ, русскимъ, потому что до сихъ поръ въ другихъ странахъ не встрѣчаются подобнаго рода самоубійства изъ религіозныхъ стремленій.

Въ концѣ XVII столѣтія случаевъ самосожигательства извѣстно много.

Игнатій, митрополитъ тобольскій и сибирскій, въ своихъ посланіяхъ („Православный Собесѣдникъ“ 1855 г.) сохранилъ для исторіи нѣсколько фактовъ. Въ первомъ посланіи упоминается, что лжечернецъ Іосифъ Армянинъ и венгерскій лжечернецъ Аврамъ Жидовинъ учили сожигать самихъ себя, называя это новымъ крещеніемъ въ огнѣ. Къ сожалѣнію, не разсказано подробно, при какихъ обстоятельствахъ приводимо было въ исполненіе это ученіе. Въ третьемъ посланіи два случая разсказаны подробнѣе, и въ нихъ является то, о чемъ мы выше говорили—насиліе.

Первый случай — отступникъ Дометіанъ (близъ Тюменя въ Сибири), собравъ около себя учениковъ, писалъ къ одному своему сотоварищу по расколу, Иванищу: „собрались ко мнѣ въ пустыню добродѣтельные мужи и жены, и дѣти, и отрочата, и просятъ всѣ втораго, неоскверняемаго огнемъ крещенія; что повелишь творити“? Иванище отвѣчаетъ ему: „заварилъ еси кашу, такъ ю

и яси"; другими словами: „заварилъ кашу, самъ и кушай!" Въ этомъ отвѣтѣ проглядываетъ то, что не заварилъ ли кашу Дометіанъ съ мѣстнымъ начальствомъ за пристанодержательство бѣглыхъ и за ученье расколу, потому что разсказъ кончается тѣмъ, что когда пришли въ жилище къ Дометіану благочестивые воины — такъ сказано въ посланіи—то раскольники и сожглись.

Другой случай: въ Томскомъ уѣздѣ, ученикъ Дометіана, какой-то Васька Шапошниковъ, поселился въ лѣсу и собралъ къ себѣ раскольниковъ. Томскій воевода узналъ объ этомъ и обратился къ архіерею съ вопросомъ: что дѣлать? Отвѣтъ былъ: послать изъ Томска священниковъ увѣщевать раскольниковъ. Воевода послалъ священниковъ и нѣсколько войска. Когда они подошли къ избѣ, гдѣ заперлись раскольники, Васька кричалъ имъ: „отойдите прочь, загорится изба и начнетъ селитра и порохъ рватися, тогда васъ всѣхъ бревнами перебьетъ". Войско отошло на дистанцію, а раскольники сожглись. („Православный Собесѣдникъ" 1855 г.).

Случаи, разсказанные въ раскольническихъ рукописяхъ и относящіеся къ концу XVII столѣтія и началу XVIII, также подтверждаютъ, что самосожигательство было всегда слѣдствіемъ поисковъ правительства для захвата раскольниковъ.

Одинъ изъ самыхъ любопытныхъ случаевъ XVII столѣтія, имѣющій и значеніе историческое, это—самосожженіе въ Палеостровскомъ монастырѣ. Разсказъ объ немъ въ рукописномъ сочиненіи Выгорѣцкаго пустынножителя Ивана Филиппова замѣчателенъ любопытными подробностями; мы его передадимъ въ особой статьѣ, а теперь разскажемъ читателямъ нѣсколько фактовъ само-

сожженія изъ подлинныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, сохранившихся въ архивахъ.

I.

1726.

Въ народѣ ходили слухи, что въ Важецкомъ уѣздѣ, въ Озерецкой волости, близъ Шенкурскаго уѣзда, въ 10-ти верстахъ отъ д. Гаврилихи, съ 1724 года, въ лѣсахъ живетъ старецъ Исакій Каргополецъ, учитъ старой вѣрѣ и исповѣдуетъ, и креститъ. Нѣсколько семействъ изъ окрестныхъ селеній, преданныя старой вѣрѣ, преслѣдуемыя нищетою, не замедлили бѣжать къ Исакію и составили около него дружный кружокъ.

Исакій Каргополецъ, устроивъ на живую руку свою пустынь, пошелъ бродить по деревнямъ и селамъ собирать къ себѣ еще новыхъ приверженцевъ.

Въ деревнѣ Гаврилихѣ жилъ богатый мужикъ Василій Нечаевъ; отъ дѣда и отца получилъ онъ ученіе о старой вѣрѣ, зналъ грамоту, имѣлъ много старопечатныхъ церковныхъ книгъ, и хотя не былъ посвященъ во всѣ тонкости и догматы распространившейся въ ихъ окрестностяхъ секты безпоповщины, но былъ въ душѣ ревностный противникъ новинъ Никоніановскихъ. Богатство Василія давало ему средства помогать бѣднымъ, и всѣ жители Гаврилихи уважали его. Исакій Каргополецъ прослышалъ о Васильѣ, познакомился съ нимъ и не замедлилъ предложить ему быть покровителемъ новорожденнаго старовѣрческаго скита; вмѣстѣ съ этимъ,

Исакій польстилъ и самолюбію Василья, предоставивъ ему совершать утрени, часы и вечерни въ устроенной имъ часовнѣ, а себѣ Исакій оставилъ только одну привиллегію: кадить ладаномъ.

Привязанность къ скиту перешла отъ отца къ старшему его сыну. Максимъ Васильевъ Нечаевъ сдѣлался также ревностнымъ покровителемъ старовѣровъ, поселившихся подъ начальствомъ Исакія, и снабжалъ скитъ хлѣбомъ и пищею, покупая все на свои деньги. Бѣдные крестьяне-раскольники сходились въ скитъ съ женами и дѣтьми, и въ 1726 году въ пустыни уже набралось всякаго полу и возрастовъ душъ 80.

Часовня, устроенная Васильемъ Нечаевымъ, была довольно обширна; въ ней могли свободно молиться всѣ скитники. Нѣсколько образовъ: Всемилостиваго Спаса, Пресвятыя Богородицы, Николая Чудотворца, писанные красками на деревѣ, въ серебряныхъ и позолоченныхъ окладахъ, украшали часовню. Церковно-служебныя книги Максимъ Нечаевъ досталъ въ Архангельскѣ, гдѣ въ это время торговля старопечатными книгами была довольно значительна и выгодна. Старовѣры жили въ особыхъ кельяхъ. Прозваніе пустыни было Никольское.

Исакій Каргополецъ и Максимъ Нечаевъ привлекали въ свой скитъ обнищавшихъ сельскихъ жителей разными способами.

Жилъ въ деревнѣ Гаврилихѣ мужикъ Данило Савинскій, перебивался какъ могъ хлѣбопашествомъ и постоянно бѣднѣлъ; Максимъ съ Исакіемъ начали навѣщать его почасту и одолжали его то деньгами, то хлѣбомъ; при этихъ посѣщеніяхъ учили крестное знаменіе слагать: первый перстъ съ друмя послѣдниками и такъ

креститься. Потомъ пошло дѣло и не объ одномъ крестномъ знаменіи.

„Не слѣдуетъ — говорили они Савинскому — въ церковь ходить молиться и къ отцу духовному на исповѣдь и первые три персты слагати. Тремя первыми персты креститься грѣхъ — то сложеніе щелкунъ; на церквахъ нынѣ кресты новые, а не старые, и въ церквахъ служатъ и поютъ по новому. Пойдемъ къ намъ въ пустынь молиться.

Не много времени нужно было Максиму и Исакію, чтобъ соблазнить къ пустынной жизни Савинскаго; ѣсть нечего съ женою и дѣтьми, а въ пустыни кормятъ и поятъ даромъ. Савинскій согласился идти въ пустынь съ женою и дѣтьми, да еще приговорилъ и другихъ, такихъ же бѣдняковъ, какъ и онъ—человѣкъ шесть, и отправились.

Пришли въ пустынь. Здѣсь установленъ былъ особенный порядокъ пріема.

Савинскаго съ товарищами ввели въ часовню; на передней лавкѣ подъ образомъ сидѣли рядомъ Максимъ съ Исакіемъ.

— Поклонитесь намъ въ землю, говорилъ имъ Исакій: и творите за мною: „Благословите, братія святая, въ пустынь намъ внити“.

„Благословите, братія святая, въ пустынь намъ внити“, повторили новопришельцы и поклонились въ землю наставникамъ.

— Богъ васъ благословитъ, отвѣчали наставники.

Новопришельцамъ отводили кельи, и такимъ образомъ они поступали въ число пустынножителей, ходили съ прочими въ часовню къ вечернѣ, заутренѣ и къ ча-

самъ, гдѣ читали Максимъ Васильевъ и Исакій Каргополецъ. Пищу, какъ и всѣ прочіе пустынножители, получали отъ Максима.

19-го іюня 1726 г. Максимъ ѣхалъ изъ деревни своей съ женою и дѣтьми въ свою пустынь молиться: онъ не постоянно жилъ въ скиту и часто разъѣзжалъ по торговымъ дѣламъ своимъ; въ деревенскомъ домѣ жилъ у него бѣдный работникъ, Тимоѳей Огудинъ, крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, ходившій по паспорту отъ бѣдности.

— Поѣдемъ съ нами молиться и жить въ пустыни, сказалъ Максимъ Тимоѳею.

— Мнѣ съ тобой ѣхать въ пустынь не съ чѣмъ: хлѣба и соли и пищи взять будетъ негдѣ, отвѣчалъ Тимоѳей.

— Поѣзжай съ нами, а о хлѣбѣ не тужи: сыты будете.

И Тимоѳей съ женою и съ сыномъ переселился въ пустынь и сталъ двухперстнымъ сложеніемъ креститься и молитву творить: „Господи Ісусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ“. А прежде крестился тремя перстами и на исповѣдь къ священнику отцу духовному хаживалъ.

У Максима жила лѣтъ съ десять племянница Анна Герасимова съ мужемъ своимъ—выходцы изъ деревни Митинской, Кокшенской четверти, Шибенской волости. Онъ пріютилъ ихъ по бѣдности. Овдовѣла племянница, Максимъ и ее пригласилъ молиться въ скитъ о ея горѣ по старой вѣрѣ.

Такъ собралъ въ Никольскую пустынь бѣдныхъ и неимущихъ Максимъ Нечаевъ. Они благодарили Бога, молились за него, а онъ съ радостью поилъ ихъ и кор-

милъ. Максимъ былъ богатъ: у него были и рыбныя ловли, и большая запашка по найму; торговалъ онъ и въ Архангельскѣ, и въ Новгородѣ; расходы на содержаніе скита не составляли для него счета.

Недолго наслаждалась Никольская пустынь спокойствіемъ; не долго пришлось радоваться Максиму своими благодѣяніями для бѣдныхъ, поселившихся въ его скитѣ.

Народная молва о Максимѣ и Исакіи, о Никольской пустыни разнеслась по деревнямъ и погостамъ и дошла до Шенкурскаго воеводы, ген.-маіора Михаила Ивановича Чернявскаго. Строго преслѣдовались тогда раскольническіе скиты, и Чернявскій, какъ только прослышалъ, на другой же день отправился съ солдатами громить пустынь. Въ деревнѣ Гаврилихѣ собралъ понятыхъ, забралъ съ собою побольше народу и отправился въ лѣсъ. Но дороги въ скитъ, какъ увѣряли крестьяне, они не знали. Чернявскій пошелъ на удачу; отойдя версты четыре отъ деревни, солдаты поймали въ лѣсу нищаго, связали его и привели передъ воеводу.

— Откуда идешь? спросилъ Чернявскій.

— Изъ пустыни Никольской; жилъ двѣ недѣли, да иду домой, въ Озерецкую волость.

Встрѣча нищаго изъ Никольской пустыни была очень кстати, и Чернявскій велѣлъ нищему указывать солдатамъ дорогу въ пустынь. Нищій этотъ былъ крестьянинъ Савинскій, о которомъ мы расказали. Онъ оставилъ жену и дѣтей въ Никольскомъ и со страхомъ велъ теперь туда воеводу съ воинскою командою.

Не доходя съ полверсты до пустыни, воевода спросилъ Савинскаго:

— Много ли въ пустыни людей и ружья? Не будутъ ли со мной драться?

— Въ пустыни людей мужеска пола большихъ и малыхъ тридцать, женска пола сорокъ-пять человѣкъ, а ружья двѣ винтовки и третья изломана.

Это извѣстіе, вѣроятно, несовершенно еще успокоило воеводу, потому что онъ спросилъ: „а пороху?“

— Пороху только полфунта, и драться они съ тобою не будутъ, отвѣчалъ Савинскій.

Воевода пріостановилъ команду, велѣлъ дать солдатамъ по чаркѣ вина и послалъ съ однимъ крестьяниномъ письмо къ Максиму. Что было въ этомъ письмѣ—неизвѣстно (копіи въ дѣлѣ нѣтъ). Максимъ принялъ письмо въ келейное окошко, прочиталъ про себя потихоньку, а не вслухъ, и отдалъ назадъ посланному отъ воеводы крестьянину, не говоря ни слова.

— Ѣдетъ къ вамъ изъ Шенкурска, говорилъ крестьянинъ Максиму:—управитель, г. маіоръ Чернявскій, да съ нимъ солдатъ тридцать, да крестьянъ триста человѣкъ.

Максимъ не отвѣчалъ крестьянину ни слова, а обратился къ раскольникамъ, велѣлъ имъ идти въ часовню и сталъ совѣтоваться съ Исакіемъ Каргопольцемъ въ кельѣ.

Крестьянина воеводскаго, ожидавшаго отвѣта подъ окномъ, они отпустили, возвративъ ему письмо воеводы...

Максимъ и Исакій пришли въ часовню.

— Ѣдетъ господинъ маіоръ Чернявскій съ солдатами и крестьянами для взятья насъ, говорилъ Максимъ собравшимся. — Онъ ѣдетъ громить пустынь за старую

вѣру, а мы за сложенье креста двумя перстами съ первымъ и за молитву Ісусову зажжемся, и намъ на томъ свѣтѣ не будетъ муки и будетъ намъ царство небесное. Засвѣтите свѣчи у образовъ.

Сказавши это, Максимъ вышелъ изъ часовни въ нижнюю келью, а сына поставилъ у дверей часовни, чтобъ никого не выпускать. Въ нижней кельѣ подъ часовнею навалено было соломы, бересты и смолы. Максимъ зажегъ и воротился въ часовню; войдя въ часовню, дверь заперъ задвижнымъ замкомъ и ключъ выбросилъ въ заднее окошко.

Старовѣры молились Богу. Максимъ и Исакій приступили къ страшному обряду. Всѣ стояли безмолвно, рядами, на колѣняхъ, въ бѣлыхъ рубашкахъ. Максимъ съ Исакіемъ прошли между ними и наложили на каждаго, не обойдя ни одного человѣка, бумажные вѣнцы, на которыхъ написанъ былъ красными чернилами восьмиконечный крестъ, и говорили:

— Мы за старую вѣру въ часовнѣ сгоримъ всѣ, и въ сихъ вѣнцахъ станемъ всѣ предъ Христа.

— Сгоримъ всѣ до единаго человѣка, отвѣчали несчастные фанатики.

Въ это время воевода съ войскомъ и крестьянами былъ отъ часовни въ нѣсколькихъ саженяхъ, подъ засѣкомъ и закричалъ:

— Максимъ, сдайся.

Максимъ высунулся въ окно.

— Господинъ маіоръ, Михайло Иванычъ; на насъ не наступай, я не сдамся и живъ въ руки не дамся, а хочешь—отступи, а коли надобно, я выдамъ тебѣ, буде изволишь, книги, по которымъ читаемъ и поемъ.

Маіоръ кричалъ одно: „сдайся“!

Въ отвѣтъ изъ часовни послышалось церковное пѣніе, прерываемое неистовыми воплями.

На крыльцѣ часовни явились четыре раскольника: Огудинъ, Аѳанасій Васильевъ, Андрей Спиридоновъ и Ѳедосій Аввакумовъ; у двоихъ были винтовки; они выстрѣлили въ команду воеводы пыжами для страху.

Тогда воевода закричалъ солдатамъ и крестьянамъ приступить къ пустыни и палить. Раздались выстрѣлы— и уже не пыжами.

Одинъ изъ раскольниковъ Андрей Спиридоновъ былъ убитъ.

Въ это время показался дымъ изъ часовни. Солдаты и крестьяне, по приказанію воеводы, кинулись въ ворота, разломали ихъ, стащили раскольниковъ съ крыльца, но въ дверь взойти не было возможности, успѣли только вытащить изъ окна старуху (Анну Герасимову). Одинъ раскольникъ самъ выскочилъ изъ окна. Трое были схвачены на крыльцѣ. Прочіе всѣ сгорѣли или задохлись.

Это дѣло обратило вниманіе духовнаго начальства, которое сообщило Сенату, чтобъ Щенкурскому воеводѣ и другимъ свѣтскимъ командирамъ такіе непорядочные поступки воспретить, ибо по всему видно (замѣчало духовное начальство), „что оные раскольники предали себя сожженію, видя отъ него, маіора Чернявскаго, страхъ“.

II.

1733.

Іюня 25 дня 1733 года, въ канцелярію каргопольскаго воеводы, крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда, Мошенскаго стану, деревни Погостица, Ѳедоръ Никитинъ Силинъ, привелъ съ собою связанную по рукамъ и ногамъ женщину: это была жена его Маланья Сергѣева. Два года и пять мѣсяцевъ пропадала она отъ мужа, скиталась по разнымъ скитамъ, и наконецъ возвратилась сама собою къ мужу изъ бѣговъ. Не говоря дурнаго слова, мужъ связалъ ее и привелъ къ воеводѣ.

Маланью потребовали къ судейскому столу и велѣли сказывать, гдѣ она была въ бѣгахъ.

„Въ прошломъ 1730 году — отвѣчала Маланья — въ зимнее время, а мѣсяца и числа сказать не упомню, сошла она отъ мужа своего, Мошенскаго стану, за Канакшинскую волость, за выставку Мехренешку въ лѣсъ, такимъ образомъ: была она въ гостяхъ въ деревнѣ Климушинѣ, у матери своей, Авдотьи Варламовой дочери, и тутъ случился быть деревни Мехренешки Иванъ Васильевъ сынъ Козловъ, который подговорилъ ее идти жить въ лѣсъ, и по тому подговору свелъ ее въ Поромское жительство изъ Чаженскаго толку, и крестилъ ее старецъ, котораго жители называли Иваномъ, а чей сынъ и имени его не знаетъ, и нарекъ ей имя Авдотьи, которымъ она и называлась.

„И оный старецъ ей въ церковь и къ попу для церковныхъ потребъ ходить не велѣлъ для того, что-де

въ церкви старыхъ образовъ мало, все новые, и окрестясь была она тутъ двое сутки, а оттоль помянутый Иванъ Козловъ свелъ ее въ лѣсъ за Мехренешку, гдѣ жила и работала у него Козлова черную работу".

Показаніе было снято; привели на справку законы о преслѣдованіи раскольниковъ, а потомъ избрали благонадежнаго подканцеляриста Петра Тонина, капрала Ивана Лопатина съ солдатами, и всѣхъ отправили отыскивать раскольниковъ.

Поромское раскольническое жительство получило начало около 1780 года. Оно находилось неподалеку отъ нынѣшней Заднедвинровской волости, Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губерніи. Наставники въ немъ сперва были: Каргопольскаго уѣзда, дворцовой Плеской волости крестьяне: Иванъ Александровъ, Андрей Степановъ, Архангельской волости Маркъ Ивановъ, а послѣ ихъ смерти — раскольникъ-старецъ Василій Ивановъ. Онъ жилъ въ особенной кельѣ въ лѣсу, былъ монахъ и старъ, умѣлъ грамотѣ, приходилъ временемъ въ часовню и говорилъ часы. Наставники пустыни не имѣли никакой особой власти, и жители поромскіе жили каждый собою, принадлежали къ сектѣ безпоповщинской. Церкви у нихъ не было и никакого священнодѣйствія. Они сходились въ часовню, пѣли часы, вечерни и утрени по старопечатнымъ книгамъ, крестились двухперстнымъ сложеніемъ. Въ случаѣ смерти, умирающій исповѣдывался у наставника, а если его не случалось тутъ, то исповѣдывалъ присутствующій сотоварищъ-раскольникъ; хоронили безъ отпѣванія и безъ причащенія св. тайнъ. Скитники были большею частью бѣглые крестьяне Олонецкой губерніи, дворцовыхъ и монастырскихъ вотчинъ;

случались и помѣщичьи. Всѣхъ принадлежавшихъ къ Поромскому жительству было до 200 человѣкъ, но въ подушный окладъ было записано только 33 человѣка. Съ каждой души платилось по 1 р. 50 к.; деньги эти употреблялись въ число суммъ, назначенныхъ на содержаніе Кексгольмскаго гарнизона, стоявшаго въ Каргополѣ, и вносились прямо раскольниками въ гарнизонный штабъ. Женщины (вдовы и дѣти) жили особо отъ мужчинъ, въ своихъ кельяхъ. Молиться приходили въ часовню, но становились особо за перегородкою, нарочно для того поставленною. Исповѣдывались у тѣхъ же наставниковъ, а въ случаѣ ихъ отсутствія, у родныхъ раскольниковъ. Вступающихъ въ ихъ сословіе перекрещивали по обряду, принятому въ Выгорѣцкомъ общежительствѣ.

Въ первое время устройства Поромскаго жительства, раскольники жили вмѣстѣ съ женами, и новорожденныхъ дѣтей относили крестить въ погостъ Дубровно къ православнымъ священникамъ. Наставники не принимали на себя крещеніе малолѣтнихъ.

Въ народѣ Поромскій скитъ былъ подъ именемъ Чаженскаго толку, но особаго Чаженскаго толку или секты не существовало.

Раскольники Чаженскаго толку были послѣдователи Безпоповщинскаго толку, ученики Андрея и Семена Денисовыхъ. Въ 1710 году Выгорѣцкое общежительство взяло съ торговъ въ оброкъ большую пашенную дачу на рѣкѣ Чаженкѣ, Каргопольскаго уѣзда; мѣра этой дачи была опредѣлена самымъ простымъ и удобнымъ образомъ: 16 верстъ въ длину, 16 въ ширину— 16 во всѣ четыре стороны. Сюда отрядили выговцы нѣ-

сколько семействъ и наставника, и, извлекая огромныя выгоды отъ запашекъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ распространяли свое ученіе. Отсюда названіе Чаженскаго толку. Первые наставники Поромскаго скита были выговцы. Но возвратимся къ нашему дѣлу.

Благонадежный подканцелярист Петръ Тонинъ, съ капраломъ и двумя солдатами, не очень спѣшно добрались до раскольниковъ. Они поѣздили по окрестнымъ деревнямъ, погостили, покутили, набрали 5 человѣкъ понятыхъ, и только 11 сентября эта вооруженная коммиссія явилась въ Поромское раскольничье жилище.

Раскольники успѣли узнать отъ сосѣднихъ жителей объ угрожающей имъ опасности. Начальники Поромскаго скита ударили въ колокола часовни, и жители келій и скитовъ съ женами и дѣтьми собрались къ часовнѣ.

— Ѣдутъ за нами изъ Каргополя посланные, объявляли начальники,—а зачѣмъ, того не вѣдаемъ; и ежели для того, чтобъ брать, то какъ наши прежніе товарищи, по ихъ обычаю, сгоримъ, православные христіане. Насъ будутъ мучить и бить за то, что крестимся двухперстнымъ сложеніемъ. Не отдадимся, братіе—сгоримъ за правовѣріе.

Закипѣла работа: начали сносить въ часовню и около нея солому, смолье, бересту; къ дверямъ приставили щитъ. Работы было много; часовня была большая, въ длину девяти, въ ширину шести саженъ (изъ показаній раскольниковъ). Вооруженная слѣдственная коммиссія застала поромскихъ жителей готовыхъ на страдальческій отпоръ.

Старецъ учитель Василій читалъ молитвы и пропо-

вѣдывалъ въ часовнѣ. Снаружи же на дворѣ толпа встрѣтила подъячаго, капрала и солдатъ.

Подъячій торжественно развернулъ передъ ними бумагу и прочелъ указъ изъ Каргопольской воеводской канцеляріи, указъ ея императорскаго величества, чтобъ всѣхъ ихъ взять и съ женами и съ дѣтьми, и отвезти въ канцелярію, а особенно старца, который перекрещиваетъ.

Подканцеляристъ читалъ, а между тѣмъ около него кружокъ раскольниковъ увеличивался все болѣе и болѣе, на часовнѣ ударили въ колокола, и народу сбѣжалось человѣкъ полтораста.

Подканцеляристъ окончилъ чтеніе.

— Гдѣ вашъ старецъ? гдѣ незаписанные, потаенные раскольники? спросилъ громко подканцеляристъ.

— Старецъ въ часовнѣ, онъ дряхлъ и идти не можетъ и не отдадимъ.

Толпа зашевелилась, и изъ нея раздались крики:

— Не слушаемъ указу ея императорскаго величества. Старца-учителя и духовнаго отца своего не выдадимъ, и сами въ Каргополь не пойдемъ.

Подканцеляристъ съ капраломъ и товарищами двинулся къ часовнѣ. Это движеніе было неосторожно. Въ часовнѣ укрывался старецъ-учитель, а раскольники, какъ мы сказали уже, приготовились сгорѣть въ часовнѣ; она была наполнена соломою, смольемъ и берестою, разсыпанъ былъ дорожками порохъ и къ дверямъ приставленъ щитъ. Толпа раскольниковъ загородила дорогу подканцеляристу къ часовнѣ.

— Не ходи, мы всѣ безъ остатку сгоримъ въ часовнѣ, тамъ все готово: порохъ, солома, береста, смолье!

Подканцеляристъ, капралъ, солдаты и понятые побѣжали прочь отъ часовни.

На почтительномъ разстояніи отъ часовни подканцеляристъ началъ читать: „по указу ея императорскаго величества“...

Раскольники его прервали.

— Хотя бы и ея величество сама прибыть изволила, а старца-учителя своего не отдадимъ, и готовы всѣ безъ остатку сгорѣть въ часовнѣ, что въ общемъ гробу.

Другіе закричали:

— Будемъ платить хоть двойной окладъ; оставьте насъ. Ступайте прочь! мы сами вышлемъ кого надо въ Каргополь.

Подканцеляристъ Тонинъ дѣйствительно былъ стойкаго характера; онъ опять имъ прочелъ указъ и объявилъ, что будетъ ихъ брать.

— А мы тебя бить будемъ, кричали раскольники.

Начался шумъ, крикъ...

Капралъ скомандовалъ солдатамъ, а подканцеляристъ понятымъ: хватать раскольниковъ, особенно зачинщика Ивана Мартынова. Онъ былъ впереди. Но едва солдаты и понятые успѣли окружить его, раскольники бросились на нихъ съ дубьемъ и рогатинами, отбили Мартынова; капрала и солдатъ побили, а подканцеляриста толкали руками и говорили, чтобъ шелъ прочь отъ часовни...

Противиться было трудно. Благонадежный, но несчастливый подканцеляристъ Тонинъ возвратился съ пустыми руками въ канцелярію. Раскольники съ своей стороны успокоились, но, ожидая вновь за ними присылки, приняли всѣ мѣры, чтобы при первомъ нападеніи отъ правительства сгорѣть. Часовня завалена была,

укрѣплена бревенчатыми подпорами, наносили еще болѣе смолы и бересты, и на крышѣ часовни поставили двухъ караульныхъ, которые днемъ и ночью смѣнялись и сторожили, не идутъ ли гонители. Между тѣмъ воевода каргопольскій о сопротивленіи раскольниковъ донесъ по порядку въ Новгородскую губернскую канцелярію. Новгородская губернская канцелярія осталась очень недовольна подканцеляристомъ и всѣми его товарищами и намѣревалась арестовать и вытребовать въ Новгородъ ихъ всѣхъ, а для поимки раскольниковъ послать вновь воинскую команду, но предварительно представила обо всемъ на разсмотрѣніе Тайной канцеляріи въ С.-Петербургъ, присовокупивъ въ донесеніи, что за неимѣніемъ офицеровъ и солдатъ въ распоряженіи губернской канцеляріи, послать за раскольниками некого.

Дѣло было очень важное. Тайная канцелярія имѣла уже въ виду нѣсколько примѣровъ, что раскольники при насильственныхъ мѣрахъ, особенно въ Олонецкой губерніи, предавали себя сожженію, и потому въ настоящемъ случаѣ надо было дѣйствовать съ осмотрительностью.

Тайная канцелярія предписала Новгородской губернской канцеляріи „изъ опредѣленныхъ для караулу и посылокъ изъ той губерніи оберъ-офицера, съ подлежащимъ числомъ солдатъ, послать въ Каргопольскую воеводскую канцелярію при указѣ, въ которомъ написать, чтобъ изъ оной Каргопольской канцеляріи оному офицеру придано было надлежащее число солдатъ и уѣздныхъ людей, которые бы знали, какъ до раскольническаго жительства дойти секретно, такъ чтобы раскольники объ этомъ не были предупреждены и чтобы по

ихъ раскольническому зломудрію они, заподлинно, не допуская себя взять, не сожглись бы. По приходѣ, надлежащимъ пристойнымъ образомъ взять раскольниковъ Козлова, Мартынова, раскольническаго ихъ учителя-старца и прочихъ раскольниковъ подъ крѣпкій караулъ, а также забрать у нихъ всѣ найденныя книги и письма, и представить въ губернскую канцелярію въ Новгородъ".

Переписка шла довольно медленно. Указъ отъ Тайной канцеляріи посланъ былъ только 24 марта 1734 года.

Новгородская губернская канцелярія, не имѣя солдатъ, послала ловить раскольниковъ прапорщика Сатинскаго, канцеляриста, подканцеляриста съ двумя разсыльщиками, т. е. старыми солдатами.

9-го апрѣля эта компанія явилась въ Поромское раскольническое жительство. Раскольники уже были предупреждены. Они собрались и заперлись въ часовню.

Прапорщикъ Сатинскій помѣстился съ своими сотоварищами въ сосѣдней кельѣ, и въ теченіе двухъ сутокъ, понемногу, хитростями и уговариваніемъ, выманилъ изъ часовни шесть раскольниковъ. Они показали, что старецъ-учитель умеръ въ январѣ 1734 года, что уже раскольниковъ осталось немного, потому что отъ скудости разбѣжались неизвѣстно куда. Прапорщикъ заперъ ихъ у себя въ кельѣ; узнавъ объ этомъ, остальные выбѣжали изъ часовни и, подойдя къ окну кельи, требовали, чтобъ выпустили ихъ товарищей, а не то они сожгутся въ часовнѣ. Но прапорщикъ успѣлъ уже уговорить взятыхъ и успокоить, что имъ ничего дурнаго не сдѣлаютъ, и велѣлъ имъ убѣждать изъ окна толпу, чтобы она отошла, что нечего бояться и что ихъ

только отвезутъ въ Каргополь и оттуда скоро отпустятъ. Толпа отступила и заперлась снова въ часовнѣ. Съ великимъ страхомъ повелъ прапорщикъ изъ кельи пѣшихъ раскольниковъ и привелъ въ Каргополь.

Воевода каргопольскій, по прозванію Нѣмецкій, не удовлетворился этимъ и послалъ разсыльщика Манькова съ двумя солдатами взыскать съ раскольниковъ 106 р. 12½ к. прогонныхъ денегъ, употребленныхъ Сатинскимъ при его командировкѣ, и забрать оставшихся въ часовнѣ раскольниковъ.

1-го мая возвратился Маньковъ въ Каргополь и вотъ что объявилъ воеводѣ:

„Какъ они пришли въ Поромское жительство и въ томъ-де жительствѣ жили раскольники, зашли въ часовню и, увидѣвъ ихъ на полѣ, учали въ колокола бить и стали изъ часовни и въ часовню бѣгать, а другіе въ лѣсъ побѣжали, и пришедъ къ часовнѣ, данный указъ подъ окномъ у часовни вычели, и они, раскольники, тому не повѣрили и притомъ говорили: и такъ-де у нихъ обманомъ много людей взяли, и требовали того наказу къ себѣ, который паки изъ часовни отдали, и выглянувъ изъ окна сказали: по оному-де наказу будетъ все исправлено, только бъ они, посланные, подождали до вечера, а въ вечеръ паки изъ того окна отпросились до утра, то есть апрѣля до 28 дня, и онаго числа поутру, часу во второмъ дня, пришли они, солдаты, къ той часовнѣ, и они, раскольники, изъ окна говорили съ ними— перво сроку просили, тотчасъ-де они въ дѣлѣ ихъ управятся, а потомъ показали изъ того окна руки, и загорѣлась та часовня изнутри, и видѣть начало быть огнь и дымъ, а для того они, солдаты и разсыльщикъ, убоясь,

чтобы отъ убѣгшихъ раскольниковъ и имъ какого вреда не учинилось, отбѣжали прочь, а сколько раскольниковъ сгорѣло, того они не вѣдаютъ“ (по показаніямъ раскольниковъ, пойманныхъ при слѣдствіи, сгорѣло до 200 человѣкъ, все большею частью старыхъ, дряхлыхъ и малолѣтнихъ).

Послѣ этихъ происшествій поиски прапорщика Сатинскаго не прекратились. Въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ отправился ловить Ивана Козлова: онъ жилъ въ особой кельѣ. Сатинскій нашелъ и здѣсь тоже, что и въ Поромскомъ скиту. Жена раскольника Ивана Козлова съ дѣтьми заперлась въ избѣ, въ которую наносила соломы и бересты, и объявила изъ окна, что ежели хотя одного ребенка у нея возьмутъ, или станутъ ее изъ избы брать, то-де она ту избу зажжетъ и сгоритъ.

Сатинскій оставилъ двухъ солдатъ караулить избу; но они „пролежали въ лѣсу двѣ недѣли — но достать женку Козлова не могли“. (Донесеніе Сатинскаго).

Сатинскій поймалъ еще 14 человѣкъ раскольниковъ, нашелъ нѣсколько отдѣльныхъ скитовъ — раскольники изъ нихъ разбѣжались.

О поискахъ Сатинскаго каргопольскій воевода донесъ губернской канцеляріи.

Новгородская губернская канцелярія предписала „какъ можно стараться раскольниковъ ловить и скованныхъ подъ карауломъ присылать въ Новгородъ“. Для поимки жены раскольника Козлова дано особенное наставленіе:

„Раскольника Козлова жену съ дѣтьми взять, ежели можно, слѣдующимъ образомъ: собравъ побольше людей и прійти тайнымъ образомъ ночью и изготовить бревна

и, взявъ топоры, вдругъ на дворъ ея напасть и выломить двери и окна брать, заливая огонь водою, а для того чтобы и вода была въ готовности; и въ ломанье дверей поступать тако: перво: не можно ли подъ двери людямъ войти ночью—въ кровлю и какъ подойдутъ, то кажется, что вскорѣ выломить можно, не допуская дальняго огня, хотя бы и зажглись; также Сатинскому имѣть пристойность къ Козловой женкѣ въ поимкѣ. Сверхъ того, способъ: не можно ли подъ избу или подъ дворъ подкопаться и вшедъ людемъ, ее и дѣтей поймать".

О числѣ сгорѣвшихъ раскольниковъ въ часовнѣ Новгородская губернская канцелярія изъявила сомнѣніе, потому что оно не согласовалось съ переписными книгами Поромскаго жительства. Сверхъ того, воеводѣ и Сатинскому сдѣлано замѣчаніе, что они не занялись какъ слѣдуетъ розысканіемъ дѣйствительнаго числа погорѣвшихъ; имъ, по мнѣнію канцеляріи, слѣдовало бы осмотрѣть погорѣвшее мѣсто, гдѣ стояла часовня, „и сгорѣвшихъ сосчитать по требухамъ, для того, что требуха въ пожарѣ, хотя бы въ какомъ великомъ строеніи, въ пепелъ сгорѣть никогда не можетъ".

Это предписаніе осталось втунѣ; жена Козлова убѣжала въ лѣсъ до прихода слѣдователей, а воевода и Сатинскій требуховъ считать не поѣхали.

Пойманные Сатинскимъ раскольники были представлены въ Новгородскую губернскую канцелярію; здѣсь ихъ допрашивали, въ особенности о непристойныхъ словахъ противъ указа ея императорскаго величества; сначала они не сознавались, но подъ пыткою принесли повинную.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1735 г., Новгородская губернская

канцелярія представила экстрактъ изъ дѣла на разсмотрѣніе Тайной канцеляріи, а въ ожиданіи отвѣта раскольники все содержались въ тюрьмѣ.

Экстрактъ этотъ лежалъ безъ всякаго движенія въ Тайной канцеляріи очень долго и только въ 1736 году іюля 17 дня состоялось рѣшеніе.

Раскольникамъ: Заечинникову, Лукину, Тюхтину, Еркову, Ванюкову, Ѳерапонтову, Ишкину, „за происшедшую отъ нихъ важную въ словахъ продерзость и противность“ при поискѣ надъ ними подканцеляриста Тонина, учинить жестокое наказаніе—бить кнутомъ и потомъ, „дабы впредь отъ нихъ такихъ и другихъ каковыхъ важныхъ продерзостей не происходило“ — сослать ихъ въ Оренбургъ ко опредѣленію въ шахты вѣчно.

„Прочихъ раскольниковъ, такъ какъ по экстракту видно, что они въ важной продерзости не винились и отъ другихъ раскольниковъ о томъ на нихъ именно не показано, предоставить рѣшеніе учинить Новгородской канцеляріи“.

Раскольникъ Иванъ Козловъ, соблазнившій въ расколъ жену крестьянина Силина, по объявленію которой завязалось это дѣло, не былъ отысканъ.

III.

1743 — 1747 *)

Въ Двинскомъ и Мезенскомъ уѣздахъ, въ приморскихъ мѣстностяхъ, по глухимъ рѣкамъ и озерамъ, въ непро-

*) Объ этомъ случаѣ самосожигательства, есть сказаніе письменное и у раскольниковъ. Смотри книгу: „Разсказы изъ исторіи старообрядства“ С. Максимова. VIII. Стр. 159.

ходимыхъ лѣтнимъ временемъ мѣстахъ, жило много раскольниковъ въ кельяхъ и скитахъ... Они жили спокойно. Ихъ прикрывали сами воеводы, сперва Митрофанъ Вильмасовъ, а послѣ него Аѳанасій Нѣмецкій, которые ежегодно посылали къ раскольникамъ своихъ дворовыхъ людей собирать дань за неоткрытіе ихъ.

Въ 1743 году весною, Мезенскаго уѣзда Окладниковской слободки государственный черносошный крестьянинъ Артемій Ванюковъ поссорился съ бурмистромъ своей слободы; у бурмистра мать была въ раскольническомъ скиту, гдѣ и умерла. Ванюковъ донесъ объ этомъ холмогорскому архіерею, но стараніемъ бурмистра дѣлу не дали хода. За этотъ доносъ, бурмистръ, прикрывавшій раскольниковъ, побилъ такъ Ванюкова, что онъ пролежалъ три недѣли боленъ. Оправившись, онъ хотѣлъ было идти съ бурмистромъ на мировую; не тутъ-то было: бурмистръ грозилъ ему пуще прежняго; Ванюковъ и самъ былъ непромахъ: онъ отправился въ Холмогоры и предложилъ мѣстному духовному начальству свои услуги отыскивать раскольниковъ и разузнать обстоятельно обо всѣхъ потаенныхъ мѣстахъ, гдѣ они живутъ и скитаются. Ему дали денегъ, и онъ отправился путешествовать. Все лѣто проходилъ Ванюковъ, и наконецъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ 1743 г., явился съ подробнымъ доносомъ, вслѣдствіе котораго снарядили особую коммиссію изъ священника, канцеляриста съ двумя копіистами, премьеръ-маіора Ильищева и прапорщика Родіона Бородина; имъ придали еще 50 человѣкъ солдатъ и отправили съ доносчикомъ въ экспедицію. Священнику, канцеляристу и военной командѣ даны были особыя тайныя инструкціи.

Розысканія дѣлались въ Мезенскомъ уѣздѣ по рѣкамъ:

Визжасу, Пезы, Іомѣ, по рѣкѣ Печорѣ на Великихъ Лугахъ, по рѣчкѣ Колвуи, на Канинскомъ Носу.

Коммиссія отправилась со всѣми возможными предосторожностями. Члены ея ѣхали за сутки впередъ отъ военной команды, говорили вездѣ, что ѣдутъ въ Пустозерскій острогъ по нужнѣйшимъ дѣламъ; воинская команда слѣдовала за ними, разсказывая то же самое; ѣхать приходилось гдѣ на лошадяхъ, гдѣ и на оленяхъ, иногда путешествовали и на лыжахъ.

5-го декабря 1743 года посланные пріѣхали Пустозерскаго острога въ Усцелемскую слободку. Начали допрашивать секретнымъ образомъ крестьянъ. Свѣдѣнія были не очень утѣшительныя. До раскольническихъ скитовъ на Великихъ Лугахъ оставалось еще 100 верстъ. Наставникъ въ этихъ скитахъ Парѳенъ Клокотовъ (за нимъ былъ посланъ особо капралъ съ солдатами, и его поймали на дорогѣ) не живетъ тамъ, а построилъ себѣ келью вверхъ по р. Печорѣ, на рѣкѣ Кольцы, разстояніемъ отъ слободки Усцелемской 300 верстъ.

Посланные, не теряя времени, отправились въ скиты и сдѣлали въ полторы сутки переѣздъ въ 100 верстъ. 7-го декабря явилась коммиссія передъ раскольниками. Они уже были предупреждены о грозившей имъ опасности. Всѣ мужчины и женщины, съ старухами и дѣтьми, собрались въ часовню и уже готовы были къ самосожженію. Клокотова не было и распоряжался мужчинами другой наставникъ — бѣлецъ Иванъ Анкидиновъ, родомъ изъ Ростова; женщина—наставница, старица Александра, тоже родомъ изъ Ростова. Иванъ Анкидидовъ исправлялъ до того времени всѣ церковныя требы у раскольниковъ: исповѣдывалъ, причащалъ и по рожде-

ніи младенцевъ, женъ молитвою очищалъ, младенцамъ имена нарекалъ, крестилъ и пришедшихъ къ нимъ въ расколъ перекрещивалъ.

Часовня была двухъ-этажная. Въ верхнія палаты можно было взойдти по лѣстницѣ черезъ крыльцо. Крыльцо и лѣстницу сломали раскольники до прихода военной команды. Окна и двери были затворены.

Премьеръ-маіоръ и канцеляристъ Иванъ Поповъ, съ тремя понятыми, подошли къ часовнѣ и постучали подъ окномъ въ стѣну, „творя раскольническую молитву“. Въ окнѣ показался свѣтъ, окно отворилось и раскольники спросили посланныхъ о причинѣ ихъ пріѣзда.

Посланные объявили имъ, „что привезли къ нимъ пастырское увѣщаніе отъ архіерея, объ обращеніи ихъ къ святой Восточной церкви, и если имѣютъ на святую церковь и тайны ея какое сумнительство, о томъ бы показали письменно и объявили бы о себѣ, какъ ихъ зовутъ, сколько имъ отъ роду лѣтъ, гдѣ ихъ рожденье, какого были чину и давно ли въ тѣ скиты пришли, съ какими отпусками изъ домовъ своихъ вышли, по какимъ указамъ или позволеніямъ въ этихъ мѣстахъ жительствуютъ, съ платежами ли по силѣ указовъ двойнаго оклада, по должности христіанской у кого и гдѣ исповѣдываются и св. тайнъ пріобщаются и умершихъ телѣса гдѣ, съ какимъ надгробнымъ пѣніемъ и кѣмъ погребаютъ. Чтобъ они выдали своихъ наставниковъ для разглагольствованія съ духовнымъ начальствомъ; при этомъ же увѣряли, что никакого озлобленія и задержанія имъ учинено не будетъ“. Это объявленіе было по инструкціи, данной отъ духовнаго начальства, а отъ свѣтской власти коммиссіи предписано было совсѣмъ дру-

гое: въ инструкціи изъ Архангелогородской губернской канцеляріи приказано было: „если раскольники не будутъ оказывать сопротивленія и дадутся переписаться, то, по окончаніи переписки, явившихся всѣхъ раскольниковъ, сколько и гдѣ ихъ найдется, положа имъ на ноги колодки, или что можетъ заблагопріобрѣтено быть—чтобы въ дорогѣ утечки не учинили, и со всѣми ихъ пожитками, при конвоѣ, отправить въ Архангельскъ, а скиты и часовни ихъ сжечь“. Этого не сообщили раскольникамъ.

Раскольники, или по крайней мѣрѣ наставники ихъ, знали хорошо объ этихъ кроткихъ увѣщаніяхъ, чѣмъ они кончались, по прежнимъ примѣрамъ. Весьма понятно, почему эти увѣщанія не имѣли никакого дѣйствія: посланные „съ великими моленіями“ едва успѣли уговорить, чтобы раскольники, запершись въ часовнѣ, приняли отъ нихъ увѣщательную грамоту, имъ прочитанную.

Изъ окна выбросили тонкій ремень. Одинъ изъ понятыхъ, крестьянинъ Усцелемской слободки Василій Чупровъ, подвязалъ себя подъ руки этимъ ремнемъ, и раскольники втащили его съ грамотою въ окно. Чрезъ два часа Чупрова по ремню спустили изъ окна; онъ принесъ отъ раскольниковъ обратно грамоту архіерейскую и сообщилъ маіору и канцеляристу, „что раскольники, принявъ ту грамоту, прочитали и много разсуждали. Одни говорили, что не надо сжигаться, понеже-де они всѣ положены въ подушный окладъ и за насъ-де будутъ тѣ подушныя деньги платить оставшіяся бѣдныя сироты и вдовицы; другіе говорили, что надо-де сгорѣть— и много-де совѣтовавъ, положили неотмѣнно сожещись, а о той грамотѣ сказали, что-де писана на обманъ и намъ-де она не въ пользу“.

Премьеръ-маіоръ съ товарищами снова началъ уговаривать въ окно раскольниковъ оставить свое злое намѣреніе, претя страхомъ суда Божія и обнадеживая, что имъ никакой обиды не будетъ учинено, что ихъ не тронутъ и оставятъ по прежнему въ томъ скитѣ.

Но раскольники нисколько не убѣждались увѣщаніемъ премьеръ-маіора и, похваляя свой расколъ, изъ окна отвѣчали: „мы хотимъ нынѣ умереть огнесожженіемъ за старую вѣру и крестъ, а вамъ гонителямъ въ руки не дадимся, понеже-де у васъ вѣра новая, и когда-де наши братья-раскольники взяты были въ губернскую канцелярію и тамо обрали ихъ, какъ липокъ, и отпустили въ однѣхъ рубашечкахъ, и ежели вамъ даться въ руки, то-де вы и съ нами такъ же сдѣлаете. Ежели кто хочетъ спастись, тѣ бы съ нами шли сюда горѣть; мы нынѣ къ самому Христу отходимъ“.

Это были послѣднія слова раскольниковъ. Окно захлопнулось. Черезъ нѣсколько минутъ показался дымъ, огонь; раздались крики, визгъ, и передъ глазами посланныхъ, всѣ, съ женами и дѣтьми, всего 75 человѣкъ, погибли въ огнѣ.

Послѣ этого несчастнаго событія, коммиссія отправилась далѣе въ Мезенскій уѣздъ, раздѣлясь на два отряда: маіоръ Ильищевъ и канцеляристъ Поповъ съ доносчикомъ Ванюковымъ поѣхали въ скиты къ наставнику-старцу Пахомію и въ другіе скиты вверхъ Кокженскаго озера, по рѣкамъ Койдѣ и Мàндѣ.

Священникъ Кузьма съ прапорщикомъ Бородинымъ поѣхали по рѣкамъ Пезѣ, Вижасу, Омѣ и Ковшѣ.

Мы прослѣдимъ ихъ отдѣльно.

Розыскъ маіора Ильищева.

По доносу крестьянина Ванюкова: „подлѣ моря вверхъ Койды-рѣки и вверхъ Кодемскаго озера, отъ Мезени верстъ за 100, а отъ Долгощеловской слободки, ежели ѣхать зимнимъ временемъ на оленяхъ, то больше ѣзды не бываетъ—сутки, живетъ наставникъ-старецъ Пахомій. Ему отъ роду лѣтъ 60 и „волосомъ сѣдатъ“. А при немъ двадцать старцевъ, да бѣльцовъ пятнадцать человѣкъ, въ томъ числѣ братъ родной Пахомія, пришедшій изъ-за Москвы, изъ Орла-города назадъ тому года три. А признаваетъ онъ (доносчикъ) онаго наставника и прочихъ старцевъ и бѣльцовъ, что имѣются многіе изъ нихъ не изъ простыхъ людей, и не изъ здѣшнихъ странъ народа, но какъ видно изъ ихъ нарѣчья и поступокъ быть изъ шляхетства или изъ знатнаго московскаго или другихъ городовъ купечества или изъ подрядчиковъ, которые, можетъ быть, забравъ изъ государственной казны въ подрядъ лишнюю сумму, бѣжали и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ тою суммою весьма харчисто“.

„У него же, наставника Пахомія, построена часовня съ надлежащимъ яко церковнымъ уборомъ. Въ той же часовнѣ поставлена гробница съ мертвымъ тѣломъ и покрыта сукномъ зеленымъ, а на ней поставлена лампада со свѣщею, которая горитъ непрестанно и почитаютъ въ той гробницѣ тѣло яко за святыя мощи, о которомъ тѣлѣ того жительства старцы Акинфій да Никодимъ сказывали ему, Ванюкову, что въ той гробницѣ подлинно тѣло положено привезенное къ нимъ по яв-

ленію нѣкоторымъ въ томъ жительствѣ людемъ во снѣ назадъ тому лѣтъ съ восемь отъ моря, якобы Двинскаго уѣзда изъ Замоюдской волости, а оное тѣло мужеска или женска полу, того ему не сказали".

„Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ жительства Пахомія, скитъ женскій. Въ немъ наставница Маремьяна и при ней 15 старицъ и еще другія кельи, въ которыхъ живутъ старицы".

Это все нашелъ крестьянинъ Ванюковъ лѣтомъ, а теперь (въ январѣ 1744 г.) маіоръ Ильищевъ нашелъ много перемѣнъ. Наставникъ монахъ Пахомій умеръ въ 1743 г. 20 октября. Наставникомъ уже былъ схимонахъ Варлаамъ, при немъ старцевъ 5 и бѣльцовъ 6 человѣкъ. Въ женскихъ скитахъ на рѣкѣ Кондѣ и Миндѣ нашелъ: въ одномъ, наставницу Ѳевронью, при ней 9 старицъ и 9 бѣлицъ и 2 бѣльца; въ другомъ — игуменью Ѳотинью, при ней 8 старицъ, 2 бѣлицъ и 1 бѣльца.

Раскольники и раскольницы оказались принадлежащими къ сектѣ поповщины, именно къ Онуфріевщинѣ.

Ежегодно они посылали въ верховскіе города двухъ бѣльцовъ, для сбора на пропитаніе. Они привозили изъ Ярославля и другихъ городовъ, мірскаго подаянія деньгами ста по три и болѣе, и всякихъ хлѣбовъ, и прочихъ припасовъ.

Всѣ раскольники, старцы и старицы, и бѣльцы, и бѣлицы, бѣжали сюда изъ Керженскихъ лѣсовъ, отъ преслѣдованія ихъ епископомъ Питиримомъ. Моленіе они исполняютъ такъ же, какъ и въ Керженскихъ лѣсахъ; читаютъ ежедневно вечерню, утреню и часы. На многолѣтіи поминаютъ императрицу Елисавету Петровну.

Маіоръ забралъ у нихъ всѣ иконы, старопечатныя и письменныя книги, и приступилъ къ слѣдствію о мертвомъ тѣлѣ въ часовнѣ. Вотъ что дѣйствительно найдено:

Въ часовнѣ у южной стороны стояла гробница, покрытая зеленою крашениною; передъ нею, на стѣнѣ восточной, большой образъ Спасителя; надъ гробницей висѣла небольшая лампада.

Маіоръ приказалъ снять гробницу и раскопать землю; въ глубинѣ семи вершковъ нашли гробъ и въ немъ нѣсколько костей, которыя покрыты были схимою, почти „до тла“ истлѣвшею.

Маіоръ разспросилъ старцевъ, чьи эти кости?

Наставникъ схимонахъ Варлаамъ съ братіею показали:

„Въ прошлыхъ-де годахъ, тому тридцать пять лѣтъ, ѣхалъ изъ Керженскихъ раскольническихъ пустынь схимонахъ Ануфрій, а отколѣ былъ родомъ, и какихъ чиновъ, и гдѣ постриженъ—не знаютъ, а отъ рожденья ему было напримѣръ лѣтъ восемьдесятъ; и будучи у города Архангельска, умре въ суднѣ, а тѣло его тогда привезено вверхъ Мегры-рѣки въ раскольническую пустынь, гдѣ и погребено было, до которой разстоянія до ихъ скита болѣе 30 верстъ, и когда ихъ скитъ населился и почалъ быть наставникомъ означенный монахъ Пахомій, увѣдавъ объ ономъ умершемъ схимонахѣ, который ему былъ по постриженію отецъ келейный, оное тѣло по погребеніи, минувъ двѣнадцать лѣтъ, взявъ изъ вышеозначенной вверхъ Мегры-рѣки пустыни, привезъ къ себѣ въ скитъ, на которомъ-де схима и прочее одѣяніе, такожъ и тѣло и на головѣ и бородѣ волосы были цѣлы, такмо-де у одной ноги перстовъ не было, а у

правой или у лѣвой не памятуютъ; и по привезеніи снявъ съ него схиму, положа другую, погребли оное тѣло въ вышеозначенной часовни съ надгробнымъ пѣніемъ, которое положено во гробѣ и опущено въ землю токмо не глубоко, на верху гроба земли болѣе не будетъ какъ верховъ шесть. А никакого явленія отъ того тѣла перенесенія и никаковыхъ отъ него чудесъ не бывало и за святаго они не почитали, и служба никакая ему сложена не была, токмо чинили они, какъ и по протчихъ умершихъ, поминовенія и пѣнія панихиды, а молебновъ не пѣвали".

Маіоръ собралъ кости въ колоду, запечаталъ ихъ печатью и переслалъ въ Холмогоры. Здѣсь, по распоряженію мѣстнаго начальства, „въ убогомъ дому" они были глубоко сложены въ землю, и на нихъ положили мертвое тѣло опившагося пьяницы, закрыли землею и затоптали на-крѣпко, такъ „что раскольникамъ отнюдь вырыть нельзя". Тѣмъ розыскъ маіора и кончился.

Розыскъ прапорщика Бородина съ товарищами.

Января 5-го дня 1744 года, они пріѣхали съ командою вверхъ рѣки Пезы въ мѣстечко Езевцы.

Здѣсь жилъ раскольникъ Алексѣй Бродягинъ съ семействомъ и съ другими пришельцами. Онъ прежде былъ крестьянинъ Ромской волости, и въ 1720 году бѣжалъ сюда для скитскаго житія; въ 1736 году пріѣзжалъ къ нему изъ Выгорѣцкой пустыни раскольникъ Исакъ Макѣевъ, перекрестилъ его и всѣхъ его сотоварищей въ Озеркѣ.

Бродягинъ, по обыкновенію, былъ предупрежденъ о пріѣздѣ гонителей и заперся съ своими въ избѣ накрѣпко.

Прапорщикъ Бородинъ началъ здѣсь дѣйствовать точно также, какъ и въ первомъ скитѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, сожглись раскольники, и здѣсь тотъ же вопросъ раскольникамъ: „для чего вы пріѣхали? Знаемъ, что для сыску насъ, а мы собрались сюда отъ страху вашего!“

Бородинъ отдалъ имъ увѣщательную грамоту; раскольники возвратили ее и приложили реэстръ, сколько ихъ въ той избѣ заперлось мужескаго и женскаго полу съ малолѣтными дѣтьми; оказалось 17 человѣкъ.

Бородинъ уговаривалъ ихъ цѣлый день, они не склонялись выйдти изъ избы. Бородинъ окружилъ ихъ караульными; передъ полночью на 7-е января раскольники выкинули изъ окна письмо; вотъ оно въ подлинникѣ:

„Пишемъ вашему доброванію и вашему крѣпкому истязанію; а мы по вашему сумнимся креститься тремя персты, крестимся мы двумя персты и того ради въ ваши церкви не ходимъ и отъ вашихъ пастырей не причащаемся, что вы возлюбили крестъ крыжъ и на церкви и на прочихъ тайнахъ церковныхъ, и того ради мы и страждемъ отъ васъ, крѣпимся, дабы вамъ въ руки не попасть; нынѣ мы увѣрилися отъ святаго писанія, идти съ сего времени, а до сего времени мы съ вами въ церкви ходили, а мы нынѣ не хотимъ иттить и тремя персты не хотимъ креститься и стоимъ въ томъ намѣреніи, и Никоновой тетради не принимаемъ, и что съ вами говорить? что вы старымъ книгамъ противитесь,

а мы вашъ крестъ проклинаемъ трехперстный и всѣхъ, кто имъ знаменуется".

Пока посланные читали письмо, раскольники зажгли изнутри избу и въ глазахъ прапорщика Бородина сгорѣли.

Всѣ эти грустныя событія были послѣдствіемъ, какъ мы видимъ, доноса крестьянина Ванюкова, мстившаго раскольникамъ за побои отъ бурмистра.

Ванюковъ, кромѣ этого, донесъ еще, „что въ ихъ Окладниковской слободѣ существуетъ раскольническая клѣтка, и вотъ по какому случаю: назадъ тому лѣтъ съ 70, при бывшемъ ссыльномъ съ Москвы за великій расколъ московскомъ протопопѣ Аввакумѣ, наученные Аввакумомъ крестьяне той слободы, Ѳедоръ и Лука Откупщиковы были повѣшаны и потомъ закопаны въ землю на пустомъ мѣстѣ; что нынѣ той слободки обыватели едва не всѣ, оныхъ повѣшанныхъ Откупщиковыхъ въ той ихъ раскольнической утвердившейся ереси похваляютъ и въ народѣ произносятъ, яко бы пострадали за старую вѣру и за крестъ и почитаютъ за мучениковъ и надъ могилами ихъ сдѣлана деревянная клѣтка и многіе приходятъ и кланяются и берутъ яко бы для здравія съ тѣхъ закопанныхъ тѣлъ песокъ и тако почитаютъ яко за святыхъ.

Слѣдователи отправились по указанію доносчика осмотрѣть клѣтку.

Дѣйствительно, въ 40 саженяхъ отъ слободки нашли клѣтку, вышиною въ сажень, длиною въ $1^1/_2$ сажени, въ ширину 2 сажени, покрыта на два ската тесомъ. Въ клѣткѣ восьмиконечный деревянный крестъ, мѣрою въ аршинъ, ветхій. Тутъ же деревянная кіота, въ ней два

образа стариннаго художества, при нихъ семь свѣчъ восковыхъ жженыхъ. Посреди той клѣтки яма, глубиною пять вершковъ, въ длину и ширину полтора аршина.

Спросили сотскаго и выборныхъ шестнадцать крестьянъ, что за клѣтка? они отвѣчали: „кѣмъ построена и въ которомъ году и чего ради и надъ кѣмъ и для какова приходящихъ поклоненія и кто въ нее изъ жительствующихъ слободки, какъ прежде сего, такъ и понынѣ ходили ль и за святыхъ почитали ль, и святыя иконы въ ту клѣтку кѣмъ были поставлены, о томъ подлинно не знаютъ, и ни для какова моленія въ эту клѣтку они не ходили и прочихъ никого не видали".

Спросили слободскаго попа и дьякона съ причетниками — тотъ же отвѣтъ, съ прибавленіемъ, „что объ клѣткѣ не доносили простотою своею".

За эту простоту священникъ и дьяконъ были пострижены въ монахи въ Соловецкій монастырь, но по всемилостивѣйшему манифесту 1744 года іюля 15 дня прощены.

Клѣтку тогда же уничтожили.

СТАРОВѢРЪ ВАСИЛЬЕВЪ.

ПЯТНАДЦАТАГО сентября 1788 года, когда великая княгиня Марія Ѳеодоровна садилась въ карету, къ дворцовому подъѣзду подошелъ неизвѣстный человѣкъ, въ длинномъ суконномъ кафтанѣ, съ книгою въ рукахъ. Онъ снялъ шапку и прокричалъ какія-то слова. Карета отъѣхала. У подъѣзда стояли часовые и конюшенные чиновники. Неизвѣстный человѣкъ восторженнымъ голосомъ закричалъ окружавшей его придворной прислугѣ, поднимая въ рукахъ книгу: „Покайтеся! вѣруйте по старымъ книгамъ! Примите старую вѣру, а безъ того погибнете“.

Незнакомца схватили солдаты, отвели на гауптвахту, а оттуда отправили къ оберъ-полиціймейстеру Рылѣеву; здѣсь при допросѣ онъ объявилъ себя Григоріемъ Васильевымъ, крестьяниномъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, изъ деревни Рукавова, Рыбинскаго уѣзда. На вопросъ, для чего онъ зашелъ во дворецъ, онъ отвѣчалъ, „что зашелъ къ ея императорскому высочеству для увѣщанія принять старую вѣру; что Богъ его по-

слалъ прорекать, и ежели не примется та вѣра, то городъ сгоритъ и потопнетъ".

Прошли тѣ грозныя времена для старовѣровъ, когда по первому ихъ заявленію ихъ заковывали и сажали въ тюрьмы Преображенскаго приказа или Тайной канцеляріи; пытка съ ея отвратительными аттрибутами и палачами исчезла съ лица Русской земли, и правительство, въ царствованіе Екатерины, въ борьбѣ съ религіозными фанатиками вступило на путь увѣщаній. Оберъ-полиціймейстеръ отправилъ старовѣра-крестьянина къ митрополиту Гавріилу. Но напрасно преосвященный старался убѣдить фанатика — онъ оставался непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Григорія Васильева отъ митрополита переслали въ управу благочинія, а потомъ въ Тайную экспедицію для изслѣдованія и дознанія не столько по религіозному вопросу, сколько по вопросу о томъ, не подъучалъ ли его кто-нибудь обращаться къ великой княгинѣ, нѣтъ ли у него сообщниковъ, нѣтъ ли заговора и чего-нибудь тайнаго, темнаго? Въ этой процедурѣ все еще вѣяло старымъ порядкомъ, при которомъ во всякомъ одноличномъ ненормальномъ поступкѣ человѣка искали сообщниковъ.

Тайною экспедиціею въ то время управлялъ генералъ-прокуроръ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, но главный дѣятель экспедиціи и каратель всѣхъ несчастныхъ, попадавшихъ подъ его руку, былъ знаменитый Шешковской. Къ нему привели Григорія Васильева. Начался допросъ. Крестьянинъ показалъ: отъ роду ему 26 лѣтъ, отецъ его, той же деревни Рукавова крестьянинъ, торговалъ въ Петербургѣ, въ мелочной лавочкѣ, на Васильевскомъ островѣ; на-

задъ тому два года умеръ; у него, Григорія, четыре брата, двое въ деревнѣ, а двое торгуютъ въ мелочныхъ лавкахъ на Васильевскомъ же островѣ. Изъ деревни привезенъ онъ отцомъ лѣтъ тому съ двѣнадцать. Послѣ смерти отца завелъ на Васильевскомъ островѣ двѣ мелочныхъ лавочки; женили его тому лѣтъ шесть; жена живетъ въ деревнѣ; дѣтей нѣтъ; грамотѣ выучилъ его отецъ, читать и писать. Въ церковь прежде хаживалъ, а назадъ тому года четыре ходить пересталъ, потому что когда онъ былъ въ деревнѣ, то одинъ старикъ, крестьянинъ ихъ же вотчины, который уже умеръ, говорилъ ему, чтобы онъ, Васильевъ, въ церковь не ходилъ; въ церкви-де служатъ по новымъ, а не по старымъ книгамъ и спастися нельзя, чему онъ, Васильевъ, повѣрилъ и съ тѣхъ поръ началъ молиться ежедневно Богу въ лавкѣ. Послѣ отца остались двѣ книги „Прологъ“ и „Зерцало Богословія“, да еще выпросилъ онъ у одной сосѣдки „Толковое Евангеліе“ и съ полгода тому назадъ принялся читать эти книги прилежно; день и ночь читалъ и молился Богу; читая же, нашелъ въ этихъ книгахъ, что вѣра перемѣнилась; прежде служили на семи просфорахъ и вѣнчали по солнцу, а не противъ солнца; почему все болѣе возъимѣлъ сумнѣніе, чтобы не ходить въ церковь; сверхъ того хотѣлось ему точно узнать въ тѣхъ книгахъ, какимъ бы лучше способомъ наслѣдовать царство небесное, также и подлинно дойдти до того, какъ родился Іисусъ Христосъ, ибо о рожденіи Спасителя, находилъ онъ, по мнѣнію своему, разное описаніе и не зналъ, которое точно утвердить. Бралъ онъ отъ благовѣщенскаго священника Василія книгу „Апокалипсисъ“ и читалъ сію книгу и

все только думалъ о томъ, какъ бы наилучше и вѣрнѣе сыскать средствъ для спасенія души своей и получить царствіе Божіе. Отъ чтенія сихъ книгъ начала у него болѣть голова и ходилъ онъ, какъ шальной, а братья его, которые гораздо испиваютъ, надъ нимъ смѣялись, говоря: „видно-де онъ съ ума сошелъ“. Почему онъ, Васильевъ, и вознамѣрился идти куда ни на есть, въ лѣсъ, молиться Богу и питаться зельемъ; для чего, въ прошедшую пятницу, взявъ съ собою означенныя три книги изъ лавки, пошелъ, и когда перешелъ съ Васильевскаго острова на здѣшнюю сторону, то какъ будто зачалъ его кто толкать и говорить: „Поди-де, покажи книгу во дворцѣ, вѣдь въ книгахъ правая вѣра написана“, — почему онъ и пошелъ ко дворцу и, пришедши къ подъѣзду, часовымъ солдатамъ и другимъ тутъ бывшимъ людямъ говорилъ: „Покайтеся и вѣруйте по старымъ книгамъ и примите старую вѣру, а безъ того погибнете!“ Но часовые, взявъ его подъ караулъ, говорили ему, для чего онъ такія рѣчи говорилъ, и видѣлъ ли, что ея высочество великая княгиня изволила садиться въ карету? Но онъ, Васильевъ, того не помнитъ: изволила ли быть тутъ ея высочество, только онъ не хотѣлъ ничего ея высочеству говорить и ни отъ кого онъ не посланъ или наученъ не былъ; также никакого болѣе намѣренія не имѣлъ, кромѣ того, что показать книги; сіе показываетъ онъ по истинѣ, какъ предъ Богомъ явиться. По взятіи подъ караулъ отосланъ былъ онъ къ оберъ-полиціймейстеру и содержался въ управѣ благочинія, гдѣ офицеръ и другіе люди не только насильно сыпали ему въ ротъ табакъ, но и въ голову клали. Изъ управы отосланъ онъ былъ къ

митрополиту Гавріилу, а отсюда въ Тайную экспедицію.

Шешковской, спрося Васильева, для чего онъ не хочетъ ходить въ церковь, велѣлъ прочитать ему изъ Священнаго Писанія тексты о повиновеніи постановленнымъ властямъ и пастырямъ. Васильевъ, выслушавши, отвѣчалъ: „Это правда, повиноваться власти должно, я читалъ сіе и въ помянутыхъ книгахъ, но только что Богъ не сдѣлаетъ, а въ церковь ходить я не хочу, тамъ служатъ не по старому и иконы не старинныя; прежде на иконѣ Спасителя изображали Ісусъ, а нынѣ Іисусъ, такая есть неправильная икона и имѣть ее въ церкви и кланяться не подобаетъ“.

Во время допроса передъ Шешковскимъ, лицо Васильева было блѣдно, глаза тусклы, во время разговоровъ онъ все улыбался и что-то еще шепталъ, жаловался, „что у него уже недѣль съ десять голову ломитъ и теперь хоть легче, говорилъ Васильевъ, но все въ головѣ шумитъ“.

Позвали сенатскаго штабъ-лекаря; онъ осмотрѣлъ Васильева и доложилъ Шешковскому, что съ перваго раза онъ не можетъ опредѣлить болѣзни и подать о томъ письменнаго рапорта, но, видя въ головѣ жаръ, прописалъ ему лекарство.

Въ дѣлѣ сохранилась записка, что лекарство дано было Васильеву съ вечера и имѣло дѣйствіе.

Черезъ два дня Шешковской снова велѣлъ привести къ себѣ Васильева и внушалъ ему: „сколь дурно онъ дѣлаетъ, что не хочетъ ходить въ церковь и повиноваться всѣмъ ея преданіямъ и что этимъ онъ противится волѣ всемилостивѣйшей государыни“.

— Да что же мнѣ, батюшка, дѣлать?—отвѣчалъ Васильевъ: — я и самъ не знаю какъ быть! власть Господня!

Шешковской оказывалъ какое-то особое снисхожденіе Васильеву: „Подумай еще хорошенько — сказалъ онъ ему,—и дай завтра отвѣтъ“.

На слѣдующій день Васильевъ объявилъ, что онъ одумался и готовъ ходить въ церковь и пріобщаться св. таинъ, только бы позволено было ему креститься стариннымъ крестомъ. Это сознаніе Шешковской велѣлъ тутъ же записать на бумагу и предложилъ Васильеву приложить руку. Васильеву дали перо, онъ поблѣднѣлъ и началъ что-то шептать; долго колебался онъ подписать свое признаніе и наконецъ бросилъ перо и отказался подписывать: „Нѣтъ, батюшка, я останусь по прежнему, что Богъ не сдѣлаетъ“.

24 сентября Васильева представили предъ генералъ-прокурора князя Александра Алексѣевича Вяземскаго.

— Истинно ли показаніе твое и не подсылалъ ли кто тебя ко дворцу? — спросилъ Вяземскій.

— Нѣтъ, батюшка, — отвѣчалъ Васильевъ—зачитался и самъ не знаю, отъ чего бѣда такая сдѣлалась; никто меня не подсылалъ, да я и знакомъ-то здѣсь въ городѣ мало съ кѣмъ былъ, въ чемъ Бога даю въ свидѣтели.

Вяземскій объявилъ Васильеву, чтобъ онъ повиновался церкви, ходилъ бы въ церковь и пріобщился бы.

— Помилуйте меня,—говорилъ Васильевъ—и избавьте меня отъ этого, я и такъ христіанинъ и почитаю церковь, да какъ же ходить въ церковь? иконы-то въ

церквахъ не старинныя, и служатъ на пяти просфорахъ.

— Ея величеству всемилостивѣйшей государынѣ угодно, чтобъ ты ходилъ въ церковь, а не то тебя, какъ упрямца, напишутъ въ солдаты и тамъ уже когда станешь о старинныхъ иконахъ толковать или о крестѣ, то пріударятъ въ палки.

— Да за что же это, батюшка? — отвѣчалъ Васильевъ — я въ деревнѣ клялся, какъ вступалъ въ старую вѣру, чтобъ отъ оной но отступать. Помилуйте! Блаженны милостивіи, яко тіи помилованы будутъ. Оставьте меня!

Вяземскій отвѣчалъ ему, что „помиловать его, какъ упрямца, нельзя, ибо и милость не иначе должно оказывать, какъ въ справедливости, а онъ, какъ упрямецъ и неповинующійся волѣ всемилостивѣйшей государыни, не заслуживаетъ никакой милости.

— Воля ваша, отвѣчалъ Васильевъ,—я бы сталъ ходить въ церковь, да иконы-то не старинныя.

Васильеву снова сдѣлали вопросъ, не подъучалъ ли кто его ко дворцу придти?

— Точно никто, батюшка, не подъучалъ, а пришелъ я самъ, въ чемъ Святая Троица вамъ порука! — и говоря это, перекрестился.

Васильева отвели въ арестантскую, и только черезъ недѣлю Шешковской велѣлъ его призвать къ себѣ.

— Хочешь ходить въ церковь? спросилъ строго Шешковской.

— Нѣтъ, батюшка, оставьте ужъ такъ меня,—отвѣчалъ Васильевъ. Нельзя ли отпустить меня?

— Отпустить нельзя, а должно какъ упрямца по за-

конамъ наказать или по крайней мѣрѣ написать въ солдаты, потому болѣе, что ты не хочешь сказать истины, кто тебя подъучалъ идти во дворецъ.

— Помилуйте меня!—завопилъ испуганный Васильевъ.—Никто, точно, не подъучалъ, хотя душа сейчасъ же изъ меня вонъ; я и самъ, будучи отъ чтенія въ задумчивости, не помню, какъ и зашелъ ко дворцу; вижу я и самъ теперь, что худо сдѣлалъ, да какъ быть! въ теперешнемъ бы разумѣ не пошелъ. Вы сами изволите разсудить, напримѣръ, когда бы кто меня и подъучалъ теперь идти во дворецъ, но я вѣдь знаю, пустятъ ли меня, мужика, ко всемилостивѣйшей государынѣ, и безъ насъ къ ней, матушкѣ, есть кому ходить. Ей, ей, какъ меня занесло ко дворцу — и самъ теперь понятія себѣ дать не могу.

— Точно ли ты правду говоришь, что подлинно тебя никто не научалъ?

— Утверждаю и какъ предъ Богомъ сказываю, что истинно никто не подъучалъ; да я вамъ и прежде сказывалъ, что у меня здѣсь никого и знакомыхъ-то нѣтъ.

— Видно ты не хочешь объявить и скрываешь того человѣка, кто тебя научалъ; такъ спросятъ тебя подъ батожьемъ.

Васильевъ спокойно и твердо отвѣчалъ: „Пожалуй! Проливайте кровь напрасно, а меня никто не научалъ“.

Черезъ два дня Васильевъ собственноручно написалъ:

„7296 году, октября 2 числа, я, нижеподписавшійся, имѣю желаніе повиноваться святой апостольской церкви и всѣмъ ея преданіямъ, ходить въ церковь, исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ желаю, и таковое свое

обѣщаніе сохраню до конца своей жизни и въ томъ своеручно подписуюсь. Крестьянинъ Григорій Васильевъ".

Князь Вяземскій доложилъ императрицѣ, что хотя и слѣдовало бы Васильева наказать по законамъ, но, имѣя въ виду желаніе повиноваться св. церкви и всѣмъ ея преданіямъ и подражая человѣколюбію и милосердію ея императорскаго величества, князь Вяземскій полагалъ Васильева отъ наказанія избавить, вмѣня ему въ наказаніе бывшее его содержаніе подъ крѣпкою стражею, „но дабы отъ него впредь не могло произойдти какой дерзости, то выпроводить его отсюда въ селеніе и въ ономъ приказать за жизнію и поведеніемъ его имѣть прилежный досмотръ и изъ селенія никуда его не отпускать и паспорта ему не давать, а имѣть ему пропитаніе отъ хлѣбонашества".

Императрица утвердила докладъ князя Вяземскаго, и Васильева отправили при письмѣ отъ князя къ графу Владиміру Григорьевичу Орлову, которому онъ принадлежалъ.

КАПУЦИНЫ ВЪ РОССІИ.

ВЪ „ДНЕВНИКѢ“ Берхгольца (ч. 4-я, стр. 141), разсказывается о слѣдующемъ происшествіи въ Ревелѣ: „Во время какой-то католической процессіи одинъ эстляндскій дворянинъ, по фамиліи Фрейтагъ, не хотѣлъ снять шляпы. Контръ-адмиралъ Дюфусъ велѣлъ его за это жестоко наказать кошками (употребляемыми во флотскомъ наказаніи простыхъ матросовъ). 19 апрѣля получено было объ этомъ извѣстіе въ Санктпетербургѣ“.—При этомъ Берхгольцъ замѣчаетъ, что католическія процессіи запрещено было въ Россіи совершать публично.

Въ архивныхъ документахъ мы нашли исторію пребыванія католиковъ, совершавшихъ церемонію, во время которой случилось упоминаемое Берхгольцемъ происшествіе. Мы разскажемъ ее послѣдовательно изъ бумагъ слѣдственнаго дѣла и другихъ соотвѣтствующихъ документовъ.

Въ концѣ 1724 г. въ Петербургѣ, къ ассесору Синода, Спасоярославскаго монастыря архимандриту Аѳа-

насію вечеромъ пріѣхалъ жившій въ Петербургѣ францисканецъ-реформатъ Якобусъ Діолегіо.

Въ разговорахъ Діолегіо сообщилъ ему, что онъ слышалъ отъ одного товарища своего Доминика, францисканца же, что въ Петербургѣ живетъ капуцинъ Петръ Хризологусъ, которому будто бы римская императрица, т. е. супруга австрійскаго императора, при отправленіи его въ Россію „рекомендовала великаго князя Петра Алексѣевича“, сына несчастнаго царевича Алексѣя Петровича, и что Хризологусъ „изыскиваетъ пути для свиданія съ его высочествомъ, но не знаетъ, какой найдти къ тому случай“.

Русское духовенство зорко и строго наблюдало всякое вліяніе католицизма въ Россіи. Порученіе римской императрицы и желаніе капуцина Петра Хризологуса имѣть свиданіе „съ его высочествомъ великимъ княземъ“, еще малолѣтнимъ, показалось архимандриту Аѳанасію подозрительнымъ. На другой же день онъ отправился въ Синодъ и разсказалъ о капуцинѣ синодальному вице-президенту Ѳеофану, архіепископу псковскому и нарвскому. Ѳеофанъ передалъ объ этомъ тутъ же, въ присутствіи Синода, новгородскому архіерею Ѳеодосію, который съ своей стороны обѣщалъ донести обо всемъ обстоятельно Петру Великому и для того вытребовалъ у архимандрита Аѳанасія письменное показаніе. Черезъ три дня Ѳеодосій въ Синодѣ объявилъ Ѳеофану при архимандритѣ Аѳанасіи, „что объ капуцинѣ доложить его императорскому величеству онъ случая не получилъ, а докладывалъ о томъ ея величеству государынѣ императрицѣ, и ея величество то дѣло изволила уничтожить“.

Не смотря однакожъ на вліяніе Екатерины, 20-го января 1725, за нѣсколько дней до кончины Петра Великаго, Хризологусу изъ Иностранной Коллегіи объявили приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга, и выдали паспортъ, въ которомъ было сказано, что „Хризологусъ былъ выпущенъ изъ Россійской имперіи чрезъ Ригу за границу, а выѣхать ему съ нижеписаннаго числа (20 января 1725) изъ Санктпетербурга въ недѣлю, а изъ Россіи за рубежъ въ мѣсяцъ".

25-го января Хризологусъ отправился въ Ревель, съ Иваномъ Мрекешъ, „дому ея величества государыни императрицы ревельскимъ инспекторомъ". — Въ Ревелѣ въ то время много было иностранцевъ католиковъ на русской службѣ. Они упросили Хризологуса помедлить выѣздомъ за границу, притомъ и зимній путь повредился, а между тѣмъ инспекторъ Мрекешъ послалъ къ императрицѣ отъ себя и отъ ревельскихъ католиковъ прошеніе о дозволеніи Хризологусу остаться въ Ревелѣ.

И тогда, какъ и въ наше время, всякій зналъ, что въ дѣлѣ вѣрнѣе можно ожидать успѣха, если найдешь протекцію. Инспекторъ Мрекешъ былъ въ дружбѣ съ камерною фрейлиною Екатерины, Іоганною: къ ней онъ отправилъ прошеніе для доклада императрицѣ.

Хризологусъ, живя въ Ревелѣ у инспектора, ожидалъ съ безпокойствомъ, чѣмъ разрѣшится судьба его. Вскорѣ были получены утѣшительныя извѣстія. Агентомъ Хризологуса былъ переплетчикъ книжный, Войткенъ, жившій въ Санктпетербургѣ и хорошо знакомый съ Іоганною.

23 февраля 1725, Войткенъ увѣдомилъ Хризологуса,

что на однихъ крестинахъ (у кого не написано) „madam Ягана“ была воспріемницею съ господиномъ Моріетомъ, и обнадежилъ, что возвращеніе отца Петра у ея величества за милость себѣ выпросилъ и ожидаетъ получить его со дня на день“.

Хризологусъ упросилъ еще штабъ-лекаря Винклера, жившаго въ Ревелѣ, написать объ немъ „придворному служителю“ Древнику, бывшему въ милости у императрицы.

Древникъ ничего не отвѣчалъ, но Войткенъ аккуратно увѣдомлялъ Хризологуса о ходѣ дѣла. 21 марта онъ писалъ къ нему:

„Въ началѣ желаю всеусердно вашей честности веселой и благополучной святой Пасхи, съ желательнымъ при семъ благодареніемъ за ваше добромнительное ко мнѣ желаніе. Ваше приложенное ко мнѣ письмо къ госпожѣ Яганѣ собственно съ вящею рекомендаціею своеручно вручилъ, но тогда же понужденъ я сожалѣть о томъ, когда отъ нея услышалъ, что она приказала поклониться пріятелю г. Мрекешу инспектору, и отвѣтствовала, что никакой помощи въ томъ подать не можетъ, понеже ея величеству императрицѣ словесно предлагала, на что отвѣтъ получила, что ея величество такъ оставляетъ, какъ уже по соизволенію блаженнѣйшей памяти императора въ Синодѣ и Иностранной Коллегіи опредѣлено. Изъ всего признать можно, что оная дама и челобитной отъ васъ не подавала, о чемъ уже прежде отъ г-жи поручицы (?) я увѣдомился, когда и самой спрашивалъ, то она признала, что г. Остерманъ у ея величества императрицы въ великой милости, и притомъ непріятель вашихъ

честностей патеровъ капуциновъ; того для опасаясь она за то немилости, челобитную удержала; для того кажется, что слово ея прежнее не дѣйствовало, и однакожъ каждому вольно вѣрить, что хочетъ; я отъ моей чести мню: что мадамъ Ягана своего любезнаго Ногли (?) больше любитъ, нежели всѣхъ католицкихъ патровъ и больше съ того познать, что она просила меня, дабы пречестности вашей пріятной поклонъ отдалъ и счастливаго пути желалъ, что она за лучшее мнить быти. Въ томъ и разговоръ кончился, а когда я просилъ, не позволитъ ли сама отвѣтствовать своеручно — мнѣ отвѣчали, что времени нѣтъ.

„Надлежитъ соболѣзновать, что тѣ, которые вашу пречестность толь высокими обѣщаніями обнадежили, однако въ дѣлѣ противно явились; такъ бываетъ и у прочихъ, которые могутъ что сдѣлать и не дѣлаютъ.

„И сіе видимо есть съ того, что добрые францисканы, которые прежде сего за добрыхъ капуциновъ себя держали, увѣдавши отъ своихъ протекторовъ, что вскорѣ новая миссія будетъ, каждый свое церковное мѣсто заблаговременно тщитъ утвердить; осталось притомъ, какъ уже выше упомянулъ, что бываютъ обѣщатели, кои много обѣщаютъ, а мало въ дѣлѣ являютъ; я, отъ моей чести, не вѣдаю, ежели то въ причину ставить, что ваша честность въ Ревелѣ останетесь; однакожъ намъ о томъ лучше тамъ извѣстно быть можетъ...

„Съ г. Древникомъ также я говорилъ; онъ пріятно велѣлъ вамъ раскланяться и говорилъ, что въ томъ дѣлѣ ничего не можно сдѣлать...

„Отъ старой г-жи поручицы, которая у мадамы Яганъ

живетъ, многократный поклонъ имѣю. Не меньше и я кланяюсь".

Вотъ какими путями и черезъ какихъ людей хлопоталъ католикъ! Прислужница Екатерины „madam Іоганна", поручица старая при Іоаннѣ, придворный служитель Древникъ, и переплетчикъ Войткенъ. 27 марта послѣдній прислалъ болѣе утѣшительное извѣстіе, нежели въ предыдущемъ письмѣ:

„Въ семъ письмѣ весьма другую вѣдомость подаю, понеже съ госпожою Яганною прежде двухъ дней былъ, и конечно къ тому склонялъ, дабы челобитную, которую у себя имѣетъ, не удерживала, такъ что она ко мнѣ сегодня нечаянно вѣдомость съ посланнымъ прислала, съ прошеніемъ, чтобъ къ вамъ написать слѣдующее: что она, мадама, вашей почтенности весьма услужно извиняется съ пріятнымъ прошеніемъ, дабы ваша превелебность еще изъ Ревеля не отъѣзжалъ, понеже сіе точію на архіепископѣ зависитъ, который нынѣшняго дня ея величеству императрицѣ для отданія поклона чести будетъ. Тогда дѣлу тому доброе окончаніе можетъ быть; и такъ, безъ сумнѣнія, явно есть, что она, мадама, уже то дѣло предлагала, но что отъ ея величества, знать, нѣкоторыя слова послѣдовали и надѣюсь, что въ скорости честность вашу въ Санктпетербургѣ видѣть будемъ... Сегодня заблагоразсуждаю, дабы ваша превелебность, первой почты не упустя, подъ моимъ ковертомъ изволилъ прислать почтенный отвѣтъ мадамъ Яаннѣ".

Архіепископъ, отъ котораго, по мнѣнію мадамъ Яганны, зависѣло все дѣло, былъ Ѳеодосій новгородскій. На него возлагали свои надежды католики; но онъ коле-

бался говорить Екатеринѣ о возвращеніи Хризологуса въ Петербургъ: Если уже переплетчикъ Войткенъ зналъ, что Θеофанъ и Остерманъ враги католиковъ, то Θеодосію это было подробно извѣстно; а возставить противъ себя этихъ двухъ любимцевъ императрицы было слишкомъ опасно. Θеодосій доживалъ послѣднее время своего придворнаго и служебнаго вліянія... Народъ въ Петербургѣ его ненавидѣлъ... Народъ чуялъ въ немъ не православнаго, а различныя мелочныя выходки Θеодосія, съ вѣдома самого Петра, какъ-то: снимки подвѣсокъ отъ образовъ, переливаніе сосудовъ церковныхъ въ слитки, запрещеніе продавать восковыя свѣчи на улицахъ носящими, строгости съ попами и дьяконами возбуждали къ нему ненависть въ православныхъ; а съ другой стороны, и раскольники не любили Θеодосія: онъ былъ ихъ преслѣдователь; у него, въ Невскомъ монастырѣ, увѣщевали раскольниковъ подъ угрозами; онъ былъ совѣтникъ членамъ Тайной канцеляріи, куда кого заточить въ монастырь. Монахамъ въ Петербургѣ не было другаго названія, какъ θедосовщина, и со смерти Петра нерѣдко простолюдины и солдаты, встрѣчая монаха, грозили: „скоро вамъ конецъ, θедосовщина!“ Уклончивость Θеодосія въ дѣлѣ католика-капуцина видна изъ отвѣта переплетчика отъ 13-го апрѣля:

„Еще за архіепископомъ стало; но надѣются вскорѣ о концѣ извѣстіе имѣть; какъ я изъ онаго разсуждаю, то можетъ позволится вашей честности на нѣкоторое время въ Ревелѣ пребывать, но сюда въ Петербургъ довольно слышу, что едва сбудетея; а буде я изъ дворца другое извѣстіе получу, то не оставлю вамъ оное въ скорости сообщить“.

Это письмо было уже послѣднее. Происшествіе, въ существѣ своемъ ничтожное, было причиною большихъ неудовольствій для капуциновъ.

Другъ и покровитель Хризологуса, штабъ-лекарь Винклеръ, умеръ послѣ кратковременной болѣзни, и 12-го августа Хуизологусъ совершалъ погребальную „публичную католическую процессію“.

Во время этой печальной процессіи, за „непочитаніе папской церемоніи“, побили одного знатнаго эстляндскаго юношу шляхтича... Это фактъ: но такъ какъ были двѣ стороны и каждая разсказывала по-своему, то, не считая себя въ правѣ отдавать преимущество которой-либо изъ нихъ, мы передадимъ разсказы о происшествіи и той и другой.

Эстляндское дворянство, обиженное въ лицѣ своего юноши, доносило такъ:

12-го апрѣля, при погребеніи лекаря Винклера, шляхтичъ изъ старшихъ знатныхъ фамилій, Фрейтагъ-фонъ-Лорингофъ пришелъ посмотрѣть церемонію и сталъ между прочими зрителями, но въ шляпѣ. Тогда начали требовать, чтобъ онъ снялъ шляпу въ „почитаніе папскихъ церемоній“, и такъ какъ онъ не исполнилъ этого требованія, то его принуждали „палочнымъ боемъ и нещаднымъ нападеніемъ“. Фрейтагъ фонъ-Лорингофъ, потомокъ древнихъ рыцарей, сталъ защищаться, сталъ самъ драться; морскіе офицеры схватили его и потащили въ караульный домъ на гавани.

„Здѣсь (говоритъ эстляндское дворянство въ донесеніи) учинилась устрашенію достойная причина, какой въ Эстляндіи и съ основанія не дѣйствовалось и не слыхано“.

Контръ-адмиралъ Дюфусъ, не смотря на уговариваніе многихъ морскихъ офицеровъ, „токмо для своего плезиру и утѣшенія“, учинилъ оному полумертвому человѣку (шляхтичу) слѣдующій грозный и страшный приговоръ: чтобъ шляхтичъ у тѣхъ, которые его били, просилъ бы прощенія публично, а контръ-адмирала (за такой судъ) благодарилъ бы на колѣняхъ. Фрейтагъ фонъ-Лорингофъ съ презрѣніемъ выслушалъ этотъ приговоръ, и не намѣренъ былъ исполнить его; вслѣдствіе этого вотъ что изволилъ сдѣлать г. Дюфусъ: приказалъ Фрейтага фонъ-Лорингофа раздѣть на-голо, связать руки и ноги веревками, встянуть кверху (вѣроятно въ родѣ какой-нибудь дыбы или висѣлицы), передъ собравшеюся толпою народа; и къ вѣчному и „немалому“ позору всему эстляндскому шляхетству Фрейтага фонъ-Лорингофа били, какъ лютѣйшаго злодѣя, кошками — до 30-ти ударовъ,—„столь страшно, что на его тѣлѣ и здраваго мѣста не видно“.

„Изъ такого страшнаго образца вѣрное эстляндское рыцарство и земство, опасаясь повторенія папскихъ церемоній съ подобными аккомпаниментами, просило Екатерину, въ согласность прежнихъ указовъ Петра Великаго и условій Нейштадтскаго мира, освободить городъ Ревель и все княжество Финляндское отъ подобныхъ католическихъ публичныхъ церемоній.

„Контръ-адмиралъ Дюфусъ (оканчиваетъ свое донесеніе эстляндское рыцарство) оправдывается, что онъ высѣкъ младенца и что Фрейтагъ фонъ-Лорингофъ еще не совершеннолѣтній. Это несправедливо, говорятъ благородные эстляндцы: Фрейтагу 21 годъ, а потому и „просимъ сатисфакціи въ нарушеніи дарованныхъ намъ

привиллегій и въ оскорбленіи, въ лицѣ Фрейтага фонъ-Лорингофа, всего эстляндскаго рыцарства".

Контръ-адмиралъ Дюфусъ разсказалъ иначе происшествіе. „Когда погребали тѣло лекаря Винклера, одинъ юноша, хотя и изъ дворянъ, но еще школьникъ, толкалъ тѣхъ, которые несли гробъ, и бранилъ „лукавно"; а когда хотѣли его взять подъ караулъ, онъ отбѣгалъ прочь. Никто не обратилъ серьезнаго вниманія на эти „дѣтскія игры" въ такое печальное время; но когда принесли тѣло умершаго на могилу и когда священникъ началъ говорить молитвы и проповѣдь, тогда всѣ присутствовавшіе, какъ это водится всегда въ подобныхъ церемоніяхъ, сняли шляпы, юноша-шалунъ не снялъ шляпы; нѣкоторые замѣтили ему его невѣжество и посовѣтовали снять шляпу: онъ ихъ не послушалъ. Тогда одинъ изъ флотскихъ офицеровъ послалъ къ юношѣ матроса сказать, чтобъ онъ или снялъ шляпу, или ушелъ прочь. Фрейтагъ фонъ-Лорингофъ отвѣчалъ матросу ударомъ трости по головѣ и прошибъ до крови. Подбѣжалъ къ Фрейтагу лейтенантъ Крестьянъ Сенъ—Фрейтагъ и его по головѣ; сунулся лейтенантъ Дюсенъ—и ему тоже; наконецъ успѣли схватить Фрейтага и привели въ караульню, на гавани".

Контръ-адмиралъ Дюфусъ, не считая дѣло о „дитяти" серьезнымъ, велѣлъ его высѣчь по „сѣдалищу", чтобъ такихъ дерзостей впередъ не дѣлалъ. При этомъ, объясняетъ Дюфусъ, онъ еще имѣлъ въ виду и то, „что уже нестерпимо стало отъ нападенія ревельскихъ обывателей на морскихъ служителей, единственно изъ ненависти къ русскимъ".

Въ Петербургѣ узнали тотчасъ объ этомъ происше-

ствіи, и 22-го апрѣля 1725 года Ягушинскій сообщилъ Тайной канцеляріи приказаніе императрицы немедленно послать нарочнаго въ Ревель и привезти оттуда въ Санктпетербургъ „со всѣми сундуками и письмами“ проживающаго тамъ римскаго закона капуцина, и если съ нимъ найдется еще одинъ или другой ихъ римскаго закона духовные, то и тѣхъ привезти.

22-го апрѣля, во второмъ часу пополудни, явился къ ревельскому коменданту Фондельдену капитанъ Преображенскаго полка Софоновъ съ тайнымъ порученіемъ изъ Петербурга. Переговоривъ въ кабинетѣ съ Софоновымъ, комендантъ послалъ за полковникомъ Ревельскаго полка Нѣмцовымъ, и приказалъ ему оказать содѣйствіе курьеру Тайной канцеляріи въ исполненіи порученнаго ему дѣла. Отыскать Хризологуса было нетрудно: онъ жилъ у инспектора императрицына дома Мрекешъ, въ ревельскомъ дворцѣ, и былъ извѣстенъ всему городу.

Софоновъ арестовалъ капуцина, забралъ его имущество и привезъ къ коменданту. Писемъ у капуцина найдено три сундука; ихъ запечатали каждый своею печатью: полковникъ Нѣмцовъ, Софоновъ и капуцинъ. Софонову дали капрала, трехъ солдатъ, подорожную на 6-ть подводъ, и на другой день, 27 апрѣля, выпроводили изъ Ревеля.

Въ Петербургѣ обстоятельства были совершенно неблагопріятны для капуцина. Ѳеодосій, на котораго возлагались надежды „мадамъ Яганъ“ и переплетчика, друзей Хризологуса, подвергся царской опалѣ, арестованъ и обвиненъ въ важныхъ государственныхъ преступленіяхъ. Ѳеофанъ, врагъ католиковъ, остался единственнымъ властителемъ духовнаго управленія, и ему

поручено было императрицею разсмотрѣть всѣ письма и бумаги капуцина, и если явится въ нихъ что-либо „противное или сомнительное, то доложить ея величеству“,

При отсылкѣ изъ Тайной канцеляріи капуцина къ Ѳеофану, Андрей Ивановичъ Ушаковъ и Петръ Андреевичъ Толстой, члены Тайной канцеляріи, увѣдомили Ѳеофана: „Капуцинавина таковая: данъ былъ ему паспортъ, въ которомъ объявлено о выѣздѣ изъ Россійскаго государства въ указный терминъ, но онъ затѣмъ жилъ своевольно въ Ревелѣ немалое время, а у кого и сколько времени и зачѣмъ медлилъ, о томъ онъ самъ можетъ показать и то его самовольное и указу противное отбываніе явилося весьма подозрительно, какъ о томъ ваше преосвященство изволите сами благоразумно разсудить“.

Хризологусъ не зналъ по-русски. Въ Синодѣ его допрашивали на Латинскомъ языкѣ. Вотъ въ подлинникѣ современный переводъ вопросовъ и отвѣтовъ:

1.

Когда изъ Россійской имперіи повелѣно было тебѣ выѣхать, то для чего, у кого и съ какимъ намѣреніемъ, ты, Петръ Хризологъ, въ Ревелѣ пребывалъ долѣе указомъ повелѣннаго тебѣ термина; тамъ же приватные, а наипаче публичные римскаго твоего закона церемоніи отправлялъ ли, и то своимъ ли произволеніемъ или по иному чьему и чьему именно приказу или совѣту, и для чего, противно указу: изъ того отправленія къ оной церемоніи не возставало ли какое

1.

Получивъ паспортъ, отъѣхалъ я отсюда изъ Петербурга съ господиномъ Іоанномъ Мрекешемъ, императрицына величества въ Ревель инспекторомъ, и тамъ у него я жилъ три мѣсяца, а для чего долѣе положеннаго термина, тому слѣдующія причины суть: 1) Никакой оказіи не нашелъ я для поѣздки на Ригу; 2) что я былъ одинъ; 3) путь, по словамъ многихъ, былъ самый плохой, въ тогдашнее время почти не проѣзжаемъ былъ, а моремъ также невозможно было; въ сихъ убо

смущеніе или непорядокъ и то не по твоему ли наученію или отъ иного кого.

препятствахъ просилъ меня господинъ инспекторъ Мрекешъ и другіе тамошніе католицкаго закона обыватели, числомъ шестьдесятъ—токмо же говорю неизвѣстно больше или меньше—дабы я у нихъ пребылъ, пока мнѣ случится хорошая оказія, а особливо, отнюдь никакого пастора не имѣюще, требовали, дабы я ихъ до нѣкотораго времени духовными вещьми наставлялъ. На которую инстанцію отвѣтъ далъ я какъ господину инспектору Мрекешу, такъ и другимъ католикамъ въ такихъ рѣчахъ: я съ моей стороны не буду противенъ, ежели вы меморіаломъ отъ августѣйшей державствующей императрицы оное исходатайствовать можете. И потому въ пятый день по прибытіи моемъ въ Ревель, господинъ инспекторъ Мрекешъ сочинилъ меморіалъ до августѣйшей императрицы и переслалъ къ госпожѣ Іоаннѣ, государыни императрицы каморной, чтобъ она не оставила въ приличное время государынѣ оный подать. Спустя нѣсколько дней и не получа отвѣта, господинъ Мрекешъ вторично писалъ къ госпожѣ Іоаннѣ, но и на то отвѣта никакого не принялъ; потомъ къ Свѣтлой недѣлѣ писала госпожа Іоанна чрезъ господина Войткена, санктпетербургскаго переплетчика, чтобъ я, Петръ Хризологъ, конечно изъ Ревеля не уѣзжалъ, понеже въ скоромъ времени о томъ рѣшеніе-де учинится, ибо государыня сего-де дня по подписанному въ письмѣ числу съ преосвященнѣйшимъ господиномъ архіепископомъ о семъ дѣлѣ говорить будетъ, и

проч.; но кромѣ сего, никакого отвѣта не пришло. Моихъ церковныхъ церемоній нигдѣ, кромѣ квартиры господина инспектора, не отправлялъ и повторяю: публично отнюдь нѣтъ, кромѣ погребенія господина покойника Винклера, и то не мною самимъ, но по приказу и велѣнію господина Трана, капитана морскаго флота, а во время погребенія о случившемся возмущеніи весьма ничего не знаю, кромѣ что отъ другихъ слышалъ: можетъ свидѣтельствовать и весь тогда присутствовавшій народъ, что я къ тому отнюдь никакой причины и поводу не далъ.

2.

Противно тому же указу не домогался ли ты, чтобъ тебѣ въ Россіи удержаться; и то самъ ли собою, или чрезъ иного кого и чрезъ кого именно и въ которыхъ мѣстахъ или у какихъ лицъ?

Въ бытность твою въ Ревелѣ, откуда ты и отъ кого именно письма, остановки твоей касающіяся или совѣтующія, получалъ ли?

2.

На сей вопросъ отвѣщаю: что я ни къ кому не писалъ, нижѣ устно говаривалъ и никакимъ способомъ не домогался выше указу въ Россіи пребыть, кромѣ что получивъ соизволсніе по вышеописанному моему отвѣту.

Въ бытность мою ревельскую, получилъ я нѣкоторыя письма отъ господина Іоанна Войткена, въ которыхъ упоминалъ часто, что онъ надѣется моего въ С.-Петербургъ возвращенія, на которыя я ему отвѣтствовалъ не инако, но токмо тако: да будетъ преблажайшаго Бога воля, а я съ стороны моей ни до чего не домогаюся; аще же что будетъ, не отрину.

3.

Францискану Доминику гдѣ и когда въ разговорѣ ты сказалъ,

3.

На третье и послѣднее отвѣщаю, что съ честнымъ отцемъ

что римская императрица своего отъ ея сестры племянника великаго князя нашего Петра Алексѣевича, тебѣ рекомендовала, и что ты для того его высочество желаешь видѣть, а къ тому способа не знаешь. Помянутую рекомендацію сама ли римская императрица или иной кто ея именемъ, когда, какимъ случаемъ, письменно или словесно тебѣ предложилъ и какими словами?

По силѣ ея рекомендаціи, а твоево желанія, его высочества великаго князя видѣлъ ли ты? и то когда, съ какимъ вводителемъ или съ помощникомъ? и рѣчи цесаревинымъ или твоимъ именемъ, устно или письменно, ты предлагалъ, и на предложенныя рѣчи получилъ ли ты резолюцію и какую?

Доминикомъ Францисканомъ въ Кронштадтѣ я говорилъ и между иными въ разговорѣ бывшими сія слѣдующіи слова произнесъ: я прибылъ изъ Віенны (Вѣны) Австрійской, гдѣ я да честный отецъ мой суперіоръ патеръ Венцетъ у августѣйшаго римскаго императора милостивѣйшую ауді-енцію имѣли; на которой ауді-енціи его же величество о рескриптѣ или рекомендаціи нѣкоторой къ своему резиденту, въ Россіи обрѣтающемуся, покорно просили, дабы мы къ тому рескрипту или рекомендаціи у августѣйшаго россійскаго императора по всякой возможности рекомендованы были; на которое прошеніе наше римскій императоръ премилостиво соизволилъ, такъ сказалъ: „дадимъ вамъ то, чего просите, прочее вручаемъ насъ вашимъ святымъ молитвамъ: и потомъ отшелъ императоръ. Вскорѣ пришла и императрица римская, вопрошая насъ: кто мы и куда ѣдемъ? отвѣщалъ мой суперіоръ: Августѣйшая императрица! Мы миссіонаріи, отъ святой конгрегаціи въ Россію на наставленіе католиковъ посланные. На что цесарева сказала: вручаемъ насъ вашимъ святымъ молитвамъ и понеже въ Россію отъѣзжаете, имѣйте тамъ также въ вашихъ святыхъ молитвахъ вручена нашего возлюбленнаго племянника, тамъ пребывающаго, на что отвѣщалъ мой суперіоръ: всячески сотворимъ то, къ чему мы обязаны — то-есть Бога молить будемъ. Послѣди, поцѣловавши руку, разлучилися, и сіи суть императрицыны рѣчи, и вся коммиссія, которая незаконную

коммиссіею почестися не можетъ и не долженствуетъ. А я, осмнадцать мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ пребывая, великаго сего князя никогда не видалъ и меньше того, къ нему идти не искалъ. Сія собственною моею рукою написанная преготовь есмь и присягою вся подтвердить. Патеръ Петръ Хризологъ капуцинъ.

Отвѣты Хризологуса положительны, ясны, откровенны. Хитрый іезуитъ не компрометировалъ никого и сберегъ себѣ расположеніе самой мадамъ Іоганнъ, сваливъ все на архіепископа Ѳеодосія, который въ это время уже былъ сосланъ въ Корельскій Никольскій монастырь въ тюрьму „неисходно“ подъ карауломъ солдатъ.

Но нельзя не остановиться на іезуитскомъ отвѣтѣ суперіора императрицѣ австрійской, теткѣ царевича Петра Алексѣевича, будущаго Петра II. Императрица поручила молитвамъ іезуитовъ, отъѣзжающихъ въ Россію, своего племянника. Какой странный отвѣтъ далъ суперіоръ? Всячески сотворимъ то, къ чему мы обязаны. Императрица говоритъ о молитвахъ — суперіоръ отвѣчаетъ объ исполненіи того, къ чему они обязаны. Невольно рождается мысль: не были ли они посланы конгрегаціею съ тайными порученіями въ отношеніи молодаго царевича. Въ XVII столѣтіи іезуиты постоянно присылали своихъ миссіонеровъ, хлопотали о католицизмѣ Россіи: почему же не предположить, что и теперь, имѣя въ виду, что царевичъ Петръ Алексѣевичъ можетъ быть царемъ русскимъ, іезуиты всегда дальновидные, послали своихъ миссіонеровъ для привлеченія отрока въ свою пользу, а можетъ быть и на-

дѣялись, при помощи Ѳеодосія, сдѣлать его католикомъ и подчинить Русское духовенство папѣ?

Послѣ отвѣтовъ Хризологуса, Синодъ потребовалъ отъ спасо-ярославскаго архимандрита Аѳанасія подробнаго объясненія его подозрѣній.

Отвѣты архимандрита замѣчательны витіеватостью:

„Доносъ учинилъ онъ, ассесоръ, того ради, что францисканъ Іаковъ Діолегіо, сказывая со словъ доминикановыхъ, говорилъ ему, ассесору, якобы нѣкое предостерегательство имѣючи въ такой силѣ.—Первое: что онъ, капуцинъ, хвалился о римской императрицѣ, которая-де племянника своего, великаго князя Петра Алексѣевича рекомендовала, и то реченіе рекомендовала происходило просто безъ прилога приложеннаго въ отвѣтѣ его капуциномъ, что-де рекомендація была вручая его, великаго князя, молитвамъ его: отчего и сомнительство быть стало.

„Второе. О видѣніи великаго князя по прибытіи въ Россію желаніе-де онъ капуциновъ объявлялъ, чтобъ видѣться съ его высочествомъ, а не просто видѣть его высочество. А понеже его высочество еще младолѣтенъ и его, капуциново, желаніе произошло видѣться съ его высочествомъ мимо государя императора и государыни императрицы, того ради, онъ, ассесоръ, признавая, что когда видѣться, то уже какъ бы ему великаго князя видѣть, такъ и отъ его высочества ему, капуцину, видѣну и признану быть, и опасаясь, чтобъ не произошло отъ того какой противности, какъ въ древнія лѣта бывало, что ясно показуетъ исторія, въ предостерегательности прежде того для надлежащаго высокославныя и вѣчнодостойныя памяти императорскому

величеству объявленія, обстоятельно объявлялъ и нынѣ въ доношеніи своемъ написалъ: и то долженъ утвердить вышепомянутый Діолегіо, который ему, ассесору, сказывалъ".

Потребовали къ допросу „суперіора францискановъ-реформатовъ Якова Діолегіо".

„Слышалъ я въ Петербургѣ отъ Доминика Францискана-реформата моего товарища, что Петръ Хризологъ капуцинъ вскорѣ по прибытіи своемъ моремъ Балтійскимъ въ Кронштадтъ, сказалъ ему, что онъ имѣетъ нѣкоторую рекомендацію отъ римской императрицы къ великому князю россійскому и что не знаетъ, можетъ ли его видѣть. Оныя слова сказалъ я съ конфиденціею и секретно отцу архимандриту въ домѣ его".

Хотѣли пораспросить Доминика, но его не было въ Россіи: онъ еще въ 1724 г. уѣхалъ въ Польшу.

Къ этому времени привезли еще въ Петербургъ арестованнаго капуцина Аполлинаріуса, жившаго въ Ахтыркѣ у генерала Вейсбаха. Распоряженіе объ арестованіи его было сдѣлано одновременно, какъ и объ Хризологусѣ, въ апрѣлѣ 1725 года. 25 апрѣля Тайная канцелярія отправила въ Ахтырку преображенскаго сержанта Василья Бобрищева-Пушкина съ письмомъ къ генералу кавалеру князю Голицыну. Потомъ, получивъ отъ Голицына для содѣйствія штабъ-офицера, Бобрищеву-Пушкину приказано ѣхать „гдѣ обрѣтается", къ генералъ-лейтенанту Вейсбаху и, прибывъ, секретно освѣдаться, есть ли при немъ римскаго закона капуцинъ; затѣмъ арестовать капуцина, забрать всѣ письма и везти въ Петербургъ съ поспѣшеніемъ. Какъ везти, дано было особое наставленіе: „а въ пути никого къ

нему не припускать и смотрѣть того прилежно, чтобъ онъ надъ собою или надъ караульными какова хитрымъ своимъ вымысломъ зла не учинилъ или не ушелъ, ибо они натурально злохитрые и льстивые люди... „Ежели паче чаянія противно сему въ чемъ поступишь или для какой-нибудь страсти чего не исполнишь, то истязанъ будешь по военному артикулу“.

Истязанія по военному артикулу были очень непріятны, и Бобрищевъ-Пушкинъ исполнилъ съ такимъ поспѣшеніемъ данное ему порученіе, что генералъ Вейсбахъ, донеся о взятіи у него капуцина Толстому, присовокупилъ: „токмо весьма сожалѣю, что такая конфузія дому моему чрезъ взятіе онаго капуцина учинилась“.

Апполлинаріусъ по-русски не зналъ; Вейсбахъ упросилъ, чтобъ провезли съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ „для перевода“ хлопца дому его, Ѳедора Роута.

Ихъ привезли 5 іюня 1725 г. въ Петербургъ и отдали въ распоряженіе Ѳеофана. Оказалось, что Апполлинаріусу тоже было приказано выѣхать въ опредѣленное время за границу, а онъ остался жить у генерала Вейсбаха, и сверхъ того въ бумагахъ его найдено два „подозрительныя письма“—одно отъ папы, а другое отъ „конгрегаціи проповѣди вѣры“. Въ этихъ письмахъ Апполлинаріусу изъявлена была благодарность за то, что „по духовнымъ экзерциціямъ трудовъ твоихъ многіе греческаго исповѣданія россіяне на римскую вѣру обратилися“.

Апполлинаріусъ объяснилъ эти два обстоятельства:

Послѣ объявленія ему императорскаго указа, чтобъ въ назначенный срокъ выѣхать изъ Россіи за границу,

ему былъ выданъ на выѣздъ паспортъ, но въ тотъ же день великій канцлеръ графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ и генералъ-прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягушинскій потребовали его въ Сенатъ. Апполлинаріусъ явился. „Получилъ ли ты пашпортъ?“ спросилъ его Головкинъ. „Получилъ“, отвѣчалъ Апполлинаріусъ и подалъ ему паспортъ. Головкинъ взялъ паспортъ и понесъ его въ присутственную комнату Сената. Черезъ нѣсколько минутъ канцлеръ вышелъ къ Апполлинаріусу и велѣлъ ему жить у генерала Вейсбаха, который впослѣдствіи разсказывалъ Апполлинаріусу, что объ этомъ дозволеніи записано тогда же въ сенатскомъ протоколѣ.

Объясненіе это оказалось справедливымъ. „Когда по указу государственной Иностранной Коллегіи имъ, капуцинамъ, объявлено было, дабы они свой костелъ, въ которомъ божество ихъ отправлялось, отдали ксендзамъ-францисканамъ и велѣно имъ въ свою землю ѣхать, тогда генералъ Вейсбахъ подалъ прошеніе въ Иностранную Коллегію о дозволеніи капуцину Апполлинаріусу остаться при немъ. Просьба Вейсбаха была удовлетворена, и Павелъ Ивановичъ Ягушинскій сказалъ Вейсбаху, чтобъ онъ держалъ у себя спокойно капуцина до новаго указа“.

О привлеченіи русскихъ въ католическую вѣру Апполлинаріусъ объяснилъ откровенно:

„Духовныя экзерциціи трудовъ моихъ были предики въ нашемъ костелѣ на итальянскомъ и нѣмецкомъ діалектѣ, и понеже въ сосѣдствѣ съ нами обитали многіе греческаго закона, которые разумѣюще итальянскій языкъ когда слышали, что я предику итальянскую имѣю сказывать, то прихаживали на оную мою предику ку-

рьезности ради, о которыхъ изъ нихъ памятую, слѣдующія суть: блаженныя памяти сіятельнѣйшій князь г. генералъ Кантакузинъ, котораго домъ въ сосѣдствѣ съ нашимъ костеломъ и его племянники князья Кантакузины изъ Волохіи, которые съ нимъ жили, да его адъютантъ; превосходительный графъ Савва Рагузинскій, да еще двое великихъ господъ, изъ которыхъ одинъ былъ совѣтникъ Коммерцъ-Коллегіи и много иныхъ нижняго чина людей, которые въ службѣ императорскаго величества и греческаго исповѣданія суть: а я не только съ ними, но нижѐ съ инымъ съ кѣмъ никакихъ рѣчей о вѣрѣ не имѣлъ, ибо и въ коммиссіи отъ римскаго папы не имѣю. И сіе исповѣдаю предъ Богомъ и присягою подтверждаю, а письма оныя привѣтственныя получилъ я для того, понеже суперіоръ нашъ Венустъ выѣхалъ отсюда и, прибывъ въ Римъ, сказывалъ, что на мои предики приходятъ вышепомянутые господа, хотя и греческія вѣры".

Все дѣло было доложено императрицѣ Екатеринѣ, и она приказала выпроводить немедленно обоихъ капуциновъ за границу.

28 іюня 1725 г., оба капуцина съ двумя солдатами отправлены на шести подводахъ въ Ригу къ генералъ-фельдмаршалу, генералъ-губернатору князю Репнину.— Не можемъ пропустить списка вещей, у Петра Хризолога задержанныхъ, хранившихся въ Тайной канцеляріи и ему возвращенныхъ при отправленіи за границу: распятіе мѣдное, круглое съ ушками; чотки деревянныя на шнурѣ; книжка маленькая, нѣмецкая, печатная въ красной кожицѣ; табакерка, деревянная, круглая, въ ней чотки черныя, на мѣдной цѣпочкѣ; два колечка, витыя

золотомъ съ шелкомъ; бумажекъ клейменыхъ четыреугольныхъ пятьдесятъ (?); два креста, деревянныхъ, маленькихъ въ бумажкѣ; въ бумажкѣ же бѣлыя крошки, а на бумажкѣ латинская надпись; коробочка маленькая, мѣдная, четыреугольная, внутри на крышкѣ личина, внизу въ той коробочкѣ приклеены три личинки мѣдныя и всякая мелочь наклеена, а въ ней положено въ бумажкѣ деревца немножко; бумажка, на которой наклеены три литеры иностранныхъ; бумажка печатная иностранная; на ней наклеены три личинки, два лоскутка тавтяные, рудожелтые; на нихъ напечатаны персоны и подписано по латыни.

Какой сборъ странной мелочи и какъ прилежно сохраняли все это въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ Тайной канцеляріи!

5 іюля привезли капуциновъ въ Ригу, и того же числа князь Репнинъ выслалъ ихъ за границу.

ЧЕРНЕЦЪ ѲЕДОСЪ.

СЕМНАДЦАТАГО октября 1725 года братія Никольскаго монастыря, по звону колокола, собиралась въ церковь къ обѣднѣ. Монахи расположились по своимъ мѣстамъ; началось богослуженіе; въ церковь вошелъ старецъ въ иноческомъ платьѣ, сопровождаемый двумя солдатами. Онъ помолился иконамъ, поклонился братіи и сталъ посреди церкви между солдатами. Все шло своимъ порядкомъ; вдругъ въ срединѣ богослуженія, послышался на монастырскомъ дворѣ около церкви стукъ колесный повозокъ, потомъ опять тишина, прерываемая только пѣніемъ клиросныхъ и возгласами служившаго іеромонаха... Въ это время прошелъ одинъ монахъ въ алтарь и вызвалъ игумена... На лицѣ его было выраженіе безпокойства и страха... Игуменъ отдалъ громко приказаніе монахамъ не выходить никому изъ церкви и послѣдовалъ за вызвавшимъ его монахомъ.

Что же такое случилось? Весьма обыкновенное въ то время событіе... Игумена потребовалъ изъ церкви пріі-

ѣхавшій въ монастырь курьеръ Тайной канцеляріи, Преображенскаго полка капитанъ графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ... Непріятные и тяжелые гости были тогда для монастырей нарочные изъ Тайной канцеляріи! Они пріѣзжали или забирать монаховъ по какому нибудь извѣту о словѣ и дѣлѣ, или привозили неизвѣстнаго колодника для заключенія въ монастырскую тюрьму, неисходно. Въ Корельскомъ монастырѣ въ это время содержался въ тюрьмѣ сосланный въ маѣ 1725 г., гроза всего духовенства, архимандритъ новгородскій Ѳеодосій: онъ-то молился въ церкви между солдатами у обѣдни, и въ пустынномъ, уединенномъ, далекомъ отъ столицы монастырѣ, проводилъ остальные дни своей жизни, столь блестящей и дѣятельной при покойномъ Петрѣ Великомъ. Тюрьма Ѳеодосія была подъ церковью. Въ нее-то провелъ монахъ игумена, котораго ожидалъ уже здѣсь графъ Мусинъ-Пушкинъ.

Графъ объяснилъ игумену цѣль своего пріѣзда. Онъ присланъ былъ съ повелѣніемъ снять съ Ѳеодосія архіерейскій и іерейскій санъ и заключить его въ тюрьму каменную, неисходную; графъ потребовалъ отъ игумена показать ему такую тюрьму.

Игуменъ повелъ графа по монастырю. Строенія всѣ были деревянныя; были кельи и отдѣльныя, но все близко другихъ келій... Графу это не нравилось. Они возвратились опять подъ церковь. Подвалъ, въ которомъ содержался Ѳеодосій, состоялъ изъ трехъ отдѣльныхъ комнатъ; въ одной изъ нихъ жилъ Ѳеодосій. Графъ рѣшился оставить тутъ ссыльнаго, но сдѣлалъ только нѣкоторыя измѣненія. Пока служили обѣдню, по приказанію графа, большое окошко въ кельѣ подъ цер-

ковью заложили кирпичемъ, такъ что сдѣлалось окошечко въ четверть аршина въ вышину и въ четверть въ ширину. Деревянный полъ показался графу роскошью для крѣпкой, неисходной тюрьмы — полъ тотчасъ же выломали... и въ эту преобразованную келью возвратился Ѳеодосій къ нежданному гостю изъ Петербурга. Графъ шепнулъ сержанту и куда-то послалъ его; немного погодя, вошелъ въ тюрьму холмогорскій архіерей, пріѣхавшій вмѣстѣ съ графомъ въ монастырь, и ожидавшій призыва въ кельѣ игумена. Обрядъ совершенъ въ присутствіи игумена, графа Мусина-Пушкина, сержанта отъ гвардіи и караульныхъ солдатъ. Архіепископъ Ѳеодосій лишенъ архіерейскаго и іерейскаго сана—онъ простой чернецъ Ѳедосъ. Во все время обряда онъ молчалъ и „никакихъ противныхъ словъ отъ него не было“. Затѣмъ графъ обыскалъ всю келью, нѣтъ ли какихъ писемъ и бумагъ... ничего не нашлось; у Ѳедоса было оставлено предъ этимъ нѣсколько платья и бѣлья—графъ отобралъ все, оставивъ изъ платья только то, что было на Ѳедосѣ, и наконецъ простился съ ссыльнымъ.

Затворилась дверь кельи Ѳеодосія навсегда; графъ заперъ ее замкомъ и приложилъ печать. Двери сосѣднихъ комнатъ, или, точнѣе, подваловъ, точно также заперли на замокъ и къ дверямъ приложили печати. У дверей наружныхъ при входѣ тоже замокъ, и печать, и караулъ: одинъ часовой изъ гвардейцевъ-преображенцевъ, другой изъ гарнизона, съ ружьями.

Графъ простился съ холмогорскимъ архіереемъ, съ игуменомъ и ускакалъ изъ монастыря... Тяжелое, страшное порученіе!

За что же сосланъ былъ первенствующій членъ Синода, дѣятельный сотрудникъ Петра, въ отдаленный Корельскій монастырь? За что заточенъ въ подцерковной тюрьмѣ и съ принятіемъ такихъ жестокихъ мѣръ?

Личность Ѳеодосія у насъ еще мало извѣстна, и мы познакомимъ читателей съ этимъ довѣреннымъ лицомъ Петра Великаго; но сперва вспомнимъ, что дѣлалось тогда въ духовенствѣ.

Еще при жизни патріарха Адріана *), послѣдняго нашего патріарха, Петръ уже рѣшился соединить въ особѣ своей власти духовную и царскую, и созвалъ первостепенные чины для исправленія уложенія своего родителя и составленія новаго, съ распредѣленіемъ судебной власти, гражданской и духовной. Хотя Адріанъ былъ сильно огорченъ, но велѣлъ собрать и выписать всѣ права и преимущества Россійской церкви, начиная съ номоканона, льготныя грамоты св. Владиміра и Ярослава, и даже коснулся ярлыковъ хановъ ордынскихъ, коими пользовались всѣ преемники его, равно какія права Грекороссійская церковь и все духовенство имѣли отъ начала оной до 1700 года. По разсмотрѣніи

---

*) Адріанъ—десятый, послѣдній патріархъ всероссійскій, въ мірѣ Андрей, родился 1636 г., въ Москвѣ. О первыхъ годахъ его юности и постриженіи въ монашество нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Въ 1682 г. онъ уже былъ архимандритомъ Чудова монастыря; въ 1686 г. поставленъ патріархомъ Іоакимомъ въ митрополита въ епархію Казанскую и Свіяжскую, а по кончинѣ этого патріарха, 1690 г., августа 24, на всероссійскій патріаршій престолъ. (См. „Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ“. Годъ третій, № 8. Москва. 1848 г.).

этого свода Петръ I вручилъ патріарху за своимъ подписаніемъ пункты, которыми удерживались по прежнему за патріархомъ и духовенствомъ судъ и расправа по церковнымъ и духовнымъ дѣламъ не только надъ клиромъ и монастырями, но и надъ всѣми отчинами и служебными людьми, принадлежащими монастырямъ и каѳедрамъ; всѣ имущества монастырей и духовенства оставлены въ ихъ полномъ распоряженіи неприкосновенными. Только дѣла уголовныя, татьбу, разбой и убійство, велѣно разсматривать гражданскимъ судомъ *).

Петръ не рѣшался, какъ видно, при жизни патріарха нарушать коренной порядокъ духовнаго самоуправленія, существовавшій искони въ Россіи, и отмѣнилъ только нѣкоторые внѣшніе обряды самостоятельности патріарха, какъ-то: торжественное шествіе патріарха на ослѣ въ Вербное воскресенье, также народное цѣлованіе царя съ патріархомъ на Кремлевской площади, въ первый день новаго года.

Патріарху, какъ мы сказали выше, за исключеніемъ суда въ уголовныхъ дѣлахъ, оставлена прежняя власть.

Нововведенія Петра, любовь къ иноземному, брадобритіе и нѣмецкая одежда, установленіе новаго года съ 1-го января не въ согласность церковнаго индикта, сильно огорчали патріарха Адріана. Онъ даже не служилъ въ первый день установленнаго новаго года, 1-го января 1700 года; удручаемый болѣзнями, онъ часто удалялся въ Перервинскій монастырь, поручая завѣдываніе дѣлами патріаршими сарскому митрополиту Трифиллію.

---

*) Извлечено изъ „Чтен. Императорск. Московск. Общества“, № 8, 1848 г.

27-го сентября 1700 г. поѣхалъ онъ, по обыкновенію, на богомолье въ Перервинскій Николаевскій монастырь. „За стужею и за острою погодью—пишетъ дьякъ Возницынъ Петру, бывшему подъ Нарвой—едва его туда довезли, однако же былъ тамъ кое-какъ девять дней и едва мало ему отраднѣе учинилось, посвятя новую церковь въ томъ монастырѣ, возвратился". Черезъ нѣсколько дней онъ поѣхалъ къ обѣднѣ въ Донской монастырь, но на дорогѣ такъ изнемогъ, что всѣ думали, что онъ скончается въ пути, и съ великимъ трудомъ привезли въ село Голенищево. Отсюда 8-го октября привезли его ночью въ Москву и уже никого къ нему не допускали. Съ 12-го октября на 13-е его ударилъ параличъ. До смерти своей онъ лежалъ безъ памяти и безъ языка, иногда взглядывалъ только однимъ лѣвымъ глазомъ и дѣлалъ движенія лѣвою рукою; но передъ кончиною и эти послѣднія проявленія жизни прекратились. Онъ скончался съ 15-го на 16-е октября въ первомъ часу ночи. Тѣло его 16-го рано утромъ вынесено въ церковь Св. Апостолъ, а 17-го въ соборной Успенской церкви погребено съ подобающею честію возлѣ гроба патріарха Іоакима, его предмѣстника *).

*) Изъ письма Возницына къ Петру-Первому. Сверхъ того мы приведемъ изъ письма Т. Н. Стрѣшнева къ Петру отъ 18 октября 1700 г.: „а на погребеніе изъ домовой казны архиереямъ и архимандритамъ и всѣмъ соборамъ роздано противъ дачи, что дано по Іоакимѣ патріархѣ: 448 руб. 25 алтынъ, а на сорокоустъ въ монастыри и соборы и въ церкви противъ дачи Іоакима патріарха подали 1035 р. 23 алтына; а домовыя святѣйшаго патріарха казны на лицо денегъ 30,792 ефимка, 146 золотыхъ одинокихъ, 73 золотыхъ двойныхъ, иконы окладныя и неокладныя и кресты золотые и серебряные, и каменья, и жемчугъ, и иныя вещи, и парчи золо-

На каменной гробницѣ его высѣчена надпись: „мірозданія 7209 лѣтъ, Христа же Господа 1700, мѣсяца октоврія 15-го числа, подъ среду въ нощи перваго часа въ четвертой четверти, волею творца нашего Бога, успе благонадежно на вѣчное житіе, въ церковныхъ таинствахъ великій господинъ святѣйшій киръ Адріанъ, архіепископъ московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ, и погребено тѣло его во гробѣ, на семъ мѣстѣ. Патріаршій свой престолъ правилъ 10 лѣтъ, 53 дня, августа съ 24-го числа, отъ рожденія своего имѣлъ семьдесятъ третіе лѣто, съ октября 2-го дня. Его же душу да упокоитъ Господь въ вѣчномъ своемъ блаженствѣ. Всякъ, зрящій гробъ сей, помолись!“

Послѣ Адріана, въ Успенскомъ соборѣ никто не былъ отпѣваемъ и погребенъ.

Во время кончины патріарха, Петра I-го не было въ Москвѣ. Тихонъ Никитичъ Стрѣшневъ запечаталъ патріаршую ризницу государевою печатью, донесъ Петру и ожидалъ дальнѣйшаго приказанія. „Соборную церковь изъ архіереевъ кому изволишь вѣдать, а на Москвѣ архіереевъ: смоленскій, крутицкій, вятской, а прежде сего изволеніе твое было вѣдать колмогорскому владыкѣ; только по него не послано, и изволишь ли по-

---

тыя, и атласы, и камни, по книгамъ у казначея Кохова за его рукою. Да въ кельѣ явилось завѣщательное письмо за его, святѣйшаго патріарха, рукою: что его, патріаршаго, келейнаго имѣнія, и кому раздать, и съ того письма послалъ казначей за своею рукою списокъ къ милости твоей. По дачѣ сорокоустныхъ денегъ изъ домовой казны и по письму его святѣйшаго патріарха о келейныхъ деньгахъ что укажете“.

слать? а изъ тѣхъ владыкъ, которые на Москвѣ, послѣ чреды своей отпустить въ свою епархію. Домовыхъ святѣйшаго кому изволишь вѣдать? а имъ приказано, кто что вѣдалъ при святѣйшемъ, тому того и беречь по указу, а ризница запечатана" (письмо Стрѣшнева изъ Москвы 18-го октября 1700 г.). Возницынъ (дьякъ), довѣренное лицо Петра, знавшій вѣроятно мысли и предположенія царя о смерти патріарха, предлагалъ ему свои труды, „а доселѣ было мнѣ дѣлать нечего (пишетъ Возницынъ), потому что подъ его (вѣроятно патріарха) именемъ дѣлали что хотѣли и все за ними (?) и въ ихъ (?) рукахъ было, а естли твой, государя, указъ и повелѣніе будетъ, можно все въ доброе осмотрѣніе взять и по твоей волѣ и указу чинить" (письмо Возницына къ Петру 18-го октября 1700 г. Каб. д. кн. № 1, 2-го отдѣла). Какъ только Петръ пріѣхалъ въ Москву, немедленно, 16-го же декабря, сдѣлалъ распоряженіе по церковному управленію: уничтожилъ Патріаршій приказъ—разрядъ. Всѣ судебныя дѣла этого приказа велѣно передать по принадлежности въ разные приказы: дѣла вотчинныя и помѣстныя въ Помѣстный Приказъ, дѣла раскольничьи о ересяхъ въ духовный приказъ, который порученъ Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому (т. IV П. С. З. ст. 1818). Затѣмъ возстановленъ, въ январѣ 1701 г., Монастырскій приказъ, которому поручены всѣ дѣла по дому патріарха, архіерейскія и монастырскія, и завѣдываніе этимъ приказомъ поручено свѣтскому лицу, боярину Ивану Алексѣевичу Пушкину, съ придачею ему въ помощники дьяка Ефима Зотова. Власть и участіе духовныхъ лицъ въ дѣлахъ мірскихъ прекращались навсегда. Всѣ па-

тріаршія, архіерейскія, монастырскія и церковныя вотчины, имѣнія и живущіе въ нихъ люди поступили въ распоряженіе Монастырскаго приказа, и для описи ихъ посланы царедворцы, свѣтскіе люди (т. IV ст. 1834). Мѣра эта имѣла важныя послѣдствія, какъ коренное измѣненіе въ существовавшемъ порядкѣ. Всѣ жившіе на земляхъ и въ вотчинахъ патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ подчинены были до этой перемѣны суду патріаршему и архіерейскому. Воеводы не смѣли вмѣшиваться въ ихъ дѣла и не смѣли брать къ суду людей изъ церковнаго вѣдомства. Мірскіе люди, по искамъ и вообще по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, обращались также къ Патріаршему Приказу. Теперь все подходило подъ дѣйствіе однихъ и тѣхъ же законовъ, а жителей патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ вотчинъ было много: они составляли въ одной Московской губерніи четвертую часть народонаселенія: въ Московской губ. считалось ихъ 54,603 двора и 34,127 четв. земли, а прочихъ: дворцовыхъ и помѣщичьихъ 161,572 двора и 60.589 чет. (смотри П. С. З. т. IV-й ст. 2376). Какъ трудно было разставаться духовенству съ вмѣшательствомъ въ дѣла мірскія, видно изъ дѣйствій нижегородскаго митрополита Ісаіи, который съ перваго раза не послушался; къ нему послали дьяка вразумить, что всѣ дѣла судныя „отца ихъ патріарха Адріана взяты уже въ Московскій Судный Приказъ“. При этомъ сдѣлана митрополиту любопытная и характеризующая то время угроза. Если митрополитъ не послушается, то велѣно „всѣхъ приказныхъ его людей взять и держать въ Московскомъ Судномъ Приказѣ, пока онъ не вышлетъ дѣла“ (т. IV, ст. 1862). Отнявъ у духовен-

ства власть судейскую, Петръ принялся за имущества. Еще при жизни патріарха Адріана, въ 1697 г., сдѣлано было распоряженіе, ограничивавшее распоряженія митрополитовъ, архіепископовъ, игуменовъ и проч. въ постройкахъ и расходахъ, съ приказаніемъ деньгамъ и хлѣбу расходныя книги присылать въ Москву (П. С. З. т. III ст. 1613). Теперь уже Петръ не стѣснялся ничѣмъ: запретилъ монастырскимъ властямъ мѣняться съ помѣщиками и вотчинниками землями, а оброчныя статьи, какъ-то мельницы, рыбныя ловли, перевозы и проч., не дожидаясь по прежнимъ отдачамъ урочныхъ лѣтъ, велѣно переоброчить съ новыхъ торговъ, которые были назначены для всей Россіи въ Москвѣ (1701 года, т. IV, ст. 1839). Наконецъ, всѣ вотчины и угодья у монастырей отняты, а монахамъ и монахинямъ назначено ровное всѣмъ жалованье, по 10 рублей въ годъ и по 10 четвертей хлѣба и дровъ „въ довольность ихъ“. Доходы вотчинъ и имѣній назначены къ поступленію въ Монастырскій Приказъ. „Не для разоренія монастырей (сказано въ указѣ), но лучшаго ради исполненія монашескаго обѣщанія; понеже древніе монахи сами себѣ трудолюбивыми своими руками пищу промышляли и общежительно живяша и многихъ нищихъ отъ своихъ рукъ питали; нынѣшніе же монахи не токмо нищихъ питаша отъ трудовъ своихъ, но сами чуждый трудъ подъядоша, и начальные монахи во многіе роскоши впадоша, а подначальныхъ монаховъ въ нужную пищу введоша и, вотчинъ же ради, свары и смертоубивства и неправыя обиды многи твориша“ (1701, т. IV, ст. 1886). Дѣйствительно, простые монахи были въ жалкомъ положеніи: безъ дѣла и опредѣленныхъ занятій

бродили они изъ монастыря въ монастырь, гостили подолгу и въ деревняхъ и въ городахъ, нищенствовали, просили милостыню въ самой Москвѣ; на мостахъ, на перекресткахъ собирались они просить подаянія. Для прекращенія этого, въ 1701 же году (т. IV, ст. 1834), велѣно всѣ монастыри описать и монахамъ остаться, гдѣ застанетъ ихъ опись, и въ другіе монастыри уже не переходить; притомъ строго запрещено монахамъ имѣть въ своихъ кельяхъ бумагу и чернила, а дозволено писать только въ „трапезной“ и то явно, а не тайно.

Всѣхъ мірскихъ жильцовъ, чтецовъ и переписчиковъ выгнали изъ монастырей, и они, избѣгая военной службы, въ которой нуждалось тогда правительство, укрылись въ различные Приказы подъячими. Впослѣдствіи, въ 1706 г., на это обратили вниманіе, и годныхъ изъ нихъ опредѣлили въ драгунскіе полки (т. IV, ст. 2108).

Бѣлое духовенство было также не въ завидномъ положеніи. Вотъ какъ описываетъ его современникъ, извѣстный крестьянинъ Иванъ Посошковъ, въ сочиненіи: Скудость и богатство:

„Неученые въ писаніи и неискусные, вѣры христіанскія всесовершеннаго основанія невѣдущіе и воли Божіей неразумѣющіе.

„Потакаютъ раскольникамъ—изъ денежныхъ выгодъ, не имѣя достаточнаго свѣдѣнія и вѣры, чтобъ бороться съ ними.

„Не умѣютъ даже отправлять правильно и точно священнослуженія. Тѣ только исправно служили, которые пожили въ городѣ при соборѣ или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ“.

Вотъ какъ, по Посошкову, ставились священники: „Служители архіерейскіе возьмутъ съ него деньги и дадутъ ему затвердить по псалтыри нѣкоторые псалмы, и заложа (т. е. замѣтивъ въ книгѣ) дадутъ при архіереѣ читать ставленику. Архіерей, видя, что онъ твердо читаетъ и полагая, что онъ все церковное тоже хорошо читаетъ, благословлялъ его на пресвитерство.

„Въ деревняхъ питаются своею работою, и ничѣмъ не отличаются отъ пахатныхъ мужиковъ. Мужикъ за соху — и попъ за соху, мужикъ за косу — и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ.

„Въ праздничный день гдѣ бы идти попу въ церковь, а попъ съ мужикомъ идетъ овины сушить; гдѣ бы обѣдню служить, а попъ съ причетникомъ хлѣбъ молотитъ. А городскіе также были безполезны, не понимая, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасеніе, и приходящихъ, какъ жить душеспасительно, не наставляютъ.

„Сельскіе ходили въ гнусныхъ разодранныхъ одеждахъ, изъ сѣраго или бѣлаго сермяжнаго сукна некрашенаго“.

Вполнѣ невѣжественные, необразованные священники и діаконы, иные даже плохо читали, не говоря уже о сознательномъ изученіи догматовъ религіи; богатые, по духу того времени, предавались пьянству и даже сами „сидѣли“ вино: это было замѣчено еще и патріархомъ. Поступленіе въ священство не имѣло положительныхъ правилъ: умѣвшій читать и писать, знавшій нѣсколько псалмовъ и молитвъ наизусть, какого бы онъ званія ни былъ, избирался міромъ, или помѣщикомъ, и ставился архіереемъ по ихъ просьбѣ. Число духовенства бѣлаго,

включая въ то число и причетниковъ, было весьма значительно. Патріархъ Адріанъ принималъ уже мѣры къ его уменьшенію (т. III, ст. 1612 П. С. З.).

Число православныхъ поповъ и діаконовъ, при этой безпорядицѣ, увеличилось еще бродящими самозванцами-попами, изъ раскольниковъ. До учрежденія Синода, единственною мѣрою, которая принята была (въ 1708 г.) для улучшенія бѣлаго духовенства—было установленіе правиломъ, чтобъ поповскія и діаконовскія дѣти учились въ латинскихъ и греческихъ школахъ, а которыя не захотятъ въ тѣхъ школахъ учиться, тѣхъ запрещено посвящать куда-либо и даже не опредѣлять ни въ подъячіе, ни въ другіе чины, а только въ военную службу (т. IV, ст. 2186 П. С. З.). Мѣра полезная и существенная—но могла ли она быть исполнена? Гдѣ же были школы? Только въ Москвѣ и Новгородѣ. Развѣ это было достаточно для всей Россіи, при огромномъ числѣ церковно-духовнаго народонаселенія? И мѣра эта не имѣла успѣха, а только была поводомъ со стороны духовенства къ изысканію средствъ, хотя и незаконныхъ, чтобъ избавиться отъ военной службы. Молодые люди—дѣти поповъ и діаконовъ, пользовавшіеся преимущественнымъ правомъ получать церковныя должности, бросались хлопотать о помѣщеніи ихъ въ діаконы и попы, употребляя ложь и другія уловки: писали себѣ въ прошеніяхъ менѣе лѣтъ, указывали на болѣзнь или на старость священника, которому нуженъ былъ помощникъ, фальшиво подписывались на выборныхъ листахъ подъ имя помѣщика о желаніи его имѣть попа или діакона, и проч. (т. IV, ст. 2352 П. С. З.).

Въ такомъ положеніи были дѣла церковнаго нашего

управленія, когда Ѳеодосій, воспитывавшійся въ Кіевской академіи, поступилъ, въ 1704 году, архимандритомъ въ Хутынскій Новгородскій монастырь. Какими путями, чрезъ кого достигъ онъ этого званія, какъ онъ управлялъ монастыремъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ съ Стефаномъ Яворскимъ, блюстителемъ патріаршаго престола и управляющимъ церковными дѣлами всей Россіи—остается до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Сохранилось только отъ 1704 г. письмо его къ Петру, доказывающее, что онъ уже былъ въ милости, потому-что рѣшался дѣлать легкій доносъ на митрополита новгородскаго Іова, уважаемаго Петромъ. Вотъ это письмо:

„Христоподражательный царь,
Извѣстная тебѣ тварь
Новгорода Хутынъ монастыря бывшій келарь
Венедиктъ Барановъ
Жилъ въ томъ монастырѣ многіе годы,
И, не радѣя обители, собралъ себѣ великіе доходы...

„Въ нихъ же уповая и возмысля суетою своею, усвоилъ себѣ въ помѣстьѣ того же Хутынъ монастыря приписной монастырь со принадлежащимъ доходомъ себѣ же, пребывая пасется по стремнинамъ страстнымъ безъ всякаго страха, и похищаетъ и расточаетъ и тамо монастырскія стяжанія, а про то извѣстно и архіерею нашему, и нынѣшняго сентября 17 дня, во время шествія вашего изъ Новгорода, изволилъ ты мнѣ приказать того бывшаго келаря взять въ Хутынъ монастырь и жить въ братствѣ, и онъ, чернецъ, твоему повелѣнію учинился ослушенъ и силенъ; къ тому же и архіерей нашъ, увѣдавъ о томъ твоемъ повелѣніи, мнѣ взять его,

возбранилъ, и меня убогаго проклинаетъ, за то аще по повелѣнію твоему сотворю, а о семъ какъ изволишь, вашего величества

„нижайшій рабъ и молитвенникъ старецъ
„Ѳеодосій, архимандритъ хутынскій".

Изъ Новгорода, октября 27 дня
настоящаго 1704 г."

Кто былъ этотъ крамольный келарь, чѣмъ кончилась жалоба и доносъ Ѳеодосія—неизвѣстно. Извѣстно только, что въ 1710 г. Ѳеодосій былъ переведенъ изъ Хутынскаго монастыря въ Александро-Невскій (см. у Бантышъ-Каменскаго). Такимъ образомъ Ѳеодосій уже интриговалъ противъ замѣчательнѣйшаго изъ нашихъ духовныхъ архипастырей—Іова, митрополита новгородскаго. Іовъ, поставленный въ митрополиты въ 1697 г., былъ уважаемъ Петромъ. Онъ былъ вполнѣ православный, строгихъ правилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствовалъ образованію духовенства и просвѣщенію народа. Онъ понималъ въ этомъ необходимость и выхлопоталъ освобожденіе братьямъ Лихудамъ, двумъ грекамъ, заключеннымъ въ тюрьму при послѣднемъ патріархѣ Адріанѣ; съ ихъ содѣйствіемъ онъ учредилъ въ Новгородѣ сперва два училища: греко-латинское и славянское, для дѣтей всякаго состоянія, а потомъ открылъ 14 славянскихъ грамматическихъ школъ въ своей епархіи. Іовъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что первый возъимѣлъ мысль и подалъ на дѣлѣ примѣръ учрежденія пріютовъ для незаконнорожденныхъ, по тогдашнему „зазорныхъ" дѣтей. Въ 1718 году послѣдовали этому примѣру и въ Тверской епархіи (Кабинет. дѣла, кн. 37). Петръ, оцѣнивъ это благодѣтельное учрежденіе, въ 1715 году при-

казалъ устроить госпитали для пріема зазорныхъ дѣтей по всему государству (см. у Бантышъ-Каменскаго и у Голикова). Петръ уважалъ мнѣнія Іова по духовнымъ дѣламъ, и нерѣдко совѣтовался съ нимъ. Въ 1714 году, озабоченный постоянно идеею перекрещиванія лютеранъ въ нашу религію, онъ посылалъ къ Іову Матвѣя Гагарина спросить объ этомъ. Отвѣтъ митрополита былъ совершенно согласенъ съ ученіемъ нашей церкви: онъ не поддѣлывался къ Петру, который, можетъ-быть, желалъ бы и другаго отвѣта, и сказалъ Гагарину, для передачи Петру: „Лютерановъ надлежитъ крестить для того, что хотя-де оные крещены и во имя Святыя Троицы, но точію-де отъ неосвященныхъ крещены, для того, что священства лютеры не имѣютъ. И о томъ-де отъ греческихъ патріарховъ есть не одна грамота, что надлежитъ лютеровъ крестити“ (письмо Гагарина къ Петру изъ Новгорода, 13 іюня 1714 г.). Іовъ былъ въ перепискѣ съ Петромъ—сочувствовалъ его побѣдамъ и всякій разъ поздравлялъ его. Для любопытства читателя, прилагаемъ въ образецъ одно изъ его писемъ, которыхъ сохранилось нѣсколько въ кабинетныхъ дѣлахъ Петра (см. въ концѣ статьи: Приложеніе № 1). Когда Петръ построилъ дворецъ въ Нарвѣ, Іовъ, поздравляя его съ новосельемъ, съ благословеніемъ новаго дома, послалъ къ нему въ подарокъ: сто рублей денегъ, хлѣбъ, два мѣха меду краснаго, мѣхъ меду варенаго. „Пожалуй меня нищаго богомольца своего, великій государь, ту потребу пріять и кушать во здравіе“ (Кабинет. дѣла, № 7, 2 отдѣл.).

Противъ Іова Ѳеодосій не имѣлъ успѣха; но за то знакомство его съ Петромъ при проѣздахъ царя че-

резъ Новгородъ послужило залогомъ будущаго его возвышенія.

Въ 1710 г. Петръ рѣшилъ учредить въ Петербургѣ монастырь въ честь св. Александра Невскаго, побѣдителя шведовъ на Невѣ. Ѳеодосій былъ избранъ архимандритомъ, и ему поручено было устройство этой обители. Постоянно находясь въ Петербургѣ, Ѳеодосій, съ умомъ хитрымъ .и пронырливымъ, съ душою честолюбивою, успѣлъ сойтись со всѣми близкими Петру... Мало по малу онъ сдѣлался близкимъ лицомъ царю и для этого не погнушался, не смотря на свой духовный санъ, войти въ сообщество „князя папы“. Это учрежденіе, безсмысленное и безнравственное, ложится пятномъ на частной жизни Петра. Голиковъ не только оправдываетъ, но даже одобряетъ это учрежденіе, какъ будто бы Петръ хотѣлъ имъ уронить уваженіе къ патріарху и возбудить насмѣшку надъ папою. Но имѣетъ ли смыслъ это оправданіе? Уваженіе къ патріарху могло быть опасно Петру въ высшемъ духовенствѣ только въ такомъ случаѣ, еслибы Петръ могъ предвидѣть, что высшее духовенство такъ сильно, что вырветъ у него опять патріаршество; этого онъ не могъ бояться, и Петръ былъ спокоенъ. Переворотъ въ церковномъ управленіи шелъ безпрекословно, безъ противодѣйствій. Въ отношеніи же папы Петръ слишкомъ былъ уменъ и зналъ свое духовенство, что оно никогда не подчинится католицизму, по духу православія. Учрежденіе князь папы, по нашему предположенію, было случайное, въ одну изъ попоекъ царскихъ, столь часто повторявшихся у Петра съ его приближенными. Живя еще въ Москвѣ въ 1705 или въ 1706 году, Петръ въ шутку назвалъ

своего прежняго наставника, Никиту Моисеевича Зотова, папою; это прозваніе удержалось за нимъ, и потомъ эта шутка развилась съ придачею ей обрядовъ и церемоніальностей, для облеченія попоекъ въ какую-то серьезную форму. Но еслибъ это была только попойка, которая такъ была обыкновенна въ то время! Нѣтъ! форма и обряды этого общества князь папы и самыя нарицательныя названія членовъ, выходили изъ круга благопристойности, приличія и уваженія не только къ духовенству, но и къ христіанской религіи.

Въ 1716 году Ѳеодосій выпросился у Петра за границу для леченія. Очень вѣроятно, что онъ былъ боленъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно и то, что онъ поѣхалъ, чтобъ еще болѣе сблизиться съ Петромъ и Екатериною. Онъ лечился въ Карлсбадѣ, одновременно съ царевною Маріею Алексѣевною (письмо его изъ Карлсбада см. въ прилож. № 2). Онъ оставался долго за границею и 26 марта 1717 года былъ въ Гагѣ вмѣстѣ съ Екатериною. Отсюда онъ писалъ къ Петру и просилъ позволенія „по отправленіи при государынѣ царицѣ праздника Пасхи“, уѣхать въ Карлсбадъ „для вторичнаго кура“. Не дождавшись позволенія Петра, онъ выпросился у Екатерины и лечился въ маѣ 1717 г. въ Карлсбадѣ (Приложеніе № 3, письма изъ Гаги и Карлсбада). 2 іюля онъ уже былъ въ Берлинѣ и писалъ къ Петру: „По превысокому вашего величества милосердію, отъ двоекратнаго при Карлсбадѣ кура многое получилъ тѣлу здравіе; точію зѣло опасаюся, дабы монастырское дѣло, о которомъ вашему величеству неизвѣстно, на мнѣ не взыскалося, а по повелѣнію вашего величества волокуся до Данцига и тамъ буду

ожидать благополучнаго прибытія вашего величества". (Каб. дѣла, кн. 33, стр. 310).

Въ то время, когда Ѳеодосій путешествовалъ съ Екатериною и лечился за границею, въ Петербургъ, по вызову Петра, пріѣхалъ человѣкъ, имѣвшій впослѣдствіи весьма великое вліяніе на судьбу Ѳеодосія. Это былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Краснорѣчіе, ученость и блистательныя способности Ѳеофана, учителя риторическаго класса Кіевской академіи, обратили на него вниманіе Петра, въ бытность его въ Кіевѣ въ 1706 г. 5 іюля этого года Петръ въ Софійскомъ соборѣ слушалъ его привѣтственную рѣчь, и она ему очень понравилась.

Въ 1709 г. Ѳеофанъ, 10 іюля, опять привѣтствовалъ Петра послѣ Полтавской битвы, а 9-го декабря, въ церкви Кіевобратскаго монастыря, польстилъ Меншикову похвальнымъ словомъ. Ѳеофанъ такъ понравился Петру, что въ 1711 г. онъ взялъ его съ собою въ Турецкій походъ, по окончаніи котораго Ѳеофанъ возвратился въ Кіевъ и, по приказанію царя, былъ произведенъ въ игумены Кіевобратскаго монастыря; съ этимъ назначеніемъ онъ вступилъ въ званіе ректора и учителя богословіи въ Кіевской академіи. Въ 1715 году Петръ вызывалъ его въ Петербургъ; но онъ за болѣзнью не могъ пріѣхать ранѣе осени 1716 года.

До пріѣзда Петра въ Петербургъ, Ѳеофанъ проповѣдывалъ въ новой столицѣ, а когда царь возвратился, во дворцѣ встрѣтилъ его привѣтственными рѣчами Меншиковъ отъ имени малолѣтняго царевича Петра Петровича и царевны Анны Петровны; рѣчи эти были сочи-

нены Ѳеофаномъ; самъ Ѳеофанъ привѣтствовалъ также тутъ Петра отъ имени всего Россійскаго народа.

Ѳеодосію не былъ опасенъ новопріѣзжій: Ѳеодосій пользовался уже полнымъ довѣріемъ Петра и Екатерины, а стеченіе многихъ обстоятельствъ, по возвращеніи его въ 1717 году изъ-за границы, послужило къ его возвышенію.

1718 годъ особенно важенъ въ исторіи нашего отечества двумя событіями: отстраненіемъ царевича Алексѣя Петровича отъ престолонаслѣдія и предположеніемъ Петра объ учрежденіи духовной коллегіи, преобразованной впослѣдствіи въ Синодъ, замѣнившій въ нашей церковной іерархіи патріаршество. До Петра Перваго не одинъ разъ было столкновеніе между властями царскою и патріаршею. Побѣда оставалась большею частію за царскою властью: въ ея рукахъ были матеріальныя силы. Петръ Первый, уничтоживъ навсегда патріаршество, разрѣшилъ этотъ Гордіевъ узелъ; но, подчинивъ себѣ церковное управленіе, онъ нашелъ необходимымъ дать этому церковно-свѣтскому установленію правильную организацію, ввести его въ семью тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя завѣдывали дѣлами Россіи. Все еще было смѣшано, дѣла путались, то у графа Мусина-Пушкина въ Монастырскомъ Приказѣ, то у Стефана Яворскаго въ Духовномъ. Надо было разграничить ихъ и опредѣлить съ точностью кругъ дѣйствія каждаго. Это и было предположено Петромъ въ 1718 году, одновременно съ измѣненіемъ существовавшаго порядка престолонаслѣдія.

До сихъ поръ Стефанъ Яворскій завѣдывалъ еще церковно-духовными дѣлами, на правахъ патріарха, какъ блю-

ститель патріаршаго престола. Но отношенія его къ Петру уже много измѣнились и не въ его пользу. Стефанъ былъ преданъ старинѣ, любилъ царевича. Стефана не любили приближенные Петра и нападали на него за его проповѣди, доносили даже на него Петру. Еще въ 1712 году онъ счелъ нужнымъ оправдываться передъ Петромъ въ проповѣди, сказанной имъ въ Успенскомъ соборѣ, во вторую недѣлю Великаго поста. Въ этой проповѣди Стефанъ выражалъ сочувствіе къ царевичу Алексѣю Петровичу. Онъ писалъ къ царю въ оправдательномъ письмѣ своемъ, что на другой день проповѣди, сенаторы приходили къ нему „и стали меня бѣднаго обличать, укорять и претить за то, будто я на бунтъ и мятежъ народъ возмущалъ и будто царской чести касаюся дерзословіемъ“. Петръ и самъ нашелъ въ этомъ „казаньи“ мѣста не совсѣмъ ему пріятныя и отмѣтилъ ихъ собственною рукою (см. т. VI „Истор. Петра Великаго“ Устрялова, на стран. 30 и 31). Хотя Петръ I-й и успокоилъ Стефана письмомъ черезъ „господина адмирала“ (графа Ѳедора Матвѣевича Апраксина), но Петръ не могъ забыть этого и вѣроятно вспомнилъ при слѣдствіи надъ царевичемъ.

18 мая 1718 г. Стефанъ, по вызову царя, поспѣшилъ изъ Москвы на курьерскихъ, къ суду надъ царевичемъ. Въ торопяхъ онъ не взялъ съ собою ни ризницы, ни пѣвчихъ, ни запасовъ, ни платья, ни келейной рухляди, не успѣлъ распорядиться по дѣламъ соборной церкви, въ приказахъ, въ школѣ, въ своемъ дому, надѣясь скоро возвратиться. Но не такъ случилось: до конца іюня онъ остался по необходимости по дѣлу царевича, потомъ Петръ уѣхалъ изъ Петербурга. Наступилъ ноябрь мѣ-

сяцъ. Стефанъ рѣшился напомнить о своемъ поспѣшномъ отъѣздѣ изъ Москвы, о дѣлахъ, спрашивая, какъ ему быть, и переѣзжать ли совсѣмъ въ Петербургъ. Петръ былъ уже расположенъ къ Ѳеофану; какъ проповѣдникъ, Ѳеофанъ нравился Петру болѣе, защищая его нововведенія, между тѣмъ какъ Стефанъ защищалъ старину; какъ администраторъ, Стефанъ уже Петру надоѣлъ, и царю хотѣлось поскорѣе учредить коллегію.

Въ отвѣтахъ Петра это видно ясно:

„О житьѣ здѣшнемъ (написалъ Петръ резолюцію) уже предъ тремя лѣтъ сказано, и что самъ ваша милость по просухѣ хотѣлъ быть, какъ я съ вами прощался на Москвѣ, и зачѣмъ въ три года не собрался и не распорядилъ, не знаю, ибо и болѣе того дѣлалъ, ѣздилъ на Украйну для освященія церкви и потомъ, и до того довольное время было, какъ выше писано“.

Отвѣтъ уже желчный и укоряющій.

Стефанъ напоминалъ обѣщаніе Петра дать ему въ Петербургѣ дворъ.

„Мѣсто готово—отвѣчалъ Петръ—а построить самому можно, понеже всѣмъ архіереямъ опредѣленное дается и вамъ все, какъ было прежде, еще же и Тамбовское епископство подданно“.

Опять укоръ!

Въ этихъ отвѣтахъ, говоря о дѣлахъ церковной администраціи, Петръ уже откровенно объяснился: „а для лучшаго впредь управленія мнится быть удобно Духовной Коллегіи, дабы удобнѣе такія великія дѣла исправлять было возможно“.

Стефанъ падалъ, Ѳеодосій возвышался. Петръ уже не довѣрялъ Стефану выбирать архіереевъ на вакантныя

мѣста въ Кіевской, Новгородской, Тобольской, Смоленской и Коломенской епархіяхъ съ представленіемъ ему на утвержденіе, а приказывалъ выбирать заранѣе добрыхъ монаховъ и присылать въ Невскій монастырь— стало быть, къ Ѳеодосію, „дабы здѣсь жили и могли бы знать, чтобъ такихъ не поставить, какъ Тамбовской и Ростовской были“ (П. С. З. Т. V, ст. 3239). Въ 1721 г. Петръ осуществилъ свое предположеніе и учредилъ Духовную Коллегію, которая впослѣдствіи переименована въ Св. Синодъ. Стефанъ, хотя и былъ назначенъ президентомъ, но дѣйствующія и вліятельныя лица уже были Ѳеодосій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ вице-президенты Синода: первый по администраціи, второй по учебной части.

Немилость царя имѣла отголосокъ и въ его приближенныхъ. Вотъ одинъ примѣръ.

Въ 1712 или въ 1713 г. сынъ кабальнаго человѣка, Кузьма Терентьевъ Любимовъ *), побуждаемый какими то видѣніями и снами и желая снискать милость царевича Алексѣя Петровича, сочинилъ ака-

*) Вотъ его собственное показаніе: „Въ прошлыхъ годахъ отецъ его Терентій, прозвище Любимъ, служилъ по кабалѣ въ домѣ князь Ѳедора князя Юрьева сына Барятинскаго, въ которомъ онъ, Кузьма, и родился, и, по смерти его, Барятинскаго, онъ, Кузьма, жилъ безъ крѣпостей у стольника Семена Талаганова лѣтъ съ 12, а потомъ въ домѣ у Сергѣя Иванова сына Милославскаго года съ два, а отъ него, Милославскаго, отшедъ былъ въ домѣ Преображенскаго полку у капитанъ-поручика Алексѣя Леонтьева лѣтъ съ 10, а по смерти его, Леонтьева, жилъ въ домѣ боярина князя Бориса Ивановича Прозоровскаго, а по смерти его въ прошломъ 1719 году пошелъ въ домъ къ князю Алексѣю князь Григорьеву сыну Долгорукову, въ которомъ жилъ и донынѣ“ (Показаніе Любимова, декабря 18, 1720 г.).

ѳистъ Алексѣю человѣку Божію и канонъ Марку Фряческому. Поднести царевичу онъ нашелъ лучшимъ черезъ Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ извѣстнаго любимца царевича. Нарышкинъ былъ тогда въ Угличѣ воеводою, и, вмѣсто того, чтобъ переслать письмо и сочиненія Любимова къ царевичу, переслалъ ихъ къ князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому въ Преображенскій приказъ. Ромодановскій, „не усмотрѣлъ важности“ въ письмахъ и сочиненіяхъ Любимова, выпустилъ его на волю и возвратилъ ему бумаги. Въ 1720 г. П. А. Толстой, въ Тайной канцеляріи, возбудилъ это дѣло снова, по доносу на Любимова, что онъ сочинялъ въ пользу царевича молитвы и акаѳисты. Послѣ суда и смерти несчастнаго царевича, сношенія съ царевичемъ, самыя невинныя, были предметомъ страшныхъ розысканій. Послали отыскивать Любимова, нашли у старухи его матери уцѣлѣвшія сочиненія сына и привезли его вмѣстѣ съ ними въ Тайную канцелярію. 28 февраля 1721 г. Тайная канцелярія предположила препроводить все дѣло на распоряженіе Синода; но это постановленіе канцеляріи, самимъ Петромъ, при личномъ его присутствованіи въ Тайной канцеляріи, 9 марта, было разсмотрѣно подробно: Петръ приказалъ „князь Алексѣя человѣка Долгорукова, Козьму Любимова (на какомъ основаніи онъ названъ человѣкомъ Долгорукова, неизвѣстно) и присланныя изъ Преображенской канцеляріи тетрадки сочиненія его, Любимова, отослать въ духовный Синодъ, и о томъ его сочиненіи освидѣтельствовать и слѣдовать о чемъ надлежитъ, и что явится, тому извѣстіе о его Любимовѣ паки прислать въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, а по при-

сылкѣ, за его ложный вымыселъ, будто ему былъ нѣкоторый гласъ и то чудо вымысля солгалъ на Бога, учинить ему, Любимову, наказанье: бить его кнутомъ и вырвавъ ноздри, послать въ каторгу въ вѣчную работу". Странное постановленіе! Для чего же посылать еще Любимова въ Синодъ, когда судьба его рѣшена была уже впередъ?

Стефанъ былъ въ это время боленъ и не присутствовалъ въ Синодѣ. Распрашивали Любимова Θеофанъ и Θеодосій, оба хлопотавшіе о томъ, чтобъ поскорѣе сбыть старика, твердо стоявшаго въ своихъ убѣжденіяхъ, честнаго, правдиваго и неодобрявшаго ихъ поведенія. Изъ распросовъ Любимова обнаружилось, что онъ свои сочиненія, то есть акаѳисты, каноны и проч. представлялъ Стефану, который благодарилъ его за труды и одобрялъ ихъ будто бы къ печатанію.

Θеофанъ и Θеодосій, ободряемые нерасположеніемъ Петра къ Стефану, не постыдились оскорбить больнаго старика задавъ ему вопросные пункты.

Отвѣты Стефана такъ ясно обрисовываютъ его характеръ, что мы нелишнимъ считаемъ изложить ихъ въ подлинникѣ:

Вопросъ Стефану. О смотрѣніи Божіи къ нему Любимову о начатіи акаѳистнаго сочиненія, также сочиненныхъ имъ, Любимовымъ, Алексѣю человѣку Божію акаѳистъ и Марку Фрячесскому службу тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ объявлялъ ли, и оныя ты смотрѣлъ ли, и по исправленіи префекту Гавріилу и архимандриту Лопатинскому отдавалъ ли, и по исправленіи по нихъ приносить молитву и въ 1717 году по

его же, Любимова, прошенію, акаѳистъ Александру Невскому сочинять его ты благословлялъ ли?

Отвѣтъ Стефана. Во-первыхъ, надо бы накрѣпко смотрѣть и истязати время, въ кое сочинялъ оный Любимовъ канонъ, и въ какое время началась несчастливая трагедія, и, тыя времени взмѣривши вся лукавая помышленія, у благоразумныхъ и боящихся истязателей могутъ не во что же быти и подозрѣніе неправедное яко прахъ предъ лицомъ вѣтра исчезнути. Второе, допросить сочинителя оныхъ каноновъ, какимъ намѣреніемъ, чьимъ поученіемъ и подущеніемъ, чьимъ благословеніемъ сочинялъ свое письмо, а мнѣ идущему изъ церкви подалъ онъ таковыя тетрадки, не упомню коего года и коего мѣсяца, и просилъ, чтобъ мнѣ пересмотрѣть оное письмо, нѣтъ ли въ немъ коего безмѣстія, и я взялъ оное письмо и, вошедъ въ келью, не смотрѣлъ его внимательно, но абіе съ дьяками кинулся къ управленію дѣлъ и къ челобитнымъ, за которыми много было челобитчиковъ, а то письмо у меня лежало безъ чтенія моего, и понеже онъ, Любимовъ, часто мнѣ на дорогѣ накучалъ, и я то письмо послалъ въ учительный монастырь, не упомню черезъ кого, къ учителямъ разсмотрѣть, и они смотрѣли ли или нѣтъ, того не знаю, а только отваляючи отъ себѣ лишнюю тяжесть, тое дѣло онымъ вручилъ, откуда явственно можно познати, что тутъ коварства никакого не было, понеже дѣло пошло въ публику, а коварства публика не любитъ, и не того рода послано письмо къ учителямъ, чтобъ они его лукавое намѣреніе (аще было) утвердили и похвалили, но того ради, аще нѣтъ въ немъ чего противнаго православной вѣрѣ, ибо тое вездѣ

дѣется, о чемъ знаютъ, которые видали таковымъ дѣламъ поведеніе, а наипаче, что въ то время еще не было запрещеніе, чтобъ не писать никакихъ писемъ, къ хвалѣ Божіей надлежащихъ. Акаѳистъ Александру Невскому первое слышу.

Вопросъ. Изъ вышеупомянутыхъ сочиненный акаѳистъ Алексѣю человѣку Божію и канонъ черезъ келейника твоего Григорья, и послѣ того написанное его, Любимова, письмо, означиваючи тебѣ явившуюся благодать въ немъ Божію, въ которомъ въ началѣ писано такъ: „принужденъ онъ отъ нѣкотораго благаго къ себѣ желанія явити вашему сіятельскому величеству нѣкоторое благо“ и прочее, писано его, Любимова, рукою въ полудестевой тетрадкѣ на трехъ листахъ, на уединеніи въ кельи твоей тебѣ преосвященному архіерею онъ, Любимовъ, самъ подалъ ли, и ты то письмо прочиталъ ли, и за труды его благодарилъ ли, и то врученное вамъ письмо нынѣ у васъ ли или кому отдано, и буде отдано, кому, давно ли, и для чего, и помянутый келейникъ Григорій нынѣ обрѣтается у васъ ли, или куда отлучился, и буде отлучился, давно ли и гдѣ нынѣ пребываетъ?

Отвѣтъ Стефана. О писаніи ко мнѣ особенномъ упомню только или въ письмѣ или въ предисловіи помню, что написалъ свое нѣкое явленіе Божеское, о чемъ и я его истязалъ, и за то самое и читать не хотѣлъ его каноновъ. Келейникъ у меня былъ Григорій Томашевскій изъ-за Малой Россіи, изъ города Носовни, съ десяти лѣтъ по сродству, и какъ я былъ, по милостивому государеву отпуску, въ Нѣжинѣ на посвященіи церкви въ году 1716, въ то время въ Нѣжинѣ при-

шли ко мнѣ родители его и съ плачемъ начали просить, чтобъ его, Григорія, сына ихъ, оставить въ канцеляріи ясновельможнаго пана гетмана, чтобъ и имъ въ старости ихъ была съ него помощь, а я по ихъ прошенію, въ началѣ года 1717, января 3 дня, выѣхавъ изъ Нѣжина, оставилъ его, Григорія, въ Глуховѣ при канцеляріи гетманской, при которой и днесь безпорочно пребываетъ, а тѣхъ онъ писемъ Любимовыхъ не читалъ и съ нимъ не знался, да нельзя было честь и знаться, понеже онъ, Григорій, хаживалъ на всякъ день въ школу и своими школьными дѣлами упражнялся, а, быть можетъ, что я, не могучи иначе сбыти отъ себя онаго докучника Любимова, выслалъ его письма къ нему черезъ Григорья, не хотя самъ съ нимъ видѣться. О письмѣ особенномъ не упомню, аще же бы было мню яко въ немъ прошеніе о читаніи его каноновъ, пусть онъ самъ признаетъ.

Вопросъ. По сочиненіи оныхъ акаѳистовъ и каноновъ и молитвъ письменныхъ напечатать, ты, преосвященный митрополитъ, ему, Любимову, позволилъ ли и словесно ли или письменно, и то письменное повелѣніе ему ли отдано?

Отвѣтъ Стефана. Позволять мнѣ печатать его писемъ и думать невозможно, понеже печатный дворъ не въ моей власти, но во власти графа Ивана Алексѣевича (Мусина-Пушкина), до котораго мнѣ дѣла никакого не было, и ихъ справщикъ Ѳедоръ Поликарповъ безъ указа никогда же бы дерзнулъ печатати.

Вопросъ. Напечатанный Алексѣю человѣку Божію акаѳистъ въ лицахъ и службу Марку Фрячесскому печатную же тебѣ, преосвященному митрополиту, онъ,

Любимовъ, самъ вручилъ ли, и ты у него принялъ ли, и изъ кельи своей помянутаго келейника Григорія къ нему высылалъ ли, и за труды его похвалять ты повелѣлъ ли, и приносить по нихъ молитвы повсюду благословилъ ли, и тотъ акаѳистъ и службу онъ, келейникъ, ему, Любимову, назадъ отдалъ ли, и по твоему ли приказу и резолюція каковая объ ономъ ему, Любимову, отъ тебя, преосвященнаго митрополита, была ли и словесна ли или письменна?

Отвѣтъ Стефана. Печатныхъ его писемъ не видѣло мое смертное око никакихъ, и не видалъ, и не принималъ ни отъ него, нижѣ отъ иныхъ, нижѣ его за трудъ хвалилъ, нижѣ печатныя его сочиненія (развѣ, можа писанныя) черезъ Григорія келейника не высылалъ. Но что больше: „Чистая совѣсть яко щитъ непобѣдимъ, въ немъ вся стрѣлы лукаваго разженныя угасоша, и, еще аще будутъ, силою Божію угаснутъ; Богъ неповинныхъ скрываетъ въ тайнѣ лица своего отъ мятежа человѣческаго, прикрываетъ ихъ въ кровѣ своемъ отъ пререканія языкъ. Подписалъ: Писалъ больною, но нетрепещущею рукою въ С.-Петербургѣ года 1721 марта 24. Смиренный Стефанъ, митрополитъ рязанскій“ [illegible]*).

Какъ замѣчательны эти отвѣты! сколько въ нихъ твердости характера, строгости безъ желчи, наставленія безъ упрёка, убѣжденія въ справедливости безъ самонадѣянности и самохвальства! Наконецъ подпись боль-

---

*) Любимовъ за ложныя показанія на Стефана, за вымыселъ какого-то божественнаго гласа, на основаніи повелѣнія 9 марта, былъ битъ кнутомъ 30 марта и выпуты ему ноздри.

ною, но не трепещущею рукою—на сколько мыслей наводитъ все это въ то время, когда еще недавно колесованъ былъ ростовскій архіерей Досиѳей!

Но нелегко достаются и твердымъ, закаленнымъ людямъ эти минуты испытанія—и Стефанъ послѣ этого уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и уже болѣе не возвращался.

Стефанъ потерялъ свое вліяніе и на дѣла, и на Петра—черезъ проповѣди Ѳеофана, черезъ интриги Ѳеодосія. Ѳеофанъ оправдывалъ нововведенія Петра—Стефанъ имъ не сочувствовалъ; Ѳеодосій проникъ въ семейную жизнь Петра, вмѣстѣ съ нимъ пировалъ, угощалъ его часто у себя въ Невскомъ—Стефанъ въ это время большею частію былъ въ Москвѣ и занимался управленіемъ Россійской церкви; Ѳеодосій не былъ на сторонѣ царевича Алексѣя Петровича—Стефанъ любилъ царевича и видѣлъ въ немъ надежду Россіи.

Послѣ кончины царевича, съ учрежденіемъ Тайной канцеляріи въ Петербургѣ, Ѳеодосій сошелся близко съ Петромъ Андреевичемъ Толстымъ и Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, членами этой канцеляріи и главными ея дѣятелями. По всѣмъ дѣламъ, гдѣ были замѣшаны духовные—а такихъ дѣлъ было много—по дѣламъ раскольниковъ, Ѳеодосій участвовалъ въ засѣданіи Тайной канцеляріи, допрашивалъ обвиненныхъ, увѣщевалъ раскольниковъ, руководилъ распоряженіями, куда сослать, въ какой монастырь и большею частію хлопоталъ, чтобъ подальше и заточить покрѣпче. По дѣламъ Тайной канцеляріи видно, что въ Невскомъ монастырѣ у Ѳеодосія была своя тюрьма, свои караульные и часовые для охраненія колодниковъ, присылаемыхъ къ

нему для допроса или увѣщанія изъ Тайной канцеляріи. Отсюда выпускалъ онъ ихъ съ своими донесеніями въ застѣнки Петропавловской крѣпости.

Въ теченіе десяти лѣтъ съ 1711 по 1721 годъ Ѳеодосій пріобрѣлъ полную довѣренность и любовь Петра. Съ кончиною Стефана Яворскаго, послѣдовавшей въ 1722 г., онъ остался de facto первымъ лицомъ по церковному управленію—Ѳеофанъ, его сотоварищъ, изучалъ обстоятельства, шелъ съ ними вмѣстѣ и выжидалъ минуты дѣйствовать, когда честолюбивый, вспыльчивый и неблагоразумный характеръ Ѳеодосія выдастъ ему его.

Отношенія Ѳеодосія къ Петру будутъ очевиднѣе изъ нѣсколькихъ примѣровъ.

Въ концѣ 1717 г. умеръ князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій и князь-папа Никита Матвѣевичъ Зотовъ, оба любимцы Петра. На мѣсто ихъ Петръ пожаловалъ княземъ-кесаремъ сына Ромодановскаго, Ивана, а княземъ-папою Бутурлина, Петра Ивановича. Ѳеодосій, поздравляя Петра съ праздникомъ Рождества Христова, съ новымъ годомъ и богоявленіемъ, 10 января, 1718, писалъ къ нему:

„Такожде и новоизбранными вожди цесаремъ и папою, которымъ желаю, дабы въ дѣлахъ антицесаровъ своихъ преуспѣвали“.

О сочувствіи къ лишенію престолонаслѣдія царевича Алексѣя Петровича Ѳеодосій не замедлилъ отозваться Петру письмомъ въ Москву отъ 27 февраля:

„Раболѣпно доношу вашему величеству, санктпетербургскіе церковники, любезно пріявъ и облобызавъ премѣну наслѣдства Всероссійскаго престола отъ царевича Алексѣя Петровича до государя царевича Петра Петро-

вича, желаютъ увѣдать, ради единомышленнаго согласія, о возношеніи имени его, государя царевича Петра Петровича, въ церковныхъ пѣніяхъ. Послѣдовательно или предварительно первому, хотя и видится быти пристойно премѣнить или вовсе первое отложить, кромѣ собственнаго вашего величества повелѣнія никто не смѣетъ, а въ Москвѣ въ церковныхъ пѣніяхъ какъ отправляется, въ Санктпетербургѣ о томъ невѣдомо, благоволите о семъ нижайшихъ рабовъ вашихъ увѣдомить".

Въ 1719 г., въ Новгородѣ, какимъ-то неразъяснимымъ чудомъ гудѣли по ночамъ въ церквахъ колокола. Петръ I вообще не жаловалъ чудесъ, а этотъ чудесный гулъ волновалъ народъ и подавалъ случай къ пустымъ, глупымъ толкамъ. Петръ былъ въ это время на Олонецкихъ заводахъ, и Ѳеодосію поручено было разузнать объ этомъ дѣлѣ. Вотъ его письмо къ Петру отъ 8 февраля 1719 года:

„Раболѣпно поздравляю вашему величеству благополучно начатымъ вашимъ минеральной воды куромъ, который даждь Боже съ пріобрѣтеніемъ здравія совершить здраво и мирно возвратиться и за дѣло князь-баса (Иванъ Михайловичъ Головинъ—адмиралъ) и сарваера приниматься.

„При семъ доношу вашему величеству про гудѣніе новгородское въ церквахъ, про которое донесено вамъ отъ г. графа Мусина (Пушкина), ради котораго изволили вы повелѣть архимандрита Деревяницкаго призвать и увѣдомиться о томъ подлинно, который, прибывъ въ С.-Петербургъ, сказывалъ, что было у нихъ въ монастырѣ, въ церкви деревянной, въ которой по-

вседневно возслѣдованія не отправляютъ и въ городѣ въ нѣкоторыхъ церквахъ каменныхъ, января 7 дня, во время утренняго пѣнія, напримѣръ, часу въ 4 или 5 пополуночи, услышали различныхъ гласовъ гудѣніе, на подобіе органныхъ трубъ, двухъ басовъ и прочихъ топшихъ, которое слышно было до дневнаго свѣта не въ маломъ разстояніи, по сказкѣ помянутаго архимандрита въ дальнихъ монастырской слободы домѣхъ, напримѣръ, какъ на полверсты, а въ городскихъ не столь слышно; о чемъ оный архимандритъ обстоятельно сказалъ въ сенатской палатѣ передъ Сенатомъ и подалъ за своею и другихъ слышавшихъ оное гудѣніе того монастыря монаховъ и бѣльцовъ руками сказку. И ежели оное не натурально и не отъ злохитраго человѣка ухищренія, котораго люди домыслиться не могли, то не отъ Бога. Толкованіе такое можетъ приложиться: ибо чему бы оное безсловесное гудѣніе человѣковъ учило, можетъ всякъ ищущій умъ разсудить.

„Явѣ яко отъ противника, который, по писанію святому, яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити, рыдая яко прелесть его изгонится отъ народовъ россійскихъ: первое изъ кликушъ черезъ Петра Великаго, второе чрезъ новоприданныя въ хиротонію архіерейскую отъ того же пункты, дабы иконъ не боготворили и тѣмъ ложныхъ чудесъ не вымышляли, третье изъ раскольщиковъ, о которыхъ исправленіи прилежное тщаніе имѣетъ той же Петръ.

„И противникъ, хотя обновить прежнюю свою прелесть, которую прежде при иконѣ богородицкой на Тихвинѣ чрезъ нѣкоего... и тому подобныхъ прелестниковъ и кликушъ въ простѣмъ народѣ разсѣевалъ, какъ

въ той бабской исторіи обрѣтается, чему послѣдовали суевѣрные и не простаки, такъ (мнится) и нынѣ при такой же икопѣ, понеже помянутая въ Деревяницкомъ монастырѣ, въ которомъ оное гудѣніе было, церковь во имя Тихвинскія икопы, такожде тщится оную свою прелесть обновить и утвердить, а наипаче въ томъ народѣ, который паче прочихъ къ тому издавна преклонный. Прочее пространно бредить, со страхомъ для кура, оставляю и за сіе всесмиренно прошу прощенія".

Иногда Ѳеодосій дѣйствовалъ рѣшительно и въ духѣ Петра, однознаменательно съ Ромодановскимъ и Толстымъ, работавшими надъ народомъ въ Преображенской и Тайной канцеляріяхъ, а Ѳеодосій надъ попами и прочими церковными служителями, въ особенности же надъ раскольниками. Онъ предлагалъ Петру всегда мѣры рѣзкія и сильныя. Сохранилась его записка о знаменитыхъ Выгорѣцкихъ раскольникахъ Андреѣ и Семенѣ Денисовыхъ:

„Учитель злый и главный раскольщиковъ Андрей Денисовъ, которому въ его ученіи послѣдуютъ народа многія тысячи, а именно въ городахъ и уѣздахъ: Юрьевца-Подольскаго, въ Балахнѣ, въ Шуѣ, въ Суздалѣ, въ Новгородѣ, въ Псковѣ, многіе въ Москвѣ, который въ своемъ богомерзкомъ ученіи весьма неисцѣленъ, а водворяется оный въ Заонежьѣ и приходитъ на Олонецъ ради своихъ потребъ и до коменданта Вилима Геника (Геннингъ) небоязненно. Да братъ того же права и ученія, Семенъ Денисовъ, который былъ пойманъ у новгородскаго митрополита Іова, да ушелъ изъ-за

караула, тамъ же живетъ и разсѣеваетъ свое плевельное ученіе".

Тогда еще продолжалось обыкновеніе у дворянъ, купцовъ и посадскихъ людей, имѣть крестоваго (домоваго) попа. Эти попы были весьма часто бѣглые, а большею частью удаленные отъ мѣстъ—бродящіе. Они приставали нерѣдко къ расколу и были самыми ревностными его распространителями. Ѳеодосій представилъ Петру, „чтобъ о священникахъ крестовыхъ учинить бы предѣлъ, кому не держать, кому держать, понеже отъ оныхъ многое безчиніе и унять ихъ невозможно. И ежели кому не позволится, оштрафовать бы оныхъ волочащихся поповъ чѣмъ тяжкимъ, хотя на время и до каторжной работы. На заставахъ заказать бы на-крѣпко, дабы поповъ и чернецовъ, хотя и начальныхъ, которые не позваны будутъ и отъ своихъ архіереевъ не явятъ пропуску, къ С.-Петербургу не пропускать, также и нищихъ волочагъ, понеже и отъ тѣхъ немалое зло въ людяхъ бываетъ" (записка подана Ѳеодосіемъ въ 1719 г.).

Всѣ подобнаго рода рѣзкія мѣры — ловить, хватать, ссылать на каторгу, налагать штрафъ, были въ духѣ того времени, и Ѳеодосій былъ въ полной милости Петра во все время его царствованія. Онъ больше былъ домашнимъ человѣкомъ Петра и жилъ постоянно въ Петербургѣ, устраивая Невскій монастырь, управляя дѣлами Синода съ Ѳеофаномъ, составляя самъ себѣ то независимое положеніе, которое, при безпокойномъ его характерѣ и страсти къ самоуправству и властолюбію, погубило его въ царствованіе Екатерины.

Въ концѣ 1721 г. Петръ отправился въ Москву и за нимъ все духовенство.

1-го января 1722 г. Стефанъ, митрополитъ рязанскій, уже не могъ по болѣзни участвовать при торжественномъ обѣдѣ въ Кремлѣ, и во главѣ духовенства на этомъ обѣдѣ присутствовалъ Ѳеодосій съ Ѳеофаномъ (см. Берхгольца, ч. II, стр. 12).

9 марта 1722 (Берхгольцъ, ч. II, стр. 141) Ѳеодосій показывалъ герцогу Голштинскому святыни московскія. Онъ встрѣтилъ герцога въ залѣ прежняго патріаршаго дома (гдѣ нынѣ синодальная контора), показывалъ ему еще существовавшій тогда патріаршій тронъ, патріаршую ризницу, книгохранилище.

„Когда мы все осмотрѣли, разсказываетъ Берхгольцъ (стр. 144), и здѣсь все достопримѣчательное (въ залѣ, гдѣ совершалось мvроваренiе), его высочество поручилъ камергеру Нарышкину передать по-русски архіепископу новгородскому (который одинъ изъ всѣхъ бывшихъ съ нами духовныхъ лицъ не говорилъ и не понималъ полатыни), не дозволитъ ли онъ теперь намъ посмотрѣть также церкви (которыхъ герцогъ еще не видѣлъ) и находящіяся въ нихъ древности и сокровища. Архіепископъ просилъ сказать, что желаніе его тотчасъ будетъ исполнено, но что онъ хотѣлъ бы, чтобъ его высочество удостоилъ сперва выпить у него стаканъ вина. Послѣ чего, по его приказанію были внесены разныя превосходныя и дорогія вина, изъ которыхъ каждый могъ выбирать себѣ по вкусу. Въ числѣ ихъ были очень хорошія шампанскія, бургундскія и рейнвейнъ, какихъ нѣтъ почти ни у кого изъ здѣшнихъ вельможъ, за исключеніемъ Меншикова и Шафирова“.

Послѣ угощенія Ѳеодосій повелъ герцога и его свиту въ Успенскій соборъ. Здѣсь Ѳеодосій изъ угожденія гер-

цогу вынулъ хранящійся въ ковчегѣ гвоздь Христа Спасителя, показалъ его герцогу и другимъ „и даже давалъ его въ руки тѣмъ, которые еще хорошо не осмотрѣли его“. Графъ Кинскій (католикъ), увидѣвъ его въ рукахъ одного изъ нашихъ людей, разсказываетъ Берхгольцъ (стр. 141), выразилъ удивленіе и сказалъ, что въ его отечествѣ, кромѣ уставленнаго отъ Бога духовенства, никому изъ грѣшныхъ людей не дозволяютъ брать въ руки и осязать такія драгоцѣнности, какъ эта святыня. Камергеръ Нарышкинъ, тутъ же стоявшій, услышавъ слова графа, отвѣчалъ, „что и въ Россіи никто, кромѣ духовенства, не смѣетъ прикасаться къ священнымъ вещамъ и что также удивляется, что теперь намъ даютъ ихъ въ руки“.

Это угожденіе Ѳеодосія, при тогдашнихъ современныхъ идеяхъ духовенства, рѣзко обозначаетъ его характеръ. Угодить какимъ бы то ни было путемъ—вотъ было его правило.

Послѣ осмотра Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ, „герцогъ самымъ дружелюбнымъ образомъ простился съ архіепископомъ и прочими духовными лицами, благодарилъ за трудъ, который они взяли ради его, и просилъ ихъ сдѣлать ему когда-нибудь честь своимъ посѣщеніемъ“.

Разумѣется, Ѳеодосій навѣстилъ герцога, который тоже удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ 24-го апрѣля.

27-го апрѣля 1722 г. герцогъ Голштинскій пригласилъ къ себѣ всѣхъ членовъ Синода. Стефанъ Яворскій не былъ по болѣзни, всѣ прочіе пріѣхали. „Герцогъ встрѣтилъ ихъ въ передней, потомъ въ ожиданіи обѣда они были проведены въ пріемную комнату герцога, ко-

торая вмѣстѣ была и его спальня, и тамъ сидѣли съ его высочествомъ на первыхъ мѣстахъ. Когда же обѣдъ (состоявшій большею частью изъ рыбныхъ и другихъ постныхъ блюдъ) былъ готовъ, его высочество повелъ гостей въ столовую и просилъ духовенство занять почетныя мѣста, а самъ съ генераломъ-лейтенантомъ Вельскимъ и прочими господами помѣстились на нижнемъ концѣ стола (стр. 207). За столомъ, продолжаетъ Берхгольцъ, его высочество съ господами духовными пили очень усердно, и меня удивляло, что они такъ охотно пьютъ и такъ хорошо переносятъ дѣйствіе вина. Когда появились заздравные кубки, его высочество, стоя, началъ провозглашать тосты за постоянное благоденствіе Святѣйшаго Синода, его величества императора и всего государства. Въ продолженіе обѣда играли герцогскіе волторнисты, и почти всѣ духовные гости не мало удивлялись ихъ искусству, слушая съ большимъ вниманіемъ. Но когда тѣ, при провозглашеніи важнѣйшихъ тостовъ, начали трубить тушъ, архіепископъ псковской (въ шутку впрочемъ) просилъ по-латыни не дѣлать этого, говоря, что иначе сосѣди могутъ замѣтить, какъ сильно и проворно ходятъ здѣсь по рукамъ стаканы, и пожалуй подумаютъ, что пьютъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ. Поэтому трубить велѣно не при всякомъ тостѣ. Обѣдъ продолжался почти до 5 часовъ; но духовные оставались еще съ часъ или болѣе послѣ обѣда и весело пили. Всѣ они были въ отличномъ расположеніи духа и казались очень откровенными и довольными герцогомъ, съ которымъ большею частью могли говорить по-латыни. На прощаньи его высочество провожалъ ихъ внизъ до крыльца и знатнѣйшимъ изъ нихъ опять цѣловалъ руки“.

27 ноября скончался Стефанъ Яворскій.

18 декабря 1722 г. Ѳеодосій встрѣчалъ Петра, возвратившагося изъ Персидскаго похода, у Тріумфальныхъ воротъ, и отъ имени Синода и всего духовенства привѣтствовалъ его рѣчью.

Въ первыхъ числахъ марта 1723 г. Ѳеодосій выѣхалъ за Петромъ въ Петербургъ. 9-го марта его видѣлъ Берхгольцъ въ Хотиловѣ (38 верстъ ниже на большой дорогѣ отъ Вышняго-Волочка). Ѳеодосій ѣхалъ на носилкахъ, державшихся на двухъ лошадяхъ Онъ остановился 10-го въ Валдайскомъ Иверскомъ монастырѣ, принадлежавшемъ къ его епархіи, и прислалъ оттуда герцогу Голштинскому, возвращавшемуся въ одно время съ нимъ въ Петербургъ, всякаго рода съѣстныхъ припасовъ и приглашеніе посѣтить монастырь. Но приглашеніе это не было принято. За то 14-го марта онъ угостилъ герцога въ Хутынскомъ монастырѣ.

Въ 1724 г. Ѳеодосій опять ѣздилъ въ Москву и совершилъ коронацію Екатерины. Въ августѣ 1724 г. при Ѳеодосіи совершено перенесеніе мощей св. князя Александра изъ Владиміра въ Невскій монастырь.

27-го января 1725 г. не стало Петра.

„Противъ сего числа въ 5 часовъ пополуночи, писалъ кабинетъ-секретарь Макаровъ къ графу Матвѣеву, грѣхъ ради нашихъ е. и. в., по двунадесятой жестокой болѣзни, отъ сего временнаго житія въ вѣчное блаженство отъиде. Ахъ, Боже мой! Какъ сіе чувственно намъ бѣднымъ и о томъ уже не распространяю, ибо сами современемъ еще болѣе разсудите, нежели я теперь въ такой нечаянной горести пишу. Того для приложите свой трудъ для сего нечаяннаго дѣла о свободѣ бѣд-

ныхъ колодниковъ, которыхъ я чаю по приказамъ, а наипаче въ полицмейстерской канцеляріи есть набито".

Дѣйствительно, съ кончиною Петра измѣнился характеръ всѣхъ личностей по вліянію ихъ на дѣла. При Петрѣ, кромѣ Меншикова, не было лицъ самостоятельныхъ: всѣ были работники, сотрудники, хорошіе или дурные исполнители предначертаній преобразователя Россіи. Власть государственнаго управленія по всѣмъ частямъ была сосредоточена въ его рукахъ, все рѣшалось по его слову, по его почерку пера; дворцовыя и придворныя интриги прокрадывались, можетъ быть и нерѣдко, въ сферу административную; но это все было такъ слабо, незамѣтно и съ величайшею скрытностью. Никто не смѣлъ возвысить голоса, объявлять какія-нибудь требованія, настаивать на чемъ-либо. Партіи существовали, но онѣ не имѣли вліянія на личный составъ окружающихъ Петра: всякій изъ нихъ работалъ и дѣйствовалъ подъ непосредственнымъ руководствомъ, подъ защитою его желѣзной воли. Личная вражда между вельможами стихала въ присутствіи грознаго повелителя. Съ воцареніемъ Екатерины ходъ дѣлъ перемѣнился и принялъ тотъ характеръ серьезныхъ придворныхъ интригъ, которыя продолжались долго-долго, и особенно замѣтны въ царствованіе Петра II, Анны и Елизаветы.

Въ первые же дни царствованія Екатерины I, между всѣми отдѣльными личностями началась та несчастная борьба, которая кончилась ссылкою Петра Толстаго и другихъ, потомъ въ послѣдующія царствованія ссылкою Меншикова, Долгорукова, Остермана, Бирона, Миниха, Бестужевыхъ и проч.

Послѣ смерти Петра, Меншиковъ, Толстой, Минихъ, Голицынъ и Остерманъ были на первомъ планѣ въ гражданскомъ и военномъ управленіи. Въ церковной администраціи—Ѳеофанъ и Ѳеодосій.

При Петрѣ и Ѳеодосій держался только укоренившимися личными, близкими отношеніями его съ Петромъ: въ немъ не было никакихъ задатковъ для поддержанія себя въ томъ же высокомъ положеніи въ случаѣ смерти Петра; напротивъ, характеръ его, дерзкій, заносчивый, честолюбивый, склонный къ интригамъ, подавалъ поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ съ людьми, въ которыхъ властолюбіе и честолюбіе были развиты не только не менѣе, но можетъ быть и болѣе, нежели въ немъ. Онъ не имѣлъ связей въ духовенствѣ высшемъ, которое могло бы поддержать его; онъ не имѣлъ друзей и въ придворныхъ, а главное лицо, Меншиковъ, уже былъ другъ Ѳеофану, къ тому же и народъ православный и раскольники ненавидѣли Ѳеодосія: первый за неблагочиніе, за различныя мѣры противъ такъ называемаго тогда суевѣрія и предразсудковъ, то есть мнимыхъ чудесъ, противъ кликушъ; народъ зналъ, что въ Невскомъ ѣдятъ мясо, и что Ѳеодосій потворствуетъ всѣмъ въ этомъ страшномъ грѣхѣ; а раскольники были личные враги Ѳеодосія, который съ Питиримомъ былъ главнымъ ихъ гонителемъ. Въ Невскій монастырь привозили захваченныхъ раскольниковъ; здѣсь ихъ распрашивали, увѣщевали, содержали въ тюрьмѣ и потомъ выдавали въ Тайную канцелярію. Ѳеодосій доносилъ даже на ихъ главныхъ ересеначальниковъ Денисовыхъ — этого одного довольно было, чтобъ возставить противъ него навсегда раскольниковъ.

Ѳеодосій, увлеченный властолюбіемъ, не сообразилъ своего положенія, не обратилъ вниманія на выроставшаго своего соперника—Ѳеофана, и замышлялъ сосредоточить въ своихъ рукахъ всю церковную администрацію, сдѣлаться главою церкви, можетъ быть и патріархомъ.

Онъ началъ борьбою съ Тайною канцеляріею, стало быть съ Толстымъ и Ушаковымъ—лицами, которыхъ вліяніе было сильно въ первые дни царствованія Екатерины. 12 марта 1725 г. прислали въ Синодъ изъ Тайной канцеляріи трехъ женщинъ, наказанныхъ кнутомъ, для ссылки въ который либо монастырь на житье неисходное. Это было дѣло очень обыкновенное и часто повторявшееся въ царствованіе Петра. Ѳеодосій отказалъ требованію Тайной канцеляріи, „того ради, что во всѣхъ русскихъ монастыряхъ число монахинь опредѣленное и къ пропитанію ихъ трактаментъ, какъ деньги, такъ и хлѣбъ, положенъ безъ излишества; а ежели присланныхъ колодниковъ въ который либо монастырь опредѣлить, то ихъ ни кормить, ни одѣвать не изъ-чего; ежели ихъ содержать неисходно, то надо приставить караулъ, а мужчинамъ въ женскомъ монастырѣ жить постоянно неприлично и доброжительнымъ монахинямъ будетъ соблазнъ и отъ нихъ нареканіе“. Этотъ отзывъ вѣроятно не очень понравился Толстому и Ушакову, которые не любили принимать въ соображеніе такихъ нравственныхъ убѣжденій.

Ѳеодосій началъ затрогивать и личности. Петръ, архимандритъ симоновскій, донесъ, что въ бытность свою въ 1725 году на Олонецкихъ марціальныхъ водахъ, онъ узналъ, что ландратъ Муравьевъ слабо смот-

ритъ за раскольниками и мало собираетъ двойнаго оклада: Ѳеодосій потребовалъ отъ Военной Коллегіи— а ею управлялъ Меншиковъ—чтобъ назначили другаго человѣка для сбора съ раскольниковъ оклада.

Денежный сборъ съ раскольниковъ и бородачей возбудилъ еще болѣе важное столкновеніе Ѳеодосія съ Сенатомъ. Сенатъ сообщилъ Синоду, что эти сборы, по приказанію Петра, отданному еще имъ 12 августа и 13 ноября 1724 г., предоставлено вѣдать Сенату, и поэтому предполагалось учредить для завѣдыванія сборами особый столъ или контору при Сенатѣ, и требовалъ отъ Синода высылки вѣдомостей о раскольничьихъ деньгахъ. Прежде, указомъ 1721 г., ноября 19, сборъ этотъ предоставленъ духовному начальству. Ѳеодосій отъ имени Синода отказалъ въ высылкѣ Сенату вѣдомостей и представилъ докладъ императрицѣ, что если изъ рукъ Синода возьмутъ денежные сборы съ раскольниковъ и бородачей, то у него отняты будутъ средства къ разсылкѣ духовныхъ для увѣщанія и для другихъ порученій по раскольничьимъ дѣламъ. „И если сборъ оставить свѣтской власти, то слѣдуетъ духовенство отъ раскольническаго дѣла отрѣшить, и всѣ регламенты, указы и собственноручные артикулы Петра Великаго отставить".

Этотъ отказъ поставилъ противъ Ѳеодосія и Сенатъ. Во всякихъ мелочахъ Ѳеодосій старался показать свою власть.

7-го апрѣля генералъ-прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, любимецъ Петра и лицо вліятельное въ царствованіе Екатерины, подалъ въ Синодъ прошеніе о женѣ своей, Аннѣ Ѳедоровой, что она отъ него отрѣ-

шена и за важныя вины опредѣлена на неисходное до смерти житье въ Ѳедоровскій, что при Переяславлѣ Залѣсскомъ, дѣвичій монастырь, изъ котораго два раза бѣгала и поймана, и впредь содержаніе ея въ томъ монастырѣ ненадежно. Ягужинскій просилъ отослать его жену въ другой монастырь.

Ѳеодосій исполнилъ просьбу Ягужинскаго и, отсылая его жену въ Бѣлозерскій уѣздъ, въ дѣвичій монастырь близъ Кириллова монастыря, называемый въ Горахъ, на р. Шекснѣ, велѣлъ держать по прежнему неисходно, но возложилъ на Ягужинскаго обязанность—„пищу и одежду и прочая потребная давать, также и служителей и служительницъ къ ней собственныхъ опредѣлить ему, генералъ-прокурору, отъ себя, которымъ служителямъ и караулъ при ней для объявленныхъ побѣговъ содержать накрѣпко, дабы тому монастырю никакого отъ того отягощенія не наносилось“.

Неудовольствія копились. Ѳеодосій видѣлъ уже вездѣ враговъ, но неукротимый его характеръ не смирился, а самоувѣренность вовлекала его въ безумныя выходки, которыя наконецъ и погубили его.

Въ порывѣ сильнаго неудовольствія, что его до сихъ поръ не дѣлали президентомъ Синода, онъ, въ отсутствіе Ѳеофана и присутствовавшаго въ Синодѣ епископа тверскаго Ѳеофилакта, объявилъ въ Синодѣ, чтобъ его вице-президентомъ Синодскимъ нигдѣ не писать, для того что президента нынѣ въ Синодѣ нѣтъ, а довольно ему и того, что онъ синодальный членъ, а писать бы его только архіепископомъ великоновгородскимъ и архимандритомъ александро-невскимъ. Бывшіе въ присутствіи синодальные члены: Петръ, архимандритъ симо-

новскій, и ассесоръ Рафаилъ, архимандритъ калязинскій, объявили, что они сами отмѣнить „этого ранга" не могутъ, развѣ доложить о томъ ея величеству; на это Ѳеодосій отвѣчалъ, что онъ только о себѣ одномъ, а не о всѣхъ членахъ разсуждаетъ.

По соображенію чиселъ, не было ли то вслѣдствіе его неудачной попытки проѣхать въ каретѣ по мосту передъ дворцомъ Екатерины? Караульный не пустилъ его (императрица почивала, и вообще въ этотъ часъ запрещено было, еще и при Петрѣ, ѣздить по этому мосту въ каретѣ); Ѳеодосій разбранилъ часоваго, погрозилъ на него палкою, вышелъ изъ кареты и, войдя въ переднюю комнату, началъ кричать на караульнаго, зачѣмъ его не пропустили. Императрица выслала ему сказать, что не имѣетъ времени принять его. Ѳеодосій разсердился еще болѣе и объявилъ, что впредь никогда въ домъ ея величества не придетъ, развѣ невольно привлеченъ будетъ. Онъ это исполнилъ на самомъ дѣлѣ: 20 апрѣля, не смотря на приглашеніе императрицы, къ обѣденному столу во дворецъ, онъ не поѣхалъ. 21 апрѣля 1721 Ѳеодосій открылъ уже положительную войну съ Тайною канцеляріею. Изъ Тайной канцеляріи, по прежде-принятому обыкновенію, требовали въ этотъ день изъ Синода присылки кого нибудь для „разстриженія нѣкоторыхъ духовныхъ особъ по нѣкоему важному дѣлу". 21 апрѣля Ѳеодосій совершалъ литургію въ Петропавловской церкви; выходя изъ церкви, онъ подозвалъ синодскаго секретаря Михайлу Дудина и приказалъ ему объявить секретарю Тайной канцеляріи Топильскому, что требованіе Тайной канцеляріи будетъ исполнено только въ такомъ случаѣ,

если изъ Тайной канцеляріи къ одному или двумъ первенствующимъ членамъ пришлютъ объявить тайно, съ кого именно и по какому важному дѣлу надлежитъ чинъ снять; а если этого не исполнитъ, то отъ Святѣйшаго Синода дозволенія о снятіи чина не будетъ. Дудинъ сообщилъ Топильскому приказаніе Ѳеодосія, и онъ сказалъ, что доложитъ членамъ Тайной канцеляріи.

Замѣчательно, что Ѳеодосій дѣйствовалъ такъ дерзко и съ такою самоувѣренностью въ то время, когда уже висѣла надъ нимъ гроза.

Изъ записокъ Берхгольца видно (ч. 4, стр. 142), что 24 апрѣля Ѳеодосій навлекъ уже на себя немилость императрицы и не былъ допущенъ къ ея величеству. „Ему не предвѣщаютъ ничего хорошаго (говоритъ Берхгольцъ), хотя онъ и первое духовное лицо въ государствѣ“.

25 апрѣля спускали изъ Адмиралтейства новопостроенный корабль 54-хъ пушечный: Не тронь меня. По обыкновенію къ освященію приглашено было духовенство, на этотъ разъ исключая Ѳеодосія. Онъ не выдержалъ и явился самовольно; всѣхъ удивило это дерзкое появленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣроятно оно имѣло послѣдствіемъ, что 27 апрѣля его арестовали. 28 апрѣля уже учрежденъ былъ надъ нимъ судъ или слѣдственная коммиссія; ее составляли: преосвященный Ѳеофилактъ, архіепископъ тверской, Рафаилъ, архимандритъ калязинскій, и Петръ, протопопъ петропавловскій со стороны духовенства; отъ гражданскаго суда— нѣкоторые сенаторы и генералъ-прокуроръ. Они собирались въ Синодѣ, въ особенной аудіенцъ-камерѣ.

11-го мая дѣло было рѣшено, и объявленъ указъ

императрицы: „Ѳеодосія, за учиненныя въ церкви Божіей противности и непристойныя слова, вмѣсто заслуженной смертной казни, отъ Синодскаго правленія, Новгородской епархіи и архимандріи монастыря Александро-Невскаго отрѣшить и сослать въ дальній монастырь, а именно въ Корельскій, который на устьѣ р. Двины, и содержать его тамъ подъ карауломъ неисходно, и для того опредѣлить отъ гвардіи изъ отставныхъ офицера съ подлежащимъ числомъ рядовыхъ и давать ему жалованье на одежду и пищу по 200 р. въ годъ".

Къ сожалѣнію, все производство слѣдственной коммиссіи, допросы и отвѣты еще не отысканы въ архивахъ, и мы можемъ сказать только то, что изложено въ указѣ 11-го мая (см. П. С. Зак., т. 7, ст. 4717).

Когда Петръ Великій сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ всѣ доходы были расписаны и чтобъ было опредѣлено содержаніе архіерейскихъ домовъ и монастырей, также нищихъ и убогихъ и для обученія молодыхъ людей, тогда еще Ѳеодосій ропталъ явно и, побуждаемый властолюбіемъ и сребролюбіемъ, прекословилъ Петру, и хотя прощенъ императоромъ для дня коронаціи Екатерины, смирился и не показывалъ своей злобы явно, но на него поступилъ доносъ, по которому велѣно было, еще Петромъ, разслѣдовать Петру Андреевичу Толстому, лейбъ-гвардіи маіору князю Юсупову и нѣкоторымъ синодальнымъ членамъ. По этому слѣдствію, оконченному только при Екатеринѣ, онъ оказался виновнымъ въ слѣдующихъ „великихъ церковныхъ противныхъ поступкахъ":

„Въ епархіи своей, какъ изъ соборной, такъ и изъ прочихъ церквей и монастырей, многія святыя иконы забравъ, велѣлъ оклады ободрать и въ слитки слить, также и древнюю церковную серебряную посуду; изъ многихъ монастырей и церквей колокола распродалъ; изъ старинныхъ архіерейскихъ шапокъ, амофоровъ выбиралъ жемчугъ и каменья, а изъ саккосовъ древнихъ и ризъ, золотыхъ и серебряныхъ, выжигалъ серебро; распродалъ все это и выписалъ „изъ-за моря“ для себя серебряный сервизъ; ѣдучи изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ Никольскомъ монастырѣ, что на Столпѣ, „распиловалъ“ образъ Николая чудотворца“.

„Въ разныя времена синодальнымъ членамъ, инымъ на-единѣ, другимъ при собраніи, говорилъ непристойныя и укорительныя слова на „высочайшую честь“ Петра и Екатерины, „такожь къ обществу государства многія же непотребныя и угрозительныя слова оттого происходили“.

„Отъ непомѣрной своей ярости и злобы, что штатъ духовный не по его желанію составленъ, въ полномъ собраніи Синода говорилъ про Петра: „видите ли, отцы святіи, когда-де началъ духовныхъ штатовъ опредѣлять и власть ихъ умалять, то и умре вскорѣ, а мы живы, а его нѣтъ!“

„Весь Русскій народъ называлъ идолопоклонниками за поклоненіе святымъ иконамъ“.

Изъ указа видно, что когда Екатеринѣ донесли о всѣхъ этихъ поступкахъ Ѳеодосія, ему объявленъ былъ арестъ, чтобъ онъ съ подворья своего никуда не съѣзжалъ. Ѳеодосій писалъ два письма къ императрицѣ, сознаваясь только въ нѣкоторыхъ малыхъ своихъ про-

дерзостяхъ, а въ самыхъ важныхъ дѣлахъ и непристойныхъ словахъ запирался; но когда предъявили ему подлинныя на него „доношенія“, тогда онъ признался во всемъ и подъ каждымъ пунктомъ подписался.

Къ сожалѣнію, повторяемъ, ни вопросовъ, ни отвѣтовъ, ни доношеній на Ѳеодосія, ни писемъ до сихъ поръ мы не нашли. Много въ нихъ должно быть подробностей любопытныхъ, и сверхъ того открылись бы личности, которыя доносили на него—а между ними, какъ видно изъ указа, были и синодальные члены; любопытно, что говорилъ Ѳеофанъ, за которымъ, съ ссылкою Ѳеодосія, оставалось первенство въ церковной іерархіи *).

12 мая, торжественно, съ барабаннымъ боемъ, обнародованъ былъ въ Петербургѣ приговоръ надъ Ѳеодосіемъ. „Удивительно (говоритъ Берхгольцъ въ своихъ запискахъ), что объ немъ, сколько слышно, никто не сожалѣетъ; напротивъ, всѣ, какъ знатные, такъ и незнатные, говорятъ, что съ нимъ поступлено слишкомъ милостиво, если строго принять въ соображеніе его преступленія“.

Всѣ распоряженія объ отсылкѣ и содержаніи Ѳеодосія въ Корельскомъ монастырѣ дѣлались Тайною канцеляріею; онъ поступилъ въ ея исключительное завѣдываніе.

13 мая, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подпоручикъ Степанъ Оголинъ повезъ Ѳеодосія изъ Петербурга въ ссылку. Назначено было для Ѳеодосія три

*) Выписка изъ архивнаго дѣла 1731 г., въ которой изложено обвиненіе Ѳеодосія, см. въ Приложеніи № 5.

подводы, для Оголина двѣ, сержанту и капралу по одной, двѣнадцати рядовымъ шесть подводъ. Поѣздъ состоялъ изъ 13 подводъ. Изъ денегъ, у Ѳеодосія найденныхъ, отдѣлено 200 р. на проѣздъ. „Кормъ“ Ѳеодосію велѣно давать ординарный, по полтинѣ на день, или какъ случится, и то развѣ во время праздничныхъ дней. Что останется отъ 200 р., велѣно Оголину, пріѣхавши въ монастырь, отдать Ѳеодосію и объявить, что эти деньги ему на годовое пропитаніе и „болѣе того ни откуда ничего не будетъ“ *).

*) Реэстръ сохранился въ дѣлахъ: „1725 г. 11 мая дня бывшему новгородскому архіепископу Ѳеодосію дано въ дорогу съ подворья, которое въ Морской улицѣ: три ста рублевъ; двои часы серебряные карманные; пятнадцать книгъ; трость съ золотою оправою. Изъ монастыря и запасныхъ вещей: книгъ: въ десть: библія польская съ толкованіемъ; библія русская; въ полдесть: способа лекарственнаго отъ мороваго поѣтрія десять книжицъ; лексиконъ полонолатиногреческій Григорія Кнапіа; въ четверть: грамматика славенская; элементарь латинскій; въ восьмушку: Ономастикумъ латинская съ нѣмецкимъ; календарь 1725 г.; шляпа; четыре клобука; трость съ удою; два гребня черепаховые; пара ножей; ножницы; одиннадцать паръ рубахъ съ портками изъ нѣмецкаго полотна; епанча черная суконная новая; сапоги; раіокъ; ряса черная байберековая на лисьемъ черевьемъ чернобуромъ мѣху; шуба черная штофовая на лисьемъ черевьемъ чернобуромъ мѣху; одѣяло лисье завочатое покрыто тафтою сѣрогорючею; штаны черные суконные; готовальня съ циркулями и съ протчими инструментами; двѣ скатерти и дюжина салфетокъ изъ полотна русскаго; камилавка бархатная, подложена мѣхомъ лисьимъ; сундучекъ съ книгами, въ которомъ двадцать книгъ церковныхъ служебныхъ; сверху два тюфяка; изъ спальни всю постелю и съ ковровомъ баулъ на платьѣ. Съ торшкота: два гребня костяныхъ; чашка винная деревянная; три чашки деревянныя; два сосуда деревянные; два сосуда деревянные; глобусъ маленькій. Гвардіи маіоръ Ушаковъ“.

Ѳеодосія повезли Невою до Шлиссельбурга; на поротахъ, черезъ которые надо было перетаскивать лодки, случилась остановка: дворянинъ Пушкинъ не далъ рабочихъ людей для подъема торшгаута. Принуждены были нанимать вольныхъ рабочихъ людей. Къ этому времени нагналъ ихъ посланный отъ Андрея Ивановича Ушакова подъячій Невскаго монастыря Антипъ Горневъ, „съ любезностію“ отъ Андрея Ивановича. Ѳеодосію посылали двѣ дюжины крѣпкаго венгерскаго и сладкаго вина. Старый сотоварищъ Ѳеодосія хотѣлъ повидимому выказать свое состраданіе къ его несчастному положенію. Но и эта любезность была сопровождена другою: велѣно осмотрѣть у Ѳеодосія какой-то ящичекъ. Оголинъ осмотрѣлъ и донесъ, что не нашелъ въ немъ ни чернильницы, ни пера—самыхъ опасныхъ орудій, которыхъ страшилась Тайная канцелярія. Въ Шлиссельбургѣ опять остановка: комендантъ не далъ лоцмана для переправы черезъ озеро.

16 мая пріѣхали въ Новую Ладогу.

Вслѣдъ за отправкою Оголина предписано находившемуся въ Архангельскѣ капитану Преображенскаго полка Пырскому немедленно ѣхать въ Корельскій монастырь и осмотрѣть, „какою крѣпостью состоитъ, деревянною или каменною, а буде крѣпости у него нѣтъ“, то велѣно Пырскому немедленно сдѣлать кругомъ монастыря острогъ, притомъ поручено сообщить архимандриту секретно, съ показаніемъ отъ государыни императрицы милости, чтобъ онъ и братія за Ѳеодосіемъ „искусно“ присматривали, не будетъ ли отъ него происходящихъ какихъ вредительствъ, и ежели что усмо-

трятъ, чтобъ немедленно объявляли караульному офицеру.

Съ Ѳеодосіемъ поѣхало много монастырскихъ служителей; ѣхалъ же онъ въ шлюпкѣ, данной отъ адмиралтейства и съ адмиралтейскими солдатами. Изъ Ладоги Оголинъ не рѣшился слѣдовать водянымъ путемъ рѣкою Свирью по причинѣ пороговъ, а, по совѣту опытныхъ тамошнихъ обывателей, 17 мая, онъ отправился сухимъ путемъ отъ Ладоги на Тихвинъ, отъ Тихвина на Бѣлозерскій уѣздъ, на Бѣлоозеро и на Вологду. Отправляясь водою, Ѳеодосій набралъ много лишней посуды и запасся-было достаточно крѣпкими напитками; отправляясь сухимъ путемъ, нельзя было забрать всего. Ѳеодосій окончательно взялъ съ собою: крестъ кипарисный, 4 книги большія, постель, двѣ подушки, 2 тюфяка, 1 одѣяло теплое, 1 холодное, 2 шубы; изъ посуды: чайникъ мѣдный, серебряную ложку съ вилкою, пару ножей, баулъ, два блюда, 3 тарелки оловянныя, 15 мелкихъ; противень мѣдный съ крышкою, 3 чашки, 2 ножницъ, 1 скатерть, 11 салфетокъ, 1 коверъ, 1 четверикъ крупъ гречневыхъ, овсяныхъ 2, полчетверика ячменныхъ.

Когда поѣхали сухимъ путемъ, то возвращено въ Петербургъ съ адмиралтейскою шлюпкою: 14 бутылокъ разнаго питія, 6 бутылокъ сладкаго венгерскаго, бутыль большая воды полынной; блюдъ оловянныхъ 4, тарелокъ оловянныхъ 5; черной посуды: три противня, 2 съ покрышкою, всѣ ножи. Ендова мѣдная, сундучекъ съ книгами, числомъ ихъ 19, 9 тетрадокъ отъ мороваго повѣтрія; сундучекъ кипарисный, обитый бархатомъ (донесеніе Оголина изъ Ладоги отъ 17 мая).

20 мая, пополудни въ 11 часу, Оголинъ привезъ Ѳеодосія въ Тихвинскій монастырь. „И ради солдатской трудности (доносилъ Ушакову Оголинъ) передневалъ, а онаго бывшаго архіерея Ѳеодосія привезъ до онаго мѣста въ добромъ состояніи, только оный Ѳеодосій очень слабъ въ своемъ здоровьѣ, да также проситъ онъ милосердія, чтобъ ему исповѣдаться бы, также таинъ Христовыхъ сподобиться, чтобъ онъ къ смерти своей не отшелъ безъ этого. Только этого не смѣю безъ указу всемилостивѣйшей государыни императрицы и вашего превосходительства".

Іюня 1-го Оголинъ прибылъ съ Ѳеодосіемъ „въ городъ" (?) на Бѣлоозеро, въ 3 ч. ночи. Ѳеодосій слабъ. На замѣчаніе, что медленно ѣдутъ, Оголинъ извиняется, что „нынѣ пора рабочая, а въ деревнѣ, опричь только бабъ и малыхъ ребятъ, въ домахъ никого не застанешь, а когда сыщутъ ихъ на пустошахъ, и они всѣ бѣгутъ съ лошадьми и затѣмъ удерживаютъ насъ въ дорогѣ; а на четырехъ рѣкахъ дѣлали сами собою плоты и перевозили".

2 іюня Оголинъ послалъ къ ассесору Ивану Ѳедорову Снадину сержанта просить подводъ. Снадинъ отвѣчалъ, что пришлетъ. Но такъ какъ долго не присылали подводъ, Оголинъ послалъ еще гренадера, и „оной, пришедъ къ его двору, сталъ спрашивать, что дома ли онъ, Снадинъ, и его, Снадина, служитель говорилъ, что-де ты пришелъ будто къ мужицкому двору, и пришелъ-де ты въ щивилетахъ и сказалъ: Снадинъ гоняитъ за собаками". И такъ посылка была безуспѣшна. Оголинъ принужденъ былъ просить содѣйствія полковника Ригемана, „который у свидѣтельства и расположенія на полки душъ"—и тотъ его отправилъ (донесеніе отъ 2 іюня 1725).

7 іюня, пополудни во 2 часу, прибыли въ Вологду. Опять остановка: надобно ѣхать водой, а судовъ не случилось. Оголинъ купилъ неоснащенное судно за 11 руб., привелъ въ исправность и 9 іюня отправился. О Ѳеодосіи говоритъ въ донесеніи, что онъ „спѣсивъ и о себѣ прощенія не проситъ, а другихъ словъ никакихъ не разговариваетъ". Въ Вологдѣ попалъ въ просакъ одинъ посадскій человѣкъ Максимъ Крыловъ. Онъ принесъ съ собою пряники и, подавая, сказалъ Оголину на ухо, что онъ пришелъ до отца Ѳеодосія донести ему о раскольникахъ, которые живутъ въ Вологдѣ. Оголинъ не допустилъ его разумѣется до Ѳеодосія, а арестовалъ и отправилъ въ магистратъ Вологодскій для произведенія слѣдствія.

Іюня 12 прибыли въ Тотьму, плыли изъ Вологды день и ночь; „только и было замедленіе и остановка при перемѣнѣ работниковъ".

Іюня 14 прибыли въ Устюгъ Великій, въ 3-мъ часу дня. Здѣсь Ѳеодосій объявилъ, что у него каменная болѣзнь—единственно, что Оголинъ извлекъ для Тайной канцеляріи изъ его разговоровъ.

21 іюня пріѣхали въ Корельскій монастырь. Оголинъ, донося объ этомъ, пишетъ, что Ѳеодосій проситъ милосердія, также и прощенія въ своихъ винахъ и продерзостяхъ, чтобъ быть прощенъ, а также проситъ позволенія причаститься св. таинъ.

До пріѣзда Оголина Пырскій успѣлъ осмотрѣть монастырь и приготовилъ какъ кельи для Ѳеодосія, такъ и мѣсто жительства для солдатъ.

Теперь посмотримъ, что дѣлалось въ Петербургѣ, со времени арестованія Ѳеодосія.

Онъ былъ арестованъ 27 апрѣля, на Новгородскомъ подворьѣ. 3 мая, поутру, Тайная канцелярія, которая приняла въ свои руки Ѳеодосія, арестовала Александро-Невскаго монастыря келейнаго іеромонаха Веніамина, іеродіакона Александра, судью Невскаго монастыря Головачева и вмѣстѣ съ тѣмъ забрала всѣ бумаги и письма изъ кельи Ѳеодосія.

Въ числѣ этихъ бумагъ найдено письмо, которое, по нашему предположенію, было въ числѣ главныхъ причинъ строгой и скорой ссылки Ѳеодосія; по крайней мѣрѣ, за недостаткомъ вопросныхъ и отвѣтныхъ пунктовъ Ѳеодосія, можно убѣдиться, почему Ѳеодосій не могъ быть терпимъ при дворѣ.

Письмо было анонимное, потому что вмѣсто фамиліи были три буквы Я. Г. М. Вотъ оно:

„Преосвященнѣйшій владыко, киръ Ѳеодосій архіепископъ, о Господѣ радуйся здравствуй.

„Не могъ я того по своей должности оставить, чтобъ вашему преосвященству не донести, что сего апрѣля 13 дня господинъ сенаторъ здѣшній графъ Матвѣевъ васъ публично порицалъ, а какимъ образомъ и при комъ, тому слѣдующее:

„По многимъ его съ присутствующими тогда у него разговорами, говорилъ архіерею крутицкому и совѣтнику новоспасскому: Новгородскій-де архіерей при самомъ погребеніи его величества издѣвался надъ императрицею неподобно, когда-де она, государыня, въ крайней своей горести, любезнаго своего государя мужа ручку цѣловала и слезами оплакивала, ... на что ему совѣтникъ говорилъ: нестаточное-де дѣло

тому архіерею такъ тогда говорить; но оный графъ утверждался въ томъ, призвалъ яко свидѣтеля тому жену свою, которая притомъ сказала, что было такъ, и она то слышала; и архимандритъ, не хотя больше такого вранья слушать, пошелъ прочь. Ежели вамъ... сіе порицаніе сносно, претерпите и оставьте, а ежели несносно претерпѣвать, освидѣтельствовавъ, подлинно ль я пишу, извольте поступить, какъ васъ духъ святый наставитъ. И просить у всероссійской самодержицы сатисфакціи, дабы такому высокоумницѣ и хвастуну неслыханному тое пресѣчь, и другимъ впредь неповадно бы было. Тотъ же хвастунъ говорилъ, будучи у новоспасскова при Чичеринѣ и при Измайловѣ и при Раевскомъ и при Топильскомъ: когда-де государь былъ при исходѣ сего свѣта, тогда будто объ немъ спросилъ, гдѣ-де графъ Матвѣевъ, и сказали, что на Москвѣ зѣло-де стужилъ, и я радъ бы-де, радъ, когда бы онъ теперь былъ при мнѣ, и прочая вралъ. Онъ же вралъ, какъ-де я ѣхалъ въ Москву, всѣ-де по дорогѣ жители признавали его и говорили: это-де батюшка нашъ, содержалъ Петербурхъ, а нынѣ-де ѣдетъ содержать Москву, и, совравъ то, говорилъ, будто-де они пророчествовали. И какъ на таковые враки малодушнымъ не прельщаться! Когда слѣдовано будетъ о семъ, то и другія его и жены его вранья явны будутъ, которыя здѣсь перомъ изъяснить невозможно, а умному и всего довольно. Прочее, прости мя, владыко святый, и помолися о мнѣ грѣшномъ. Вашъ присный и вѣрный доброжелательный рабъ Я. Г. М.“

На пакетѣ: „Преосвященному Ѳеодосію и пр. и пр.

„Письмо самое нужное.

„А тебѣ, господине Герасиме, не распечатывать“..

Донос на Матвѣева былъ справедливъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Личность графа Матвѣева извѣстна: честность, безкорыстіе, справедливость и строгая, безукоризненная жизнь были отличительными его достоинствами. „Мужъ достохвальный въ разумѣ и въ дѣлахъ“, какъ называетъ его Шаховской, не могъ публично злословить на Ѳеодосія—и слѣдовательно фактъ о дерзости Ѳеодосія передъ Екатериною въ такую тяжелую минуту, при гробѣ Петра, открываетъ ясно, что Ѳеодосій не удерживалъ своей безнравственной дерзости и передъ императрицею.

Письмо было прислано къ Ѳеодосію въ пакетѣ на имя Герасима Семенова, синодскаго секретаря—лица, довѣреннаго при Ѳеодосіи.

3 же мая, по извѣстію изъ Тайной канцеляріи, Синодъ арестовалъ Семенова. Сняли шпагу и посадили подъ крѣпкій караулъ; запрещено давать ему чернилъ, бумагу и кого-либо допускать съ письмами, а если и принесутъ, то отдавать ихъ въ Синодъ.

4 мая Семенова вытребовали въ Тайную канцелярію.

6 мая Семенова допросили. Онъ объявилъ, что это письмо дѣйствительно было прислано въ пакетѣ на его имя изъ Москвы отъ коммиссара архіерейскаго дома Тараса Тишина, но что надпись на пакетѣ была подъячаго архіерейскаго дома Петра Ѳеодорова.

На пакетѣ было написано: „господину Герасиму не распечатывать“, и онъ, не тронувъ печати, представилъ его Ѳеодосію, на Новгородскомъ подворьѣ.

Ѳеодосій, по разсказу Семенова, распечаталъ, прочиталъ письмо, показалъ Семенову и хотѣлъ разорвать.

Семеновъ остановилъ его: „Такого важнаго письма уничтожить невозможно; надобно до времени предположенія содержать въ цѣлости“, говорилъ Ѳеодосію Семеновъ. На другой день Ѳеодосій сказалъ Семенову, что бросилъ въ печь письмо. Семеновъ опять возразилъ архіерею: „такого важнаго письма истратить невозможно, но подлежитъ тому письму цѣлу быть, до времени убереженну“. Тогда Ѳеодосій вынулъ изъ печки письмо—въ печки огня еще не было—и обѣщалъ содержать его въ цѣлости, приказывая Семенову разузнать, кто писалъ это письмо.

Теперь уже не Семеновъ, а Андрей Ивановичъ Ушаковъ принялся ретиво отъискивать сочинителя. Письмо было прислано изъ Москвы отъ Тараса Тишина и написано подъячимъ Петромъ Ѳеодоровымъ. Принялись за нихъ. Въ Москву послано предписаніе арестовать ихъ и тѣхъ, на кого покажутъ, и прислать подъ карауломъ въ Петербургъ. Арестовали ихъ и забрали всѣ бумаги. Въ бумагахъ нашли письмо Герасима Семенова къ Тишину, которымъ онъ просилъ увѣдомить его, отъ кого ему отдано письмо къ архіерею непознаваемаго характера, безъ объявленія имени, а съ литерами Я. Г. М., и на печати изображена голова человѣческаго трупа съ подписаніемъ: memento mori.

Еще нашли письмо Яновскаго (не родня ли Ѳеодосія?) къ какому то Максиму Лебедеву: чтобъ Лебедевъ отдалъ грамотку, не подписанную Боровитиной дочери большой Матренѣ Кузьминишнѣ, и чтобъ самъ отдалъ, „а буде ея нѣтъ въ Москвѣ“, чтобъ изодралъ. Еще благодарственное письмо, Яновскаго къ Лебедеву, что доставилъ Матренушкѣ искусно письмо, и что Матре-

нушка благодаритъ за это Лебедева. Но это было явно любовная переписка, на которую и не обращено Тайною канцеляріею никакого вниманія.

3 іюня Тараса Тишина и Петра Ѳедорова привезли подъ карауломъ въ Петербургъ, въ Тайную канцелярію. Показали имъ почеркъ анонимнаго письма: они объявили, что „признать не могутъ, чьей руки". Заставили обоихъ припоминать: кто присылалъ къ нимъ письма для отправки къ Ѳеодосію. Они припомнили что въ апрѣлѣ посылали письма: отъ имеретинской царевны, жившей во Всесвятскомъ, отъ доктора Бидло, отъ префекта учительскаго Спасскаго монастыря, изъ Канцеляріи раскольничьихъ дѣлъ, отъ судьи Ивана Топильскаго, отъ чудовскаго казначея, отъ справщика типографіи Алексѣя Барсова, отъ бывшаго игумена Угречшскаго монастыря Пафнутія, отъ дворника синодальнаго дома Кузьмы Боровитинова, отъ вдовы Татьяны Григорьевой Шустовой, и наконецъ отъ другихъ, которыхъ они не помнили.

Изъ всѣхъ названныхъ лицъ почему-то исключительно вдова Шустова и царевна имеретинская подпали подозрѣнію Тайной канцеляріи, и о нихъ пошли розыски. Канцеляріи рекрутскаго счета, подчиненной А. И. Ушакову, канцелярист Филиппов отправился самъ въ домъ Шустовой, бывшій между Арбатскою и Никитскою, въ Кисловкѣ. Палаты снаружи были заперты висячими замками; секретарь отыскалъ единственнаго жильца во всемъ домѣ, крѣпостнаго человѣка „татарской породы, но окрещеннаго, Ивана Михайлова Киргизова", а живетъ онъ въ домѣ Шустовой лѣтъ съ тридцать—разсказывалъ Киргизовъ секретарю—грамотный и прежде

былъ что-то въ родѣ секретаря вдовы, велъ ея переписку, но лѣтъ съ шесть по болѣзни глазъ пересталъ писать, и его должность исправлялъ по приглашенію вдовы, Воздвиженскаго монастыря что на Арбатѣ, дьячекъ Ѳедоръ Александровъ. Шустовой въ Москвѣ не было: она уѣхала на пятой недѣлѣ Великаго поста въ Нижній по своимъ дѣламъ, и Киргизовъ оставленъ былъ сторожить домъ. Ни Ѳеодосія, ни Герасима Семенова Киргизовъ не знаетъ и къ нимъ никогда не писалъ, и писемъ на Новгородское подворье не относилъ; не смотря на это, его посадили подъ караулъ, а къ дому госпожи приставили часовыхъ.

Имеретинскую царевну не рѣшились безпокоить непосредственно, а изо-дня въ день посылали къ ней солдатъ и подъячихъ къ людямъ, съ требованіемъ, чтобъ явился въ Тайную канцелярію ея стряпчій, ходившій за ея дѣлами въ 1725 году, въ апрѣлѣ. Оказалось, что у нея въ это время не было стряпчаго; но царевнѣ надоѣли безпрестанныя присылки къ ней въ домъ и въ село Всесвятское, гдѣ она жила, солдатъ, сторожей и подъячихъ. Къ секретарю Филиппову явился служитель царевны: „Какое до дому царевны дѣло“? спросилъ онъ у Филиппова. Секретарь отвѣчалъ ему вопросомъ: „Не ходитъ ли онъ за дѣлами царевны и не стряпчій ли онъ ея“?

— Я рядовой служитель и за дѣлами не хожу.

Секретарь выгналъ его вонъ и приказалъ прислать стряпчаго. Наконецъ секретарь самъ отправился къ царевнѣ (9 іюня). Царевна отвѣчала ему, что въ мартѣ мѣсяцѣ она прогнала своего стряпчаго, и съ того времени ея дѣла отправляютъ служители ея, кому что при-

кажетъ, и потребовала, чтобъ объявили ей, какое же наконецъ до ея стряпчаго дѣло. Секретарь былъ сформированный чиновникъ и зналъ всѣ тонкости тогдашняго слѣдственнаго порядка; „объ дѣлѣ могу только объявить стряпчему“, отвѣчалъ онъ. Царевна вышла изъ терпѣнія и объявила ему, что если бы и былъ стряпчій, то безъ ея приказанія и докладу онъ ничего не смѣетъ дѣлать.

Категорическій отвѣтъ царевны заставилъ секретаря обратиться къ Андрею Ивановичу Ушакову за разрѣшеніемъ, какъ быть съ царевной.

Андрей Ивановичъ самъ не зналъ, что дѣлать и какъ отыскать сочинителя анонимнаго письма къ Ѳеодосію. Изъ переписки Яновскаго видно было ясно, что съ Матреною Боровитиновою была любовная переписка и только; Тишинъ и Ѳедоровъ ничего не показали; имеретинская царевна не даетъ стряпчаго, да и нѣтъ его; Шустова уѣхала еще въ мартѣ въ Нижній — стало быть и ее нельзя подозрѣвать. Андрей Ивановичъ остановился на геніальной мысли: можетъ быть письмо писалъ кто нибудь изъ присутствовавшихъ при разсказахъ графа Андрея Артамоновича Матвѣева — и вотъ съ курьеромъ летитъ секретное предписаніе въ Москву, къ капитану Семеновскаго полка князю Алексѣю Шаховскому, о тайномъ распросѣ нѣкоторыхъ лицъ. Князь Шаховской занималъ должность управляющаго Московскою конторою вышняго суда: дѣла этого суда были исключительно „важныя и тайныя“ — ему можно было довѣрить это серьезное порученіе. Изъ письма анонимнаго, по приказанію Андрея Ивановича, сочинены пункты, „не излагая въ нихъ самой важности

изъ письма, а изъяснивъ околичностію"—и эти пункты посланы къ князю съ приказаніемъ: ѣздить самому и допрашивать самому, и чтобъ при томъ никого не было, слѣдующихъ лицъ: Леонида, архіепископа крутицкаго, монастырскаго прокурора Раевскаго, новоспасскаго архимандрита Іерофея, судью Ивана Топильскаго, Кирилу Чичерина, Ивана Измайлова. Отвѣты велѣть имъ прямо писать на-бѣло „безъ черна", и объявить имъ приказаніе императрицы, чтобъ они ни съ кѣмъ, ни даже съ „первымъ командующимъ въ Москвѣ", разговоровъ о томъ не имѣли. Потомъ Шаховской долженъ былъ самъ запечатать въ конвертъ и самъ отвезти пакетъ къ почтовому управителю, для немедленнаго и вѣрнаго доставленія въ Тайную канцелярію. Въ условіи непремѣнномъ писать прямо на-бѣло „безъ черна", была главная ловушка Андрея Ивановича: онъ надѣялся по почерку руки найдти автора письма. Но и это не удалось: всѣ дали отвѣты собственноручные, и ни одинъ почеркъ не подходилъ къ анонимному письму.

Для Андрея Ивановича отвѣты не привели ни къ какому заключенію, но для исторіи они чрезвычайно важны. Леонидъ Крутицкій и новоспасскій архимандритъ, каждый порознь, подтвердили фактъ, о которомъ Матвѣевъ разсказывалъ: о гнусныхъ, дерзкихъ рѣчахъ Ѳеодосія къ императрицѣ при гробѣ Петра.

Отвѣты изъ Москвы были получены 7 іюля; можетъ быть Андрей Ивановичъ приложилъ бы стараніе выдумать еще какія нибудь средства къ отысканію автора письма, но въ это время новое преступленіе Ѳеодосія было обнаружено и заняло вниманіе его слѣдователей. 30 іюля хотя и доложенъ былъ экстрактъ о письмѣ не-

извѣстнаго къ Ѳеодосію — но рѣшенія никакого не послѣдовало, и экстрактъ оставленъ былъ въ кабинетѣ ея величества.

Все вниманіе было обращено теперь на дѣло о новомъ преступленіи Ѳеодосія: о преступной присягѣ.

Мы должны вернуться за мѣсяцъ назадъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюня Герасимъ Семеновъ подъ карауломъ проговорился о какой-то сочиненной Ѳеодосіемъ присягѣ въ 1724 году. Андрей Ивановичъ сообщилъ Ѳеофану, Ѳеофанъ пораспросилъ въ Невскомъ монастырѣ: болтовня Семенова была справедлива, и 22 іюня, по словесному приказанію св. Синода, секретарь Дудинъ посланъ былъ въ Александро-Невскій монастырь взять подлинное дѣло „о присягѣ, сочиненной Ѳеодосіемъ въ 1724 г.“ Дудинъ воротился въ Синодъ съ подлиннымъ дѣломъ. Вотъ что оказалось изъ дѣла: 1724 г. 19 мая, секретарь Ѳеодосія Герасимъ Семеновъ, при письмѣ отъ 19 мая, изъ Москвы прислалъ къ намѣстнику Иларіону форму присяги и сообщилъ приказаніе Ѳеодосія, чтобъ намѣстникъ, судьи и прочіе его архіерейскіе подчиненные, „которымъ какое правленіе поручено и которые у дѣлъ обрѣтаются“, учинили бы по этой формѣ присягу.

Присяга эта составлена изъ двухъ отдѣльныхъ предметовъ: 1-я половина относится до царя, и здѣсь выписано слово въ слово изъ присяги, предписанной членамъ Духовной Коллегіи, въ регламентѣ 1718 г., начиная со словъ: „Клянусь Всемогущимъ Богомъ, что хощу и долженъ есмь моему природному и истинному царю и государю Петру Первому“ и пр... до словъ: „исповѣдую же съ клятвою крайняго судію духовныя сія коллегіи быти

самаго всероссійскаго монарха, государя нашаго всемилостивѣйшаго *). Вмѣсто этого продолженія, въ присягѣ прибавлено клятвенное обѣщаніе: „Собственной моей правильной власти великому господину Святѣйшаго Правительствующаго Синода вице-президенту преосвященному Ѳеодосію, архіепископу велико-новгородскому и великолуцкому и архимандриту александроневскиму". Присягавшій клялся Ѳеодосію въ вѣрности, въ покорности, обязывался умножать и охранять всякіе его преосвященства собственные и домовые интересы, и остерегать и защищать и тайность хранить и о противныхъ случаяхъ доносить, и пр. и пр. (См. Приложеніе № 4).

Намѣстникъ, получивши это приказаніе, приступилъ къ исполненію. Замѣчательно, что бюрократическое начало проникло и въ Невскій монастырь: и въ монастырѣ была особенная канцелярія, въ родѣ коллегіи, и рѣшеніямъ ея сочинялись протоколы. Вслѣдствіе этого составленъ былъ протоколъ, чтобъ всѣхъ въ Невскомъ монастырѣ привести къ присягѣ по присланной формѣ, а также послать указы о приводѣ всѣхъ служащихъ въ приписныхъ къ Невскому монастырю монастыряхъ и вотчинахъ.

Вездѣ присягнули безъ возраженія, и листы присяжные присланы въ канцелярію Невскаго монастыря. Только общество Невскаго монастыря не торопилось присягой: намѣстникъ присягнулъ только 27 ноября 1724 г., а нѣкоторые изъ монаховъ и изъ служащихъ— въ декабрѣ. Въ дѣлѣ сохранились списки, которые лю-

*) См. П. С. З. Т. VI. Ст. 3,718, стр. 315.

бопытны и обнаруживаютъ, какой былъ огромный личный составъ Ѳеодосіевскаго монастырскаго управленія, исключая монаховъ и духовныхъ лицъ. Мы поименуемъ кратко:

Надзиратель при строительныхъ дѣлахъ, справщикъ въ типографіи, надзиратель въ столярной, въ канцеляріи судья, стряпчій, канцелярист, 2 подканцеляриста, 12 копіистовъ, сторожъ; для надзиранія за разсыльными и солдатами за капрала, отставной Преображенскаго полка солдатъ, у него въ командѣ 13 солдатъ. Въ казенной конторѣ: расходчикъ и подъячій. Солдатъ для содержанія карауловъ 8. У житейнаго приходу: ключникъ и подъячій. При архіерейской кельѣ: служителя два; квартермейстеръ парусныхъ судовъ, квартермейстеръ гребныхъ судовъ, 8 гребцовъ, 2 звонаря, поваръ архіерейскій, 4 братскихъ повара; 3 хлѣбника; пивоваръ и ученикъ его; серебренникъ; дровопильщиковъ 11; портныхъ 3, при нихъ учениковъ 2; сапожники; на конюшенномъ дворѣ: шталмейстеръ, 4 конюха, колесникъ, 10 извозчиковъ; келейниковъ монастырскихъ 12; на скотномъ дворѣ: коровница, дворница. На Невскомъ подворьѣ, что при Адмиралтействѣ: 1 служитель, 3 разсыльщика; на подворьѣ, что на Васильевскомъ Острову: 1 разсыльщикъ. Рыболовныхъ надзирателей 2. Въ Славянороссійской школѣ: грамматистъ, сторожъ. При строительныхъ дѣлахъ: архитекторъ, коммисаръ, 5 подъячихъ, 4 служителя для нарядовъ; маляръ съ ученикомъ, 2 оконничника и ученикъ; мастеръ часоваго, рѣзнаго и столярнаго дѣла; рѣщикъ и столяръ; столяровъ и токарей 9; ихъ учениковъ 13; плотниковъ 6, бондарь; кузнецовъ 6 и ихъ

учениковъ 6; мѣдникъ: при пильной вѣтряной мельницѣ пильщикъ; подмастерье и 4 работника; садовникъ, при немъ 2 работника и 5 учениковъ; на кирпичныхъ заводахъ: приставщикъ, 2 гончара, 1 работникъ; печниковъ и каменьщиковъ 41; при типографіи служитель, писецъ; наборщиковъ 4, тередорщиковъ 4, батырщиковъ 4; разборщиковъ литеръ 4.

Все дѣло о присягѣ, съ присяжными подлинными листами, какъ мы видѣли, представилъ въ Синодъ секретарь Дудинъ. На другой же день въ Синодъ явился дѣйствительный тайный совѣтникъ П. А. Толстой и генералъ-маіоръ князь Юсуповъ. Въ присутствіи ихъ прочитана была сочиненная Ѳеодосіемъ присяга, и „понеже въ ней, по достодолжномъ императорскаго величества возношеніи, явились противныя сверхъ указу, аки бы въ равной силѣ о храненіи тайностей, и онаго бывшаго архіерея Ѳеодосія прилагательство, того ради“ Синодъ передалъ присягу П. А. Толстому для представленія императрицѣ.

Черезъ два дня, 25 іюля, въ Правительствующій Сенатъ пригласили на конференцію синодальныхъ членовъ— Ѳеофилакта тверскаго и архимандритовъ чудовскаго, симоновскаго и калязинскаго. П. А. Толстой объявилъ, что императрица приказала Правительствующему Сенату, вмѣстѣ съ Св. Синодомъ „согласясь“, присягу „опровергнуть указами и публикаціями, и собравъ оные сжечь публично“. Прежде окончательнаго рѣшенія сенаторы спросили у синодальныхъ членовъ, не бывало ли въ старину примѣровъ, чтобъ въ епархіяхъ присягали на вѣрность архіереямъ, не объявлена ли присяга Ѳеодосія въ другихъ епархіяхъ? Ѳеофилактъ Лопатинскій отвѣ-

чалъ, что о составленной Ѳеодосіемъ присягѣ имъ было неизвѣстно, и они узнали только послѣ его ссылки; бывалъ ли въ старину такой обычай, и въ другихъ епархіяхъ присягали ли по Ѳеодосіевской присягѣ, ему неизвѣстно, но у него въ Твери такого обычая не было и нечинено. Архимандриты объявили, что въ Новгородской епархіи присягали во всѣхъ монастыряхъ и вотчинахъ, на что имѣются тамъ присяжныя книги.

Сенатъ опредѣлилъ вытребовать присяжныя книги въ Синодъ и о собраніи присягъ послать указы изъ Синода; о ниспроверженіи Ѳеодосіевой присяги сочинить въ Святѣйшемъ Синодѣ манифестъ и объявить въ Сенатѣ; а когда присяги будутъ собраны, тогда сжечь то, что написано къ лицу Ѳеодосіеву.

Чудовскій архимандритъ объявилъ, что тѣ люди, которые присягали словесно, имъ объявили, что они присягали изъ страха, по приказанію секретаря Герасима Семенова. Сенатъ велѣлъ послать указъ къ Шушерину (въ Новгородъ), допросить Герасима Семенова, имѣлъ ли онъ письменное или словесное приказаніе отъ Ѳеодосія о присягѣ.

Сверхъ того опредѣлено намѣстника Иларіона и судью монастырскаго Степана Головачева взять въ синодальную канцелярію и допросить, какъ они смѣли допустить присягу и не доносили объ ней Синоду.

Іюня 26 намѣстникъ Иларіонъ оправдывался тѣмъ, что Ѳеодосій былъ въ Синодѣ яко первенствующая особа, а въ Александро-Невскомъ монастырѣ настоятель, и полагалъ, что присяга приписывалась Ѳеодосіемъ по императорскому повелѣнію. То же самое объяснилъ и судья Головачевъ.

28 іюня дѣло все передано изъ Синода въ Сенатъ. Въ Сенатѣ не приняли, а велѣли доставить вмѣстѣ съ присягами, которыя пришлются изъ Новгородскаго архіерейскаго дома.

Изъ дѣла, присланнаго изъ Новгорода, видно, что Герасимъ Семеновъ 19 мая 1724 года писалъ одинаковое письмо и въ Новгородъ, къ судьѣ архіерейскаго дома, архимандриту Андріяну.

19 іюля Синодъ разсуждалъ о необходимости посовѣтоваться съ Сенатомъ, какъ удобнѣе сжечь присяги, потому что въ присягѣ есть относящееся и до императорскаго величества, и „того одного, что къ лицу Ѳеодосіеву въ нихъ написано, сжечь невозможно“.

Совѣты и рѣшеніе о Ѳеодосіи и о присягѣ продолжались до октября мѣсяца, а въ промежутокъ этого времени трагически кончилъ секретарь Герасимъ Семеновъ.

Поведеніе Семенова во время слѣдствія было чрезвычайно разнообразно. Преданный Ѳеодосію, правая его рука и довѣренное лицо, онъ началъ съ того, что обнаружилъ злоупотребленія Ѳеодосія по захвату церковной собственности въ Новгородѣ. Семенова отвезли въ Новгородъ подъ карауломъ для доказательства доноса. Здѣсь онъ началъ ссориться съ караульнымъ офицеромъ и, наконецъ, такъ надоѣлъ ему, что офицеръ велѣлъ перевести Семенова подъ караулъ на житной дворъ, а прежде держалъ у себя на квартирѣ. Когда солдаты повели Семенова черезъ площадь, онъ упалъ нарочно на землю и началъ кричать: „вы воры, измѣнники, не пойду на житной дворъ“! Его отвели насильно. Потомъ онъ послалъ изъ тюрьмы къ Андрею Ивановичу

Ушакову пакетъ „съ нужнѣйшимъ сокретнымъ высокой важности государственнымъ дѣломъ". Что же было въ этомъ пакетѣ? Донос въ трехъ пунктахъ: 1) о здравіи ея величества, 2) о вредящихъ православное благочиніе нашего исповѣданія, и о плевело-сѣятельномъ ихъ ученіи, 3) о многочисленномъ ея величества интересѣ, который можетъ умножиться до трехъ милліоновъ. По первому пункту онъ обвинялъ архимандрита Іону Сальникѣева (присланнаго въ Новгородъ для слѣдствія о растратѣ Ѳеодосіемъ церковнаго имущества) и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдатъ, Данилу Сорокина и Алексѣя Мячкова. По второму пункту (въ неправославіи) онъ обвинялъ Ѳеофана Прокоповича, затронулъ Сергіевскаго архимандрита Гавріила, лекаря Тверитинова *) и олончанина Семена повѣнчанина. По третьему пункту—камерконторы прокурора Раевскаго, синодальнаго дома бывшаго дворецкаго Алексѣя Владыкина, казначея іеромонаха Филагрія и всѣхъ монастырскихъ вотчинныхъ управителей, которымъ обѣщался представить реэстръ.

Семеновъ просилъ произвести слѣдствіе секретно „черезъ такую вѣроятную персону, которая не своихъ, но государственныхъ интересовъ взыскивала бы и не къ покою, но къ прилежному труду была преклонна". Подробности и сущность доноса Семеновъ обѣщался представить тогда, когда ея величество удостоитъ его дозволеніемъ лично объяснить все. На доносѣ Семеновъ подписался: „Герасимъ протестаторъ" и приба-

*) О лекарѣ Тверитиновѣ было дѣйствительно дѣло въ Тайной канцеляріи.

вилъ: „а капитанъ Шушеринъ безчеловѣчно меня отягощаетъ, а подозрительнымъ весьма похлѣбствуетъ, въ чемъ именно его уличу, ничтожный и плачущій, бѣдный протестаторъ“.

Андрей Ивановичъ доложилъ императрицѣ. 28 іюля приказано произвести слѣдствіе только по первому пункту; Ѳеофана оставили въ покоѣ. Герасима-протестатора велѣно привезти изъ Новгорода въ Петербургъ.

6-го іюля онъ опять возвратился въ тюрьму Тайной канцеляріи.

Здѣсь онъ пустился на новыя штуки: 7-го же іюля объявилъ караульному, для передачи А. И. Ушакову, что у него взяли „подъ караулъ“ его зеркало, а что въ зеркалѣ подъ стекломъ положено письмо, и чтобъ письмо это никому, кромѣ императрицы, не показывали. Принесли изъ его дома зеркало. Оно было запечатано печатьми Герасимова; при немъ же распечатали: подъ стекломъ ничего не нашли, а на стеклѣ лежала записка Семенова къ секретарю Василью Тишину, совершенно неинтересная: приглашеніе посѣтить Якова Ѳедоровича, отъѣзжающаго въ деревню.

Семеновъ снова потребовалъ, чтобы его представили къ императрицѣ, и предъявилъ это требованіе письменно; выписываемъ нѣсколько строкъ ученаго синодскаго секретаря: „О здравіи ея величества всепресвѣтлѣйшей государыни императрицы и самодержицы всероссійской, имѣю, по богодарованной мнѣ ничтожному чрезъ тридцати-три лѣтнюю разныхъ школъ и діалектовъ науку благодати, донести самоустно, подлежащее яко вѣрный патріотъ предостерегательство, которое, ежели указомъ ея величества будетъ мнѣ, нижайшему

рабу, позволено, объяснится собственною книжицею, въ капитальной моей меморіи заготовленною, которая достодолжнымъ по риторическимъ регуламъ расположеніемъ, въ числѣ нѣсколькихъ главъ, скоро Богу помогающу, въ общую пользу сочинена быть можетъ".

Онъ не дождался дозволенія и черезъ два дня передалъ Ушакову, въ двухъ пакетахъ, запечатанныхъ своею печатью, на имя императрицы, 41 листъ своего сочиненія, „изъ капитальной его меморіи заготовленнаго".

Странныя, противоположныя правила имѣлъ Андрей Ивановичъ и его сотоварищи въ пріемахъ съ тѣми, которые попадались къ нимъ въ руки. Ничего не было предосудительнаго и безчеловѣчнаго, по первому доносу, самому безсмысленному, схватить человѣка со всѣмъ его семействомъ и съ прислугою, лишить ихъ свободы, заковать въ ручныя и ножныя кандалы, захватить ихъ имущество, даже распоряжаться имъ и прежде рѣшенія дѣла, а между тѣмъ печать колодника на пакетѣ, адресованномъ его величеству, было дѣло неприкосновенное, и Андрей Ивановичъ не смѣлъ прикоснуться къ ней, не смѣлъ прочитать, что пишетъ преступникъ. Можетъ быть, и на него, Андрея Ивановича, доносъ подъ этою печатью? Съ нѣкоторымъ страхомъ отправилъ Андрей Ивановичъ письмо къ Ивану Антоновичу Черкасову, въ кабинетъ императорскій, и просилъ доложить императрицѣ, которая была въ Кронштадтѣ, „что дѣлать съ Семеновымъ? потому что сумасбродничаетъ, пишетъ плутовски и злоковарно, завлекаетъ Тайную канцелярію въ арестованіе невинныхъ лицъ и „если его, государыня", писалъ въ письмѣ къ импера-

рицѣ Ушаковъ, „больше держать, то онъ больше станетъ ваше величество утруждать“.

14 іюля Черкасовъ отвѣчалъ, что бумаги Герасима онъ читалъ ея величеству, „въ которыхъ не нашлось ни добра, ни зла, но только одно самое крайнее дурачество, чему изволила смѣяться и указала мнѣ оныя держать у себя до возвращенія своего въ Петербургъ“.

Между тѣмъ Семеновъ продолжалъ сочинять бумаги и уже не къ Ушакову, не къ императрицѣ, а въ Сенатъ. Онъ повторилъ тотъ же доносъ о первыхъ трехъ пунктахъ. Сенатъ велѣлъ слѣдовать только по третьему пункту: о злоупотребленіяхъ по церковнымъ имуществамъ. Прежнее слѣдствіе по первому пункту было оставлено.

21 августа, изъ тюрьмы Семенова принесли въ Тайную канцелярію каменный столъ, на которомъ протестаторъ написалъ что-то по-латыни; знающихъ въ канцеляріи этотъ языкъ никого не оказалось, вытребовали изъ академіи учителя Николая Ханенко; онъ перевелъ по-русски и „переписалъ своеручно“. Что написалъ Семеновъ? Слѣдовъ нѣтъ въ подлинномъ о немъ дѣлѣ; только что нибудь не совсѣмъ приличное, потому что 13 августа Тайная канцелярія опредѣлила Герасима Семенова ни въ церковь и никуда въ сторону не пускать, питья хмѣльнаго никакого не отпускать и пищу всякую откушивать, тому кто принесетъ и къ нему никого не допускать и быть у него на часахъ двумъ. 20 августа усилили еще мѣры строгости: „Герасиму Семенову болѣе писать не давать ни о чемъ, и на словахъ отъ него не принимать впредь до времени“. 25 августа опять пе-

ресматривали всѣ письма и бумаги Семенова, но въ нихъ „никакой важности не явилось“.

Не можемъ еще не привести отмѣтки, найденной нами въ протоколѣ Тайной канцеляріи. На другой день, 26 августа 1725, въ протоколѣ записано: „Въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ взятъ подъ караулъ водошныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Посошковъ, а сынъ его малолѣтній Николай въ домѣ его, Ивановомъ, подъ карауломъ. И письма изъ того дому взяты въ помянутую канцелярію и разбираны; при взятіи писемъ были канцеляристы Семенъ Шурловъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка караульный первой роты капралъ Яковъ Яковскій, солдатъ четыре человѣка.

Что сдѣлалъ Посошковъ, этотъ передовой и замѣчательный человѣкъ Петровскаго времени? За что попалъ въ Тайную канцелярію? Къ сожалѣнію, мы еще не отыскали указанія въ дѣлахъ.

И вотъ еще въ одномъ полусгнившемъ дѣлѣ выписка: „29 августа 1725. Подъячій Василій Шишкинъ спрашиванъ (въ Тайной канцеляріи), имѣетъ ли онъ у себя бывшаго новгородскаго архіерея Ѳеодосія какія книги, въ томъ числѣ книгу изданія Ивана Посошкова, зовомую Скудость съ богатствомъ, и онъ, Шишкинъ, сказалъ: Ѳеодосіевъ никакихъ книгъ у него, Шишкина, въ томъ числѣ и помянутой книги Скудости съ богатствомъ, никогда не бывало и нынѣ нѣтъ“.

Не было ли связи дѣла Посошкова съ дѣломъ Ѳеодосія?

Наконецъ 9 сентября рѣшилась участь Семенова: его привели за кронверкъ Петропавловской крѣпости, и у

каменнаго столба, гдѣ производили казнь, прочли приговоръ:

„Герасимъ Семеновъ!

„Бывалъ ты у дѣлъ въ главномъ духовномъ правительствѣ и, забывъ присяжную свою должность, учинилъ государственнымъ правамъ преступленіе такое:

„Слыхивалъ ты отъ бывшаго архіерея Ѳеодосія и Варлаама Овсянникова *) про ихъ императорское величество злохулительныя слова, и когда они оба въ С.-Петербургѣ были, о томъ на нихъ не доносилъ, да и не точію, чтобъ тебѣ на нихъ доносить, но еще ты и самъ съ Ѳеодосіемъ къ оному приличное говаривалъ и ему разсуждалъ, и имѣлъ ты, Герасимъ, съ нимъ, Ѳеодосомъ, на все Россійское государство зловредительный умыселъ и во всемъ томъ ему, плуту Ѳеодосу, былъ ты, Герасимъ, собесѣдникъ; да и доносить на нихъ ты сталъ не добровольно, но изъ-за пытки, а о таковой важности вѣдая да молчалъ, ради Ѳеодосіева сожалѣнія, о чемъ ты самъ именно сказалъ.

„За тѣ твои важныя вины, по силѣ государственныхъ прежнихъ и вновь учиненныхъ правъ, ея императорское величество указала тебѣ, Герасимову, учинить смертную казнь: „отсѣчь голову“.

Секретарь Тайной канцеляріи Иванъ Топильскій прочелъ сентенцію; Андрей Ивановичъ Ушаковъ, окруженный 40 солдатами Преображенскаго полка, лично присутствовавшій, подалъ знакъ—и голова Семенова была воткнута на каменномъ столбѣ.

---

*) Намъ еще неизвѣстно дѣло объ Овсянниковѣ, и въ чемъ состояло его преступленіе—не знаемъ.

Долго, по принятому тогда обыкновенію, оставалась эта голова на столбѣ, и даже въ дѣлѣ есть объ этомъ указанія: 22 сентября одинъ артиллерійскій капитанъ, Иванъ Унковъ, послалъ изъ артиллерійской канцеляріи копіиста Яковлева списать съ жестянаго листа, прибитаго къ каменному столбу, о преступленіяхъ Семенова. Караульный солдатъ при каменномъ столбѣ не позволилъ Яковлеву списывать и прогналъ прочь. Яковлевъ, желая угодить начальнику, отправился въ Тайную канцелярію справиться у секретаря Топильскаго, и за свою учтивость попалъ подъ арестъ, подвергся допросамъ и кое-какъ избавился отъ застѣнка. Одно обстоятельство объясняетъ неосторожность Яковлева: ему было только 20 лѣтъ; онъ не зналъ еще, какъ дорого обходились тогда нескромныя развѣдыванія о казненныхъ.

Послѣ казни Семенова А. И. Ушаковъ, 11 сентября, прислалъ въ Тайную канцелярію записку: „Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая государыня императрица Екатерина Алексѣевна указала: съ столовой доски, которая взята у синодскаго секретаря Герасима Семенова, написанное на ней стереть, понеже о томъ слѣдовано и рѣшеніе учинено“.

Что же было на этой доскѣ—остается неизвѣстнымъ.

Одновременно послѣдовало и рѣшеніе о Ѳеодосіи по дѣлу о составленныхъ имъ присягахъ.

Лейбъ-гвардіи капитанъ-лейтенантъ графъ Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ посланъ въ Корельскій монастырь; онъ былъ снабженъ предписаніемъ къ Варнавѣ, архіепископу холмогорскому, и особою секретною инструкціею.

Предписано архіепископу:

„Ея императорское величество указала: съ бывшаго архіерея новгородскаго Ѳеодосія за его злоковарное воровство, что онъ, будучи въ С.-Петербургѣ, говаривалъ злохулительныя слова противъ ихъ императорскихъ величествъ и мыслилъ впредь чинить нѣкоторой злой умыселъ на Россійское государство, санъ съ него, Ѳеодоса, архіерейскій и іерейскій снять, и быть ему, Ѳеодосу, въ томъ монастырѣ, въ которомъ онъ нынѣ обрѣтается, простымъ старцемъ, и дать ему монашескую мантію". При предписаніи была приложена подробная инструкція.

Въ инструкціи Мусину-Пушкину, между прочимъ, было приказано: „Ѳеодоса, послѣ снятія архіерейскаго и іерейскаго сана, посадить въ томъ же монастырѣ въ тюрьму, а буде тюрьмы нѣтъ, сыскать каменную келью на подобіе тюрьмы съ малымъ окошкомъ, а людей бы близко той кельи не было; пищу ему опредѣлить хлѣбъ да вода. Листъ (сентенцію) о преступленіяхъ Ѳеодосія ему прочесть. Вещи, имѣющіяся при Ѳеодосіи: часы, медали золотыя, перстень, алмазы и прочія тому подобныя, готовальню съ инструментами, книги, обрать у него и отдать все по реэстру губернатору архангельскому, и денегъ бы при немъ ничего не было (о церковной одеждѣ и вещахъ было предписано архіерею холмогорскому). Платье ему оставить только то, что на немъ да постель, а достальное платье на соблюденіе отдать архимандриту Корельскаго монастыря. Служителей при немъ никому не быть. При пересмотрѣ книгъ, тщательно посмотрѣть, нѣтъ ли какихъ писемъ или запи-

сокъ. При учиненіи надъ Ѳеодосомъ вышеписаннаго быть только архіерею, Мусину-Пушкину и сержанту, а окромѣ того другимъ притомъ отнюдь не быть; снятіе съ Ѳеодоса сана духовнаго учинить въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему будетъ назначена тюрьма, и присматривать, не явится ли отъ него какихъ противностей, и о томъ донести".

Графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ въ это время въ Москвѣ, и потому всѣ бумаги по дѣлу Ѳеодоса были посланы къ нему туда съ сержантомъ Преображенскаго полка Олонцовымъ. Олонцову было приказано, въ случаѣ, если графъ боленъ и не можетъ ѣхать въ Архангельскъ, то ѣхать немедленно самому Олонцову и, только пріѣхавъ на мѣсто, распечатать пакеты, посланные на имя графа, и исполнить что предписано.

Но графъ Мусинъ-Пушкинъ былъ здоровъ и, получивъ отъ сержанта Олонцова бумаги, поскакалъ въ Корельскій монастырь. Дорога въ Архангельскъ въ тѣ времена была совершенно другая. Вотъ маршрутъ, сохранившійся въ дѣлахъ Тайной канцеляріи: Москва, Переяславль-Залѣсскій, Ярославль, Вологда, Шенкурскъ, Пянцы, Холмогоры, Архангельскъ. Отъ Москвы до Архангельска считалось 1,500 верстъ и платилось прогонныхъ по 2 коп. на 10 верстъ.

Николаевскій Корельскій монастырь—памятникъ, оставленный намъ знаменитою посадницею новгородскою Марѳою Борецкою. Печальное для Марѳы событіе положило начало этому монастырю. Въ 1418 г. двое ея сыновей, осматривая вотчины свои, утонули въ корельскомъ устьѣ; вблизи того мѣста похоронены несчастные, и надъ гробами ихъ посадница построила церковь

во имя Николая Чудотворца и устроила обитель монашескую. Обители пожалованы были Марѳою разныя недвижимыя имѣнія, луга, тони, соловарницы. Въ XV в. монастырь былъ раззоренъ норвежцами, причемъ сожжены церкви и побиты иноки. Ушли грабители, и монастырь опять возобновился. Въ 1553 году въ Корельскомъ монастырѣ положено начало торговли Россіи съ Англіею. Занесенный бурею англійскій купеческій корабль присталъ къ берегу недалеко отъ монастыря, и съ той поры до возрожденія портовой торговли въ Петербургѣ, Россія торговала съ англичанами на Бѣломъ морѣ, и эта торговля была причиною основанія въ 1584 г. Новохолмогорова, нынѣшняго Архангельска. Никольскій Корельскій монастырь въ царствованіе Петра весьма часто былъ назначаемъ для ссылокъ.

Передъ пріѣздомъ Ѳеодосія въ монастырь, въ іюнѣ 1725 года, изъ Тайной канцеляріи, какъ мы видѣли выше, предписано было капитану Преображенскаго полка Пырскому осмотрѣть монастырь и приготовить тюрьму ссыльному, и если „не крѣпокъ“ монастырь, то построить кругомъ монастыря острогъ. Пырскій прислалъ въ Тайную канцелярію и къ самой императрицѣ планъ съ краткимъ описаніемъ монастыря. Пырскій нашелъ, что ограда крѣпка, но только четырехъ воротъ было слишкомъ много: трое изъ нихъ онъ задѣлалъ и оставилъ одни св. врата. Для Ѳеодосія выбралъ онъ двѣ палаты каменныя подъ церковью, „въ которыхъ способно жить“; одна палата прихожая холодная, а другая теплая; архимандриту Порфирію съ братіею объявилъ секретно „съ показаніемъ отъ императрицы милости“, чтобъ они за Ѳеодосіемъ искусно и тайно при-

сматривали, не будетъ ли отъ него происходящихъ на нихъ вредительствъ и ежели что усмотрятъ, чтобъ немедленно объявили караульному офицеру.

Ѳеодосій, привезенный 21 іюня, былъ помѣщенъ въ одной изъ подцерковныхъ свѣтлицъ. Возлѣ устроена была караульня солдатская деревянная, въ трехъ саженяхъ отъ тюрьмы.

Ѳеодосія ни къ кому не пускали, и къ нему никого не допускали. Въ церковь ему позволяли ходить, но въ сопровожденіи часовыхъ, которые стояли возлѣ него и не дозволяли ему говорить съ кѣмъ нибудь. Писать писемъ не позволялось. Присылаемыя къ нему письма велѣно доставлять въ Сенатъ нераспечатанными. Дозволено пускать къ Ѳеодосію только архимандритовъ и знатныхъ монаховъ, но объявить имъ, чтобъ они съ нимъ тайно не говорили.

13 іюля архимандритъ Порфирій, слѣдуя въ точности приказаніямъ Тайной канцеляріи, выбралъ въ духовники къ Ѳеодосію іеромонаха Іова, привелъ его къ присягѣ, послѣ которой Іовъ принялъ Ѳеодосія въ духовность и исповѣдывалъ его „по чину исповѣданія по печатной книжицѣ, 1723 г. марта 4 въ Москвѣ печатанной и по силѣ указа 1722 мая 17, о томъ, какъ поступать духовникамъ при исповѣди“.

Послѣ исповѣди іеромонахъ Іовъ донесъ архимандриту, „что все изрядно и чинно, и со слезами Ѳеодосій исповѣдывался по всѣмъ заповѣдямъ Господнимъ, и по вопросамъ по той чину исповѣданія книжицѣ православно, и что ничего противнаго ея императорскому величеству и государству вредительнаго за нимъ, Ѳеодосіемъ, не явилось, а желаетъ-де онъ, Ѳеодосій, и

впредь исповѣди въ посты святыя и пріобщенія святыхъ божественныхъ таинствъ".

14 августа Ѳеодосій опять исповѣдывался, и, по словамъ духовника Іова, „ничего противнаго за нимъ, Ѳеодосіемъ, не явилось; только просилъ, чтобъ ему позволили причаститься св. таинъ въ алтарѣ по чину священному въ эпитрахили съ поручами и говорилъ: „чинъ архіерейскій съ меня не снятъ, а только я отрѣшенъ отъ епископіи"—впрочемъ полагалъ на волю архимандрита: какъ вы повелите, говорилъ онъ—въ простомъ ли монашескомъ или въ священномъ причастите мя чину, или гдѣ хочете, хотя-де въ алтарѣ, или въ церкви съ простыми".

11 сентября онъ опять исповѣдывался, но ни прежде, ни теперь архимандритъ, безъ позволенія Тайной канцеляріи, не рѣшался и испрашивалъ изъ Петербурга разрѣшенія (донесеніе 16 сентября 1725).

Эти донесенія разрѣшены Тайною канцеляріею только 15 октября: Ѳеодосія пріобщить св. таинъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ содержится, и въ другой разъ въ великій постъ, а болѣе въ годъ не пріобщать его, развѣ необходимой нужды, егда онъ, Ѳедосъ, въ болѣзни при смерти будетъ.

На пищу назначено было въ дорогѣ Ѳеодосію по полтинѣ въ день — этимъ распоряжался караульный офицеръ Оголинъ; при пріѣздѣ же въ монастырь, Оголинъ объявилъ ему, что онъ уже получилъ 300 рублей, и потому на годовое пропитаніе болѣе ни откуда ничего не будетъ.

Часовой стоялъ обыкновенно въ сѣняхъ, съ ружьемъ;

но когда кто приходилъ къ Ѳеодосію, караульный входилъ съ нимъ вмѣстѣ въ келью и не оставлялъ ихъ.

Въ церкви велѣно часовымъ стоять безъ обнаженаго палаша. При Ѳеодосіи былъ келейникъ изъ Александро-Невскаго монастыря. 25 іюля Пырскій, по приказанію Тайной канцеляріи, взялъ его и отправилъ въ Петербургъ, а къ Ѳеодосію дали новаго келейника изъ монастырскихъ, Степана Иванова.

Вотъ всѣ подробности, сохранившіяся въ дѣлѣ, о содержаніи Ѳеодосія до пріѣзда графа Мусина-Пушкина.

Въ началѣ этой статьи мы разсказали объ этомъ пріѣздѣ.

Лишенный окончательно архіерейскаго и іерейскаго сана и свободы, Ѳеодосій былъ оставленъ, запечатанъ въ подцерковной тюрьмѣ, и къ тому еще въ тюрьмѣ холодной, безъ печи, безъ полу.

Въ устроенное Пушкинымъ окно Ѳедосу подавали солдаты пищу. Въ концѣ декабря 1725 года, по какому-то неизвѣстному случаю, вспомнили о Ѳедосѣ, сообразили страшное его положеніе и предписали губернатору Измайлову устроить тюрьму Ѳедосу въ сосѣдней подцерковной палатѣ, съ печью и поломъ. Но исполненіе шло не такъ скоро, а между тѣмъ несчастный долженъ былъ терпѣть жестокія страданія отъ голода, холода, отъ нечистоты.

Января 18, губернаторъ архангельскій Измайловъ доносилъ, что онъ печь сдѣлалъ въ сосѣдней тюрьмѣ и полъ устроилъ, но перевести Ѳедоса скоро нельзя. Онъ попробовалъ затопить, но отъ новой печи пошелъ чадъ и сводъ „отпачивалъ“. Надобно было подождать съ не-

дѣлю, а переводить куда нибудь Ѳедоса въ другое мѣсто Измайловъ самъ собою не рѣшался безъ указу.

30 января Измайловъ опять пріѣхалъ въ монастырь, и при немъ „чернецъ Ѳедосъ въ новоучиненную тюрьму за болѣзнію перенесенъ, и двери я при себѣ заперъ и запечаталъ“, писалъ Измайловъ въ Тайную канцелярію—и караулъ приставилъ по прежнему, и печь топлена и впредь топить велѣли“.

Когда переносили полумертваго Ѳедоса въ новую теплую тюрьму, онъ обратился къ Измайлову: „ни я-де чернецъ, ни я мертвецъ; гдѣ судъ и милость?“... Этотъ горькій упрекъ не нашелъ участія въ губернаторѣ: „не говори лишняго, а проси Бога о душѣ своей милости“, отвѣчалъ Измайловъ и спросилъ его при томъ, не желаетъ ли онъ духовника. Ѳедосъ не отвѣчалъ ни слова „и глазъ своихъ, какъ у него закрыты были камилавкою, не открылъ“. (Донесеніе Измайлова въ Т. к.). Измайловъ заперъ тюрьму, запечаталъ и уѣхалъ въ Архангельскъ.

Не долго томился Ѳедосъ въ новой, улучшенной тюрьмѣ своей. 3-го февраля прискакалъ къ Измайлову изъ монастыря караульный офицеръ Григорьевъ и донесъ, что Ѳедосъ „по многому клику для поданія пищи (въ окошко), отвѣту не отдаетъ и пищи не принимаетъ“. Измайловъ велѣлъ офицеру тотчасъ же возвратиться въ монастырь въ самой скорости и Ѳедосу въ окно кричать о принятіи пищи какъ возможно громко, а ежели по многому крику отвѣту онъ, Ѳедосъ, не дастъ, то на другой день, тюрьму распечатать, отпереть и его, Ѳедоса, осмотрѣть. 5 февраля Измайлова извѣстили изъ монастыря, что Ѳедосъ умеръ. Но

никто не видѣлъ, какъ умеръ Ѳедосъ: тюрьма была заперта и запечатана печатью Измайлова: безъ его приказанія никто не смѣлъ снять ее. Ѳедосъ прожилъ въ тюрьмѣ 7 мѣсяцевъ и 14 дней — съ 21 іюня 1725 по 3 февраля 1726.

Измайловъ велѣлъ положить тѣло въ гробъ и поставить въ монастырскую холодную палату, приставилъ караулъ и спрашивалъ Тайную канцелярію, что дѣлать съ тѣломъ, что дѣлать и съ платьемъ, оставшимся послѣ Ѳедоса, а платья осталось: клобукъ, камилавка, двѣ рясы, епанча черная суконная нѣмецкая, штаны замшевые нѣмецкіе, шапка нѣмецкая, черная, одѣяло холодное и теплое, подбитое лисьимъ мѣхомъ, салфетка, полотенца, бѣлые колпаки голландскіе и пр. и пр.; все это платье отобрано было Мусинымъ-Пушкинымъ и отдано архимандриту на сохраненіе при запечатаніи Ѳедоса въ октябрѣ 1725. Пока Измайловъ испрашивалъ разрѣшенія о тѣлѣ Ѳеодосія, игуменъ похоронилъ его, руководствуясь прежнимъ предписаніемъ Тайной канцеляріи.

Нарочный отъ Измайлова пріѣхалъ въ Петербургъ 20 февраля, и въ тотъ же день о смерти Ѳодоса донесено императрицѣ. Гофъ-юнкеръ Александръ Бутурлинъ явился къ Петру Андреевичу Толстому и сообщилъ, что приказано „умершее Ѳедосовское тѣло изъ Никольскаго Корельскаго монастыря взять въ С.-Петербургъ".

22 февраля полетѣлъ обратно нарочный къ Измайлову съ предписаніемъ:

„Буде у города Архангельска обрѣтается изъ докторовъ или изъ лекарей, который бы могъ учинить ана-

томію, то изъ Ѳедосова тѣла внутреннюю вынуть, а ежели таковыхъ искусныхъ людей не обрѣтается, то, положа тѣло въ гробъ, засмолить и отправить въ С.-Петербургъ на почтовыхъ лошадяхъ отъ гвардіи съ урядникомъ и съ двумя человѣками солдатами, изъ тѣхъ, кои были въ монастырѣ на караулѣ, давъ имъ прогонныя деньги по посланной отсюда подорожной, и объявить имъ, уряднику и солдатамъ, съ предостереженіемъ: якобы они ѣдутъ съ нѣкоторыми вещьми... а въ пути бы ѣхали немедленно со всякимъ поспѣшеніемъ, дабы распутіе ихъ гдѣ не остановило, и о томъ имъ, солдатамъ, въ инструкціи накрѣпко подтвердить, а прибывъ въ С.-Петербургъ, велѣть уряднику о тѣлѣ объявить въ Тайной канцеляріи. Буде же, паче чаянія, по прежде посланному изъ Тайной канцеляріи къ губернатору Измайлову указу Ѳедосово тѣло погребено, и оное вынявъ изъ земли исполнить противъ вышеписаннаго, и какою онъ, Ѳедосъ, болѣзнію былъ боленъ и сколько времени былъ въ болѣзни, и во время болѣзни былъ ли исповѣданъ и святыхъ таинъ причащенъ ли, и во время тѣхъ таинствъ или въ болѣзни не было ли отъ него какихъ словъ противныхъ, и какъ онъ умиралъ, былъ ли кто при томъ?... Платье отдать архимандриту Порфирію съ братіею на поминовеніе Ѳедосовой души, а солдатъ, бывшихъ на караулѣ, возвратить въ С.-Петербургъ“.

Съ этими странными распоряженіями нарочный отправленъ „съ великимъ поспѣшеніемъ“, и вдругъ 2 марта генералъ-маіоръ Макаровъ, онъ же и кабинетъ-секретарь, объявилъ Толстому приказаніе императрицы, чтобъ „мертвое тѣло чернеца Ѳедоса изъ Архангельска

въ Петербургъ не возить и для того послать курьера: велѣть погребсти въ Кирилло-Бѣлозерскомъ или въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, къ которому будетъ ближе, а буде отъ города за какимъ препятствіемъ то тѣло не отправлено, и его погребсти въ Никольскомъ Корельскомъ монастырѣ".

Сержантъ Преображенскаго полка Воронинъ 3 марта отправленъ въ Архангельскъ съ приказаніемъ: „Какъ ты Ладогу минуешь, отъ того мѣста на всѣхъ станціяхъ спрашивай ѣдущихъ отъ города Архангельска объ урядникѣ и двухъ солдатахъ съ нѣкоторыми вещьми на четырехъ подводахъ, и какъ возможно, чтобъ тебѣ съ ними не разъѣхаться". Для вѣрности же сообщили сержанту, что это за вещи: „Здѣсь тебѣ секретно объявляемъ: урядникъ и солдаты везутъ мертвое тѣло чернеца Ѳедосова тѣло, и тебѣ о семъ, для чего ты посылаешься и какія то вещи, никому подъ жестокимъ штрафомъ отнюдь не сказывать. И когда ты ѣдущаго урядника съ Ѳедосовымъ тѣломъ встрѣтишь близъ Олонецкой верфи верстахъ во стѣ или побольше, то оное тѣло везти до Александрова монастыря Свирскаго и тутъ въ монастырѣ погребсти, а буде близъ Бѣла-Озера или Вологды, то въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ погребсти, и въ которомъ мѣстѣ не погребешь, токмо отъ командующаго того мѣста возьми исполнительное письмо. У урядника съ Ѳедосовымъ тѣломъ спросить, было ли отпѣваніе Ѳедосова тѣла, и въ такомъ случаѣ при погребеніи, другаго отпѣванія не велѣть чинить".

Все это подробное секретное наставленіе оканчивалось обыкновенною лебединою пѣсней Тайной канцеляріи: „буде же что съ небреженіемъ и съ оплошностью

сдѣлаешь, не по силѣ сей инструкціи, и за то жестоко истяжешься".

Между тѣмъ, архангельскій губернаторъ Измайловъ не зналъ объ этихъ новыхъ распоряженіяхъ и 4 марта, получивъ предписаніе Тайной канцеляріи объ отправленіи тѣла въ Петербургъ, сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія: отъискалъ гарнизоннаго лекаря, придалъ ему въ помощь гарнизоннаго подполковника Хрипунова, отправилъ ихъ въ Кирилловъ монастырь и предписалъ вырыть Ѳедосово тѣло, вынувъ внутренность, положить тѣло въ гробъ, засмолить и закупорить „и при томъ исполненіи никому, кому не надлежитъ, быть не велѣно".

До монастыря отъ Архангельска было недалеко, всего 34 версты. Хрипуновъ съ лекаремъ разсчитали такъ время, что пріѣхали въ монастырь ночью, въ 4 часу, и призвавши одного архимандрита, приступили къ дѣлу. Въ 5 часу все было кончено: лекарь „произвелъ анатомію", а потомъ архимандритъ, полковникъ, урядникъ и два солдата обили холстомъ гробъ, засмолили, увязали веревками, и урядникъ Коломнятиновъ съ солдатами отправились въ Петербургъ. Имъ строго приказано объявить по дорогѣ, что ѣдутъ „съ нѣкоторыми вещьми".

Урядникъ Коломнятиновъ спѣшилъ въ Петербургъ, а изъ Петербурга ему на встрѣчу въ это же время скакали не одинъ сержантъ Софоній Воронинъ, но еще кабинетскій курьеръ Прокофій Матюшкинъ. О порученіи Воронина мы знаемъ, но Матюшкинъ былъ посланъ раньше Воронина, а именно 1 марта, прямо изъ кабинета императрицы и съ весьма страннымъ порученіемъ.

У Матюшкина была въ карманѣ бумага слѣдующаго содержанія:

„Объявитель сего кабинетъ-курьеръ Прокофій Матюшкинъ, что объявитъ указомъ ея императорскаго величества, и то вамъ исполнить безъ прекословія и о томъ обще съ нимъ въ кабинетъ ея величества письменно рапортовать, и чтобъ это было тайно, дабы другіе никто не вѣдали. Подписалъ кабинетъ-секретарь Алексѣй Макаровъ".

Сверху было написано: „Указъ ея императорскаго величества изъ кабинета обрѣтающемуся оберъ-офицеру или унтеръ-офицеру при мертвомъ тѣлѣ монаха Ѳедосія".

Что жъ еще ожидало мертваго Ѳедосія?

10 марта въ одной деревушкѣ, не доѣзжая 60 верстъ отъ города Каргополя, урядникъ Коломнятиновъ „съ нѣкоторыми вещьми" съѣхался съ Матюшкинымъ. Матюшкинъ выслалъ вонъ всѣхъ постороннихъ изъ избы, кромѣ четырехъ солдатъ Преображенскаго полка—двое изъ нихъ пріѣхали съ нимъ, а двое съ Коломнятиновымъ—предъявилъ бумагу изъ кабинета и приказалъ открыть гробъ. Коломнятиновъ, съ помощью солдатъ, исполнилъ требованіе Матюшкина... Матюшкину поручено было тайно осмотрѣть, не явится ли на томъ тѣлѣ какихъ язвъ (донесеніе Матюшкина). Язвъ не оказалось. Коломнятиновъ съ тѣломъ поѣхалъ по тракту въ Петербургъ.

По какому поводу, съ какою цѣлью былъ этотъ осмотръ, въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ.

На другой день Коломятиновъ встрѣтилъ посланнаго изъ Тайной канцеляріи сержанта Воронина, недалеко

отъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Воронинъ поворотилъ ихъ въ монастырь, и 12 числа, въ 5 часу, въ послѣдней четверти, объявленъ былъ игумену приказъ о погребеніи тѣла Ѳедоса.

Въ 9 часу, во второй четверти, доносили изъ Кирилло-Белозерскаго монастыря въ Тайную канцелярію „тѣло Ѳедоса погребено при Евѳимьевской церкви".

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ СТАТЬѢ «ЧЕРНЕЦЪ ѲЕДОСЪ».

ПРИЛОЖЕНІЕ № 1.

Божіею милостію прехраброму, благочестія подвигоположнику и прекрѣпкому всѣхъ супостатскихъ силъ и навѣтовъ побѣдителю, пресвѣтлѣйшему, великодержавнѣйшему, богохранимому монарху, великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, многихъ восточныхъ, западныхъ и сѣверныхъ странъ обладателю и повелителю.

Благодать и миръ Господа нашего Іисуса Христа отъ него же здравія невреднаго, спасенія душевнаго, желаемаго по сердцу благополучія и премножайшихъ лѣтъ.

Послѣднѣйшій богомолецъ и рабъ нижайшій недостойный митрополитъ Іовъ съ великимъ желаніемъ благодушнѣ усердствуетъ.

И паки велію и всещедрую Божію благость пріискренно молю. Да по своему божественному великому милосердію и неизреченному человѣколюбію призритъ съ высоты пренебеснаго престола своего милостивыми очами на тебя вѣрнаго своего на землѣ намѣстника суща, благочестивѣйшаго нашего монарха, и милостиво благословитъ и силою своею божественною возвеселитъ, побѣды и низложеніе даруя ти на вся непріятели и сопостаты, способствуя тебѣ и всему воинству—оружіемъ креста животворящаго, и яко иногда кроткому Давиду пособивый побѣдити пращею и копіемъ иноплеменника гордаго Голіаѳа, вся бо велика хощетъ Господь и

яко истинный Богъ нашъ, да сотворитъ тебѣ, благочестивѣйшему царю нашему, по волѣ сердца твоего и яже желаеши во вся дни живота твоего.

Еще рабски прошу неизреченныя божіей щедроты, дабы новозданный ти домъ царскій въ ново-богодарованномъ твоемъ градѣ Нарвѣ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ яко же изволи внити подъ кровъ дома Закхеева и спасеніе самому ему и всему дому его даровати, такъ и нынѣ благодатію всесвятаго своего духа новосозданный домъ твой царскій, иже въ Нарвѣ, благословитъ и освятитъ и вся жилища въ немъ миромъ оградитъ и утвердитъ его на твердомъ камени по божественному евангельскому гласу, и яко ни вѣтръ, ни вода, ни огонь, ни что противное разорити и повредити я возможетъ, и всѣхъ въ немъ живущихъ силою своею божественною сохранитъ въ безопасности и врежденія отъ всякія сопротивныя силы находящія да соблюдетъ, даруя тебѣ, всепресвѣтлѣйшему нашему монарху, богатыми своими дарованми миръ безмятежный и добросогласіе и всякое благообиліе земныхъ и небесныхъ.

Сице тебѣ, благочестивѣйшему нашему, богомудрому монарху, великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу, азъ худшій рабъ и послѣдній богомолецъ благовелелѣпныя и пресвѣтлѣйшія твоея царскія державы, недостойный митрополитъ Іовъ, подъ стопы красныя твоя главу мою наклоняю и на много лѣта поздравляю. Преносылая пресвѣтлѣй ти царствѣй державѣ, на благословеніе новозданнаго ти онаго дому образъ премудрости слова божія, при семъ же на новоселеніе въ домъ той сто рублевъ денегъ, хлѣбъ, два мѣха меда краснаго, мѣхъ меда варенаго, пожалуй меня нищаго богомольца своего, вели государь тое потребу пріять и кушать во здравіе. Старецъ Іовъ, Бога всесвятаго моля, паки и паки съ вѣлѣимъ и благоговѣніемъ и желаннымъ усердіемъ пренижайше челомъ бьетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 2.

Всемилостивѣйшій государь.

Поздравляю ваше величество съ пользою вашего здравія и вашимъ тезоименитствомъ и молодшаго хозяина С.-Петербургскаго.

При семъ доношу вашему величеству: сестра ваша государыня царевна Марія Алексѣевна въ пользованіи своего здравія пребываетъ въ добромъ состояніи.

И о моемъ ничтожествѣ доношу: во многихъ добрыхъ дѣлахъ подражатели вы бываете вашему патрону, а нынѣ и во исцѣленіи немощнаго подражатели бысте еже содѣяся вашимъ благоволеніемъ во мнѣ ничтожномъ, ибо великую пользу пріобрѣтаю въ моемъ здравіи, но ради множества злыхъ мокротъ, которыя всю болѣзнь во мнѣ дѣлаютъ, куръ мой, по разсужденію докторскому, продолжится отъ 20 мая до первыхъ чиселъ іюля, и егда оный окончу, немедленно со тщаніемъ буду поспѣваться, а ей-ей докучило въ немъ жить и хочется гораздо Петрова пути идти по водамъ, котораго нынѣшняго лѣта еще не обновилъ.

Вашего величества

нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ

Ѳеодосій, архимандритъ.

Отъ Карлсбада.

21 іюня 1716 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 3.

Всемилостивѣйшій государь.

Ежели продолжится странствіе вашего величества за святую пасху, благоволите мнѣ пожаловать сію благодать, дабы мнѣ, по отправленіи при государынѣ царицѣ праздника пасхи, имѣть путь мой для отправленія вторичнаго кура до Карлсбада, а до С.-Петербурга безъ воли в. в. оттуду истинно не дерзну, но буду ожидать позволенія или возвращенія вашего на пути, гдѣ изволите, въ Берлинѣ или въ Данцигѣ.

А по предреченному вашего величества повелѣнію въ Аккенъ воды пить не смѣю двухъ ради причинъ: первое, для перемѣны воды, чтобъ противное что ни случилось, второе для великаго дорожнаго по ослабленію натуры труда, который можетъ или на одномъ мѣстѣ въ чужомъ краѣ долгое время одержать, или вовсе натуру повредить.

Вашего величества

нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ

Ѳеодосій, черноризецъ.

Изъ Гаги, 26 марта 1717 г.

Письмо изъ Карлсбада отъ 27 мая 1717.

Всемилостивѣйшій государь.

Также весьма закрыто было намѣреніе вашего величества о мнѣ ничтожномъ, того ради дабы не пропустить времени прежде дражайшаго вашего писанія, которое, обрѣтаясь уже въ Карлсбадѣ, получилъ, дерзнулъ я испросить позволенія мнѣ у государыни царицы до онаго, о чемъ невозвратно зѣло жалѣю, понеже по волѣ вашего величества, видѣть было мнѣ мѣсто, достойное видѣнія, обаче надѣюсь впредь ну вассеръ, и уповаю на милость божію, что и вашихъ дѣлъ возжелаютъ такимъ же образомъ видѣть, какъ вы нынѣ, и ежели чужеземцы къ онымъ желаніе будутъ имѣть, то домашнимъ довольно будетъ что видѣть.

Прочее раболѣпно доношу вашему величеству: сего мая 26 королевское величество польской до Карлсбада прибылъ, а при немъ и ради его собралось до Карлсбада людство великое.

Вашего величества

нижайшій рабъ и всеблагожелательный молитвенникъ

Ѳеодосій, архимандритъ.

Изъ Карлсбада, 27 мая 1717 anno.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 4.

Азъ нижепоименованный обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ святымъ его Евангеліемъ, что хощу и долженъ есмь моему природному истинному государю, всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему Петру Великому, императору и самодержцу всероссійскому и прочая, и прочая, и прочая, и по немъ его императорскаго величества высокимъ законнымъ наслѣдникамъ, которые, по изволенію и самодержавной его императорскаго величества власти, опредѣлены и впредь опредѣляемы къ воспріятію престола удостоены будутъ, и ея величеству всемилостивѣйшей великой государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть, и всѣ къ высокому его императорскаго величества самодержавству симъ и власти принадлежащія права и прерогативы (или преимущества), узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, въ томъ живота своего въ потребномъ

случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что его императорскаго величества вѣрной службѣ и пользѣ во всѣхъ случаяхъ касаться можеть, о ущербѣ же его императорскаго величества интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщатися буду, когда же къ службѣ и пользѣ его императорскаго величества какое тайное случится дѣло, или какое бы оное ни было, которое приказано мнѣ будеть тайно содержать, и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будеть повелѣно объявлять; также и собственной моей правильной власти, великому господину святѣйшаго правительствующаго синода вицепрезиденту, преосвященному Ѳеодосію, архіепископу великоновгородскому и великолуцкому и архимандриту александровскому, во всемъ по должности моей вѣренъ и весьма покоренъ быть и все до его архіерской части принадлежащее по послѣдней моей силѣ умножать и охранять и всякіе его преосвященства собственные и домовые интересы соблюдать и остерегать и защищать и тайность хранить всеусердно буду, и о противныхъ случаяхъ доносить и всякіе вреды отвращать все прилежно почтуся, и провѣренной и положенной на мнѣ чинъ, въ который я указомъ его преосвященства опредѣленъ, какъ по приличнымъ званію моему императорскаго величества указамъ и регламентамъ и прочимъ правамъ, такъ и по его преосвященнаго архіепископа опредѣленіямъ и инструкціямъ, каковыя мнѣ вручены, или впредь даны будутъ, и по всѣмъ государственнымъ правамъ, отъ которыхъ, что до моего званія и порученнаго мнѣ правленія надлежитъ, долженствую исправлять по совѣсти моей вѣрно и справедливо и во званіи моемъ усердствуя поступать, по надлежащему, безпристрастно, и вся порученная мнѣ буду дѣйствовать по совѣсти моей не работствуя лицепріятію, не болѣзнуя враждою, завистію и упрямствомъ и никаковыми же плѣняяся страстьми, клянуся же и о томъ, что мнѣ не для какой своей корысти, свойства, дружбы, ни вражды противно должности моей и сей присяги не поступать, и никому ни для какихъ причинъ похлебства и манок также и обиды не чинить и ничѣмъ самому не корыстоваться, и другимъ того не попущать, но во всемъ такимъ образомъ себя весть и поступать какъ доброму и вѣрному и во

всемъ послушному рабу и подданному надлежитъ и благопристойно есть, и какъ я передъ Богомъ и судомъ его страшнымъ въ томъ всегда и отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ, клянуся же и еще Богомъ живымъ, что во всю мою жизнь церковнымъ противникомъ въ ихъ противностяхъ совѣщаться и никакихъ въ томъ съ ними согласій употреблять и защищать-то ихъ и укрывать никакимъ образомъ отнюдь не буду, но вся раскольническая согласія, елико гдѣ нынѣ суть, или впредь будутъ, проклинаю; наконецъ же клянуся Всевидящимъ Богомъ, что вся мною нынѣ обѣщеваемая устнами поименованной силѣ и въ полномъ разумѣ, яковую силу и разумъ чтущимъ и слышащимъ сія являютъ, утверждаю же сія клятвою моею, буди мнѣ Сердцевидецъ Богъ обѣщанія моего свидѣтель, яко не ложное есть, аще же что ложное и не по совѣсти моей, буди мнѣ тоже правосудный отмститель; въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего и подписую.

При томъ подписать число, мѣсяцъ и годъ.

Маія 31 дня 1724 года. При томъ подписано сицѣ:

Судья архимандритъ Андроникъ.

Дьякъ Иванъ Смазинъ.

Дьякъ Иванъ Протопоповъ.

Дьякъ Григорій Наумовъ.

Дворецкій Василій Бухвостовъ.

Гіунъ Іерей Иродіонъ Петровъ.

Чашникъ монахъ Герасимъ.

Разрядныхъ и прочихъ дѣлъ повытчики:

Анисимъ Кононовъ.

Сергѣй Росляковъ.

Иванъ Верещагинъ.

Иванъ Ключаревъ.

Емельянъ Якимовъ.

Ефимъ Тимофѣевъ.

Кондратій Хомантовъ.

Степанъ Гавриловъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ № 5.

Объявленіе.

Бывый развращенный, зависти и самолюбія исполненный, невскій архимандритъ и новгородскій архіерей, яко хищный волкъ прокрался въ овчей кожѣ; только себя любилъ, а братію весьма ненавидѣлъ. Еще онъ же по острожелчію своему дненощно вымышлялъ, какъ бы брату своему пакость сотворити, а иногда и искій — кого бы и поглотити. Уже о такомъ строптивомъ нововоставшемъ Ѳранцышкѣ прекращу говорити.

Онъ же, Ѳранцышка, будучи въ Москвѣ, оставя церковныя службы и монашеское преданное правило, уставилъ у себя самлеи (ассамблеи) съ музыкою, и тѣшился въ карты, шахматы къ тому ненасытно забавлялся, яко бы вмѣсто всенощнаго пѣнія себѣ вмѣнялъ, и другихъ къ тому понуждалъ.

И бывшимъ въ Москвѣ архіереомъ, также въ московскимъ монастырямъ архимандритомъ и послѣднимъ маломощнымъ игуменомъ и воздвиженскому, сочиня вседневную роспись, велѣлъ самлеямъ быть съ различными потѣхами, и то-де міру не будетъ въ тягость.

Да онъ же, Ѳранцышка, на московскомъ подворьѣ велѣлъ послушнику своему Тарасу съ колокольни старинные колокола продать, чтобъ не мѣшали ему во всю ночь въ шахматы играть, потомъ довольно спать. Онъ же въ палатахъ особливую себѣ нѣмецкую баню сдѣлалъ новымъ проводомъ, чтобъ ни у кого такой не было, все потаенно.

Онъ же собою, безъ указу благочестивыя и вѣчнодостойныя памяти его и. в., въ Дмитровѣ городѣ старинной борисоглѣбскій монастырь приписалъ къ себѣ вовсе съ вотчинами и со крестьяны и со всѣми угодьи, а старцовъ того монастыря велѣлъ выбить вонъ безвременно, и оный монастырь разорилъ, безстрашникъ, занапрасно.

Да онъ же, яко сущій бѣсноватый, будучи въ Москвѣ въ 723 году, на память великаго святителя Алексѣя митрополита, въ Чудовѣ монастырѣ во время литургѣи въ алтарѣ кричалъ бѣшенымъ своимъ гласомъ: „Ризничей чудовскій, принеси ко мнѣ Алексѣя

чудотворца образъ, который носятъ въ крестномъ хожденіи". И паки онъ же кричалъ нелѣпымъ гласомъ: „Ризничей, подай ножъ". И, взявъ ножъ, святителя помянутый образъ положа на лавку, съ гнѣвомъ говорилъ хульныя слова: „Нѣкто-де безумный золотой сей окладъ приложилъ", и рѣзалъ проволоку, едва смогъ, однако развращенный онъ желаемое получилъ, золотую цату оторвалъ чеканной работы и положилъ себѣ въ карманъ нагло при всѣхъ. И о томъ дерзновеніи съ плачемъ всѣ зрящіе удивились его похабству.

Онъ же строптивый Ѳранцышка, какъ получилъ милость въ синодѣ судіею засѣдать и вымысля наглостію своею, распечатавъ патріаршу ризницу, разобравъ всякую святѣйшихъ патріарховъ рухлядь, похитилъ себѣ лучшія портищи, рясы теплыя, мѣхи старинные, соболіи подъ бархатомъ и подъ атласомъ, и старинныя объяри, бейбереки, луданы большей руки, мѣхи старинныхъ чернобурыхъ лисицъ, часы золотыя и иныя портищи дарилъ своихъ совѣтниковъ и прочихъ нескудно, и Овсянникова дарилъ же, много вещей исхитилъ.

Также они вымыслили послѣ умершихъ архіереовъ келейную всякую рухлядь къ себѣ забирать, подобно съ лучшихъ и знатныхъ архимандритовъ къ себѣ обирать же, и лучшія вещи и оставшія деньги дѣлятъ по себѣ, и того ради обогатились. О таковыхъ писаніе глаголетъ: веселящуся сердцу цвѣтетъ лице. Возникли у нихъ дорогія кареты и возки золотые.

А мы побѣдные, утѣсненные денощно плачемъ, различно велятъ секретарямъ и канцеляристамъ намъ русскимъ досаждать и пакости чинить, а своихъ черкасовъ снабдѣваютъ и всяко охраняютъ. Еще же по ихъ велѣнію строптивые инквизиторы различныя намъ пакости содѣваютъ; а именно: они себѣ жалованья опредѣляютъ немалое и берутъ повольно, а на насъ алтыны и копѣйки взыскиваютъ и безъ милости требуютъ и убытчатъ.

Онъ же, Ѳедосъ, въ Москву прибылъ въ первозимья и велѣлъ въ синодальномъ дворѣ сварить добрыхъ пивъ съ семдесятъ вары и дарилъ приказнымъ людемъ и своихъ секретарей наполняютъ и насыщаютъ всяко.

Онъ же бывый новгородцкій разоритель вымыслилъ съ келейнымъ своимъ секретаремъ Герасимомъ, похитилъ себѣ, послѣ смерти Стефана митрополита вскорѣ, на Прѣснѣ дворъ съ садами и съ

прудами, въ которыхъ прудахъ въ разныхъ годѣхъ при бытности Стефана митрополита покупной рыбы разныхъ родовъ пустилъ многое число. Онъ же взялъ послѣ Стефана митрополита лучшую карету себѣ рублей въ двѣсти и вящше.

При томъ же домѣ взялъ цѣлую слободку бобылей, семей съ шестнадцать, и донынѣ по свою погибель напрасно владѣлъ, понеже Стефану митрополиту оной прѣсненской дворъ сталъ со всякимъ заводомъ тысячъ въ шесть и вящше, а строилъ все на домовыя казенныя деньги; притомъ и хлѣбныхъ запасовъ издержано многое число, а платы намъ за этотъ дворъ и за прочее ничего не далъ и уплаты не учинилъ.

Онъ же лукавецъ Ѳедосъ вымышленно похитилъ въ Москвѣ на романовѣ дворѣ бывшаго протопопа Якова Игнатьева домъ—палаты новыя зданіемъ господственно и отдавалъ въ наемъ посацкимъ повольною цѣною охотникомъ, а на годъ бралъ найму рублей по семидесятъ и по осмидесятъ.

Онъ же сребролюбецъ бывый невскій архимандритъ владѣлъ въ Москвѣ Иверскимъ подворьемъ и по вся годы отдавалъ въ наемъ армяномъ и смольяномъ и русскимъ разныхъ чиновъ людямъ, а плату бралъ себѣ въ келью.

Ему же гордому фараону многіе архіереи и архимандриты присылали въ дары лучшіе и не малые гостинцы повсягодно, кіевскій, сибирскій, нижегородскій и греческій дарили, чтобы всегда въ милости его были, а именно: оиваидскому греченину за богатые дары отдалъ совсѣмъ Вологодское подворье въ Москвѣ.

Се и себя не пожалѣлъ. И о себѣ объявляю, какъ я посланъ былъ изъ Нижняго въ Смоленскъ отъ его вымышленнаго навожденія и въ то время просился я чрезъ его ходатайство изъ Смоленска въ С.-Петербургъ. И какъ я прибылъ, и онъ ко мнѣ лукавецъ на квартиру пріѣзжалъ, и я отъ келейныхъ своихъ вещей его дарилъ различными вещьми. Еще въ Невскомъ монастырѣ, въ его жъ кельѣ, взялъ онъ архимандритъ у меня пятьдесятъ червонныхъ келейныхъ моихъ и обѣщалъ меня впредь миловати и охранять, и вмѣсто охраненія восталъ на меня свирѣпо и мстилъ жестоко мнѣ, а за что не знаю, и пакости несносныя чинилъ, и такъ озлился, якоже левъ рыкая и искалъ мя поглотити, и другихъ возмутилъ на мя пакости чинить. И о всемъ дивно, откуда сему такая львиная сви-

рѣпость и гордость и братоненавидѣніе, а видомъ онъ кажется якоже изуморъ, и такъ озлился и сокрушилъ, едва нынѣ живъ осталось, и убытковъ, и изъяновъ, и разоренія, онъ, ненавистныхъ много мнѣ учинилъ, а именно доправилъ съ меня напрасно денегъ тысячу четыреста рублевъ, отчего я и донынѣ одолжалъ.

Еще во время свою бѣду и горькое страданіе хощу объявити, какъ блаженныя памяти всемилостивѣйшій государь императоръ, по своей высокой милости, указалъ богомольца своего, меня, стараго митрополита и за Тверь перевести въ старую рязанскую митрополію, на мѣсто Стефана митрополита, митрополитомъ же, а помянутый изуморъ Ѳедосъ увидѣлъ, что не ево избраніемъ пожалованъ, по завѣсти своей вымыслилъ, обще съ Палехинымъ и со Овсянниковымъ, призвавъ въ синодальную палату, ведѣли сказать сказку: пожалованъ-де ты въ рязанскую епархію, и ты будучи тамо митрополитомъ, во время церковныя службы Бога молить за себя не вели, а пишися епископомъ. И отъ оныхъ невѣмы за что уничтоженъ, что и значило данную мнѣ митрополію честь по зависти отъяли безъ всякія причины. Каково пріятно будетъ, какъ пожалуютъ кого изъ генераловъ въ полковники, а въ духовномъ чинѣ изъ поповъ въ діаконы, а изъ офицера въ солдаты? А кольми паче всякому напрасная обида терпѣть вельми прискорбно? А оный новый Ѳранцышка не положи Бога помощника себѣ, упова на лукавство свое и на потаенное богатство, на сребряные слитки и на сервизы и на червонцы. И серебро съ нимъ да будетъ ему въ погибель.

Онъ же, злой сосудъ и самый пакостникъ, вымысляя съ подобными себѣ, св. отецъ и первѣйшихъ законодавцовъ, преосвященныхъ святѣйшихъ московскихъ митрополитовъ и святѣйшихъ нашихъ патріарховъ преданія и законы нарушилъ и разорилъ, а которыя благословенныя были намъ исконно всѣхъ архіереевъ положеннымъ предѣломъ умѣренные и уравнительные за службу и за труды доходы, какъ за поставленіе во дьяконы и въ попы и всякаго ставленника указанное число брали... на столъ, и то все онъ, строптивый ненавистникъ, исказилъ, и отеческіе уставы повредилъ, и насъ помянутыми доходцы нынѣ и впредь напрасно изобидѣлъ, также при насъ и священнослужителей и іеродіаконовъ и поддья-

коновъ и пѣвчихъ всѣхъ онъ, окаянный, всѣми ослезилъ, а себѣ за-морской сервизъ богатый соорудилъ.

Онъ же, изуморъ, забывъ страхъ Божій и смертный часъ, будто отъ великаго ума благословилъ и говорилъ поносительно и руга-тельно: какіе-де были россійскіе патріархи!..

Онъ же, отчаянный Яновскій, честныхъ отцовъ преосвященныхъ митрополитовъ Іова новогородцкаго ругалъ и поносительно лаялъ, и по смерти его персону раздиралъ и на огнѣ сожигалъ... на ми-трополита рязанскаго... различно безчествовалъ и лаялъ... накости ему до смерти чинилъ... Спаситель Іисусъ... горе, горе соблазны творящимъ... великій святитель...ый пишетъ: аще... одинакого кого изъ малыхъ соблазнитъ, лучше бы-де на выю его жерновный ка-мень обѣсити и въ пучину морскую извергнути отраднѣе-де бы-ло бы.

А онъ, злочестивецъ Яновскій, онъ же шаленый ков...къ кому подобенъ, что многіе соблазны предъ народомъ безстыдно творилъ и на накость многимъ оскорбленіе чинилъ, и святыхъ угодниковъ и святѣйшихъ іерарховъ различными хулы ругалъ и по всему онъ подобенъ древнимъ еретикамъ: Арію безумному и Несторію гнус-ному!..

КНЯЖНА ПРАСКОВЬЯ ГРИГОРЬЕВНА ЮСУПОВА.

I.

Ссылка въ Тихвинскій Введенскій монастырь.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1830 г. въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь привезли изъ Москвы съ солдатами молодую женщину на заточеніе въ монастырь.

Тихвинскій архимандритъ Ѳеодосій, подъ начальствомъ котораго былъ монастырь, выдалъ росписку сержанту въ полученіи ссыльной и передалъ ее съ рукъ на руки игуменьѣ Дорофеѣ, съ приказаніемъ держать на-крѣпко привезенную особу и никого къ ней не допускать.

Это была княжна Прасковья Григорьевна Юсупова, дочь извѣстнаго въ царствованіе Петра I-го генерала Григорья Дмитріевича Юсупова, скончавшагося 2 сентября 1730 года.

Что было поводомъ къ удаленію отъ дворца и ссылкѣ княжны Прасковьи Григорьевны—объ этомъ никто не

зналъ, кромѣ Андрея Ивановича Ушакова, повѣреннаго всѣхъ придворныхъ тайнъ, оканчивавшихся нерѣдко ссылками, и въ указѣ къ архимандриту изъ Сената ничего объяснено не было. Въ Москвѣ носились слухи, что княжна была предана Елисаветѣ Петровнѣ, интриговала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ о возведеніи цесаревны на престолъ, и что это была причина ссылки; другіе разсказывали, что княжна сослана за отца, который будто бы былъ въ числѣ лицъ, желавшихъ ограничить самодержавіе Анны Іоанновны; наконецъ болтали, что ссылка княжны была просто семейная интрига брата ея, камергера Бориса Григорьевича Юсупова, который ненавидѣлъ сестру свою и желалъ воспользоваться всѣмъ имѣніемъ.

Въ монастырѣ и объ этихъ слухахъ никто не зналъ. Игуменья приняла княжну на общемъ основаніи присылаемыхъ ссыльныхъ и на первый разъ помѣстила ее у себя въ кельѣ. Изъ пышныхъ палатъ, разлученная съ матерью своею, княжна Прасковья Григорьевна очутилась въ тѣсной кельѣ, и по указанію игуменьи помѣстилась въ углу, за занавѣской, у дверей. Бѣдная кровать, деревянный столъ и стулъ составляли единственное украшеніе ея новаго жилища. Княжна горько заплакала и, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, не отвѣчая ни на какой вопросъ, закуталась въ одѣяло и продолжала стонать и плакать. Присутствіе уродливой по наружности крѣпостной дѣвки, калмычки Марьи, привезенной съ княжною въ монастырь, наводило еще больше тоски на княжну, напоминая ей недавнее, вольное, счастливое житье....

Но какое горе не смягчается временемъ? Сердце

привыкаетъ къ тоскѣ, процессъ внѣшней жизни постепенно отвлекаетъ вниманіе страждущаго отъ внутреннихъ страданій, новыя заботы замѣняютъ дѣятельность, остановившуюся въ минуту случившагося горя, и несчастіе, отъ котораго въ первую минуту кажется можно умереть, становится не такъ тяжелымъ и даже возможно-переносимымъ... Такъ случилось и съ княжною. Черезъ нѣсколько дней своей ссылки она уже не такъ часто плакала, познакомилась съ игуменьею Дорофеею, съ другими монахинями и начала заботиться объ улучшеніи своего положенія. Средствъ къ этому у княжны было достаточно: во-первыхъ, у нея были деньги, потомъ, мать ея, княгиня Анна Никитична Юсупова обѣщала ей прислать вскорѣ служанокъ, повара и обильное количество съѣстныхъ припасовъ. Княжна узнала отъ игуменьи, что въ монастырѣ есть свободная отдѣльная келья, въ которой жила до ея пріѣзда какая-то ссыльная Калушкина, которую императрица велѣла прислать къ себѣ ко двору, въ Москву. Княжна принялась убѣждать игуменью помѣстить ее въ эту келью, и если можно, то продать ей. Эта сдѣлка была очень выгодна для игуменьи, но она не рѣшилась перемѣстить княжну изъ своей кельи безъ позволенія архимандрита и безъ предварительныхъ соглашеній съ подъячими Архіерейскаго приказа, и потому отправилась въ Новгородъ, чтобъ устроить это дѣло.

Уѣзжая, игуменья приставила къ княжнѣ присмотрщицу, которая, какъ мы увидимъ, имѣла большое вліяніе на судьбу княжны.

Въ Тихвинскомъ посадѣ (нынѣшній городъ Тихвинъ) жилъ кузнецъ Иванъ Ивановъ, по прозванію Юленевъ.

У него была одна дочь Анна. Иванъ въ 1700 г. умеръ; жена его, оставшись владѣтельницею дома и всего имущества, продала все кузнечное производство и занялась торговлею съѣстныхъ припасовъ: пекла хлѣбы и калачи, закупала и перепродавала различный харчъ. Къ этому ремеслу пріучила она и дочь Анну. Въ 1716 году умерла и вдова-кузнечиха; Анна осталась хозяйкою. Главный сбытъ съѣстныхъ припасовъ Анны былъ въ Введенскомъ монастырѣ, и по этому случаю она была лично извѣстна игуменьѣ и всѣмъ монахинямъ и прислужницамъ монастырскимъ. Игуменья, у которой бывали нерѣдко пирушки закелейныя, тайныя, весьма часто имѣла надобность въ Аннѣ, для приготовленія угощеній собесѣдницамъ и собесѣдникамъ этихъ пирушекъ — и такимъ образомъ посвященная въ тайны закулисной монастырской жизни, Анна пользовалась особеннымъ довѣріемъ игуменьи. Уѣзжая въ Новгородъ, игуменья придумала поручить особенное наблюденіе за княжною Аннѣ, на время своего отсутствія и предложила Аннѣ переѣхать изъ ея дома въ монастырь въ свою келью, до своего возвращенія изъ Новгорода.

— Не бойся, Аннушка, говорила игуменья, труды твои не пропадутъ — ссыльная важная персона, княжна Юсупова; она прислана къ намъ подъ начало — мнѣ нужно смотрѣть за ней, ты дѣвка вѣрная... потрудись для меня.

— Да какъ же, матушка, домъ-то покинуть, чѣмъ кормиться? отвѣчала Анна.

— Ничего твоего не пропадетъ, Аннушка; чѣмъ кормиться, не тужи! Княжна богата, у нея свои харчи, княжескія... Мать ей недавно прислала цѣлый домъ

харчей и муки, и крупъ, и миндальныхъ ядеръ, изюму чернослива, орѣховъ, пряниковъ и масла, орѣховаго, маковаго, да, не при комъ будь сказано, и полотковъ гусиныхъ, и ветчины,—всего не перескажешь, полонъ амбаръ навалили... Ѣсть хорошо будешь... А сослужишь мнѣ службу—я дамъ тебѣ десять рублевъ.

Анна была дѣвка бойкая, смѣтливая: позадумалась—да и согласилась.

— Вотъ тебѣ, княжна, прислужница; не изъ монахинь, говорила игуменья, представляя княжнѣ Анну. Дѣвка вѣрная, услужливая, расторопная—скажешь мнѣ спасибо.

Игуменья отправилась въ Новгородъ.

Анна Юленева была находка для княжны: это былъ человѣкъ посторонній, съ которымъ можно было поболтать, порасказать о своей тоскѣ, печали. Съ игуменьею и монахинями княжнѣ было какъ-то неловко—въ нихъ она видѣла будто свое начальство; съ постороннимъ человѣкомъ—дѣло другое.

Анна въ первые дни всматривалась въ княжну и разгадывала ея характеръ. Она увидѣла, что княжна характера своенравнаго, гордая, вспыльчивая и злопамятная, любитъ женскую болтовню, сплетни и подчасъ не прочь повеселиться, да княжеская гордость воспрещаетъ. Анна пересказывала княжнѣ всѣ монастырскія тайны, какъ подчасъ игуменья кутитъ, какъ и монахини подчасъ подпиваютъ и принимаютъ къ себѣ гостей... разсказывала, какъ и она, Анна, въ прежнія молодыя времена (теперь ей уже было около 40 лѣтъ) одѣвалась мужчиною, да ходила по кабачкамъ и харчевнямъ. Княжну это развлекало. Откровенность Анны

расположила къ ней княжну, и она съ своей стороны разсказывала Аннѣ, какъ она жила „въ благополучіи“ при своей матери, и потомъ, какъ послѣ смерти отца „впала въ несчастіе и сослана въ монастырь“.

Анна старалась добиться, за что и какъ сослана, но княжна не договаривалась и не разсказывала подробностей.

Покуда игуменья ѣздила въ Новгородъ, княжна такъ подружилась съ Анною, что ни за что не хотѣла съ нею разстаться, и чтобъ привлечь ее къ себѣ еще сильнѣе, безпрестанно дарила ее то деньгами, то вещицами.

Возвратясь изъ Новгорода, игумепья послала за монастырскимъ стряпчимъ Петромъ Шпилкинымъ.

— Княжнѣ Прасковьѣ здѣсь тѣсно жить, да и мнѣ не сподручно. Продай ей келью Калушкиной. Я ѣздила въ Новгородъ—сказали: можно.

— Слушаю, матушка, отвѣчалъ Шпилкинъ. Да какую же цѣну взять съ княжны? спросилъ Шпилкинъ, взглянувъ на княжну, которая сидѣла возлѣ игуменьи.

— Это твое дѣло, батюшка, дѣло монастырское; келья пуста стоитъ, а продадимъ—деньги принесетъ.

Шпилкинъ подумалъ и обратился къ княжнѣ:

— А что, ваше сіятельство, тридцать рублевъ не дорого покажется, а дешевле ей-ей отдать нельзя...

Княжна съ радостію согласилась—хотя тридцать рублей по тогдашнему деньги были немалыя, но торговаться не приходилось; а жить своимъ домомъ, избавиться отъ постояннаго подглазнаго надзора игуменьи стоило для княжны дороже тридцати рублей. Особая

келья съ преданною Юленевою, для княжны равнялась съ волею.

Въ тотъ же день княжна переселилась въ новое свое помѣщеніе. Она думала, что освободится отъ присмотра, но игуменья была женщина осторожная и приставила къ ней старицу Иринарху. Это не понравилось княжнѣ—но что же дѣлать, все лучше же и свободнѣе въ своей особой кельѣ, чѣмъ въ углу, за занавѣсомъ, въ кельѣ игуменьи, гдѣ она протомилась слишкомъ шесть недѣль.

— Вотъ какой бываетъ случай, княжна Прасковья Григорьевна—говорила вечеромъ Анна Юленева, сидя на постели у княжны, въ новой кельѣ. Ѳедора Калушкина жила здѣсь долго—тоже была ссыльная дворцовая: тебя изъ дворца, а ее опять во дворецъ; чудно, голубушка, какъ это бываетъ на свѣтѣ—за что это такъ одни ссылаютъ, а потомъ другіе возвращаютъ? Твое дѣло княжеское, жила во дворцѣ, чай, знаешь, матушка?

— Ничего не знаю, отвѣчала нетерпѣливо княжна.

— А здѣсь, матушка, и подавно ничего не знаютъ; болтали въ народѣ о Калушкиной, слышала я отъ матери, да и забыла...

— И я слышала отъ матери! сказала княжна со слезами на глазахъ... Когда я въ ссылку послана еще не была, то матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня по Калушкину послала, чтобъ ей, Калушкиной, быть во дворцѣ...

— Кто же это заведетъ, матушка? спросила Анна...

Княжна прекратила разговоръ и отпустила Анну спать.

Жизнь княжны въ своей особенной кельѣ пошла совсѣмъ иначе, нежели у игуменьи. Она устроилась какъ въ собственномъ домѣ; черезъ Анну прикупила въ Тихвинскомъ посадѣ кой-какую простую мебель, разложила присланныя отъ матери своей изъ Москвы вещицы: часы и табакерки, и готовальни, серебряную посуду, чайникъ съ канфоркою, кружку, чашку и пр.; развѣсила свои платья, устроила подполье съ припасами и отдала его въ распоряженіе Анны. Изъ Москвы же прислали къ княгинѣ еще двухъ служанокъ и повара. На сколько позволяли обстоятельства, княжна удовлетворяла свое честолюбіе. Кромѣ церкви, она не выходила никуда, но за то ее посѣщали ежедневно: то игуменья, то монахини, или стряпчій Шпилкинъ съ женою и съ зятемъ, Тихвинскимъ посадскимъ человѣкомъ Проскурняковымъ. Заѣзжалъ къ ней и архимандритъ тихвинскій Ѳеодосій, который смотрѣлъ на всё сквозь пальцы, желая угодить княжнѣ изъ признательности, которую онъ сохранялъ къ отцу ея, за оказанныя ему какія-то милости. Около княжны образовался свой кружокъ, передъ которымъ она держала себя гордо и съ достоинствомъ, и если горе въ присутствіи собесѣдниковъ вызывало иногда слезы о неправедно заслуженной ссылкѣ, то новые друзья ея спѣшили утѣшать ее и уговаривать, чтобъ она не предавалась такъ глубоко печали, „что Богъ не оставитъ ее“.

Игуменья старалась также утѣшать княжну и даже одинъ разъ пришла къ ней съ костьми и разводила ими и гадала. Вотъ, говорила игуменья, смотря на кости, о свободѣ твоей, княжна, изъ монастыря, скоро пришлютъ указъ...

Княжна качала головою. Ей хотѣлось бы повѣрить гаданью.

— Знаешь, княжна, говорила игуменья, я тебѣ еще пришлю одну новгородскую женку для отгадыванья. Вотъ уже отгадчица! Я была простой монахинею; она мнѣ предсказала быть игуменьей — и сбылось! А архимандриту Андронику, когда онъ былъ простымъ монахомъ, сказала быть архимандритомъ — тоже сбылось!

Еще двѣ монахини ходили къ княжнѣ и разводили костьми—а свобода изъ Москвы не приходила, да и не ждала ее княжна! она утѣшалась тѣмъ, что жила въ монастырѣ, какъ будто на княжеской ногѣ, съ нѣкоторыми почестями. Припасовъ изъ Москвы было вдоволь и безпрестанно подвозили: сахаръ, чай, сушеную малину, миндальныя ядра, ломанные пряники, имбирь, винныя ягоды, изюмъ, различную пастилу, всякаго рода крупы, гречневая, пшеничная, зеленая, просяная, ячменная, овсяная, сарачинское пшено, толокно, сушеныя груши и яблоки, макъ, различныя масла: коровье, орѣховое, маковое, медъ, полотки индѣйскіе, утиные, гусиные, окорока ветчины, водка, вино — все это привозилось княжнѣ въ изобиліи отъ ея матушки, княгини Анны Никитишны, изъ Москвы. Княжна приглашала къ себѣ и на обѣды, и на ужины, и угощала какъ дома. Туалетъ княжны, для ссыльной въ монастырѣ, былъ тоже довольно роскошенъ: у нея было нѣсколько перемѣнъ шлафроковъ и юбокъ: шлафрокъ гродетуровый зеленый, голубой камчатной, опушонъ алою тафтою, красный байбарековой съ голубою опушкою. Зимою щеголяла княжна въ шубахъ: то въ желтой тафтяной на бѣличьемъ мѣху, съ серебряными пуговицами; то въ камчатной вишне-

вой на заячьемъ мѣху; были у нея и корсеты, и фонтанжи, и чепцы, и косыночки, и переднички и платки, шитые серебромъ и шелковые, и съ кружевами, и рукавнички желтыя лайковыя, и шапка соболья—верхъ бархатный пунцовый, и соболи шейные... Одѣваясь и переодѣваясь, княжна забывала, что она въ монастырѣ, подъ началомъ; игуменья и архимандритъ смотрѣли на княжну, на наряды, пировали и слушали ея разсказы о дворцовомъ житьѣ-бытьѣ, о московскомъ...

Княжна любила разсказывать, но никогда не договаривала, за что ее сослали.

Тихвинскій архимандритъ и стряпчій Шпилкинъ, особенно пользовались ея довѣренностью и съ ними она была разговорчивѣе.

Архимандритъ и Шпилкинъ слушали княжну съ особенными знаками уваженія, но и съ примѣсью страха.

Съ Анною Юленевою княжна доходила до большихъ откровенностей и не удерживала себя въ выраженіяхъ негодованія:

— Воръ, генералъ Ушаковъ, говорила княжна Аннѣ,—трясущей, а жена его Кокошкиныхъ б....а; коли бы де дочь ту его воровку на мое мѣсто! Онъ напалъ на меня и взялъ меня допрашивать въ саду — да я не повинилась!

— А для чего ты не повинилась? спросила Анна, ничего не понимая, что говорила княжна.

— Я не повинилась, сожалѣя Дохтуровой да Мельгуновой... онѣ ко мнѣ ворожейку-то подвели, мы сплошь дѣлали...

Княжна остановилась...

— Можно бы милости мнѣ искать у цесаревны Ели-

саветы Петровны... Да нѣтъ, нечего въ ней милости искать, и Шубинъ, который при ней былъ, и тотъ въ ссылку посланъ.

И опять княжна замолчала...

Анна слышала имена, намеки на какія-то происшествія, но и то и другое было для нея чуждо.

Прошелъ годъ — княжна плакала, жаловалась, бранила Ушакова и для развлеченія поила и кормила своихъ новыхъ знакомыхъ.

Въ 1731 году нежданные посѣтители напомнили княжнѣ ея прежнее житье при дворѣ: это были два брата Воинъ и Александръ Корсаковы; они знали княжну, когда она была при дворѣ въ почестяхъ, довольствѣ и счастіи. Появленіе ихъ удивило княжну.

— Какъ вы прошли ко мнѣ? спросила княжна. Позволила ли вамъ игуменья видѣть меня?

— Съ спросу и съ позволенія игуменьи пришли мы къ тебѣ, княжна Прасковья Григорьевна.

Поговорили о прошедшемъ.

— А что, княжна, говорилъ одинъ изъ Корсаковыхъ смѣючись, прошла твоя спѣсь, а спѣсива ты была—и вотъ тебя изъ каменныхъ палатъ куда Богъ привелъ. А какъ Богъ тебя освободитъ, опять ты будешь спѣсива, а мы въ то время тебѣ посмѣемся, что мы уже знаемъ о твоемъ нынѣшнемъ жительствѣ.

— Такъ Богъ мнѣ велѣлъ, отвѣчала притворно смирившаяся княжна, скрывая свою досаду, я надъ собою этого не чаяла. А вотъ заплатите мнѣ десять рублей, которые заняла мать ваша у моей матери, и до сихъ поръ не отдала...

Корсаковымъ не понравилось повидимому это тре-

бованіе; они сказали, что отдадутъ и простились съ княжною.

Вскорѣ, послѣ ихъ пріѣзда, княжну навѣстилъ еще прежній ея знакомый, тоже Корсаковъ, Василій, сержантъ Преображенскаго полка. Но не для насмѣшки надъ ссыльною пріѣхалъ онъ, а съ теплымъ чувствомъ признательности за милости, оказанныя ему покойнымъ отцомъ княжны. Проѣзжая черезъ Тихвинъ изъ деревни въ Москву, съ зятемъ своимъ Скобельцынымъ, Корсаковъ попросилъ позволенія у игуменьи навѣстить княжну, представилъ ей Скобельцына и выразилъ искреннее свое участіе къ бѣдѣ, постигшей дочь его благодѣтеля.

Скобельцынъ, имѣвшій деревню недалеко отъ Тихвина, въ послѣдующіе года навѣщалъ часто княжну и не одинъ, а съ своими родственниками. Княжна всегда съ радостью встрѣчала ихъ, угощала по тогдашнему обыкновенію закусками и водкою—и только разъ проговорилась, „что при отцѣ своемъ надъ братьями своими она была большая, что при кончинѣ отецъ оставилъ ей много приданаго и за то ее братья не возлюбили и оттого она страдаетъ въ ссылкѣ, въ монастырѣ“.

Княжна даже показывала роспись своего приданаго.

Въ 1731 же году тихвинскаго архимандрита Ѳеодосія вызвалъ въ Петербургъ, по дѣламъ монастырскимъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Архимандритъ взялъ съ собою Шпилкина. Заточеніе княжны Юсуповой въ Введенскомъ монастырѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ Ѳеодосія, было поводомъ, что архимандритъ, будучи въ Петербургѣ, отправился къ брату ея, камергеру Борису

Григорьевичу поклониться монастырскимъ хлѣбомъ. Шпилкина архимандритъ взялъ также съ собою, но, войдя въ княжескія палаты, Шпилкину пришлось дожидаться въ передней. Князь Борисъ Григорьевичъ принялъ архимандрита одного. Возвращаясь домой въ Тихвинъ Шпилкинъ однакоже съумѣлъ узнать отъ архимандрита, о чемъ онъ говорилъ съ Юсуповымъ. Князь спрашивалъ архимандрита: смирно-ли живетъ сестра въ монастырѣ?—Смирно и хорошо, отвѣчалъ архимандритъ,—вотъ и все.

Когда они возвратились въ Тихвинъ, княжна узнала объ ихъ пріѣздѣ и тотчасъ послала за Шпилкинымъ.

— А что? спросила княжна Шпилкина, видѣлся отецъ архимандритъ, будучи въ С.-Петербургѣ, съ братомъ моимъ княземъ Борисомъ?

— Отецъ архимандритъ нарочно къ нему ѣздилъ съ монастырскимъ хлѣбомъ на поклонъ, отвѣчалъ Шпилкинъ.

— Братъ мой сущій супостатъ, кричала княжна внѣ себя, отъ его посягательства сюда я и прислана... — Я вины за собою никакой не знаю... Государыня цесаревна Елисавета Петровна милостива и премилостива, и благонравна... и матушка государыня императрица Екатерина Алексѣевна была до меня милостива же, а нынѣшняя императрица до меня не милостива... Она вотъ въ какой монастырь меня сослала, а я вины за собою никакой не знаю; а взялъ меня братъ мой Борисъ да Остерманъ, и Остерманъ меня допрашивалъ; а я на допросъ его не могла вскорѣ отвѣтствовать, что была въ безпамятствѣ... а о чемъ меня Остерманъ спрашивалъ, того я не поняла, потому что

Остерманъ говорилъ не такъ рѣчисто, какъ русскіе говорятъ... „Сто де ти сюдяриня! (говорила княжна, передразнивая Остермана) будетъ тебѣ, играть нами, то дѣти играй... а сюда де ти призвана не на игранье, но о цемъ тебя спросимъ, о томъ де ти и отвѣтствей“... Послѣ того спрашивали меня о письмахъ и о бабѣ, а что я имъ говорила за безпамятствомъ—не помню.

Шпилкинъ рискнулъ спросить княжну, какія письма, какая баба... Нѣсколько разъ слышалъ онъ это отъ княжны, но она всегда уклонялась отъ дальнѣйшихъ разъясненій; и на этотъ разъ неудаченъ былъ вопросъ его—княжна не отвѣчала на него, а продолжала съ запальчивостью:

— Можно бы ей, государынѣ, сослать меня въ монастырь такой, который бы былъ отъ Москвы поближе, а не въ такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь, здѣсь не монастырь, а шинокъ...

Шпилкинъ выпучилъ отъ удивленія глаза... Откуда княжна могла знать монастырскіе безпорядки?

— Здѣсь въ монастырѣ, продолжала княжна, вино продаютъ... а моя-то и вина небольшая; какъ меня по дѣлу моему о нѣкоторой бабѣ и о письмахъ допрашивали и я тогда за угражіваніемъ брата моего, князя Бориса, была въ сущемъ безпамятствѣ, и не знаю, что въ допросѣ своемъ говорила... Государынѣ императрицѣ, вѣдая мое младоумство, можно бы учинить милосердіе и сослать бы меня куды въ монастырь поближе, а не въ Тихвинскій. Ежелибы какое мое преступленіе учинилось отъ меня при государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, она бы меня въ дальній монастырь отнюдь не послала: она была ко мнѣ весьма милостива;

ежелибы и государыня цесаревна Елисавета Петровна была императрицею, и она бы въ дальный монастырь меня не сослала бы, и она, цесаревна, ко мнѣ милостива и благонравна. О, когда бы то видѣть или слышать, что она бы была императрицею!

Шпилкинъ при послѣднемъ восклицаніи едва не упалъ со стула, такъ были страшны для него слова эти. Спаси Боже, если кто узнаетъ, что княжна говорила ему это—Тайная канцелярія, слово и дѣло, пытка!.. А донести страшно, у княжны родственники люди сильные; ей ничего — куда нибудь сошлютъ подальше, вотъ и все, а ему... У Шпилкина зарябило въ глазахъ, зашумѣло въ ушахъ. Онъ вскочилъ какъ полуумный, поклонился княжнѣ и выбѣжалъ на чистый воздухъ.

Княжна не поняла причины такого страшнаго смущенія, а видя смѣшную фигуру уходившаго Шпилкина, расхохоталась и разсказала объ этомъ Аннѣ...

Шпилкинъ не донесъ на княжну, но за то завелъ первую пружину ссоры княжны съ игуменьею и игуменьи съ Анною. Шпилкинъ передалъ игуменьѣ все, что княжна ему говорила о монастырѣ, что это шинокъ и пр. и пр. Это было начало монастырскихъ сплетенъ, ссоръ, неудовольствій, отразившихся, какъ мы увидимъ, на княжнѣ.

Игуменья до сихъ поръ смотрѣла на житье княжны сквозь пальцы и не разсуждала о томъ, можно ли дозволить ссыльной жить такъ, какъ жила княжна. Теперь же игуменья начала сознавать, что у княжны слишкомъ много прислуги, да и Анна не лишняя ли и притомъ не Анна ли и сплетничаетъ княжнѣ о монастырскихъ дѣлахъ, и за нею, игуменьею, есть грѣшки,

любитъ грѣшная закелейныя пирушки. Заговорила она какъ то княжнѣ объ уменьшеніи прислуги. Княжна и слышать не хотѣла.

Пришли святки, игуменья устроила у себя ужинъ и вечеринку. Какъ быть? Приглашать ли княжну? А вѣдь она можетъ узнать и разгласить. Игуменья рѣшилась сама пригласить княжну на келейную вечеринку.

— Не могу, матушка игуменья, отвѣчала княжна, не могу, нездорова съ утра.

Игуменьѣ не понравился отказъ. Она уже стала подозрительно смотрѣть на княжну. Но не оставила въ покоѣ княжну и вечеромъ прислала служительницу настоятельно просить княжну прійдти къ ней ужинать. Надо было повиноваться. Спокойное житье зависѣло отъ игуменьи и княжна не-хотя отправилась къ ней съ Анною. Игуменья сидѣла за столомъ въ кругу преданныхъ монахинь. Княжну посадила возлѣ себя. Анна сѣла съ монахинями. Когда чарка монастырская прошла нѣсколько разъ кругомъ, игуменья подала знакъ и въ комнату вбѣжали три существа (мужчины или женщины неизвѣстно) въ странныхъ какихъ-то нарядахъ, а на головахъ у нихъ хари (маски) съ бородами и въ рукахъ кнуты. Они вбѣжали въ комнату съ какимъ-то особеннымъ пронзительнымъ свистомъ и принялись плясать и пѣть пѣсни. Во время пляски Анна Юленева встала изъ-за стола и хотѣла выйдти, но одна изъ харь кинулась на Анну, повалила ее на земь, а другія двѣ безъ церемоніи заворотили Аннѣ шубу и съ пѣснями угостили ее слегка кнутьями.

Княжну оскорбила эта сцена; она гордо и грозно взглянула на полупьяную игуменью и вышла вонъ изъ

кельи. Вскорѣ возвратилась къ ней въ слезахъ и отчаяніи бѣдная Анна...

Но игуменья въ этотъ день кажется имѣла намѣреніе испытать терпѣніе княжны, потому что только княжна собиралась спать, какъ явилась посланная отъ игумены съ увѣдомленіемъ, что игуменья желаетъ придти къ княжнѣ съ наряженными харями, посидѣть и попѣть. Анна не допустила посланную къ княжнѣ, сказавъ, что княжна уже почиваетъ.

На другой день въ монастырь заѣхалъ тихвинскій архимандритъ и послѣ обѣдни навѣстилъ княжну; она ему пожаловалась на игуменью и горько плакала.

— Напрасно мать игуменья меня къ тому приводитъ, говорила княжна, мнѣ и безъ того уже тошно.

Архимандритъ успокоилъ княжну, поблагодарилъ, что она не впустила къ себѣ въ келью наряженныхъ харь и обѣщалъ кричать на игуменью.

Съ этого дня началась война игумены съ княжною. Сперва игуменья начала выживать изъ монастыря Анну, — княжна упорствовала держать ее при себѣ и съ своей стороны начала мстить игуменьѣ съѣстными припасами. До ссоры, игуменьѣ предоставлено было княжною брать что угодно изъ ея запасовъ, и этимъ позволеніемъ игуменья пользовалась широкою рукою; теперь княжна спрятала къ себѣ въ подполье всѣ припасы и не давала ничего игуменьѣ.

Мать Иринарха, которую до ссоры княжна не видѣла въ своихъ комнатахъ, по приказанію игумены не отходила отъ княжны, развѣ только въ церковь во время богослуженія.

Наконецъ Аннѣ прислала игуменья оффиціально, съ

келаршею, приказаніе выѣхать изъ монастыря. Княжна уговорила Анну приходить къ ней по ночамъ, когда мать Иринарха, надсмотрщица, уходитъ къ заутренѣ. Игуменья запретила княжнѣ имѣть всякое сношеніе съ Анною. Княжна посылала къ Аннѣ ежедневно, тайкомъ, своихъ прислужницъ то за пирожкомъ, то за кофеемъ, то за пряниками. Княжнѣ прислали изъ Москвы черное сукно; игуменья просила у ней сукнеца на юбку. Княжна въ глазахъ присланной скроила себѣ юбку, а остатокъ съ полъ-аршина отослала къ игуменьѣ.

Вражда съ обѣихъ сторонъ усиливалась.

— Для чего ты, княжна, людей при себѣ много держишь? говорила игуменья. По указу, присланному къ намъ въ монастырь, велѣно при тебѣ, княжнѣ, быть только одной послужницѣ.

— Я васъ не слушаю, отвѣчала княжна; у меня хотя свои люди и есть, только хлѣбъ ѣдятъ мой, княжескій, а не монастырскій; развѣ вы меня только морить хотите, а мнѣ безъ служителей жить нельзя.

Черезъ нѣсколько дней явилась къ княжнѣ келарша Авксентія.

— Игуменья велѣла тебѣ сказать, чтобы ты, княжна, людей кромѣ одного человѣка дѣвки или женки при себѣ не держала.

— Мнѣ безъ людей жить нельзя, отвѣчала княжна. Захочу хотя и болѣе, то буду держать—не на вашемъ хлѣбѣ они у меня живутъ.

— Ежели ты людей отъ себя не отпустишь, отвѣтила келарша, то мы напишемъ о твоемъ упрямствѣ доношеніе и подадимъ его тихвинскому архимандриту.

— Подавайте куда хотите, отвѣчала своенравная княжна.

Черезъ три дня къ княжнѣ явился Тихвинскаго монастыря казначей и просилъ дозволенія переговорить съ нею о чемъ-то келейно. Послѣ этого переговора княжна приказала служителямъ своимъ Степанидѣ, Марьѣ и мальчику Степану, чтобъ они шли жить за монастырь въ Тихвинскій посадъ, въ домъ попа Петра Тимофѣева, который согласился держать ихъ у себя; попъ Тимофѣй черезъ полгода согналъ отъ себя княжную прислугу; они перешли сперва къ посадскому Тихвинскому, потомъ къ дьячку церкви Флора и Лавра Лялѣ; но ихъ отвсюду гнали, такъ что въ одинъ прекрасный день имъ пришлось ночевать на улицѣ. Бѣдствію княжеской прислуги была причиною игуменья; она внушала домохозяевамъ, у которыхъ помѣщалась прислуга, что они попадутъ въ отвѣтъ за держаніе у себя прислуги ссыльной княжны.

Княжна, узнавъ о невольныхъ похожденіяхъ своихъ крѣпостныхъ, приказала имъ снова жить у себя. Но игуменья не дала ей покоя; черезъ три недѣли явилась опять келарша Авксентія и именемъ матушки игуменьи выгнала прислугу изъ монастыря. Они пріютились снова, въ подмонастырской слободѣ, у знакомаго крестьянина Селивана Горбунова, который привозилъ княжнѣ запасы изъ Москвы отъ ея матери.

Анна—кузнечиха, продолжала посѣщать княжну по ночамъ; она переносила княжнѣ всѣ монастырскія сплетни и продѣлки игуменьи. Княжна забавлялась сплетнями, но раздражалась все болѣе и болѣе противъ игуменьи. Игуменья узнала о сплетняхъ Анны и при-

няла наконецъ средство положительное, чтобъ отъучить Анну отъ посѣщеній княжны. Въ одну ночь Анну встрѣтилъ въ монастырѣ монастырскій бобыль, сторожившій ее по приказанію игуменьи, снялъ съ нея шубу, посѣкъ плетью и вытолкалъ изъ монастыря. Это послѣднее средство игуменьи вывело изъ терпѣнія княжну и Анну. Они положили жаловаться на игуменью, но вотъ вопросъ, гдѣ и кому? Княжна рѣшила отправить Анну въ Петербургъ, къ Скобельцынымъ, и съ ихъ содѣйствіемъ открыть передъ Ѳеофаномъ все поведеніе игуменьи. Это было въ ноябрѣ 1734 года.

Такъ и сдѣлано. Анна, снаряженная деньгами и письмами, отправилась. Все это устроено было такъ секретно, что игуменья не знала объ угрожавшей ей опасности. Но случай помогъ ей открыть планъ княжны и отъѣздъ Анны.

Княжна, не получая извѣстія отъ Анны о пріѣздѣ ея въ Петербургъ, рѣшилась написать, но съ кѣмъ и какъ послать письмо? Послѣ праздника Рождества Христова пришелъ къ ней проститься крестьянинъ Селиванъ Горбуновъ, у котораго жила княжная прислуга. Онъ ѣхалъ подводчикомъ въ Петербургъ съ крестьянами графа Шереметева. Думая найдти въ Селиванѣ вѣрнаго человѣка, княжна просила его доставить Аннѣ письмо. Селиванъ согласился. Княжна велѣла придти за письмомъ. Селиванъ былъ крестьянинъ подмонастырской слободы, принадлежавшей монастырю; онъ смекнулъ, что за порученіе княжны можетъ быть въ отвѣтѣ, и потому отправился къ казначею монастырскому и спросилъ его, можно ли ему взять письмо отъ княжны? Казначей спросилъ игуменью; она призвала Селивана

и велѣла ему принять письмо отъ княжны, но принесть къ ней. Все исполнилось по желанію игуменьи. Княжна отдала Селивану письмо, разсказала, какъ найти въ Петербургѣ Анну, а Селиванъ отнесъ письмо игуменьѣ. Подъячій прочелъ передъ ней письмо княжны. Въ письмѣ были намеки, но которые ничего не объясняли; для игуменьи важно было свѣдѣніе, что Анна уѣхала въ Петербургъ жаловаться на нее. Она велѣла подъячему списать копію, а подлинное возвратила Селивану, взявъ съ него обѣщаніе, что онъ увѣдомитъ ее, гдѣ Анна живетъ въ Петербургѣ.

Селиванъ съѣздилъ въ Питеръ, нашелъ Анну, передалъ ей письмо княжны и, возвратясь въ Введенскій монастырь, сообщилъ игуменьѣ, что Анна живетъ у Скобельцыныхъ, друзей княжны Прасковьи Григорьевны. Медлить было опасно, и игуменья рѣшилась предупредить коварныя ухищренія княжны и Анны и написала письмо къ секретарю Ѳеофана Прокоповича, Бухвостову, съ просьбою защитить ее и отвратить несправедливыя клеветы княжны и ея друга Анны Юленевой.

Письмо послано для большей вѣрности съ преданнымъ игуменьѣ Буковскаго погоста священникомъ, Грицынымъ.

Княжна ничего не знала объ этомъ; она тосковала въ ожиданіи извѣстія отъ Юленевой.

II.

Слѣдствіе и новая ссылка.

25 января 1735 года, Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ Тайной канцеляріи, былъ у императрицы съ докладомъ. Анна Іоанновна передала ему двѣ записки, съ приказаніемъ принять въ Тайную канцелярію дѣвушку, которая содержится по этимъ запискамъ подъ арестомъ въ архіерейскомъ домѣ Ѳеофана, и все дѣло изслѣдовать и ей доложить. Эти двѣ записки были письма игуменьи Дорофеи къ секретарю Ѳеофана и копіи съ письма княжны Юсуповой къ Аннѣ, посланнаго, какъ мы видѣли, черезъ крестьянина Селивана.

Какъ попало такъ скоро въ руки императрицы письмо игуменьи? Самымъ обыкновеннымъ образомъ. Юленева пришла къ секретарю Ѳеофана 23 января съ жалобою на игуменью. Секретарь, по дружбѣ съ игуменьею, жалобу—въ печку, а Юленеву арестовалъ и доложилъ Ѳеофану письмо игуменьи. Ѳеофанъ Прокоповичъ, посвященный въ многія тайны дворцовыхъ интригъ, въ дружбѣ съ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, разсчиталъ, что онъ можетъ угодить императрицѣ, выдавъ ей княжну Прасковью, которую, какъ извѣстно было при дворѣ, она ненавидѣла, за что—это была тайна, и до сихъ поръ остается тайною. Ѳеофанъ отвезъ къ императрицѣ письмо игуменьи, а она передала его Андрею Ивановичу.

Вотъ письмо игуменьи и копія съ письма княжны къ Аннѣ Юленевой.

Письмо игуменьи:

„Благородный и пречестнѣйшій господинъ Козма Родіоновичъ, мой милостивый отецъ и древній благотворитель, желаю азъ недостойная вашему благородію отъ всещедраго Бога многолѣтняго здравія купно и съ праведною своею сожительницею Варварою Герасимовною и съ дѣтки на лѣта многа. Прошу, милостивый отецъ Козма Родіоновичъ, писанія, каковаго уже давно не получивала, видѣть, и сумнѣваюся азъ недостойная, нѣтъ ли какова гнѣва, пожалуй, мой молостивый отецъ, увѣдоми и навѣсти, чему бы я недостойная весьма благодарила и радовалась, и о здравіи вашего высокоблагородія Бога молила непрестанно.

При семъ, уповая на вашу щедраго моего отца милость и въ благонадежномъ надѣяніи дерзнула симъ о нижепоказанномъ.

Имѣется у насъ у обители княжна Юсупова по указамъ въ подохраненіи и велѣно быть при ней одной бабѣ, а другихъ сослужительницъ не держать; того ради оная княжна, рияся на меня, производитъ всякія непотребности и живетъ непостоянно и неблагочинно; спозналася съ похабною дѣвкою Тихвинскаго посада кузнецкаго веденія, завется Шуня, а прямое имя ей Анна, и приходитъ оная дѣвка къ ней, княжнѣ, тайнымъ образомъ и согласуется и наноситъ на обитель и на меня всякія непотребности, и совѣтуютъ съ нею не благо, но всякія коварства и ябеды; и въ прошедшемъ декабрѣ мѣсяцѣ оная дѣвка по согласію съ ней княжною отпущена въ С.-Петербургъ невѣдомо съ какими вымышленными ябедами; посылаетъ она, княжна, къ ней, дѣвкѣ всякія удовольные припасы и деньги отъ меня недостойной

тайно, токмо увѣдомлена я нынѣ отъ постороннихъ добрыхъ людей, что оные припасы и деньги отвозитъ къ ней, дѣвкѣ, Тихвинскаго посаду Фроловской церкви дьячекъ Андрей Лялинъ и нынѣ онъ обрѣтается въ С.-Петербургѣ; а иное я увѣдомлена отъ ея руки писаніемъ отъ добра человѣка, съ каковымъ она, княжна, совѣтное письмо послала къ ней, дѣвкѣ, и съ того письма получила я копію, съ которой копіи при семъ моемъ слезномъ прошеніи и копія пріобщается ради сущаго извѣстія; да слышно мнѣ отъ добрыхъ людей, что оная дѣвка чрезъ нѣкакихъ людей получаетъ подать преосвященному несвѣдомыя мною многія доношенія на меня недостойную и коварства.

О семъ прошу и слезно молю ваше высокоблагородіе, Козма Родіоновичъ, дабы я недостойная вашимъ милостивымъ призрѣніемъ не оставлена была о невѣдомыхъ доношеніяхъ и коварствахъ отъ вышепоказанной дѣвки.

Тихвинскаго Введенскаго монастыря многогрѣшная и недостойная игуменья Дорофея о здравіи вашего благородія Бога молю и земно кланяюся. 1735 г. Генваря 12 дня.

Копія съ письма княжны къ Аннѣ:

Аннушка, здравствуй, пиши ко мнѣ, естьли тебѣ легче; Андрей былъ и я ему дала по письму твоему пять рублей въ займы, а другую тебѣ (?). Что у тебя дѣлается, отпиши ко мнѣ и распроси Селивана, онъ тебѣ все скажетъ; онъ былъ у матушки; поклонись отъ

меня Конону Ивановичу *), Ивану Семеновичу **) и Аринѣ Ивановнѣ ***), заспѣсивилися писать ко мнѣ; пришлю къ тебѣ всего съ Андреемъ Лялинымъ, а я жива; не тужи, Аннушка, обмогайся и прикажи хоть словомъ съ Селиваномъ, остаюсь К. П. Ю. К.

„Дошло ли до тебя письмо мое, рублевикъ, полотенце, платокъ, двѣнадцать калачиковъ съ приказчикомъ Лисенковымъ съ Оникіемъ".

Вотъ по какимъ обвинительнымъ документамъ Андрей Ивановичъ приступалъ къ строгому изслѣдованію,—весьма понятно, что важность дѣла Анны Іоанновны заключалась въ княжнѣ Юсуповой, которую она преслѣдовала. Императрицу и Андрея Ивановича безпокоило, не разболтала ли княжна какихъ нибудь дворцовыхъ тайнъ, которыя ей могли быть извѣстны.

25 января Андрей Ивановичъ лично допрашивалъ Анну Юленеву. Она разсказала, какъ жила у княжны въ монастырѣ, какъ ее преслѣдовала игуменья, какъ пріѣхала въ Петербургъ и какъ попалась подъ арестъ; разсказала и о княжнѣ, кто посѣщалъ ее, какъ тосковала и плакала о своемъ „прежнемъ благополучіи"; но за что сослана — отъ княгини не слыхала и говорила ли то другимъ, того не знаетъ. Въ этомъ допросѣ Анна рѣшительно ничего не проговорилась о болтовнѣ княжны про императрицу, про Андрея Ивановича, про брата своего и пр.—Анна въ отвѣтахъ старалась больше объ обвиненіи игуменьи.

Послѣдствіемъ показаній Анны Юленевой было арестованіе Скобельцыныхъ, Извѣкова, дьячка Ляли, крестья-

*) (Скобельцынъ). **) (Извѣковъ). ***) (Жена Извѣкова).

нина Селивана, привозившаго письма въ Петербургъ къ Аннѣ.

Скобельцыны и Извѣковъ разсказали, когда они посѣщали княжну и что княжна имъ жаловалась на братьевъ и говорила: „при отцѣ своемъ надъ братьями моими была я большая и отецъ при кончинѣ своей оставилъ мнѣ много приданаго и за то-де братья меня не любили, и отъ того-де стражду нынѣ въ ссылкѣ“...

Это показаніе обнаружило Андрею Ивановичу, что княжна болтала о своей ссылкѣ.

Опытность и наблюдательность, въ теченіе двадцатилѣтней службы въ застѣнкахъ, привела Андрея Ивановича къ убѣжденію, что первый допросъ, да еще безъ пытки, не имѣетъ никакого значенія—особенно въ „подлыхъ людяхъ“. Въ дѣлѣ княжны Юсуповой главная цѣль изслѣдованія заключалась въ томъ, чтобы узнать, „подлинно ли Анна отъ Юсуповой ничего не слыхала, за что княжна сослана въ монастырь? Не говорила ли ей Юсупова другихъ какихъ непотребныхъ словъ? Для чего подлинно Анна пріѣхала въ Петербургъ, не было ли отъ оной Юсуповой приказу, чтобъ о чемъ происки вать и буде былъ, то у кого именно, и что она, Анна, происки вала?“

Вслѣдствіе этихъ соображеній 30 января 1735 года Анну Юленеву привели въ застѣнокъ и „съ подлинной правды поднята была на дыбу и распрашивана съ пристрастіемъ“.

Анна Юленева выдержала пытку и ничего не проболтала; она объявила, что о ссылкѣ княжны никогда отъ нея ничего не слыхала, а въ Петербургъ пріѣхала для жалобы на игуменью.

Пытанныя рѣчи Анны, въ подлинномъ дѣлѣ закрѣплены слѣдующею подписью: „при ономъ присутствовалъ его превосходительство генералъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ“.

Объ отвѣтахъ Анны Юленевой, Скобельцыныхъ и вообще о ходѣ дѣла Андрей Ивановичъ доложилъ императрицѣ. Анна Іоанновна (10 февраля) приказала объявить Ѳеофану, въ епархіи котораго былъ Введенскій дѣвичій монастырь, чтобъ княжну Юсупову содержать безъ упущенія, такъ, какъ было прежде приказано, и чтобъ никого къ ней не допускали.

Привезли изъ Тихвина и дьячка Лялина; онъ объяснилъ, что княжну зналъ потому, что получалъ отъ нея деньги на поминовеніе въ церкви ея родителей; въ имянины свои хаживалъ къ княжнѣ и подносилъ ей калачи. Ничего особеннаго отъ княжны о ссылкѣ ея не слыхалъ, а только въ декабрѣ 1734 г. по просьбѣ княжны отвелъ изъ монастыря собственную княжны корову, на продажу въ Петербургъ, продалъ за 2 руб. 50 коп., и деньги отдалъ княжнѣ, возвратясь домой.

Дѣло стихло.

Странный случай возбудилъ вопросы о княжнѣ неожиданные и рѣшившіе судьбу ея.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 10 марта, Анна Юленева, содержавшаяся въ Петропавловской крѣпости, объявила дежурному караульному офицеру, „что караульные солдаты устращивали ее, Анну, что ее казнятъ смертью, и что она проситъ объявить объ этомъ Андрею Ивановичу Ушакову“.

Караульный офицеръ тотчасъ донесъ объ этомъ въ

Тайной канцеляріи. Анну привели передъ Андрея Ивановича.

— Въ нынѣшній великій постъ, на другой или на третьей недѣлѣ, говорила Анна Андрею Ивановичу, во время держанья ея въ С.-Петербургской крѣпости, въ казармѣ у нея стояли для караула трое солдатъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и къ нимъ пришелъ въ ту казарму ихъ же полку солдатъ, котораго они называли Усатымъ; и этотъ Усатый говорилъ своимъ сотоварищамъ между прочимъ такія слова: камергеръ Юсуповъ сестру свою постригъ, а гдѣ и какъ давно постригъ, о томъ солдатъ не говорилъ. Послѣ еще говорилъ: нашъ-де офицеръ ѣздилъ въ Сибирь, и отвозилъ губернатора, и въ Сибири-де того офицера тотъ губернаторъ подарилъ табакеркою да полушубкомъ, да ему же далъ два ведра водки, да простаго вина два ведра же, да кедровыхъ орѣховъ; а кто именемъ офицеръ въ Сибирь ѣздилъ и какого губернатора отвозилъ, и когда, и куда—о томъ солдатъ не говорилъ. И дознавается она, Анна, что тѣ слова объ офицерѣ и о губернаторѣ солдатъ говорилъ не о княжнѣ ли Юсуповой, и не ту ли княжну Юсупову куда тотъ офицеръ отвезъ, потому что-де у оной княжны Юсуповой въ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ имѣются двѣ табакерки черепаховыя обложены серебромъ, да часы золотыя — также и водка и вино имѣется, присланное къ ней отъ княгини ея матери и потому она, Анна, въ мысли своей содержитъ, не дарила ли офицера оными княжна".

„Послѣ того, когда пришли на смѣну къ ней для караулу преображенцы, то одинъ изъ солдатъ, будучи въ казармѣ ея, другимъ двумъ солдатамъ сказывалъ

сказку про князей и про бояръ, и про другихъ, и въ той сказкѣ упоминалъ, что казнили смертью и отсѣкли голову, а кому и какъ именно ту сказку солдатъ сказывалъ, того она не упомнитъ. По слышанію оной сказки дознавалась она мнѣніемъ своимъ, что не о ней ли, Аннѣ, показанныя слова тотъ солдатъ говорилъ, потому что солдатъ и ей говорилъ: тебя де станутъ казнить и для той казни повезутъ тебя на островъ, а на какой, и за что ее, Анну, казнить, того опять солдатъ не выговорилъ, чего ради мыслила она, Анна, что не будетъ ли ей, Аннѣ, и подлинно смертной казни, однакоже Анна вины за собою никакой не признавала и нынѣ не признаваетъ, но объявила караульному офицеру объ устращеніи ее солдатами для того, чтобы имѣть предлогъ объявить Андрею Ивановичу нижеслѣдующее". Анна начала разсказывать подробно о болтовнѣ княжны архимандриту тихвинскому, стряпчему Шпилкину и ей, Аннѣ. Андрей Ивановичъ услышалъ отъ дѣвки-кузнечихи и объ Калушкиной, и объ Шубинѣ.

Доносъ Анны на княжну изъ страха смертной казни, которую шутя ей предсказалъ преображенскій солдатъ, имѣлъ въ глазахъ Андрея Ивановича большую важность. Въ этотъ же день онъ приказалъ сдѣлать выписку изъ показаній Анны и доложилъ императрицѣ. Приказано княжну Юсупову и стряпчаго Шпилкина привезти немедленно въ Петербургъ. При этомъ сдѣланы слѣдующія распоряженія:

„Объ арестованіи княжны и Шпилкина, содержать секретно и посланному въ монастырь приказано не болтать, что везетъ ихъ въ Тайную канцелярію". Княжну

Юсупову велѣно привезти въ Петербургъ въ ночныхъ часахъ прямо въ Тайную канцелярію.

Ѳеофану Прокоповичу предписано вызвать немедленно въ Петербургъ тихвинскаго архимандрита Ѳеодосія.

О ходѣ дѣла докладывать ея величеству.

18 марта посланный въ Введенскій монастырь Преображенскаго полка капралъ Ханыковъ, ночью привезъ княжну, какъ было приказано, прямо въ Тайную канцелярію и представилъ при слѣдующемъ рапортѣ:

„По указу ея императорскаго величества и по силѣ данной мнѣ, нижеименованному, изъ Тайной канцеляріи инструкціи, въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь для взятья княжны Прасковьи Юсуповой я, нижеименованный, ночью пріѣхалъ, и по пріѣздѣ въ томъ Тихвинскомъ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, посланный со мною изъ Тайной канцеляріи ея императорскаго величества указъ, за печатью въ пакетѣ, того монастыря игуменьѣ Дорофеѣ подалъ, которая, принявъ оный указъ, приказала того монастыря келаршѣ, монахинѣ Авксентіи оный указъ прочесть, которая и читала и по прочтеніи оная игуменья для отдачи вышеписанной княжны Прасковьи Юсуповой въ келью той Юсуповой ходила со мною секретно, и ту княжну мнѣ отдала, которую я, взявъ, арестовалъ, и что при той Юсуповой имѣлось какихъ писемъ, оныя взявъ, не смотря, запечаталъ своею печатью, а имѣющихся у оной княжны Юсуповой пожитковъ всѣхъ я, нижепоименованный за скоростію не переписывалъ, но только оныя пожитки и съѣстной харчъ, гдѣ что имѣлось онаго монастыря при вышепомянутой игуменьѣ Дорофеѣ, да при означенной келаршѣ, также и при вышеобъявленной

Юсуповой, пересмотря, запечаталъ своею печатью, но для охраненія отдалъ означенной игуменьѣ Дорофеѣ, въ чемъ по приказу оной, игуменьи, вмѣсто ея, пожитками и прочему, и гдѣ что имѣется, росписалась означенная келарша, да я, нижепоименованный; для услуженія помянутой Юсуповой взялъ имѣвшую при ней дѣвку Марью Иванову, а окромѣ той дѣвки въ услуженіи у той княжны во время пріѣзду моего изъ людей ея никого не было".

На другой день, 19 марта, княжна Прасковья Григорьевна увидѣла прежняго своего знакомца Андрея Ивановича Ушакова. Гордая княжна, какъ колодница, должна была оправдаться противъ показаній своей довѣренной Анны.

Княжна не сознавалась въ показанныхъ Анною о ея разговорахъ съ архимандритомъ и Шпилкинымъ. „Вотъ что я имъ говорила, показывала княжна при допросѣ:

— Батюшка мой служилъ ея императорскому величеству вѣрою и правдою и о самодержавствіи ей, государынѣ трудился и челобитную подавалъ, и коли бы батюшка мой живъ былъ, онъ бы сталъ просить у ея императорскаго величества, и хотя бы де чести лишился, а я бы де въ ссылкѣ не была.

Объ иноземцахъ она говорила будто бы такъ:

— Нынѣ при дворѣ ея императорскаго величества имѣются многіе иноземцы и русскіе мужескаго и женскаго пола, и то она говорила, вѣдая о томъ, что при дворѣ ея императорскаго величества имѣются оберъ-камеръ-геръ господинъ фонъ-Бирономъ, да оберъ-гофмаршалъ господинъ фонъ Левенвольдъ и другіе, какъ ино-

странцы, такъ и русскіе, мужскаго и женскаго пола, а не въ другой какой силѣ.

О Калушкиной она объяснила:

— Когда я въ ссылку послана еще не была, то де матушка моя сказывала мнѣ, что троицкій архимандритъ Варлаамъ сказывалъ ей, что государыня соизволила по означенную Калушкину послать, чтобъ той Калушкиной быть во дворѣ, и при томъ де въ разговорахъ объ ономъ упоминала она, княжна, въ монастырѣ: когда-бъ де я могла, чтобъ де хотя у оной Калушкиной попросить, чтобъ она, излуча благополучное время, побила челомъ у государыни, чтобъ меня изъ монастыря освободить.

О словахъ своихъ, что императрица больна, княжна объясняла:

— Когда она, княжна, живя въ монастырѣ, услышала, что прислано извѣстіе о кончинѣ царевны Екатерины Іоанновны, то зная, что и царица Прасковья Ѳедоровна немоществовала ножками, то и говорила, а кому не упомнитъ, что де всѣ и ея императорское величество и сестрицы ея величества государыни царевны нездоровы ножками.

Анна донесла, что княжна говорила архимандриту и Шпилкину, что Ушаковъ передъ ссылкою въ Введенскій монастырь допрашивалъ княжну въ Измайловскомъ саду. Объясненіе княжны о дѣлѣ и допросѣ никому неизвѣстномъ было чрезвычайно важно и для Андрея Ивановича и для княжны.

— Слова такія, что генералъ Ушаковъ взялъ допрашивать меня въ саду (говорила княжна), она, Прасковья, архимандриту Ѳеодосію и стряпчему Шпилкину говорила: когда они спрашивали ее о дѣлѣ, за что ты въ

монастырь прислана, гдѣ была допрашивана? И на то де сказала она, что де я не въ канцеляріи допрашивана,— и при томъ де объявила объ означенномъ имѣвшемъ ей, Прасковьѣ, въ саду допросѣ... И это она говорила потому, что дѣйствительно, когда она по извѣстному дѣлу, по которому сослана въ означенный монастырь, изъ дому отца ея взята и отвезена была въ Измайловъ садъ, и въ томъ де саду допрашивана была генераломъ Ушаковымъ, да графомъ фонъ-Левенвольдомъ, а въ какой де матеріи прежнее оной Прасковьи дѣло имѣлось, въ томъ архимандриту Ѳеодосію и стряпчему Шпилкину и означенной дѣвкѣ и никому она, Прасковья, не говорила".

Любопытно въ этомъ дѣлѣ, что дѣйствительно, какъ видно, она никому не говорила, за что она сослана была въ монастырь. Анна, рѣшившись сама донести на княжну, не скрыла бы, еслибы ей говорила объ этомъ княжна, которая вѣроятно надѣялась спасенія за свою скромность.

Тайна допроса Андрея Ивановича въ Измайловскомъ саду осталась навсегда тайною — одною изъ тѣхъ неразгаданныхъ дворцовыхъ тайнъ, которыми изобильно XVIII столѣтіе.

— Я говорила такія слова: что де былъ въ гвардіи сержантъ Шубинъ и собою де хорошъ и пригожъ былъ, и потомъ де имѣлся у государыни цесаревны ѣздовымъ, и какъ де еще въ монастырь я прислана не была, то де оный Шубинъ, посланъ въ ссылку; и эти слова она говорила такъ за-просто, зная того Шубина, что онъ лицомъ пригожъ былъ, и что былъ онъ ѣздовымъ у государыни цесаревны, и до ссылки своей слышала она, а отъ кого, не упомнитъ, что оный Шубинъ посланъ въ

ссылку, а куда и за что, того она не знаетъ, и ни отъ кого о томъ не слыхала".

Такъ какъ объясненіе княжны было не совсѣмъ согласно съ показаніемъ дѣвки Анны Юленевой, то передъ Андреемъ Ивановичемъ дана очная ставка.

Тяжело было княжнѣ встрѣтить доносчика въ лицѣ когда-то вѣрной, преданной Анны—доносчика дѣятельнаго и злорѣчиваго. На очной ставкѣ Анна Юленева не смутилась, а подбавила еще:

„Въ бытность княжны Прасковьи въ Тихвинскомъ монастырѣ въ день тезоименитства ея императорскаго величества, а въ которомъ году, того именно не упомнитъ, какъ пришли къ кельѣ, въ которой оная княжна Прасковья жила, означеннаго дѣвичьяго монастыря попы, для поздравленія со онымъ торжественнымъ днемъ, и оная де Прасковья пускать ихъ въ келью къ себѣ ей, Аннѣ, не велѣла; какъ де Анна говорила той княжнѣ: можно де ихъ пустить и для здравія государыни поднесть по чаркѣ вина, и оная де княжна Прасковья сказала: я бы де рожна поднесла".

Княжна будто бы говорила Аннѣ, что братъ ея, Борисъ, государыню цесаревну бранилъ непозволительными словами, и еслибы цесаревна была на престолѣ, то бы я въ ссылкѣ не была.

Княжна будто бы говорила ей, Аннѣ: „первый де императоръ Петръ Великій меня жаловалъ и въ голову цѣловалъ, и тогда де государыню и другихъ цесаревенъ царевнами не называли, а называли де только Ивановнами".

Эти послѣднія воспоминанія Анны, переданныя Андрею Ивановичу, ставили княжну въ самое непріятное поло-

женіе передъ императрицею, оскорбляя „честь и персону“ ея величества. Это было обвиненіе по первымъ двумъ пунктамъ.

— Поповъ не пустила я къ себѣ, отвѣчала княжна Андрею Ивановичу, въ день тезоименитства ея императорскаго величества потому, что они были пьяны. О братѣ Борисѣ и цесаревнѣ показанныхъ Анною словъ не говорила.

О вниманіи къ ней Петра Перваго говорила; но о томъ, что царевенъ называли будто бы Ивановнами— она Аннѣ не говорила.

Андрей Ивановичъ передалъ обо всѣхъ показаніяхъ вины и оправданіяхъ княжны въ подробности императрицѣ: и о Шубинѣ, и о Елисаветѣ Петровнѣ, и о Биронѣ, и о Левенвольдѣ, и о ножкахъ царицы Прасковьи Ѳедоровны...

Черезъ четыре дня послѣ очной ставки, къ княжнѣ въ тюрьму вошелъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, въ сопровожденіи секретаря и подъячаго Тайной канцеляріи.

— Я докладывалъ о тебѣ императрицѣ, княжна Прасковья Григорьевна; она очень гнѣвна, что ты не говоришь подлинной истины, что ты болтала Аннѣ Юленевой и другимъ. Императрица приказала объявить тебѣ, чтобъ ты, Прасковья, сказала истину, и ежели ты обо всемъ объявишь, то можешь ожидать всемилостивѣйшаго отъ ея императорскаго величества милосердія: буде же и нынѣ по объявленіи тебѣ, Прасковьѣ, ея императорскаго величества высокаго милосердія о вышесказанномъ истины не покажешь, то впредь отъ ея императорскаго величества милосердія, къ тебѣ, Прасковьѣ, показано

не будетъ, а поступлено будетъ съ тобою, какъ по такимъ важнымъ дѣламъ съ другими поступается".

Послѣ этой императорской угрозы, въ такомъ важномъ дѣлѣ, Андрей Ивановичъ приказалъ секретарю прочесть передъ княжною еще разъ показаніе дѣвки Анны.

Подѣйствовала ли угроза и страхъ мученій, пытокъ, а можетъ быть и смертной казни, но княжна вдругъ перемѣнила тонъ возраженій и объявила, что говорила ли она все показанное на нее Анною, „о томъ нынѣ сказать не упомнитъ". Развѣ де вышеозначенныя всѣ слова она, Прасковья, говорила по ссылкѣ ея въ Введенскій дѣвичій монастырь отъ горести, въ печали, въ безпамятствѣ своемъ, потому что она, Прасковья, отъ горести своей не токмо въ безпамятствѣ, но яко изумленная (сумасшедшая) была, и говаривала сумасбродственно, чего нынѣ помнить не можетъ. Поповъ не пустила, потому что они были пьяны. О всемъ объявляетъ она, Прасковья, сущую правду безъ всякой утайки, а ежели де объявляетъ она ложно, а послѣ въ томъ изобличена будетъ, — и за то бы де учинено ей было какъ указы ея императорскаго величества повелѣваютъ".

Въ то самое время, какъ Андрей Ивановичъ стращалъ княжну въ тюрьмѣ и отбиралъ отъ нея сознаніе, въ Тайную канцелярію привезли закованнаго въ ручныхъ и ножныхъ желѣзахъ Тихвинскаго монастыря стрянчаго Шпилкина.

Шпилкинъ не скрылъ ничего до малѣйшихъ подробностей, о разговорѣ княжны объяснилъ, что о словахъ княжны гдѣ надлежитъ и донынѣ не объявилъ, и то учинилъ онъ сущею своею простотою, а не хитростію, и не покрывая помянутой княжны Юсуповой, а стра-

шась того, что она, княжна, рода честнаго и имѣетъ сродниковъ; „а я, Шпилкинъ, человѣкъ самый послѣдній и страшился, чтобъ въ томъ не прійтить въ конечное свое раззореніе. Въ чемъ и клянусь чистою моею совѣстію, какъ мнѣ передъ Господомъ Богомъ стать, а ея императорскому величеству за недоношеніе о семъ всемъ приношу повинную и прошу себѣ о семъ милосердаго прощенія".

На первый случай Андрей Ивановичъ объявилъ Шпилкину съ подпискою, „чтобъ онъ о томъ, что слышалъ отъ княжны ни съ кѣмъ ни тайно, ни явно и ни подъ какимъ видомъ никакихъ разговоровъ бы не имѣлъ и не разглашалъ; а буде онъ, Шпилкинъ, съ кѣмъ будетъ разговаривать или разглашать,—за то учинена ему будетъ смертная казнь".

Шпилкина посадили также въ крѣпость.

28 марта княжнѣ предъявили подробное показаніе Шпилкина.

Первымъ отвѣтомъ княжны было, что объявленныхъ Шпилкинымъ словъ она не говорила.

Ей напомнили, что она противорѣчитъ себѣ, потому что по доносу Анны, дѣвки, она уже почти созналась, а въ показаніяхъ Шпилкина ничего нѣтъ новаго.

— Не помню, говорила ли я, отвѣчала княжна.

Андрей Ивановичъ велѣлъ привести Шпилкина на очную ставку съ княжною.

Шпилкинъ напомнилъ княжнѣ, когда она въ первый разъ разсказывала ему о себѣ. Это было у ней въ кельѣ, „смотря на святую икону, съ плачемъ, съ великаго сердца княжна говорила Шпилкину: Боже мой, какъ

ты не по винѣ моей безмѣрно меня печалью казнишь!“....

Княжна не въ силахъ была лгать Шпилкину въ глаза и созналась, что говорила все, какъ показалъ Шпилкинъ.

Андрей Ивановичъ полюбопытствовалъ, не говорила ли еще княжна кому нибудь?

— Никому, отвѣчала княжна, и Андрей Ивановичъ, довольный сознаніемъ княжны, вышелъ изъ тюрьмы ея съ Шпилкинымъ и канцеляристомъ, всегда его сопровождавшимъ въ застѣнкахъ и тюрьмахъ.

Дѣло приходило къ концу, недоставало только архимандрита тихвинскаго Ѳеодосія. 17 апрѣля Ѳеофанъ Прокоповичъ прислалъ его въ Тайную канцелярію.

Архимандрита посадили также въ крѣпость.

Объясненія архимандрита не принесли ничего новаго къ обвиненіямъ, уже возведеннымъ на княжну Анною Юленевою и Шпилкинымъ. Архимандритъ старался выпутаться самъ изъ этого щекотливаго дѣла. 17 апрѣля въ допросѣ онъ объяснилъ:

— Къ княжнѣ ходилъ по службѣ, потому что указомъ Ѳеофана архіепископа Новгородскаго, при присылкѣ княжны въ Введенскій монастырь, предписано было ему смотрѣть, чтобъ княжна содержалась въ крѣпкомъ смотрѣніи—и къ ней онъ, архимандритъ, ходилъ не одинъ, а съ игуменьею Дорофеею и съ тихвинскимъ іеромонахомъ Никономъ“.

18 апрѣля опять допросъ архимандриту.

— Княжна мнѣ говорила: „Батюшка мой старался, чтобъ нынѣшней государынѣ на престолѣ быть и челобитную о томъ ей, государынѣ, подалъ, а меня она въ

ссылку безвинно сослала; а вотъ Калушкину нынѣ взяли во дворецъ, а за меня заступиться некому".

Архимандритъ увѣрялъ, что за эти слова онъ кричалъ на княжну и запрещалъ ей, говоря: „молилась бы ты Богу. Калушкина въ Введенскомъ дѣвичьемъ монастырѣ тридцать лѣтъ трудилась, а какъ одного Бога знала, то ее Богъ и помиловалъ, авось либо такъ и тебя впредь Богъ помилуетъ".

Архимандритъ утверждалъ, что прочихъ словъ, какъ доносила на него Анна, отъ княжны не слыхалъ, и что никогда не сиживалъ съ нею наединѣ.

Андрей Ивановичъ приказалъ привести дѣвку Анну, на очную ставку, уличать архимандрита.

Ѳеодосій не устоялъ противъ обличеній бойкой Анны и сознался, что сиживалъ съ княжною наединѣ, но шептался ли съ княжною, какъ увѣряла Анна—того не упомнитъ. Только помнитъ, „что, видя оную Юсупову печальну, уговаривалъ, чтобъ она не приходила въ печаль, а молилась бы Богу", а сперва объ этомъ не показалъ онъ, архимандритъ, забвеніемъ".

Андрей Ивановичъ въ этотъ же день, 18 апрѣля, доложилъ императрицѣ все дѣло, и ея величество приказала объявить княжнѣ слѣдующее рѣшеніе:

„За злодѣйственныя и непристойныя слова, по силѣ государственныхъ правъ, хотя княжна и подлежитъ смертной казни, но ея императорское величество, милосердуя къ Юсуповой за службы ея отца, соизволила оть смертной казни ее освободить, и объявить ей, Юсуповой, что то упускается ей не по силѣ государственныхъ правъ, только изъ особливой ея императорскаго величества милости". Затѣмъ княжнѣ велѣно „учинить

наказаніе бить кошками и постричь ее въ монахини, а по постриженіи изъ Тайной канцеляріи послать княжну подъ карауломъ въ дальній, крѣпкій дѣвичій монастырь, который по усмотрѣнію Ѳеофана архіепископа новгородскаго имѣетъ быть изобрѣтенъ, и быть оной, Юсуповой, въ томъ монастырѣ до кончины жизни ея неисходно".

Начальствующимъ того монастыря, въ который будетъ сослана княжна, велѣно предписать, чтобъ смотрѣли за княжною накрѣпко, чтобъ она, Юсупова, жительство имѣла благочинно и, кромѣ имѣющейся въ томъ монастырѣ церкви, никуда бы не пускали; постороннихъ лицъ никого къ ней не допускать, и не дозволять ей писать кому бы то ни было. Для услуженія княжнѣ дозволить ей имѣть одну дѣвку.

Анна Юленева, сидя въ тюрьмѣ, не знала, что судьба княжны уже рѣшена, и, спасая себя, приготовляла княжнѣ еще новое обвиненіе. 25 апрѣля, сидя подъ карауломъ, она принялась шумѣть, кричать, топтать, безчинничать, такъ что караульный офицеръ принужденъ былъ донести о ней Андрею Ивановичу. Ее привели въ тайную. Она объявила, „что шумѣла для того, чтобъ ее представили императрицѣ, потому что она, Анна, желаетъ объявить ей, что когда она ѣхала въ Петербургъ жаловаться на игуменью, то совѣтовала княжнѣ послать съ нею въ Петербургъ просьбу къ императрицѣ, и что на это княжна ей отвѣчала: я бы де государыню на одномъ рожнѣ съ тобою видѣла"...

Этотъ доносъ былъ уже излишній. Андрей Ивановичъ не обратилъ на него вниманія, а приводилъ въ

исполненіе приговоръ императрицы надъ княжною. Избѣгая разглашенія, императрица приказала постричь княжну въ Тайной канцеляріи; такихъ случаевъ еще не было. Въ кладовыхъ Тайной канцеляріи не имѣлось готовой монашеской одежды,—въ Петербургѣ женскаго монастыря не было. Андрей Ивановичъ принужденъ былъ посылать нарочнаго къ одному довѣренному лицу въ Новгородъ, съ приказаніемъ купить секретно и выслать въ самой скорости все, что нужно для новопостригаемой.

27 апрѣля прислано въ Тайную канцелярію все нужное. Любопытенъ перечень этихъ вещей, а особенно цѣна ихъ: апостольникъ купленъ за 3 к.; повязка по апостольнику 10 к.; крестъ 4 к.; парамонъ 2 к.; наметка флеровая 50 к.; ряса нижняя съ узкими рукавами 90 к.; мантійка маленькая 8 к.; мантія большая, ряса верхняя съ широкими рукавами 3 р., ленты ременныя съ пряжкою 3 к., четки 1 р., свитка бѣлаго полотна 10 к. Такъ что весь монашескій нарядъ княжны стоилъ Тайной канцеляріи: четыре рубля восемьдесятъ одна копѣйка.

Изъ синода вытребовали духовную персону, и 30 апрѣля княжна наказана кошками и пострижена. Постригалъ ее синодальный членъ Чудова монастыря, архимандритъ Ааронъ.

Княжна Прасковья Юсупова наименована въ иноки-няхъ Проклою.

2 мая Андрей Ивановичъ объявилъ монахинѣ Проклѣ, что императрица приказала отобрать у нея всѣ золотыя, бриллiантовыя и др. вещи и съ прочимъ оставшимся въ монастырѣ ея имуществомъ отдать брату ея,

каммергеру князю Борису Юсупову, а у него потребовать необходимыя деньги, триста рублей, на дорогу княжны въ Сибирь и на ея пропитаніе до мѣста ссылки.

Княжна 4 мая отправлена въ Сибирь, въ Тобольскую епархію въ Введенскій дѣвичій монастырь, состоявшій при Успенскомъ Далматовомъ монастырѣ. Съ княжною отправлена крѣпостная ея дѣвка Марья Иванова Калмычка, которая не оставляла княжну съ самаго дня ссылки ея изъ Москвы. Ихъ повезли подъ карауломъ сержанта и трехъ солдатъ на пяти подводахъ. На пропитаніе во время дороги княжнѣ съ дѣвушкою назначено было по 25 к. въ день.

Передъ отправленіемъ княжну привели въ Тайную канцелярію, прочитали еще разъ приговоръ и куда она ссылается. При этомъ княжнѣ объявлено, чтобъ она о происходившемъ дѣлѣ въ Тайной канцеляріи, отнюдь ни съ кѣмъ до кончины жизни своей ни тайно, ни явно, ни подъ какимъ видомъ разговора не имѣла, и о непристойныхъ словахъ не разглашала; въ противномъ случаѣ ей была угроза—смертная казнь.

Княжна обѣщалась молчать и дала собственной руки подписку. Изъ современныхъ княженъ, Юсупова была исключеніе: она умѣла писать.

Участь Анны Юленевой, Шпилкина, архимандрита Ѳеодосія и др. была рѣшена позже.

Архимандритъ за то, что не донесъ о непристойныхъ словахъ княжны, по сужденію Тайной канцеляріи, подлежалъ бы жестокому истязанію, но ея императорское величество, милосердуя изъ особливой своей императорской милости, всемилостивѣйше соизволила оную вину ему, архимандриту, для его старости упу-

стить, и безъ наказанія изъ Тайной канцеляріи изъ подъ караулу свободить.

Анна Юленева—за доносъ на княжну прощена, но такъ какъ она явилась въ несостоятельномъ умѣ, то, чтобы не проговорилась, велѣно отослать ее въ одинъ изъ дѣвичьихъ монастырей, по усмотрѣнію духовнаго начальства, и когда поправится въ умѣ, то дозволено постричь ее въ монахини.

Стряпчему монастырскому Шпилкину—за то, что не скоро донесъ, да и то только тогда, когда донесла уже Юленева—учинить наказанье: бить плетьми, чтобъ впредь доносилъ безъ замедленія; по наказаніи освободить.

Объ игуменьѣ Дорофеѣ, допустившей, что княжну посѣщали постороннія лица, передано на разсмотрѣніе Ѳеофана.

Какъ ѣхала и доѣхала княжна Прасковья Григорьевна, или монахиня Прокла, въ Сибирь, сохранилось донесеніе сопровождавшаго ее туда Измайловскаго полка сержанта Алексѣя Гурьева. Онъ возвратился въ Петербургъ 10 августа и донесъ Тайной канцеляріи:

Княжну сдалъ благополучно въ Тобольскій Введенскій монастырь. Но что для своея предосторожности, дабы впредь мнѣ нижайшему чего не пришлось, онъ объявляетъ, что дорогою княжна Прокла неоднократно его превосходительство генерала и кавалера и ея императорскаго величества генералъ-адъютанта Андрея Ивановича Ушакова и дочь его превосходительства, и секретаря Тайной канцеляріи, Николая Хрущова, бранила, и говаривала неоднократно: „воздай де Богъ, генерала Ушакова дочери также какъ и мнѣ; дай де Богъ здрав-

ствовать государынѣ моей матушкѣ, да государынѣ цесаревнѣ".

Также въ дорогѣ неоднократно просила, чтобы ей дали жареную курицу. Сержантъ замѣтилъ ей, что нельзя, потому что ей, какъ монахинѣ, мяса ѣсть не слѣдуетъ.

— Я ѣсть не стану, отвѣчала Прокла, но хоть посмотрю на жареную курицу и сыта буду.

Но сержантъ не далъ ей курицы.

Тѣмъ и кончается донесеніе сержанта.

Какъ вела себя княжна въ Сибири?

Вотъ опять объ ней донесеніе изъ монастыря, отъ 6 марта 1738 года.

„Монахиня Прокла нынѣ въ житіи своемъ стала являться весьма безчинна, а именно: первое, въ церковь Божію ни на какое слово Божіе ходить не стала; второе — монашеское одѣяніе съ себя сбросила и не носитъ; третіе—монашескимъ именемъ, то есть Проклою, не называется, и звать не велитъ, а называется и велитъ именовать Парасковіею Григорьевою; четвертое — разсвирѣпѣвъ, учинилась монашескому обыкновенію противна и ни въ чемъ по чину монашескому стала быть не послушна и не благодарна, и посылаемую къ ней изъ келарской келліи пищу не пріемлетъ, а временемъ и бросаетъ на полъ и, ругаясь, говоритъ: у меня лучше того ѣдали щи, и проситъ себѣ въ снѣдь излишнихъ припасовъ, чтобъ всегда было свѣжее и живое".

Вслѣдствіе этого донесенія, монахиню Проклу велѣно содержать въ монастырѣ въ ножныхъ желѣзахъ, подъ карауломъ, неисходно; притомъ Тайная канцелярія по указу ея императорскаго величества предписала мона-

стырскому начальству: „Проклу наказать шелепами и объявить, что если не уймется, то будетъ жесточайше наказана“.

Кончила ли жизнь княжна Прасковья Григорьевна въ монастырѣ, или была освобождена, изъ слѣдственнаго дѣла не видно.

ГРЕКЪ СЕРАФИМЪ.

ВЪ НАЧАЛѢ января 1732 года разнеслись въ Петербургѣ слухи, что пріѣхалъ изъ Швеціи какой-то грекъ, шведскій шпіонъ, что онъ не въ первый разъ въ Россіи — пріѣзжалъ еще при Петрѣ Великомъ, былъ имъ облагодѣтельстованъ, но не смотря на это бѣжалъ изъ Россіи и поступилъ на службу въ Турціи секретаремъ Карла XII, во время Прутской кампаніи.

Всякій слухъ, непріязненный правительству, въ тѣ времена имѣлъ обыкновенно одинаковыя послѣдствія съ доносомъ. Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, доложили о подозрительномъ грекѣ. Она приказала разузнать о немъ подробнѣе.

Грекъ Серафимъ, о которомъ шло дѣло, дѣйствительно, въ концѣ 1731 года пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, выдавалъ себя за священника и жилъ въ Морской съ двумя прислужниками, тоже греками; съ

самаго пріѣзда онъ сидѣлъ все дома, разбирая тайно какія-то бумаги, и никуда не показывался.

23-го января 1732 года, ровно черезъ недѣлю послѣ торжественнаго въѣзда въ Петербургъ императрицы, по ея приказанію, грека арестовали и отвели къ Ѳеофану Прокоповичу для допроса.

Имя Серафима напомнило Ѳеофану, что онъ въ какой-то книгѣ читалъ о греческомъ священникѣ Серафимѣ. Ѳеофанъ приказалъ отвести грека въ монастырскую тюрьму и отыскалъ въ своей библіотекѣ книгу: „Status praesens Ecclesiae Graecae, in quo etiam causae exponuntur cur Graeci moderni novi testamenti editiones in Graeco-barbara lingua factas acceptare recusent. Praeterea additus est in fine status nonnularum controversiarum — ab Alexandro Helladio nat. Graec. Impressus. A. R. S. MDCCXIV.

(Настоящее состояніе Греческой церкви и объясненіе причинъ, по которымъ новые греки отказываются принять переводъ Новаго Завѣта на Греко-Варварскій языкъ. Сверхъ того прибавлено въ концѣ изложеніе нѣкоторыхъ споровъ. Составлено Александромъ Гелладіемъ грекомъ. 1714).

Въ XVI главѣ этой книги Ѳеофанъ нашелъ жизнеописаніе какого-то Серафима Митилинскаго. Авторъ книги, знакомый съ Серафимомъ, описывалъ его человѣкомъ безнравственнымъ, недоученымъ, лжецомъ и неблагодарнымъ къ Петру Великому, помогавшему Серафиму деньгами въ пріѣздъ его въ Россію въ 1704 г. Въ 1712 г. авторъ книги былъ съ Петромъ на Карлсбадскихъ водахъ и просилъ царскаго доктора Арескина походатайствовать за него у царя; но Арескинъ от-

казался, отвѣчая: „грекъ Серафимъ столько милостей получилъ, а теперь онъ служитъ переводчикомъ у Карла XII".

Подъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, Ѳеофанъ на другой день, 24 января 1732 года, допрашивалъ Серафима: „Кто онъ именемъ, прозваніемъ, отечествомъ и родомъ, въ какомъ чинѣ нынѣ и былъ прежде, когда изъ отечества вышелъ и какъ? собою, или посланъ отъ кого и куда? Имѣлъ ли и имѣетъ ли нынѣ паспортъ, гдѣ по исшествіи изъ отечества своего обращался? возвращался ли въ отечество свое и зачѣмъ? въ первый ли разъ теперь въ Россіи или прежде бывалъ? Если бывалъ, то гдѣ былъ и когда и кому являлся и зачѣмъ приходилъ сюда".

Первые отвѣты Серафима не удовлетворили вполнѣ Ѳеофана.

25-го января Серафима переспросили еще. Изъ отвѣтовъ его обнаружилось, что онъ пріѣзжалъ въ Россію при Петрѣ Великомъ въ 1698 г., ѣздилъ съ царемъ въ Англію, получалъ пособіе черезъ Шафирова и потомъ служилъ секретаремъ при шведскомъ посланникѣ Нейгебауерѣ въ Константинополѣ, во время войны съ Карломъ XII.

Ѳеофанъ потребовалъ отъ Серафима полнаго разъясненія всей его жизни.

Двѣнадцать подробно изложенныхъ вопросовъ заданы были Серафиму на Латинскомъ языкѣ, потому что онъ не зналъ Русскаго. Вопросные пункты предложены были Серафиму не въ хронологическомъ порядкѣ событій его жизни, а по предметамъ, въ разбивку. Серафимъ далъ отвѣты на каждый пунктъ отдѣльно на 17 листахъ и

подписалъ ихъ такъ: „Стефанъ Серафимъ Погонатъ, экзархъ наслѣдный Цыкладовъ и Спорадовъ, вице-канцлеръ народа нашего и депутатъ оныхъ полномоченный".

Въ этихъ отвѣтахъ Серафимъ разсказалъ подробно всю свою жизнь, связанную съ историческими событіями того времени.

Грекъ Серафимъ родился въ Смирнѣ. Дѣдъ его и отецъ писались потомками отъ рода греческихъ императоровъ Погонатовъ. Предназначаемый къ духовному званію, Серафимъ пятнадцати лѣтъ былъ посвященъ въ дьяконы въ городѣ Митилинѣ. Будущность тогда незавидная. Къ счастію Серафима у него нашелся покровитель: двоюродный его братъ по матери, занимавшій мѣсто архидіакона при константинопольскомъ патріархѣ Каллиникѣ. Архидіаконъ вызвалъ Серафима въ Константинополь и помѣстилъ для ученья въ патріаршую школу. Черезъ четыре года этотъ же архидіаконъ выхлопоталъ Серафиму отъ патріарха особенно важное порученіе.

Въ Константинополѣ получено было извѣстіе о взятіи русскимъ царемъ Петромъ Азова. Надежды грековъ на освобожденіе отъ турокъ обратились въ этотъ моментъ къ Русскому народу. Пророческія преданія носились между греками и самими турками о покореніи Константинополя русскими, о возстановленіи Восточной Греческой имперіи. Патріархъ константинопольскій Каллиникъ и сотоварищъ его патріархъ іерусалимскій увлеклись также этими надеждами и рѣшились тайно послать въ Россію поздравленіе царю русскому о побѣдѣ надъ агарянами. Серафиму поручено было отвезти въ Москву это поздравленіе. Путь предстоялъ ему далекій, пору-

ченіе опасное; Серафимъ обдумалъ, сообразилъ все основательно, и началъ съ того, что выхлопоталъ себѣ свидѣтельство объ уплатѣ имъ податей султану за годъ впередъ. Это свидѣтельство въ то время замѣняло паспортъ для свободнаго выѣзда изъ Турціи.—Потомъ перемѣнилъ священническую одежду на мірскую—это было безопаснѣе: въ свѣтской одеждѣ Серафимъ не привлекалъ на себя вниманія изувѣровъ мусульманъ. Прямая, ближайшая дорога черезъ Крымъ была слишкомъ ненадежна; онъ пустился черезъ Валахію, Трансильванію, Польшу и Украйну. Въ первыхъ числахъ февраля мѣсяца 1697 года, Серафимъ пріѣхалъ благополучно въ Москву и вручилъ грамоты патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго нашему патріарху Адріану. Въ это время Петръ Великій отправлялся въ свое первое путешествіе за границу. Серафимъ, не имѣя никакого особеннаго дѣла, пробылъ въ Москвѣ только 36 дней и, по совѣту патріарха Адріана, выѣхалъ изъ Россіи въ свитѣ царской „съ двумя князьями“, изъ опасенія, чтобы не попасть въ плѣнъ туркамъ. Въ Нарвѣ онъ принужденъ былъ остановиться по причинѣ болѣзни и только черезъ нѣсколько времени, оправившись, поѣхалъ моремъ въ Амстердамъ, отсюда въ Англію и вступилъ въ Аксонскую академію (Оксфордскій университетъ). Докторъ Удровъ принялъ его подъ свое покровительство.

Не долго остался Серафимъ въ Оксфордѣ. Ему захотѣлось побывать на родинѣ; черезъ Испанію, а отсюда моремъ, онъ возвратился въ Грецію, а потомъ и въ Константинополь. Патріархъ Каллиникъ былъ еще живъ и, вѣроятно по протекціи своего двоюроднаго брата ар-

хидіакона, Серафимъ былъ поставленъ въ Гаскѣ во священники Никодимомъ, митрополитомъ дерконскимъ.

Поживъ съ полгода въ Константинополѣ, Серафимъ опять поѣхалъ въ Оксфордъ доканчивать свое ученіе. Проѣздомъ онъ остановился на нѣкоторое время въ Парижѣ. Греческіе купцы, жившіе здѣсь, упросили его служить для нихъ обѣдни. Греческаго храма тогда не было въ Парижѣ, и Серафимъ совершалъ богослуженіе въ одной изъ католическихъ церквей. „Прозваніе церкви не помню“—разсказывалъ Серафимъ въ своихъ отвѣтахъ Ѳеофану—„но служилъ обѣдню не какъ уніатъ, а какъ православный, по лѣвой сторонѣ, гдѣ греческіе священники какъ православные, такъ и уніаты, отправляли службы; антиминсъ имѣлъ изъ Константинополя съ собою, а чинъ литургіи въ служебникѣ моемъ, купленномъ въ Венеціи; чашу и блюдцы взялъ у папистовъ, кромѣ звѣзды, которую я также имѣлъ съ собою. Стихарь и эпитрахиль были со мною, но вмѣсто фелони я взялъ у католиковъ плащецъ ихъ. По совершеніи литургіи все мое взялъ съ собою, а что ихъ было, то у нихъ оставлено“.

Въ Аксонской академіи Серафимъ пробылъ пять лѣтъ, но ѣздилъ часто въ Лондонъ. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ, онъ познакомился съ филиппополитанскимъ митрополитомъ Неофитомъ, а въ 1702 году изъявилъ ему желаніе свое видѣть англійскаго короля.

Неофитъ представилъ Серафима архіепископу кентерберійскому, который и повелъ Серафима въ парламентъ, въ высшую палату.

Желаніе Серафима было удовлетворено, онъ видѣлъ короля при шествіи его въ парламентъ. Это было

послѣднее засѣданіе, въ которомъ присутствовалъ король.

Архіепископъ кентерберійскій принялъ живое участіе въ Серафимѣ и его соотечественникахъ. „Многимъ одолжены англичане грекамъ“,—говорилъ онъ Серафиму,—„мы приняли отъ нихъ вѣру и науки—мы обязаны грекамъ услужить взаимно; въ настоящее время, при ихъ бѣдности, желательно было бы дать имъ на собственномъ ихъ языкѣ слово Божіе, которое мы отъ нихъ получили. За тобою теперь дѣла никакого нѣтъ, можешь дѣло это исполнить и перевести турецкія магометанскія рѣчи, чтобъ всѣмъ грекамъ внятно было“.

Дѣло шло о переводѣ и изданіи на народномъ Греческомъ языкѣ Новаго Завѣта. Кентерберійскій архіепископъ обѣщалъ помочь въ этомъ предпріятіи деньгами.

Серафимъ принялся горячо за дѣло; купилъ на свои деньги бумагу, сговорился съ типографщикомъ и въ короткое время довелъ печатаніе евангелія до половины евангелиста Луки.

Смерть англійскаго короля измѣнила ходъ дѣла.

Архіепископъ кентерберійскій увѣдомилъ Серафима, черезъ секретаря своего, что теперь за смертью короля, онъ не можетъ обѣщать ему дальнѣйшаго пособія. Къ счастію Серафима, нашлись „добрые друзья“, которые не отказали ему въ содѣйствіи: докторъ Микенъ, капелланъ принца Георгія, братъ короля датскаго и Людольфъ франкфуртскій. Съ ихъ пособіемъ въ 1703 году евангеліе было издано въ Лондонѣ.

Въ это же время (1703 г.) Серафимъ получилъ изъ Греціи, отъ своихъ соотечественниковъ, порученіе хлопотать передъ европейскими государями объ освобожде-

ніи Греціи. Этому дѣлу посвятилъ онъ всю свою жизнь и дѣятельность.

Пять депутатовъ были избраны народомъ Греческимъ для проповѣдыванія надеждъ Греціи на содѣйствіе христіанъ-европейцевъ къ ихъ освобожденію. Несчастные страдальцы составили поименные списки, приложили къ нимъ для большаго удостовѣренія свои печати и ввѣрили съ этими документами избраннымъ депутатамъ жизнь свою и своихъ семействъ. Каждый изъ этихъ списковъ, въ рукахъ султана, могъ служить приговоромъ къ ужаснымъ казнямъ подписавшихся.

Серафимъ былъ тоже одинъ изъ избранныхъ депутатовъ, и къ нему въ Лондонъ привезли также списки, присланные отъ народа Греческаго. Серафимъ началъ съ Англіи, выхлопоталъ себѣ у королевы аудіенцію и получилъ обнадеживаніе, „что королева окажетъ помощь Греціи“. Онъ отправился въ Голландію.

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, съ Серафимомъ случилось происшествіе, по его разсказу, весьма пустое, но оно, какъ мы увидимъ, имѣло важныя для него послѣдствія въ бытность его въ Россіи въ 1732 году:

„Въ Лондонѣ, нѣкоторая вдова, которая въ одномъ домѣ со мною жила, впала въ долги и, узнавъ, что у меня были деньги, нѣсколько разъ призывала къ себѣ и приглашала жить съ нею; но, предупрежденный хозяйкою дома въ ея злоумышленіи, я отъ нея удалился. По отъѣздѣ моемъ въ Голландію, услышалъ я, что она меня искала и клеветала, что я изнасильничалъ ея пятилѣтнюю дочь. Однако же я изъ Лондона выѣхалъ явно, съ чистымъ отпускомъ, обыкновеннымъ, и съ рекомендательными письмами о мнѣ отъ королевы Анны къ

англійскому посланнику въ Константинополѣ, господину кавалеру графу Сутонію".

Въ Голландіи, Серафимъ, черезъ нашего посланника графа Андрея Артамоновича Матвѣева, былъ представленъ тамошнему „штатъ-панціонарію", отъ котораго получилъ также обнадеживаніе.

Послѣ поѣздки въ Галле и Лейпцигъ, Серафимъ, по вызову графа Матвѣева, возвратился въ Амстердамъ и отсюда отправленъ графомъ въ Архангельскъ съ адмираломъ Крюйсомъ.

Изъ Архангельска, 6 августа 1704 года, Серафимъ пріѣхалъ въ нашъ лагерь подъ Нарвою.

Петру Великому было не до греческихъ дѣлъ—онъ заботился о взятіи Нарвы и 9 августа вступилъ въ городъ. 13 августа, Серафимъ, черезъ Ѳедора Головина, представилъ просьбу своихъ соотечественниковъ.

Серафимъ не зналъ по-русски и написалъ бумаги на Латинскомъ и Греческомъ языкахъ. По его разсказу, Петру переводилъ ихъ на русскій языкъ какой-то переводчикъ Андрей.

Черезъ Головина Петръ обѣщалъ: „что ежели будутъ помогать Греціи прочія европейскія державы, то и онъ въ томъ наивяще вспоможеніе подавать не оставитъ".

Изъ-подъ Нарвы Серафимъ отправился въ Москву. Одновременно съ Серафимомъ пріѣхалъ въ Москву съ предложеніями объ освобожденіи Греціи Меѳодій, митрополитъ ѳессалоникскій. Въ публичной аудіенціи, въ домѣ графа Головнна, оба депутата представлены были царю. Петръ повторилъ тоже, что и въ Нарвѣ. При этой аудіенціи, по увѣренію Серафима, присутствовали Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ, Гаврило Ивановичъ Го-

ловкинъ; Никита Моисѣевичъ Зотовъ, Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, митрополитъ рязанскій (Стефанъ Яворскій) и другія лица, которыя были незнакомы Серафиму. Тутъ же, въ Москвѣ, въ домѣ австрійскаго резидента, онъ познакомился съ учителемъ царевича Алексѣя Петровича Нейгебауеромъ, часто посѣщавшимъ резидента. По возвращеніи Петра Великаго въ Москву, Серафиму заданъ былъ вопросъ отъ царя черезъ митрополита рязанскаго (Стефана Яворскаго): „надобно ли перекрещивать лютеро-кальвиновъ, или нѣтъ? „Серафимъ отвѣчалъ: „Мнѣніе мое объ этомъ не сильно и въ канонахъ вселенскаго собора третьяго Ефесскаго показано, которыхъ надобно перекрещивать, а которыхъ не надобно—также и въ енхиридіи Досиѳея, патріарха іерусалимскаго, на Коріофила. (Въ подлинномъ дѣлѣ на этомъ отвѣтѣ Серафима отмѣчено рукою Ѳеофана Прокоповича: „не Ефесскаго и не третьяго, а втораго вселенскаго, который былъ въ Константинополѣ“). Потомъ самъ Серафимъ осмѣлился черезъ митрополита рязанскаго предложить Петру „о способѣ обращенія идолопоклонниковъ, обрѣтающихся подъ державою его величества“. Царь отвѣчалъ: „надобно переговорить объ этомъ съ рязанскимъ“ (т. е. Стефаномъ Яворскимъ). Третій и послѣдній переговоръ съ Петромъ былъ о посольствѣ въ Ѳіопію. Серафимъ вручилъ царю: апологію объ исповѣданіи вѣры императора ѳіопскаго Давида, изданную въ Парижѣ на Латинскомъ и Ѳіопскомъ языкахъ. Петръ отдалъ ее для перевода „на россійскій діалектъ“. Серафимъ при этомъ разсказалъ, какими путями могли бы безопасно ѣхать послы къ Ѳіопію. Петръ отвѣчалъ: „Посмотрю“.

Въ 1705 году, Серафимъ, снабженный деньгами на дорогу отъ Петра, черезъ Шафирова, отправился *) вмѣстѣ съ сыномъ князя Голицына Сергіемъ Борисовичемъ черезъ Архангельскъ, на датскомъ кораблѣ, въ Коппенгагенъ, гдѣ по протекціи экономa тещи королевы, черезъ великаго канцлера и гофмаршала былъ представленъ королю, которому и подалъ просьбу своихъ соотечественниковъ.

Король обѣщалъ Греческому народу помощь морскую въ потребное время: „одинъ или два корабля на собственномъ своемъ коштѣ, какъ долго война продолжится".

Изъ Коппенгагена Серафимъ отправился въ Берлинъ. Здѣсь капелланъ Яблонскій и гофмаршалъ представили его королю „Фридериксу". Король обѣщалъ также помощь свою „въ потребномъ времени". Въ Берлинѣ Серафимъ познакомился съ Головкиными.

---

*) Въ книгѣ: Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи, Смирнова, помѣщены нѣкоторыя свѣдѣнія о Серафимѣ, относящіяся къ этой эпохѣ. Стр. 82 и 83. „Въ пользу возстановленія греческаго образованія говорилъ нѣкто іеромонахъ Серафимъ, грекъ, присланный въ Москву царемъ въ 1704 году изъ-подъ Нарвы. Петръ назначилъ ему жалованья по двѣ гривны на день, однако же онъ не оказался нужнымъ для училища Нарышкина, въ которомъ учидъ Эрнестъ Глюкъ, ни для академіи, въ которой не открывали греческаго класса. Поэтому, черезъ полгода ему перестали выдавать жалованье и онъ въ 1705 году подалъ царю просьбу, чтобы его отпустили въ Лондонъ, гдѣ прежде онъ имѣлъ пребываніе и гдѣ, какъ увѣрялъ онъ, намѣренъ заняться печатаніемъ библіи и построеніемъ Греческой церкви,—и его отпустили. Замѣчателенъ между прочимъ его отзывъ объ упадкѣ въ Россіи мнѣнія о грекахъ; „я самъ—пишетъ Серафимъ—вѣрный свидѣтель и очевидецъ, что насъ ставятъ ниже всѣхъ другихъ иноземцевъ".

Изъ Берлина Серафимъ поѣхалъ въ Лейпцигъ и въ Галле. Здѣсь онъ взялъ у нѣкоего Анастасія Наусія оставленныя имъ у него свои книги, а также письма королевы англійской Анны.

Послѣ ярмарки, изъ Лейпцига, съ греческими купцами поѣхалъ онъ черезъ Силезію и Польшу въ „Волошскую землю“, гдѣ прожилъ около десяти дней у стольника Константина (по дополнительному объясненію Серафима, этотъ стольникъ Константинъ былъ казненъ султаномъ Ахметомъ,—а сынъ стольника Ѳома умеръ, а жена и прочія дѣти его еще живы (1732) въ Москвѣ. О Константинѣ имѣютъ исторію графа Боція, на Итальянскомъ языкѣ, изданную въ Венеціи).

О дѣлахъ греческихъ и объ обѣщаніи европейскихъ государей Серафимъ принужденъ былъ передать стольнику Константину, не имѣя времени ожидать самого волошскаго князя Вассароба, который былъ въ это время въ Тирговистѣ вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Хрисанфомъ, и не допускалъ къ себѣ никого, по случаю свирѣпствовавшаго тогда въ Валахіи моровaго повѣтрія.

Изъ Валахіи Серафимъ отправился „до берега Чернаго моря въ Констанцію, и оттуда въ Царьградъ“. Въ это время онъ сдѣлался уже мірскимъ человѣкомъ. Еще въ 1703 г., въ бытность его въ Амстердамѣ, до него дошли слухи, что патріархъ константинопольскій отлучилъ его отъ церкви за предисловіе, напечатанное имъ къ переводу евангелія, изданному въ Лондонѣ. Послѣ этого, считая себя не въ правѣ совершать священнодѣйствія, онъ скинулъ священническую одежду.

Въ Константинополѣ Серафимъ прожилъ нѣсколько

лѣтъ и, по назначеніи Турецкаго правительства, получилъ мѣсто серетаря и толмача при англійскомъ посланникѣ.

Въ 1709 году пріѣхалъ въ Константинополь старый знакомый Серафима Нейгебауеръ, бывшій въ 1704 г. учителемъ царевича Алексѣя Петровича. Нейгебауеръ находился въ это время на службѣ при Шведскомъ королѣ Карлѣ XII, который послѣ несчастнаго для него Полтавскаго сраженія, преслѣдуемый русскими, принужденъ былъ искать спасенія въ турецкихъ владѣніяхъ. Карлъ XII изъ Бендеръ послалъ Нейгебауера въ Константинополь съ письмомъ къ султану о заключеніи наступательнаго и оборонительнаго договора противъ Россіи. Нейгебауеръ имѣлъ первую аудіенцію у визиря 7 сентября 1709 года, а потомъ вскорѣ былъ назначенъ Карломъ XII оффиціальнымъ чрезвычайнымъ посланникомъ.

При Нейгебауерѣ былъ переводчикомъ какой-то венгерецъ, который, вскорѣ послѣ пріѣзда въ Константинополь, умеръ. Нейгебауеръ зналъ Серафима въ Москвѣ и, имѣя необходимость въ толмачѣ, упросилъ визиря взять Серафима отъ англійскаго посланника, при которомъ онъ находился, и опредѣлить при немъ. Просьба Нейгебауера была исполнена; но послѣдній не долго оставался въ Константинополѣ. Карлъ XII, недовольный отказомъ султана въ содѣйствіи къ безопасному, въ сопровожденіи 50 т. корпуса турецкаго войска, возвращенію черезъ Польшу въ Россію, назначилъ на мѣсто Нейгебауера посланникомъ полковника Функа.

„Съ полковникомъ Функомъ — разсказывалъ Серафимъ—мы были у каймакама или вице-визиря Целеба

Мегмедъ-паши и у султана, и подалъ ему Функъ письма короля шведскаго вмѣстѣ съ латинскимъ ихъ переводомъ,—а кто переводилъ въ Бендерахъ, про то не знаю: Александръ-ли Амира или Гарвисонъ—не вѣдаю. Спустя нѣсколько дней призвалъ каймакамъ полковника Функа и сообщилъ ему отвѣтъ султана, чтобъ онъ писалъ къ королю своему: чтобы онъ доброе сердце имѣлъ и ничего бы не опасался: „война-ли будетъ или миръ—говорилъ султанъ,—вмѣстѣ будемъ и не будетъ нами оставленъ—ибо и эта война для шведа учинилась". Это было говорено Функу прежде Прутскаго сраженія. Функъ просилъ, чтобъ этотъ отвѣтъ султана, „для лучшаго вѣроятія", дали бы ему письменно—что и было исполнено. Когда же послѣ Прутскаго мира Функъ предъявилъ это письменное обѣщаніе султана визирю Валтагѣ пашѣ, то его, Функа посадили въ тюрьму, а письмо уничтожили. Вскорѣ визирь Валтага паша былъ смѣненъ и сосланъ на островъ Хіо, а на мѣсто его назначенъ визирь Целембій Юсуфъ паша, природою грузинецъ. Функъ былъ освобожденъ и приказалъ мнѣ требовать указовъ о безопасномъ провозѣ въ Константинополь вина и свиней, какъ его, такъ и моихъ. Вскорѣ опять нарушился миръ между султаномъ и Россіею и московскіе закладные Толстой, Шафировъ и сынъ Шереметева посажены въ тюрьму, а намъ повелѣно слѣдовать за султаномъ въ Адріанополь—неизвѣстно для чего: для войны ли, какъ слухъ носился, или для другихъ причинъ. Въ то же время въ Адріанополь пришли послы польскіе Хометовскій и генералъ Гомъ. Послѣ смѣны визиря Карлъ XII черезъ муфти, заклятаго врага Россіи, просилъ султана отпустить его черезъ

Польшу съ семьдесятью тысячами янычаръ; просьбу эту подкрѣплялъ и король польскій черезъ генерала Пугнятовскаго (Понятовскаго). Муфти далъ слѣдующій отвѣтъ султана: что по закону магометанскому и самъ турецкій султанъ обязанъ съ двѣнадцатью тысячами войска быть въ походѣ. Въ это время послѣдовало возмущеніе въ Бендерахъ и короля шведскаго привезли въ Демиръ-Дешь, разстояніемъ отъ Адріанополя въ одной мили. Французскій посланникъ господинъ де-Феріоль, призванный въ посредники, принялъ сторону короля шведскаго. Султану это было непріятно, и онъ отпустилъ посланника, не простясь съ нимъ; но Феріоль оставилъ въ Адріанополѣ канцеляриста и французскаго переводчика Бруе; послѣдній продолжалъ вести переговоры о дѣлахъ шведскихъ, а не я; потомъ черезъ нѣсколько дней призвалъ меня визирь и сказалъ: „Иди къ королю шведскому и скажи ему моимъ именемъ: если возможно къ небу летѣть, то и ему можно будетъ черезъ Польшу пройти; а мы не дураки, чтобы вызвать противъ себя христіанъ; ежели же король хочетъ возвратиться черезъ Ѳессалонику и Францію, то мы ему дадимъ четыре или пять кораблей, на которыхъ онъ можетъ проѣхать черезъ Средиземное море во Францію— въ Марсель или въ Тулонъ, и такъ черезъ Францію доберется до океана, куда могутъ придти его корабли и перевезти его въ Швецію; если же онъ не хочетъ такъ сдѣлать—пусть дѣлаетъ какъ хочетъ“. Объ этомъ предложеніи визиря я донесъ королю шведскому черезъ канцлера Милярса (Миллеръ) и гофъ-маршала Дибена. Король не сказалъ ни слова, но призвалъ секретаря и началъ писать къ цесарю римскому о безопасномъ прохо-

дѣ своемъ и своихъ черезъ нѣмецкія земли и прочія, а спустя нѣсколько дней послалъ полковника Гротъ-Гузена въ Константинополь, для прощанія съ султаномъ и съ просьбою дозволить ему отправиться черезъ Австрійскую имперію. Съ Гротъ-Гузеномъ посланъ былъ и я.

„Передъ отъѣздомъ своимъ король шведскій мнѣ ничего не сказалъ; онъ сердился на меня за мой отвѣтъ, сообщенный ему чрезъ канцлера Милярса (Миллера), вотъ по какому случаю: король шведскій черезъ канцлера Милярса спрашивалъ меня: хочу ли я съ нимъ ѣхать въ Швецію? Я отвѣчалъ прямо: не хочу. Король удивился и спросилъ: такъ ли отвѣчаютъ королямъ? Мой отвѣтъ былъ: не могу иначе отвѣчать по завѣщанію Христову: буди же слово ваше ей, ей, ни, ни; лишнее же—сіе отъ непріязни есть. На это Милярсъ мнѣ сказалъ: надлежитъ нѣкій смыслъ имѣть, иначе же непочтенно отвѣтствуешь. На то я сказалъ: правда есть, ежели безъ смысла говорю, то безсловесно говорю. Скажи же, прошу—говорилъ Милярсъ. И сказалъ я такъ: Прежде отвѣтствую естественно, потомъ граждански; вы знаете, что вашъ климатъ діаметрально противоположенъ нашему, и мы не можемъ стерпѣть холода вашего климата; граждански же отвѣчаю: имѣли вы Гугона Гроція *), который такъ много оказывалъ благодѣянія Швеціи и Франціи, а въ старости не могъ найти и частицы хлѣба на пропитаніе, которое нашелъ уже у швейцарцевъ. Что же я могу ожидать?

*) Гуго Гроцій голландскій публицистъ, основатель науки международнаго права.

„Милярсъ передалъ эти слова Карлу XII, который сказалъ: истинно неблагодарны были всегда шведы. Не смотря на это, Серафимъ проводилъ Карла XII до Демотики, гдѣ откланялся ему и возвратился въ Константинополь.

„Въ 1714 году посланы мы были въ Европу и въ Ѳіопію ко всѣмъ государямъ европейскимъ, габезинскимъ (абиссинскимъ) или ѳіопскимъ, отъ союзной, единодушной компаніи грековъ. Меня чрезъ Средиземное море отправили въ острова Циклады и Спорады, въ чинѣ экзарха, для распредѣленія денежныхъ сборовъ и для наставленія, какъ дѣйствовать, чтобы турки не возъимѣли подозрѣнія. Оттуда попалъ я въ Пелопизъ и Сацинфу *) и Корциру, а отсюда въ недѣлю Ваіи въ 1715 году, на англійскомъ кораблѣ—въ Венецію, и тамъ, по случаю моровато повѣтрія выдержалъ 40 дней карантину. Въ Венеціи объяснялъ сенату, чрезъ консула венеціанскаго, о клятвѣ патріарха константинопольскаго: что не по своей волѣ онъ положилъ эту клятву на грековъ, но подъ угрозами смертной казни, по приказанію визиря, зятя султана Ахмета. Клятва патріарха заключалась въ томъ, чтобъ никто изъ грековъ не смѣлъ вступать на службу къ венеціанцамъ ни по найму, ни по охотѣ. Также я сообщилъ сенату, что корабельщики острововъ охотно желали бы служить республикѣ, не смотря на патріаршую клятву, только что стѣсняетъ ихъ платежъ подати, которую придется платить и венеціанцамъ, и туркамъ. Венеціанцы день ото дня отлагали рѣшеніе; на послѣднее предложили,

*) Закинфъ (Занта), одинъ изъ семи Іоническихъ острововъ.

говоря: когда коллегія перемѣнится, тогда и предложимъ, и хотя коллегія неоднократно перемѣнялась— однако-же отвѣта никакого не дали".

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, видя безуспѣшность своихъ хлопотъ въ Венеціи, Серафимъ, выпросилъ себѣ паспортъ отъ австрійскаго посланника въ Венеціи графа Колло-редо, и отправился черезъ Тирольскія Альпы въ Вѣну. Здѣсь онъ узналъ о взятіи турками Мореи. Это было въ первыхъ числахъ августа 1715 года.

Въ Вѣнѣ Серафимъ выпросилъ у цезаря дозволеніе собирать милостыню въ пользу грековъ и жить на рѣкѣ св. Виста, при Адріатическомъ морѣ. Здѣсь онъ пробылъ около трехъ лѣтъ. Въ 1718 г., по доносу соотечественника своего, греческаго священника изъ Хіо Діонисія Руфа, принявшаго тайно римско-католическую вѣру, турецкій посланникъ въ Вѣнѣ Ибрагимъ-паша пожаловался принцу Евгенію, что Серафимъ возмутитель мира Пассаровицкаго. Принцъ Евгеній отвѣчалъ: „Не дѣло Серафима мѣшаться въ миръ или войну и это неправда—онъ человѣкъ пріѣзжій, ѣдетъ въ Швецію за своими деньгами, и остался здѣсь жить потому, что узналъ о смерти короля шведскаго; греки, бѣжавшіе изъ Мореи и изъ другихъ мѣстъ, которыя вы отняли у Венеціи, выбрали его повѣреннымъ—и по его просьбѣ цезарь пожаловалъ имъ мѣсто при Адріатическомъ морѣ, гдѣ и прежде греки живали, когда Карлъ V отдалъ Морею туркамъ. Серафимъ не вмѣшивается въ дѣла ни мира, ни войны".

Не смотря на это, принцъ Евгеній черезъ канцлера Цинцендорфа объявилъ Серафиму, чтобъ онъ выѣхалъ куда нибудь до отъѣзда изъ Вѣны турецкаго послан-

ника, и чтобъ не проговорился объ этомъ измѣнникѣ Діонисію.

Серафимъ отправился въ университетъ въ Тирнавію въ Верхней Венгріи. Здѣсь іезуиты обѣщали ему напечатать на простомъ Греческомъ языкѣ манифестъ, сочиненный Серафимомъ, отъ имени Греческаго народа, но не исполнили своего обѣщанія, отговариваясь неимѣніемъ наборщика, знающаго этотъ языкъ. Серафимъ отправился въ Краковъ, узнавъ, что тамъ есть греческая типографія. Въ Краковѣ и былъ напечатанъ манифестъ Серафима.

Въ то время въ Краковъ пріѣхалъ, въ свои помѣстья, польскій канцлеръ Шембекъ. Разузнавъ о Серафимѣ отъ тамошнихъ „учителей“, Шембекъ предложилъ ему мѣсто переводчика при себѣ, и службу Рѣчи Посполитой. „Не могу рѣшиться—отвѣчалъ Серафимъ—не спросясь моихъ соотечественниковъ, и при томъ долженъ возвратиться въ Вѣну, куда посланъ отъ нихъ“.

„Одною щеткою двѣ стѣны вдругъ обѣлить можешь—отвѣчалъ Шембекъ—то есть и чинъ переводчика имѣть, и ходить по дѣламъ своихъ соотечественниковъ“. Серафимъ согласился—написалъ прошеніе на имя польскаго короля. Шембекъ взялъ это прошеніе съ собою въ Варшаву и черезъ нѣсколько дней прислалъ приказаніе Серафиму ѣхать туда немедленно. Серафимъ пріѣхалъ въ Варшаву въ 1720 году.

Пользуясь обѣщаніемъ Шембека содѣйствовать освобожденію Греціи, Серафимъ подалъ ему объ этомъ предложенія Греческаго народа. Шембекъ отвѣчалъ ему: „Мы, какъ христіане, отвергнуть этого предложенія не можемъ, но только это дѣло надо представить въ сеймъ,

когда всѣ три „чина“ соберутся, и притомъ, надобно постараться, чтобъ предложеніе это было объявлено въ сеймѣ такимъ лицомъ, голосъ котораго былъ бы дѣйствителенъ“.

Серафимъ не согласился на предложеніе Шембека. „Въ сеймахъ польскихъ,—говорилъ Серафимъ—обрѣтаются всякаго рода люди и прошеніе грековъ объ ихъ освобожденіи огласится въ Турціи и будетъ поводомъ большихъ преслѣдованій“. Онъ попросилъ только, чтобъ предложенія его „для вѣчной памяти были записаны въ актахъ“. Просьба его была исполнена.

Въ Польшѣ Серафимъ прожилъ десять лѣтъ въ званіи переводчика восточныхъ языковъ, на жалованьѣ отъ Польскаго правительства. Изъ Варшавы онъ неоднократно, отъ имени Греческаго народа, писалъ къ графу Гаврилѣ Ивановичу Головкину, но не получалъ никакого отвѣта.

Въ 1731 году посланники наши въ Варшавѣ—сперва Ягужинскій, а потомъ Бестужевъ—велѣли ѣхать Серафиму въ Москву.

1 мая 1731 года Серафимъ выѣхалъ изъ Варшавы, но не прямо въ Россію, а отправился сперва въ Швецію, для полученія своихъ и Греческаго народа денегъ, которыя патріархъ ахридонскій Игнатій, черезъ брата своего, далъ взаймы посланнику короля Станислава графу Криспину въ Адріанополѣ. Деньги эти были даны Криспину за то, что онъ выхлопоталъ Игнатію патріаршество. Сверхъ того, Серафиму необходимо было побывать въ Швеціи по порученнымъ ему торговымъ дѣламъ съ „Балтійскою компаніею“ отъ одного смирнскаго

армянина, поселившагося въ Англіи, и отъ одного грека въ Амстердамѣ.

Хлопоты Серафима въ Стокгольмѣ были безуспѣшны. Сенатъ объявилъ Серафиму, что давалъ ли патріархъ графу Криспину деньги взаймы, на то доказательствъ нѣтъ, и просьба его удовлетворена быть не можетъ. Серафимъ „укорилъ сенатъ чашкою кофе и рюмкою холодной воды“ и отправился въ Петербургъ. На дорогу онъ занялъ у своего соотечественника, грека-купца, подъ залогъ креста св. Андрея, сорокъ пять червонцевъ.

Въ Петербургѣ Серафимъ намѣревался повторить предложенія Греческаго народа, извѣстныя графу Головкину, а именно: Первое. О признаніи Антонія Ласкаря Комнена Палеолога за законнаго наслѣдника. Второе. Вступить съ нимъ въ вѣчную алліанцію, наслѣдную, наступательную и оборонительную, ежели соизволитъ ея императорское величество. Третье. Подавать грекамъ любовную помощь своевременно, на морѣ или какъ угодно будетъ.

„Только для этихъ предложеній я и пріѣхалъ въ Петербургъ,—говорилъ Серафимъ—и эти предложенія не одинъ разъ посланы были къ великому канцлеру графу Головкину“.

Вотъ полный перечень дѣятельности Серафима, разсказанный имъ самимъ въ отвѣтныхъ пунктахъ, поданныхъ Ѳеофану. Судьба тысячи жертвъ его соотечественниковъ была въ его рукахъ, онъ былъ хранителемъ именныхъ реэстровъ и подписокъ всѣхъ тѣхъ, которые предлагали свою жизнь для освобожденія своихъ собратій изъ-подъ ига турецкаго. Гдѣ не былъ Серафимъ? Гдѣ не хлопоталъ о помощи и состраданіи? Въ Россіи,

въ Англіи, въ Даніи, въ Швеціи, въ Австріи, въ Польшѣ, въ Пруссіи. Вся жизнь его была посвящена одной исключительной цѣли—въ теченіе тридцати лѣтъ труды его не были вознаграждены даже малѣйшею надеждою на успѣхъ и не смотря на это онъ не унывалъ и шелъ все тою же дорогою. Доѣхалъ онъ и до Россіи, но и здѣсь, къ его несчастію, Ѳеофанъ, главный судья его и слѣдователь, слушалъ его подъ впечатлѣніемъ предвзятыхъ убѣжденій, полученныхъ изъ книги Гелладія и подъ вліяніемъ современныхъ обстоятельствъ.

5 февраля 1732 потребовали отъ Серафима дополнительныхъ объясненій.

Первое. „Кто такой Іоаннъ Антоній Ласкарь Палеологъ, съ которымъ Серафимъ предлагаетъ заключить союзъ наступательный и оборонительный?

„Іоаннъ, князь отъ мужескаго поколѣнія греческихъ императоровъ,—отвѣчалъ Серафимъ—это можно видѣть въ книгѣ, недавно изданной въ Венгріи, о родословіи его отъ Флавія Константина императора даже до сего дни. Книга эта имѣется у князя Кантемира, за которымъ дочь князя Дмитрія Голицына. Князь Іоаннъ теперь живетъ въ Вѣнѣ и ведетъ переговоры о дѣлахъ своихъ и своего народа Греческаго, какъ государь ихъ“.

Второе. „Что значитъ чашка кофе и рюмка холодной воды, которыми Серафимъ укорилъ Шведскій сенатъ?“

„Чашку кофе написалъ по пословицѣ турокъ, которые говорятъ, что уже дѣло совсѣмъ сдѣлалось, когда человѣка потчиваютъ чашкою кофе и трубкою табаку; а рюмку воды я привелъ въ отвѣтѣ моемъ отъ словъ Христа къ его ученикамъ: иже аще кто дастъ чашку

студены воды во имя мое, блаженъ будетъ; кромѣ того, черезъ чашку кофе и рюмку воды ничего не разумѣю, а писалъ я, показуя, какъ неблагодарны и нестранноприимны шведы, что такого обычая и турки не имѣютъ".

Третье. „Имѣлъ жену въ Польшѣ? отвѣчать подъ казнію смерти за ложь, когда изобличенъ будетъ".

„По законному браку жены никогда я не имѣлъ, и не только въ Польшѣ, но и нигдѣ, и нынѣ не имѣю; только какъ человѣкъ мірской, имѣлъ при себѣ домостроительницу или служанку, а ежели кто очевиднымъ свидѣтельствомъ или письменнымъ документомъ докажетъ, что я былъ женатъ когда-либо, то подвергаюсь казнямъ, какія я за то заслуживаю, т. е. смерти или сожженію".

Четвертое. „Не бывалъ ли въ какомъ государствѣ въ подозрѣніи и въ чемъ?"

„Гдѣ я ни бывалъ, ни въ одномъ государствѣ подозрѣнія никакого о мнѣ не имѣлось и донынѣ не имѣется; только во время завоеванія турками Мореи, какой-то архимандритъ Серафимъ былъ пойманъ венеціанами какъ измѣнникъ республики и казненъ смертію: повѣшенъ въ Неаполи Морейской. Впослѣдствіи эту измѣну приписывали мнѣ, но это опровергается тѣмъ, что я въ это время былъ въ Вѣнѣ".

Пятое. „Когда ты былъ въ Россіи и явился къ государю Петру I съ своими протестаціями, тогда отъ его величества не было ли тебѣ предъявлено какихъ либо секретовъ, которые ты открывалъ Карлу XII или кому либо изъ шведовъ?"

„Этого никогда не было, и при томъ о видѣнныхъ мною въ Россіи военныхъ приготовленіяхъ и о прочемъ

никому въ переѣздахъ своихъ ни словесно, ни письменно никогда не сообщалъ".

Серафимъ понялъ изъ этого послѣдняго вопроса, что его подозрѣваютъ въ шпіонствѣ, и потому пространнѣе изложилъ свое оправданіе.

„О недавнемъ моемъ пребываніи въ Швеціи для денежныхъ моихъ дѣлъ можно справиться въ Стокгольмѣ у купца Гриля и у секретаря Сильверста Шульца, которые остались моими повѣренными въ Швеціи, и всякое подозрѣніе о моемъ шпіонствѣ уничтожится, если спросятъ обо мнѣ у посла цесарскаго величества графа Коллоредо.

„По отъѣздѣ короля шведскаго изъ Турціи, ни шведы со мною, ни я съ ними никакого сообщенія не имѣлъ— и никогда объ этомъ и не думалъ, зная, что они противники нашему интересу и друзья туркамъ по враждѣ къ русскимъ, также какъ французы пріятели съ турками по враждѣ къ нѣмцамъ. Каждый младенецъ можетъ разсудить: преданный Мореи, какъ я, можетъ ли быть въ одно и то же время и шпіономъ турецкимъ, и перебѣгать къ венеціанцамъ—тогда я скорѣе перебѣжалъ бы къ туркамъ, а не въ Венецію. Я не такой безумный. Если бы я былъ въ подозрѣніи у венеціанъ, то меня бы арестовалъ въ Вѣнѣ венеціанскій посолъ,— а я въ Вѣнѣ жилъ четыре года не тайно, а явно, и не одинъ, со мною жили четыре мои товарища: консулъ нашей компаніи Димитрій Гиціи, Іоаникій Іоаннъ капитанъ изъ Эпира, пресвитеръ Алоизій изъ Крита, секретарь народа Греческаго, Іосифъ Кубацкій изъ Силезіи. Я самъ хаживалъ въ канцелярію посла венеці-

анскаго и къ прочимъ посламъ, министрамъ и другимъ лицамъ".

Эти отвѣты все еще не удовлетворили Ѳеофана. У Серафима найдены были, при его арестѣ, письма „многихъ людей, которыми они обязывались" содержать постоянство и вѣрность къ славному народу Греческому и къ какой-то компаніи и хранить вѣрно какіе-то секреты. Въ этихъ же письмахъ Серафиму давалось прозваніе Погоната, титулъ сіятельнѣйшаго господина, депутата народа Греческаго и компаніи, экзарха всего Средиземнаго моря.

Ѳеофанъ потребовалъ разъясненія этихъ темныхъ намековъ на секреты, этихъ прозваній Погоната, депутата, экзарха и проч. „Зѣло ясно", долженъ показать Серафимъ, что это такое? Какія тайны? Когда и чьею властью и указомъ приданы ему такіе титулы? Что онъ разумѣетъ черезъ прозваніе Погоната, экзарха? Письма относятся къ годамъ отъ 1709 до 1731—то какіе въ нихъ долговременные совѣты и о чемъ? а главное, сообщено ли было о томъ Петру I-му? Ежели сообщено ему было, то одобрилъ-ли оныя? Ежели одобрилъ, то есть ли на то у Серафима доказательства? Приглашалъ ли кого изъ русскихъ къ союзу съ Греческимъ народомъ? изъ приглашенныхъ нѣкоторые не подписались ли ему?

Современное направленіе слѣдственнаго порядка, съ утонченнымъ развитіемъ допросныхъ пунктовъ, какъ видно, проникло и въ Ѳеофана. Отъ писемъ греческихъ заговорщиковъ противъ Турціи, отъ одного вопроса, переходя къ другому, возбуждается вопросъ, не было ли

и русскихъ заговорщиковъ, да еще и не подписались ли они?

Пришлось Серафиму объяснять задушевныя свои тайны, тайны своихъ соотечественниковъ.

„Въ скрынѣ хранятся клятвенныя обѣщанія тѣхъ, которые присягали черезъ меня народу нашему быть вѣрными и радѣтельными къ свободѣ отечества и вѣры,—и такихъ не только у меня, но и въ канцеляріи нашей до десяти тысячъ имѣется, и у всякаго полномочнаго депутата. Никто изъ нихъ не можетъ объявить секретовъ нашихъ, потому что мы подъ жестокимъ, безчеловѣчнымъ, антихристовымъ, магометанскимъ мечемъ, и оттого мы должны поступать осторожно, чтобъ напрасно не принести въ жертву братію нашу, а особенно тѣхъ, которые ничего не знаютъ о нашихъ намѣреніяхъ и умыслахъ и только даютъ деньги на освобожденіе невольниковъ, разумѣя подъ этимъ плѣнныхъ въ Триполи, въ Варваріи, въ Тунисѣ и въ Алжирѣ,—тѣхъ, которые даютъ деньги не для освобожденія своего народа, которые даже не понимаютъ своей неволи, потому что въ ней родились и вмѣняютъ ее за свободу. Всѣ эти совѣты, письма, присяги, тайны нашего народа, пріуготовляются такъ долговременно къ удобному времени, то есть, когда произойдетъ война турокъ съ нѣмцами или съ другими христіанами—тогда и греки будутъ готовы къ вооруженію; на морѣ и на землѣ мы соединимся тогда противъ турокъ съ союзными намъ христіанами. Что же касается до того, зналъ ли Петръ Великій объ этомъ—отвѣчаю—все совершенно зналъ и благодарилъ Бога за согласіе и соединеніе грековъ о свободѣ ихъ. Изъ русскихъ же объ этихъ тайнахъ

никто не зналъ, кромѣ его величества, Головкина, Рязанскаго (Стефана Яворскаго), которымъ его величество открылъ. Письма же наши и присяги о свободѣ вѣры и народа, черезъ меня и черезъ другихъ, начались еще съ девятаго года нынѣшняго столѣтія.

„Что же касается до происхожденія моего отъ Погонатовъ, и то видно изъ исторій греческихъ и римскихъ, а особенно изъ французскихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ и византійская исторія. По взятіи Царьграда турками большая часть шляхетства Греческаго мало по малу уходила въ Верію; кто былъ побогаче и знатнѣе, тѣхъ турки употребляли въ службу, при которой легко находили причину къ казни, конфискаціи имуществъ и къ искорененію семействъ ихъ. Наша фамилія была изъ первыхъ, и въ началѣ была въ ссылкѣ на островѣ Лимнѣ *), а потомъ на островѣ Метелинѣ; отсюда нѣкоторые бѣжали въ Сицилію. Титулъ сіятельнѣйшаго мнѣ придавали обыкновеннымъ образомъ и какъ употребительно въ Европѣ, особенно въ Италіи, гдѣ не знали о моемъ священническомъ чинѣ, а какъ свѣтскаго, такъ и называли.

„Экзаршество бываетъ двоякое: одно патріаршее, по силѣ котораго всякій годъ посылается экзархъ для сбора съ епископовъ податей, которыя патріархъ отдаетъ туркамъ, отъ самаго начала владѣнія ихъ, въ казну султана, независимо отъ обыкновенной годовой милостыни: ситіи и воитіи, сбираемой въ церковь патріаршую, и еще сборъ аренды, недавно введенной въ патріаршей церкви, которую по турецки называютъ маги-

*) Островъ Лемносъ.

ліана. Другое экзаршество свѣтское, установленное отъ императоровъ по всей имперіи Римско-Греческой, также и въ Италіи, гдѣ оно во время антипапства уничтожено. Изъ свѣтскихъ три только экзаршества остались нынѣ подъ владѣніемъ турецкимъ. 1) Азіатскаго берега, до предѣловъ Сирійскаго или Антіохійскаго патріаршества; 2) Европейское до берега Адріатическаго моря. Оба они упразднились. 3) Экзаршество Цикладовъ и Спорадовъ, которое отъ толикихъ вѣковъ предкамъ моимъ давало „праздный титулъ“.

„Объ этихъ трехъ экзаршествахъ я представлялъ нашему народу, чтобы впредь экзархи были избираемы по большинству голосовъ и притомъ изъ людей ученыхъ, по крайней мѣрѣ знающихъ три языка: Греческій ученый, Латинскій и Нѣмецкій или Французскій“.

Отвѣты Серафима Ѳеофанъ Прокоповичъ доложилъ императрицѣ съ „изъявленіемъ немалаго своего подозрѣнія“, что грекъ шпіонъ. Императрица приказала все дѣло и самого Серафима передать немедленно въ Тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію.

Изъ Невскаго монастыря Серафима перевезли въ Петропавловскую крѣпость и посадили въ отдѣльную тюрьму.

Передавая дѣло Андрею Ивановичу Ушакову, Прокоповичъ сообщилъ и свое заключеніе, „почему онъ признаетъ, что Серафимъ человѣкъ подозрительный къ шпіонству и къ немалому плутовству“. Такъ какъ въ этомъ заключеніи можно прослѣдить образъ мыслей Ѳеофана и степень его учености, которую онъ при всякомъ случаѣ старался выказывать, то мы не лишнимъ считаемъ представить его читателямъ въ подлинникѣ. Вотъ

мнѣніе Ѳеофана о Серафимѣ, сообщенное для соображеній Тайной канцеляріи.

Первое. „Объявляетъ себя (Серафимъ), аки бы прозваніемъ Погонатый, то есть бородатый, какъ имѣлъ Константинъ, императоръ греческій, правнукъ Ираклієвъ, умершій въ лѣто 685 (чему уже по смерти его произошло лѣтъ 1157), а прозванъ былъ для того, что на войну въ Сицилію пошелъ молодъ и безъ бороды, а съ войны возвратился съ бородою; и онъ, Серафимъ, хотя лживо показать, что онъ роду царскаго, назвалъ себя Погонатомъ, помышляя, что была фамилія такого прозванія, но въ томъ великое свое невѣжество показалъ: ибо Погонатъ прозваніе было собственное одного помянутаго императора и къ потомкамъ его не перешло, да и самъ тотъ императоръ такъ не писался, понеже и вина прозванія не важна была. Сына же Іустиніана Втораго прозвали Ренотметомъ, то есть безносый, за то, что бунтовщики отрѣзали ему носъ, и послѣ него никто изъ его рода не назывался Ренотметомъ. Точно также и Михаилъ императоръ за рѣчь несвободную (косноязычіе) назывался Бальбомъ, но никто изъ потомковъ его не назывался Бальбомъ; да и честныя прозванія не переходили въ фамиліи, какъ напримѣръ: Левъ былъ прозванъ философомъ за мудрость, Василій Булгароктонъ отъ побѣжденія булгаровъ, Константинъ Мономахъ, т. е. самоборецъ. Сверхъ того извѣстно, что въ теченіе болѣе нежели 1000 лѣтъ, даже до Комненовъ и Дуковъ, прежніе императоры втораго и новаго Рима, какъ прозванія своей фамиліи не употребляли, такъ и отъ себя прозванія наслѣдникамъ своимъ не давали; а Константинъ Погонатъ жилъ болѣе

нежели за триста лѣтъ до Комненовъ, и кратко рещи: никакой фамиліи подъ именемъ Погонатовъ нигдѣ въ исторіяхъ не сыщется. И такъ ложный тотъ Погонатъ, притворяя себя плутовскимъ образомъ въ высокоблагородія, показался, какъ онъ глупъ и весьма въ исторіяхъ не искусенъ.

Второе. „Знатно и то его плутовство, что себя экзархомъ писалъ, да еще экзархомъ Спорадовъ и Цыкладовъ, то есть многихъ на Эгейскомъ морѣ острововъ и всего моря Средиземнаго: еще же и экзаршество оное наслѣднымъ своимъ называетъ, помышляя, что никто уже его не знаетъ, а оная ложь такъ грубая, что ее можно и видѣть и аки было рукою осязать.

Третье. „Онъ же, Серафимъ, въ отвѣтѣ сказалъ, что въ Парижѣ служилъ онъ литургію по прошенію православныхъ грековъ, а служилъ въ храмѣ или придѣлѣ, въ которомъ служатъ греки православные и греки схизматики, то есть, раскольщики „греки-уніаты“. И сія дивная воистину обманчивая повѣсть: особливо у него греки православные отъ грековъ схизматиковъ и уніатовъ, и тому такъ быть надлежитъ, да какъ же? еще греки схизматики отъ грековъ уніатовъ особливые! То весьма дивно!

Четвертое. „Въ ономъ своемъ литургіи служеніи показуетъ, что имѣлъ съ собою подризникъ и эпитрахиль, а вмѣсто ѳелона или ризы употребилъ плевіалъ римскій, а изъ священныхъ сосудовъ имѣлъ при себѣ только звѣзду, а потиръ и дискосъ были римскіе — и то вранье чудное! Если не имѣлъ потира и дискоса, къ чему же было и звѣзду возить? и если имѣлъ подризникъ свой и эпитрахиль, то для чего бы не имѣть и

ѳелона? Будто на ѳелонъ, потиръ и дискосъ нужда была особливыя подводы нанимать. И если, какъ говоритъ, для служенія греческаго нарочный есть храмъ въ Парижѣ, то конечно тамъ обрѣтаются и сосуды церковные и священническія облаченія греческія. Для сего потребна справка съ такими людьми, кто въ Парижѣ не малое время прожилъ.

Пятое. „Вопрошенъ былъ: не былъ ли въ какомъ государствѣ въ знатномъ какомъ подозрѣніи или хотя въ оклеветаніи, а наипаче въ Англіи, въ престольномъ городѣ Лондонѣ; и на тотъ вопросъ сказалъ, что въ ономъ градѣ клеветала на него нѣкая женщина, будто бы онъ пятилѣтнюю дѣвочку растлилъ, а Елладій грекъ, который тогда въ Лондонѣ учился, въ латинской своей книзѣ о нынѣшнемъ состояніи Греческой церкви, въ главѣ 16 пишетъ, что онъ, Серафимъ, растлилъ десятилѣтнюю дѣвицу и за то на судъ исканъ былъ, да ночью изъ Лондона ушелъ. Кто же того не можетъ разсудить, что оный Серафимъ для того нарочно показуетъ клевету о пятилѣтнемъ ребенкѣ, что таковая клевета отнюдь невѣроятна, да и кому же такая клевета можетъ быть страшна.

Шестое. „О службѣ своей у шведовъ сказалъ, что по-неволѣ своей въ Цареградѣ у посла шведскаго секретаремъ былъ и по указу визиря оному послу отданъ и что нельзя было ему отъ посла отрѣшиться или сбѣжать, — и то ложь многостатейная: 1) что визирь не могъ бы силою отдавать, понеже былъ бы самъ въ подозрѣніи, что шведу посылаетъ въ секретари грека будто бы по нашему, а не шведскому интересу служилъ визирь, и вмѣсто секретаря посылалъ бы шпіона.

2) Да и посолъ шведскій никогда бы не принялъ къ таковому дѣлу грека, яко Россійской націи единовѣрнаго, недавно въ Россіи бывшаго. 3) Были тогда въ Константинополѣ французскій и посольскій послы и турковъ на Россію возмущали,—какъ же бы шведскій посолъ не имѣлъ отъ нихъ въ помянутой нуждѣ надежнаго себѣ человѣка. 4) Въ Константинополѣ въ иностранной слободѣ Галати многіе пребываютъ жильцы итальянцы и французы, какъ мірскіе и духовные люди,—то какая бы нужда была послу шведскому къ секретнымъ на Россію дѣйствамъ грека принимать. 5) Понеже извѣстно было тогда и самому блаженныя памяти Петру Первому, что оный Серафимъ у шведа секретаремъ (въ чемъ онъ не таится и самъ, хотя зловѣріе свое разноковарнымъ видомъ украшаетъ), то отнюдь онъ, Серафимъ, не могъ за надежнаго секретаря быть у посла шведскаго, развѣ великую къ Россійской имперіи показывая вражду и оную присягою утверждая, что и ясно можно видѣть отъ всѣхъ вышепоименованныхъ обстоятельствъ.

Седьмое. „О покойномъ королѣ шведскомъ въ отвѣтѣ своемъ написалъ, что когда король чрезъ канцлера своего Милярса вопросилъ его, Серафима, хочетъ ли онъ пойти съ нимъ въ Швецію, онъ просто отвѣчалъ: не хочу; а по нѣкоемъ разглагольствіи, весьма глупомъ, подалъ и сію нехотѣнія своего вину: что Гугонъ Гроціусъ по многимъ благодѣяніямъ Шведскому государству отъ себя сдѣланнымъ не имѣлъ на старость въ Швеціи частицы хлѣба; и будто бы на тѣ его слова король сказалъ: правда, что всегда шведы были благодѣтелямъ своимъ не благодарны. Разсказывая это, Се-

рафимъ кромѣ невѣдѣнія своего о помянутомъ Гугонѣ Гроціи (съ которымъ не то дѣлалось, что онъ говоритъ), показалъ свое великое плутовство и лжесловіе и незнаемо для чего, развѣ надѣясь, что сего весьма разсудить здѣсь не могутъ, и повѣря его баснямъ пріимется оное въ прислугу Россійской имперіи.

Восьмое. „Серафимъ именемъ всей Греческой націи, яко полномощный ея делегатъ, собираетъ по Европѣ охотниковъ въ союзническое ополченіе на турка, для освобожденія грековъ изъ подъ турецкаго ига,—и то все сущее плутовство, какъ мы въ пунктахъ ясно отчасти показали, и ежели Тайная канцелярія судитъ за благо больше увѣдать о Серафимѣ грекѣ, тогда изволитъ спросить господъ Саву Рагузинскаго, графа Боція и доктора Миніата, также и Николая Головина, который, какъ слышно, пріѣхалъ изъ Стокгольма, и Бестужева, что въ Варшавѣ былъ, и Будаковскаго, и другихъ, въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ обрѣтающихся грековъ; также справиться въ Иностранной коллегіи".

Андрей Ивановичъ Ушаковъ, управлявшій Тайною канцеляріею, не нашелъ нужнымъ разузнавать подробности о Серафимѣ отъ лицъ, указанныхъ Ѳеофаномъ, а ограничился справкою изъ Иностранной коллегіи и допросилъ самого Серафима.

Въ отвѣтахъ Серафима, данныхъ имъ въ Тайной канцеляріи, онъ не показалъ ничего новаго, только написалъ опроверженіе на мнѣніе Прокоповича о несуществованіи фамиліи Погонатовъ. Онъ стоялъ на томъ, что и онъ самъ Погонатъ.

„Погонатомъ называется онъ потому, что и дѣдъ его грекъ Стаматій Ивановъ и отецъ его Иванъ Стаматіевъ

прозывались Погонатами и писались во всякихъ письмахъ и назывались. Что же коммиссія духовная показала, что никакой фамиліи Погонатовъ въ исторіи нѣтъ— и то напрасно и явно о той фамиліи въ двухъ исторіяхъ императоровъ греческихъ, сочиненныхъ во Франціи. Въ этихъ исторіяхъ упоминается даже о двухъ императорскихъ фамиліяхъ Погонатовъ, но отъ которой происходитъ его родъ, онъ не знаетъ".

Затѣмъ Серафимъ оправдывался въ шпіонствѣ и враждѣ къ Россіи.

„Къ Россіи вражды никакой никогда не показывалъ, а въ Константинополѣ, въ Галати, живутъ многіе жильцы итальянцы и французы, какъ мірскіе, такъ и духовные, но такихъ, чтобъ знали многіе иностранные языки, не имѣется, а знаетъ всякій говорить по своему, а онъ, Серафимъ, знаетъ языки многіе, а именно: два Греческихъ, Латинскій, Итальянскій, Французскій, Нѣмецкій, Турецкій, Англійскій, Арабскій, Еврейскій. Поэтому посланникъ шведскій Нейгебауеръ и просилъ его у визиря къ себѣ въ секретари".

„О неблагодарности шведовъ къ Гугону Гроцію онъ читалъ въ исторіи Швеціи, переведенной на Латинскій языкъ, гдѣ напечатано такъ, какъ онъ отвѣчалъ Карлу XII.

„Въ Россію пріѣхалъ единственно для исходатайствованія вспоможенія Греціи къ освобожденію ея, а не для другой причины или вывѣдыванія. Во время проѣздовъ своихъ во многія государства, сообщниковъ себѣ никого не имѣлъ и ѣздилъ съ своими служителями наемными.

„Содержаніе денежное получалъ отъ Греческаго народа. Въ 1700 г., когда онъ посланъ былъ изъ Греціи,

отъ греческой компаніи, дано ему 150 червонцевъ. Потомъ по пріѣздѣ его въ Италію, чрезъ греческаго консула получилъ 100 червонцевъ; въ Лондонѣ присылали ему изъ Греціи деревянное масло и прочее, на продажу черезъ греческаго консула Георгія Скопемти, который давалъ ему, Серафиму, по 40, 50, и по 60 червонцевъ. Въ Вѣну послано было къ нему отъ греческихъ депутатовъ три тысячи червонцевъ съ однимъ греческимъ купцомъ, Димитріемъ. Но эти деньги не дошли до него. Димитрій, не доѣзжая до Вѣны, былъ ограбленъ разбойниками; ихъ поймали и повѣсили, но денегъ не нашли. Греческіе депутаты, узнавъ объ этомъ, выслали ему еще тысячу червонцевъ. Въ Польшѣ получилъ онъ отъ греческаго купца Христофора 120 червонцевъ, тамъ же отъ купца грека Катакоцуля 150 червонцевъ. Сверхъ того, служа Рѣчи Посполитой Польской переводчикомъ, получалъ жалованье, каждый мѣсяцъ по 10 червонцевъ".

Послѣ допросовъ въ Тайной канцеляріи, рѣшеніе по дѣлу Серафима задерживалось неполученіемъ отвѣта изъ Иностранной коллегіи о томъ, извѣстно ли ей о предложеніяхъ, сдѣланныхъ Серафимомъ Петру Первому въ 1704 г.

Ровно черезъ мѣсяцъ, 10 іюня 1732 года, коллегія увѣдомила Ушакова, что при бытности графа Головкина въ 1704 г. въ Нарвѣ, грекъ Серафимъ дѣйствительно подавалъ предложенія объ освобожденіи Греціи и потомъ такое же представленіе было повторено въ Москвѣ черезъ ѳессалоникскаго митрополита Меѳодія, но по этимъ представленіямъ „никакого произведенія не было" и письменнаго рѣшенія на оныя Петра Велика-

го не отыскано. „Дѣло это осталось въ молчаніи, а митрополитъ Меѳодій и грекъ Серафимъ послѣ того изъ Россіи отпущены".

Андрей Ивановичъ приказалъ сдѣлать изъ дѣла краткую выписку и доложилъ ее императрицѣ. Передаемъ въ подлинникѣ рѣшеніе о Серафимѣ:

„1732 года іюля 7 дня, въ Тайной канцеляріи розыскныхъ дѣлъ генералъ и кавалеръ и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подполковникъ и ея императорскаго величества генералъ-адъютантъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ объявилъ, что по учиненной краткой выпискѣ о содержащихся въ походной Тайной канцеляріи колодникахъ грекахъ—Серафимѣ и о бывающихъ при немъ въ услуженіи Иванѣ Евстафьевѣ, Адамѣ Семеновѣ *), докладывалъ онъ, господинъ генералъ, ея императорскому величеству, и ея императорское величество, слушавъ оной выписки, соизволила указать онаго Серафима, за то, что онъ по слѣдствію признанъ нынѣ къ шпіонству и къ немалому плутовству человѣкомъ, и что показано о немъ, Серафимѣ, что онъ въ предшедшее Шведской войны время, Россійскому государству злодѣйствовалъ, также чинилъ и другія воровства, и хотя онъ, Серафимъ, закрывая оное и показалъ, что въ службѣ короля шведскаго былъ, якобы по приказу турецкаго визиря, но оное его показаніе ложное, понеже изъ синодальной коммиссіи показано, что въ печатной книжи-

*) Служителя Серафима, изъ грековъ же, арестованы одновременно съ нимъ. Показанія ихъ въ Тайной канцеляріи не заключаютъ въ себѣ никакого интереса, и о хлопотахъ Серафима къ освобожденію Греціи они ничего не знали.

цѣ отъ Гелладія грека *) показано о многихъ его, Серафимовыхъ, злодѣйствахъ и о помянутомъ къ шведу перебѣгѣ на него же, Серафима, показано, что Елладій грекъ пишетъ, что онъ, Серафимъ, учинилъ продерзость надъ десятилѣтнею дѣвицею и за то на судъ исканъ былъ, да ночью изъ Лондона ушелъ; но онъ, Серафимъ, хотя истинно о томъ не показалъ, но однакожъ объявилъ, что на судъ исканъ былъ, по клевету, будто бы онъ, Серафимъ, продерзость учинилъ надъ пятилѣтнею дѣвицею; почему видно, что противъ объявленія грека Елладія, онъ, Серафимъ, не показалъ, не хотя себя къ подозрѣнію привесть, но томко и безъ того оная продерзость его явна; къ тому же онъ, Серафимъ, показывалъ, яко бы блаженныя и вѣчно достойныя памяти отъ его императорскаго величества, по предложеніямъ своимъ объ освобожденіи отъ турковъ Греціи, получилъ обнадеживаніе, въ чемъ явилась его ложь, ибо изъ Иностран-

*) Грекъ Александръ Гелладій изъ Ѳессалоніи родился въ XVII столѣтіи. Отецъ его, игуменъ монастыря св. Косьмы и Даміана, отдалъ его къ брату митрополита Ларисскаго, который отдалъ 5-тилѣтняго Гелладія для обученія въ одно богатое семейство изъ Ѳракіи. Послѣ 12-ти-лѣтняго отсутствія онъ возвратился на родину, занимался всеобщимъ обученіемъ, а потомъ отправленъ въ Константинополь. Отсюда, съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Панкетъ уѣхалъ въ Англію и опредѣлился въ Оксфордскій университетъ. Въ 1712 г. Гелладій былъ въ Германіи и въ Нюрнбергѣ напечаталъ греческую грамматику. Въ 1714 г. онъ познакомился съ Петромъ Великимъ въ Карлсбадѣ и испросилъ у него позволеніе посвятить ему книгу „О состояніи Греческой церкви“. Это сочиненіе возбудило противъ него гнѣвъ ученаго нѣмца Johannes Matteus Gessner, который и написалъ противъ Гелладія статью въ Miscellanea Lipsiensis Academiae. T. II, № 51.

ной коллегіи показано, что по предложеніямъ его, Серафимовымъ, произведенія не было и о резолюціи на оныя его императорскаго величества записокъ никакихъ не находится, изъ чего видно, что онъ, Серафимъ, объ ономъ якобы обнадеживаніи и въ прочихъ государствахъ имѣлъ разглашеніе, потому что онъ же, Серафимъ, показывалъ, что де нынѣ въ Россію пріѣхалъ онъ, якобы для предложеній же, которыя де посланы бывали къ господину канцлеру Головкину, и о томъ де отъ него, Серафима, къ тому канцлеру было писано. А изъ Иностранной коллегіи показано, что предложеній его никакихъ не принято и писемъ изъ Польши къ канцлеру не было, изъ чего явилось его, Серафимово, плутовство; къ тому же онъ, Серафимъ, объявилъ себя экзархомъ Спорадовъ и Цикладовъ и якобы онъ, Погонатъ, и отъ фамиліи императорской; но токмо де та фамилія, отъ котораго императора въ родство его пришла, о томъ сказалъ, что не знаетъ; почему оная его ложь явно изобличена, ибо изъ синодальной коммиссіи показано, что де фамильное прозваніе Погонатъ, то есть бородатый, имѣлъ Константинъ, императоръ греческій, правнукъ Ираклієвъ, которому уже де по смерти его произошло лѣтъ 1157, и оное де прозваніе въ именованіе де потомковъ его не произошло, да и самъ такъ тотъ императоръ не писался. И за оныя его Серафимовы продерзости послать въ Сибирь въ Охотской острогъ на житье вѣчно, понеже такого непотребнаго человѣка освободить невозможно, дабы отъ него не происходили означенныя лживыя разглашенія“.

Іюля 19, Серафимъ, съ своими двумя служителями

греками, закованные въ кандалахъ, были отправлены въ Сибирь.

Такъ кончилъ Серафимъ дѣятельную политическую жизнь свою. Имя его впрочемъ сохранилось для грековъ въ книгѣ, изданной въ Аѳинахъ въ 1854—1857 годахъ, подъ заглавіемъ Новогреческая филологія, изд. Попандопуло Врето. Вотъ что сказано на стр. 242: „Серафимъ изъ Митилина, іеромонахъ, одинъ изъ знаменитыхъ богослововъ XVIII столѣтія. Находясь въ Лондонѣ, издалъ исправленный переводъ Новаго Завѣта, прежде изданный Максимомъ Калліуполитомъ. По опредѣленію духовнаго собора изданіе Серафима было предано проклятію и сожжено въ 1704 году".

САМОЗВАНЦЫ—ЦАРЕВИЧИ ПЕТРЪ И АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧИ.

I.

ВЪ ДЕКАБРѢ мѣсяцѣ 1731 года былъ обнародованъ манифестъ (подписанъ 17 декабря; П. С. З. т. VIII ст. 5909) „объ учиненіи присяги въ вѣрности наслѣднику Всероссійскаго престола, который отъ ея императорскаго величества назначенъ будетъ“.

Манифестъ этотъ, какъ извѣстно, былъ изданъ, по внушенію Остермана, для устраненія замысловъ партіи цесаревны Елисаветы Петровны и былъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ обвиненія Остермана при восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы. Но цѣль эта извѣстна была только въ высшихъ слояхъ Русскаго общества; народъ же совершенно не понималъ, кому требовалась по манифесту присяга. Въ ней было сказано: „хощу и долженъ съ настоящими и будущими наслѣдниками моими

не токмо ея величеству, своей истинной государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, но и по ней ея величества высокимъ наслѣдникамъ, которые по изволенію и самодержавной ей отъ Бога данной императорской власти опредѣлены и впредь опредѣляемы и къ воспріятію самодержавнаго Всероссійскаго престола удостоены будутъ, вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и пр. и пр.“. Такое требованіе присяги будущему, какому-то неизвѣстному наслѣднику, смущало народъ. Много было безсмысленныхъ толковъ въ народѣ, и наконецъ манифестъ этотъ породилъ двухъ самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевичей Алексѣя Петровича и Петра Петровича. Заимствуемъ изъ подлиннаго дѣла болѣе или менѣе любопытныя подробности этого страннаго эпизода, порожденнаго нелѣпостью манифеста и дикостью понятій и нравовъ того времени.

Бѣгство въ казачьи городки и въ южныя наши губерніи въ первые годы царствованія Петра приняло большіе размѣры. Въ 1715 году посланъ былъ въ Азовскую губернію стольникъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Татищевъ для описанія новопоселенныхъ деревень послѣ переписи 1710 г. и для открытія бѣглыхъ. Онъ открылъ цѣлыя деревни, поселившіяся на государевой дикой порожней землѣ, какъ называли эту землю поселившіеся на ней крестьяне. Таковы были, напримѣръ, въ Тамбовскомъ уѣздѣ деревни: Гольская, Петрова Поляна, Русиново, Бротки. Бѣглыхъ же въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отыскано было мужскаго пола до 600 душъ и женскаго до 500. Любопытно, что въ томъ числѣ было боярскихъ дѣтей 84 души. Двѣ трети изъ общаго числа были крестьяне и дворовые люди, Татищевъ, между про-

чимъ, доносилъ, что мимо новоселидьбенныхъ селъ бѣгутъ изъ разныхъ городовъ и изъ селъ разночинцы, всякихъ чиновъ люди, разными дорогами на Хоперъ, на Донъ, на Медвѣдицу и на Бузулукъ въ казачьи городки. (Донесеніе Татищева Сенату, въ архивныхъ дѣлахъ Москов. Архива М. Ин. Д.). Крестьяне бѣгали отъ крѣпостнаго права, отъ денежныхъ поборовъ, отъ жестокихъ правежей за недоимки, отъ переселенія въ Петербургъ, отъ высылки на работы въ Кіевъ, въ Воронежъ, въ Азовъ; дѣти боярскіе и посадскіе, драгуны и солдаты бѣгали отъ службы.

Въ числѣ прочихъ убѣжалъ со службы драгунъ Нарвскаго полка Ларіонъ Стародубцевъ и поселился съ женою и падчерицей въ казачьей Яменской станицѣ на рѣкѣ Бузулукѣ. Казаки приняли его въ свое общество, какъ и прочихъ ему подобныхъ, очень охотно и дозволили жить своимъ куренемъ, только бы исправлялъ станичныя работы.

Стародубцевъ былъ не изъ ретивыхъ и трудолюбивыхъ и все мечталъ, гдѣ бы пожить вольнымъ, безъ работы и тягости отъ начальства. „Нѣтъ, говаривалъ онъ женѣ своей, уйдти бы куда подальше, гдѣ повольнѣе: здѣсь все работать заставляютъ“.

Лѣность и ослушаніе не прошли безнаказанно и въ 1732 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Стародубцева, на сходкѣ, по приказу станичнаго атамана, наказали батогами. Въ сторонѣ на улицѣ стоялъ въ это время какой-то оборванный нищій. Онъ недавно появился въ станицѣ, называлъ себя Тимоѳеемъ-Труженикомъ, ходилъ по казакамъ просить милостыню и говорилъ имъ какія-то за-

гадочныя рѣчи объ Открывонь-городѣ, о чудесахъ, о богатствахъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ наказанія Стародубцева пришелъ къ нему Тимоѳей-Труженикъ.

— Откуда Богъ принесъ? спросилъ Стародубцевъ.

— Съ облака, съ воздуха... тружусь Богу на дѣло сокрытое.

— А куда же идешь?

— Пойдемъ со мною, узнаешь, отвѣчалъ старикъ.— Пойдемъ со мною въ Открывонъ-градъ, тамъ святыхъ много и стоитъ образъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, и мы ее вынесемъ, такъ я царь буду и Богъ, и многое множество казны будетъ, и которые люди будутъ при мнѣ и тѣхъ стану дарить златомъ и серебромъ, и золотыми каретами, и хлѣба столько не будетъ, сколько золота и серебра...

— А гдѣ же тотъ Открывонъ-градъ? спросилъ Стародубцевъ, которому по душѣ была бѣглая жизнь, и воля, и богатство.

— Пойдемъ—увидишь, а теперь не скажу, отвѣчалъ старикъ, всматриваясь въ легковѣрнаго казака.

— Такъ не пойду, мнѣ и здѣсь привольно, хорошо...

— Не привольно, не хорошо тебѣ, отвѣчалъ старикъ.— Не правду говоришь.

Стародубцевъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, не привольно тебѣ... не себѣ ты господинъ. Тяжка бываетъ отъ старшины посылка на работу; а оттого, что самъ себя не знаешь...

Старикъ отгадалъ больную струну Стародубцева: у него еще свѣжо было въ памяти наказаніе на сходкѣ.

— Какъ я себя не знаю? спросилъ Стародубцевъ.

— Имени своего не знаешь! отвѣчалъ старикъ.—Ну какъ тебя зовутъ?

— Ларіономъ.

— Не Ларіонъ ты, закричалъ въ изступленіи старикъ и бросился обнимать Стародубцева.—Ты царевичъ Петръ Петровичъ, а я братъ твой, царевичъ Алексѣй Петровичъ.

У Стародубцева закружилась голова.

— Что ты, старикъ? Экую дурь занесъ! Какой я Петръ? Какой я царевичъ?

Труженикъ сѣлъ на лавку, взялъ Стародубцева за руку и твердымъ голосомъ сказалъ ему:

— Дѣлай по моему... называйся стараго царя сыномъ, царевичемъ Петромъ Петровичемъ. Сдѣлаемъ дѣло, къ намъ пристанутъ... пойдемъ къ Москвѣ. Сядемъ съ императрицей на престолъ. Она ужъ и присягу велѣла принять по всей Россіи. Читалъ ты присягу?

— Нѣтъ.

— Прочти ее, и старикъ показалъ Стародубцеву засаленный печатный листокъ указа о присягѣ 17 декабря 1731 года!

Стародубцевъ задумался.

— А не по моему будешь дѣлать, говорилъ старикъ:— я тебя въ котлѣ сварю. Придетъ мое время... Покаешься, что не слушалъ меня... Я иду теперь въ Тамбовъ, а потомъ къ Москвѣ, на отцовское и дѣдовское пепелище...

— Страшно, проговорилъ Стародубцевъ.

— Вѣруй и молись... я обогащу тебя...

Съ этими словами старикъ вышелъ изъ дому Стародубцева. Въ дверяхъ встрѣтился казакъ.

— Кланяйся царевичу Петру Петровичу, закричалъ старикъ входящему казаку, указывая на Стародубцева...

— Что онъ говоритъ такое? спросилъ пришедшій къ Стародубцеву казакъ.

— Больно голова у меня болитъ; пойду спать, отвѣчалъ Стародубцевъ, у котораго въ головѣ толпились мысли несбыточныя.

По станицѣ скоро разнеслось слово нищаго о Стародубцевѣ, и казаки надъ нимъ тѣшились.

Разъ, на улицѣ гуляли казаки въ кружкахъ по станицѣ. Падчерица Стародубцева, Ѳедосья, стояла у воротъ дома.

— Глядь-ка, говорили смѣясь казаки.—Вышла дочь царевича... Вѣдь бончаръ Ларіонъ называется Петромъ Петровичемъ—ну а ужъ теперь и жена его царица, и Ѳедосья царевна.

II.

Осенью 1732 г. въ Тамбовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Чуевѣ, разнесся въ народѣ слухъ, что въ селѣ скрывается царевичъ Алексѣй Петровичъ, что онъ идетъ къ Москвѣ царствовать съ императрицей на отцовскомъ престолѣ, и что присяга наслѣднику недавно обнародованная для него сдѣлана.

Говорили, что онъ бываетъ въ домахъ у крестьянъ Бровкина и Жиляева.

Одинъ разъ, вечеромъ, однодворецъ Семенъ Брюзгинъ, проживавшій своимъ домомъ въ Чуевѣ, зашелъ въ гости къ крестьянину Бровкину.

Въ избѣ въ переднемъ углу сидѣлъ какой-то сгорбленный мужичекъ, похожій на нищаго. Брюзгинъ, помолившись образамъ, и поздоровавшись съ хозяиномъ сѣлъ на лавку и довольно громко спросилъ:

— Это что за мужикъ?

Нищій приподнялся съ своего мѣста, взглянулъ грозно на однодворца и закричалъ ему:

— Я не мужикъ и не мужичій сынъ: я орелъ, орловъ сынъ, мнѣ орлу и быть. Я царевичъ Алексѣй Петровичъ... есть у меня на спинѣ крестъ и на лядвеѣ родимая шпага...

Брюзгинъ съ удивленіемъ взглянулъ на него и обратился къ хозяину:

— Что онъ говоритъ, Семенъ?

— Онъ все такъ говоритъ, индо мнѣ страшно—становится, и вѣрится, и не вѣрится. Теперь говоритъ, я Тимоѳей Труженикъ, а сяду на престолъ, буду царевичъ Алексѣй Петровичъ. Давно хотѣлъ тебя позвать, чтобы ты послушалъ его.

— Что тутъ слушать? закричалъ разсерженный старикъ:—буде вы не вѣрите, такъ найдите такого человѣка, который бы смотря на землю узналъ, какъ подлинно меня зовутъ. Есть у васъ такой человѣкъ? Онъ вамъ покажетъ о мнѣ подлинно.

Съ этими словами нищій досталъ изъ-за пазухи узелокъ, развернулъ его, вынулъ щепоть земли и подалъ ее хозяину.

Хозяйка стояла у печи и слушала все со вниманіемъ.

— Я те найду такого человѣка, заговорила она.

— Ну, такъ! И твое тутъ дѣло! закричалъ ей хо-

зяинъ. — Чай знахаря какого укажешь. Вамъ бабамъ всѣ они извѣстны.

— И ты его знаешь, отвѣчала хозяйка мужу.—Чай, что не знахарь деверь Мартынъ: и бобами разводитъ, и пропажу отыскиватетъ смотря на воду.

— Ступай, ступай, баба. Подавай его, отвѣчалъ нищій.—Когда мое дѣло вскроется, то ландъ-милицевъ и подушныхъ денегъ не будетъ, и орлы всѣ преклонятся къ бѣлому царю.

На другой день отыскали Мартына. Бровкинъ пригласилъ къ себѣ однодворца Брюзгина на испытаніе. Нищій передалъ знахарю щепоть земли.

Знахарь Мартынъ спросилъ нищаго:

— Какъ тебя зовутъ?

— Тимоѳей Труженикъ.

— Не Тимоѳеемъ тебя зовутъ, не Труженикъ ты! Ты царевичъ Алексѣй Петровичъ, и съ этими словами Мартынъ поклонился ему въ землю *).

Хозяинъ и Брюзгинъ поклонились въ поясъ. Труженикъ съ торжествомъ смотрѣлъ на окружающихъ.

— Коли ты знаешь, то молчи, отвѣчалъ Труженикъ.

Хозяинъ отвелъ однодворца Брюзгина въ сторону и сказалъ ему на ухо: „страшное дѣло! Не вѣрится, знаешь; надо еще спросить Татарина Ишейку“.

— Что вы шепчете? спросилъ Труженикъ.—Не вѣрите, что ли?

*) Приводимъ эти подробности въ точности изъ дѣла. Весьма вѣроятно, что Труженикъ и прежде этого оффиціальнаго свиданія видѣлся съ знахаремъ Мартыномъ и сговорился съ нимъ, обѣщая различныя милости.

— Надо съѣздить въ Керенскъ, въ деревню Шайданъ къ Ишейкѣ, спросить его, отвѣчали въ одинъ голосъ хозяинъ и однодворецъ.

Чрезъ нѣсколько дней поѣхали къ Ишейкѣ.

Труженикъ взялъ съ собою товарища своего, бѣглаго крестьянина Ивана Назарова. Пріѣхали.

Труженикъ задалъ Татарину трудный вопросъ:

— Сыскалъ я въ погребу поклажу, изъ той поклажи у меня и земля есть, и ты посмотри на воду, возьму ли я ту поклажу или нѣтъ.

— А зачѣмъ мнѣ смотрѣть на воду, отвѣчалъ Татаринъ,—я узнаю смотря и на копѣйку.

— Дай копѣйку, сказалъ Труженикъ, обращаясь къ Назарову.

Назаровъ подалъ Татарину копѣйку.

Татаринъ взглянулъ вверхъ, потомъ зажмурилъ глаза и началъ бормотать какія-то непонятныя слова, вертя монету въ рукахъ; потомъ вдругъ вскрикнулъ, бросилъ, открывши глаза, копѣйку вверхъ, и принялъ ее на ладонь. Это повторилъ онъ три раза, потомъ посмотрѣлъ на монету и положилъ ее себѣ въ карманъ.

— Поклажу возьмешь, отвѣчалъ онъ Труженику.

— Только-то... А ужъ ты взялъ копѣйку. Нѣтъ, посмотри на воду, больше получишь, говорилъ Труженикъ.

— Посмотримъ, бачка, на воду... Изволь...

Ишейка взялъ деревянный стаканъ, налилъ въ него воды и поставилъ на столъ.

Труженикъ насыпалъ въ воду земли изъ своего узелка.

Ишейка наклонился и началъ смотрѣть въ воду.

— Ну? спросилъ Труженикъ.

— Ты поклажу возьмешь...

— А больше ничего не видишь? Приставовъ не видишь.

— Постой, постой... вижу...

— А много приставовъ у той поклажи видишь?

— Вижу, трое.

— А четвертаго не видишь?

— Постой, вижу... вижу...

— Есть и четвертый, да. Надобно бы мнѣ такого человѣка, чтобы тѣхъ приставовъ изъ погреба вызвалъ, а отвезти домой поклажу я и самъ могу... Не возьмешься, Ишейка, вызвать приставовъ?

— Нѣтъ не возьмусь, бачка...

Труженикъ началъ шептаться съ Ишейкой.

— Ну, спросите его сами, говорилъ Труженикъ. А я пойду изъ избы.

Брюзгинъ, Назаровъ, Бровкинъ, Ермолаевъ приступили къ Татарину.

— Что, Ишейка? Что за человѣкъ Труженикъ?

— Не простаго онъ роду человѣкъ и быть ему такому человѣку, что потрясется вся земля.

Крестьяне, не зная, что и думать о Труженикѣ, отправились съ нимъ опять въ Чуево.

На возвратномъ пути заѣхали въ село Тезиково. Тутъ у Назарова была тетка. Племянникъ просилъ ее отыскать человѣка, который вылѣчилъ бы его отъ порчи, а Труженикъ спрашивалъ, нѣтъ ли знахаря, чтобы погадалъ на воду.

— Есть у насъ такой человѣкъ, Евсевьемъ зовутъ.

— Гдѣ же достать его? спросилъ племянникъ.

— А въ домѣ зятя моего Савелья Васильева. Онъ

тебя къ Евсевью привезетъ... А лучше привезите его ко мнѣ.

Евсевья привезли. Это былъ бродящій нищій. Онъ слылъ за знахаря и кормился подаяніемъ отъ крестьянъ за наговоръ на воду. Особенно онъ умѣлъ умывать младенцевъ отъ порчи, читая молитву: „избави, Господи, раба сего младенца, отъ скорби, болѣзни, отъ глазъ и отъ переговоровъ". Племяннику онъ задалъ двѣ чарки вина, наговоривъ на него какія-то слова, а для Труженика смотрѣлъ на воду, въ которую опять Труженикъ всыпалъ своей земли.

Опять тѣ же вопросы.

— Возьму ли поклажу изъ погреба?

— Ты поклажу свою возьмешь, отвѣчалъ колдунъ.

— Да трудно вѣдь! У той поклажи есть трое приставовъ мертвые, да четвертый живой, сказалъ Труженикъ.

— Да, да... есть... есть. Трое приставовъ мертвые и четвертый живъ у той поклажи... только вотъ не разберу, кто четвертый приставъ живой, говорилъ Евсевій, смотря въ воду. Не разберу... не знаю...

— А я такъ знаю, отвѣчалъ Труженикъ. —Это старый императоръ Петръ Алексѣевичъ и обросъ бородою... Ну да полно смотрѣть... я по тебя пришлю, коли пора будетъ.

— Воля твоя, отвѣчалъ съ покорностію Евсевій. Какъ приспѣешь, я готовъ къ тебѣ ѣхать.

Зять хозяйки Савелій Васильевъ не вытерпѣлъ и обратился къ Труженику съ вопросомъ:

— Да какъ же тебя зовутъ, кто ты?

— На что тебѣ мое имя? Отецъ мой костыль, а сума матушка.

Колдунъ ушелъ. Мужики вышли изъ избы. Труженикъ остался съ дочерью хозяйки, а старуха хозяйка лежала на печи.

— Что за поклажа, о которой ты гадалъ? спросила дочь хозяина.

— А такая поклажа, возьму въ ней деньги... Станутъ деньги возить возами и буду я деньгами тѣми одѣлять нищихъ, на перекресткахъ посыплю деньги, буду царевичемъ на землѣ!

— Гдѣ тебѣ быть царемъ! закричала хозяйка: — у насъ есть царица матушка Анна Ивановна.

Труженикъ плюнулъ и вышелъ изъ избы.

Возвратились опять въ Чуево.

Труженикъ продолжалъ говорить загадочныя рѣчи: „Въ погребѣ у казны приставовъ три духа умершихъ: Кудеяръ, да царь Иванъ, да царь Александръ Македонскій, да живой старый императоръ. И я бы стараго императора выпустилъ; да какъ де я его выпущу, тогда вся колесница повернется, и земля потрясется, и будетъ отъ него въ правдѣ всѣмъ судъ.

Онъ говорилъ свое, а крестьяне все добивались, нѣтъ ли еще знахаря, отъ котораго узнать бы, точно ли онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Нашелся на селѣ еще одинъ знахарь Чирка. Къ нему обратился крестьянинъ Назаровъ.

— Поворожи мнѣ, Чирка, говорилъ Назаровъ.

— А на кого ворожить прикажешь?

— А вотъ на селѣ у насъ самъ царь... такъ на него.

— Не вѣрю, отвѣчалъ Чирка: — Коли цари по селамъ ходятъ?

— А будетъ хочешь его поглядѣть, я его къ тебѣ приведу.

Труженикъ у Чирки проповѣдывалъ загадочно.

— Какъ де это сдѣлается, и боярамъ де не житье будетъ, а которые и будутъ, и те де хуже мужика находятся, и буду ихъ судить съ протазанами, воткня въ ногу, какъ было при царѣ Иванѣ Васильевичѣ. И старый императоръ меня благословитъ внукою своею, и хотя гдѣ я и не буду, а она станетъ у меня заразъ на мѣстѣ. Да и присяги были не кому что не мнѣ, и на монетахъ пишется моя персона, да и по господамъ по всѣмъ моя персона разослана, а кромѣ меня посланы двое...

Наконецъ въ послѣдній разъ въ домѣ крестьянина Петра Жиляева, Труженикъ вступилъ въ таинственный разговоръ съ хозяйкою Ириной.

— Что у васъ вѣстей? спросилъ онъ.

— Нѣтъ ничего... все добро да хорошо.

— А что у васъ къ присягѣ пригоняли или нѣтъ?

Должно замѣтить, что присяга Аннѣ Іоанновнѣ продолжалась по Россіи довольно долго, до 1735 года.

— Пригоняли.

— А кому присягали?

— А Богъ знаетъ кому, отвѣчала баба, — только съ насъ старосты брали по восьми копѣекъ съ души...

— Что имъ въ этихъ деньгахъ? замѣтилъ Труженикъ: — чортъ ихъ знаетъ! Горло ли что ли залить ими!... А къ присягѣ-то пригоняли вѣдь не къ кому какъ ко мнѣ...

Между тѣмъ болтовня Труженика начала приводить въ смущеніе его слушателей...

Одинъ разъ у Жиляева въ домѣ, когда Труженикъ повторялъ свои загадочныя рѣчи, оканчивавшіяся обыкновенно тѣмъ, что онъ царевичъ, Иванъ Назаровъ шепнулъ хозяину: „вишь онъ что говоритъ: какъ донесутъ на него и тебѣ будетъ худо".

Жена Жиляева услышала эти слова, и не стѣсняясь присутствіемъ Труженика, пристала съ просьбою къ мужу объявить о Труженикѣ старостѣ.

— Знай ты баба гребень, да кривое веретено свое, закричалъ мужъ. Чортъ тебя спрашиваетъ! и оттолкнулъ жену.

Труженикъ нисколько не смутился и обратился къ хозяину:

— А что? Инде ты меня и объяви! Я не солдатъ и не драгунъ бѣглый! Я такой же отъ Бога человѣкъ! А коли не вѣрите кто я, пошлите въ Яменскую станицу донскихъ казаковъ къ брату моему казаку Стародубцеву, привезите его, онъ вамъ скажетъ обо мнѣ... Не вѣрите, такъ услышите... Самъ о себѣ объявлю всенародно!

Послѣ этихъ словъ, какъ изступленный, Труженикъ выбѣжалъ изъ избы. Думали, подумали крестьяне и отправили крестьянъ дворцовой Сосновской волости, Василья Плѣшиваго и бурлака Ѳаддеева, въ Яменскую станицу къ Стародубцеву. Посланные объяснились съ нимъ самымъ откровеннымъ образомъ.

— Здравствуй, царевичъ Петръ Петровичъ, привѣтствовали они его, войдя къ нему въ избу и поклонились въ землю.

— Для чего вы такъ меня величаете? Я не Петръ Петровичъ! отвѣчалъ смущенный казакъ.

— Не скрывайся, родимый! Мы знаемъ все. Приказалъ намъ такъ тебя величать батюшка нашъ Алексѣй Петровичъ.

Какіе дальнѣйшіе разговоры и совѣщанія были у Стародубцева съ крестьянами, изъ слѣдственнаго дѣла не видно. Извѣстно только, что Стародубцевъ отправился съ посланными въ село Чуево на свиданіе съ Труженикомъ и взялъ съ собою своихъ сотоварищей: Логина, Каланчикова и Ивана Полушкина. Но пріѣхавъ въ Чуево, они не нашли тутъ Труженика. Онъ сидѣлъ уже въ острогѣ въ Тамбовѣ, за объявленіе слова и дѣла, что де онъ, Труженикъ, знаетъ, гдѣ нынѣ старый царь,—а почему знаетъ, о томъ донесетъ самъ ея императорскому величеству.

Всѣ повѣренные тайны Труженика были въ страхѣ. Стародубцевъ утѣшалъ ихъ, что Труженикъ дѣйствительно царевичъ Алексѣй Петровичъ.

Рѣшили послать въ Тамбовъ выручить изъ острога Труженика, а если не удастся, то попросить у него благословенія. Поѣхали: крестьянинъ Сергѣй Стромоуховъ и Иванъ Сычовъ. Но всѣ ихъ старанія освободить Труженика оказались безуспѣшны. Подкупивъ часоваго, они добились только дозволенія поговорить съ Труженикомъ въ дверяхъ тюрьмы.

— Въ село Чуево пріѣхалъ Стародубцевъ и прислалъ къ тебѣ насъ за благословеніемъ, говорили посланные Труженику.

— Скажите ему, отвѣчалъ Труженикъ,—зачѣмъ онъ пріѣхалъ, то бы и дѣлалъ! а это дѣло безъ меня не

сдѣлается, и зачѣмъ онъ самъ ко мнѣ не пріѣхалъ? Боже ему помогай вскрыть сокровище. Скажите ему: если ты не можешь открывать градъ, то не станетъ у тебя глазъ и рукъ и устъ глаголющихъ.

Часовой прогналъ посланныхъ и захлопнулъ дверь.

Посланные передали Стародубцеву слова Труженика. Стародубцевъ имъ отвѣчалъ:

— Готовьте съ собою свѣчи, и надобны намъ книги и дьячки, и пойдемъ на мѣсто, откроемъ городище, и на томъ городищѣ есть знаменіе Пресвятыя Богородицы, и Евангеліе, и крестъ, и знамена царя Александра Македонскаго, и тѣ знамена мнѣ надо отдать Тимоѳею Труженику...

Крестьяне ничего не понимали изъ этихъ загадочныхъ рѣчей.

— Для чего же Труженику отдавать знамена? спросили они.

— Онъ, Труженикъ, будетъ по тѣмъ знаменамъ царствовать...

Но по пословицѣ: утро вечера мудренѣе, Стародубцевъ одумался, и понялъ, что дѣло не ладно. На другой день заговорилъ крестьянамъ другую рѣчь.

— Не пошто намъ, братцы, ѣхать вскрывать городище. Тако мы всѣ пропадемъ и возьмутъ насъ всѣхъ въ адъ, а Тимоѳей Труженикъ васъ всѣхъ прельщаетъ, что называется царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ — въ немъ есть духъ нечистый, и вы къ нему не ѣздите, и оное городище надо проклясть, а ежели бы оный Труженикъ здѣсь былъ, я бы ему оковалъ и руки, и ноги.

Послѣ этой рѣчи Стародубцевъ отправился съ своими товарищами домой къ себѣ въ станицу.

Труженикъ черезъ нѣсколько времени былъ отосланъ въ московскую контору Тайной канцеляріи.

III.

Стародубцевъ возвратился домой. Жизнь пошла по прежнему; но только послѣ поѣздки въ Чуево мысли о сбыточности предположеній Труженика не оставляли бѣглаго драгуна. Особенно смущало его то, что Труженикъ самъ на себя сказалъ слово и дѣло и велѣлъ ему съ угрозами дѣлать свое дѣло. Пришло лѣто, начались работы. Стародубцевъ лѣниво исполнялъ ихъ; станичный старшина былъ имъ недоволенъ, потребовалъ или предъявленія паспорта или строгаго исполненія приказаній... Онъ посовѣтовался съ своими друзьями, бурлаками Иваномъ Полушкинымъ и Герасимомъ Полубояровымъ, сообщилъ имъ свои планы и выѣхалъ на степь кочевать и собирать вольницу.

Онъ рѣшился выдавать себя за царевича Петра Петровича.

Не подалеку отъ юрта, гдѣ кочевалъ Стародубцевъ, казакъ Бочаровъ сторожилъ свою скотину. Бурлаки Ефремъ Худяковъ и Герасимъ Полубояровъ, посланные Стародубцевымъ, явились къ Бочарову.

Слово за слово, бурлаки сообщили Бочарову, что вонъ тамъ, возлѣ него, по сосѣдству кочуетъ царевичъ Петръ

Петровичъ; что они служатъ ему уже съ годъ, берегутъ его; что у него есть еще братъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, въ Тамбовѣ, уѣхавшій теперь въ Москву. „Пойдемъ къ нему, запишись у него“, прибавили бурлаки.

Бочаровъ отправился подъ высокую дуброву. Бурлаки представили его Стародубцеву.

— Я царевичъ Петръ Петровичъ, объявилъ безъ обиняковъ Стародубцевъ Бочарову. Ты будь при мнѣ и служи вѣрно, и въ томъ мнѣ подпишись. Уже годы мои вышли; жилъ я тайно, а нынѣ буду явенъ. Пора мнѣ на отцовское попелище, скудному жаль кошеля, а богатому короля. А вотъ батюшкино царство службами растащили, а какъ я сяду на царство, то служба уймется на десять лѣтъ. Теперь я васъ призываю волею, а вы ко мнѣ не идете, а то я буду васъ брать и неволею, и и которые придутъ ко мнѣ волею, тѣ будутъ при мнѣ пожалованы, а которыхъ возьму неволею, тѣ будутъ послѣдніе. Теперь я иду въ Москву къ ея императорскому величеству: она меня узнаетъ, и буду я на батюшкиномъ царствѣ.

Заманчивы были рѣчи Стародубцева. Бочаровъ поклонился ему въ ноги и отвѣчалъ: „запиши меня, инде я отъ тебя не прочь“.

При Стародубцевѣ уже устроена была канцелярія: два грамотныхъ бурлака записывали на листы приходящихъ въ шайку казаковъ и бурлаковъ. Грамотные подписывались сами, за безграмотныхъ товарищи прикладывали руки.

Казакъ Бочаровъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотоварищей Стародубцева. Теперь главное

было собрать побольше подданныхъ царевичу, и Бочаровъ хлопоталъ объ этомъ изо всѣхъ силъ.

— Вотъ подлинный царевичъ, говорилъ Бочаровъ бурлакамъ, бродившимъ по степи. — На груди у него звѣзда и на спинѣ мѣсяцъ, и былъ въ Москвѣ на царствѣ, и на царство посаженъ двѣнадцати лѣтъ.

— Да какъ же, говорили бурлаки, — мы слышали, что царевичъ умеръ?

— Обманули... вотъ какъ обманули... У боярина былъ сынъ и тому царевичу пришелъ ликъ въ ликъ. У боярина сынъ умре, онъ, бояринъ, взялъ и подмѣнилъ царевича своимъ сыномъ и сказалъ, что царевичъ умеръ, а этого царевича увезъ.

— Вотъ оно! отвѣчали, покачивая головою, бурлаки:— подлинно ли такъ и онъ царевичъ?

— Подлинно онъ царевичъ... Мы о томъ подлинно знаемъ. У него есть братъ, царевичъ Алексѣй Петровичъ, и былъ у насъ въ Яменской станицѣ, и мы его видѣли; а изъ той станицы пошелъ въ Москву, и велѣлъ брату своему туда пріѣхать.

Число подданныхъ увеличивалось различными способами.

Казакъ Гроховъ отправился въ лѣсъ по лыки. На встрѣчу ему два бурлака.

— Куда казакъ?

— Въ лѣсъ по лыки.

— Пойдемъ въ пустыя юрты, подъ высокую дуброву. Тамъ царевичъ Петръ Петровичъ; запишись: отъ службы уволитъ.

Привели Грохова къ Стародубцеву.

— Кто ты? спросилъ Стародубцевъ.—Какъ тебя зовутъ и чей сынъ и прозвище?

— Павломъ меня зовутъ, Трифоновъ сынъ Гроховъ.

— Оставайся при мнѣ: я царевичъ Петръ Петровичъ; служи вѣрно и въ томъ мнѣ подпишись.

Гроховъ подписался, и его отпустили домой въ Дурновскую станицу подговаривать другихъ сотоварищей и приготовляться къ Москвѣ.

Пришелъ въ пустые юрты крестьянинъ Бирючковъ (изъ Лебедянскаго уѣзда) наниматься къ казакамъ сажать табакъ. Бурлаки привели его къ Стародубцеву.

— Откуда? спросилъ Самозванецъ.

— Изъ Лебедянскаго уѣзда.

— Что? слыхалъ обо мнѣ?

— Слыхалъ, батюшка, отвѣчалъ крестьянинъ, — на дорогѣ къ пустымъ юртамъ баяли мнѣ прохожіе, и другіе, и проѣзжіе, что въ пустыхъ юртахъ схороняется царевичъ Петръ Петровичъ...

— Да! я царевичъ Петръ Петровичъ, отвѣчалъ Стародубцевъ:—и пришелъ я со всходу... служи мнѣ вѣрно, подпишись и останься при мнѣ...

Крестьянинъ поклонился въ ноги.

Стародубцевъ уже задумывалъ съ своею шайкой двинуться впередъ къ Москвѣ и на дорогѣ набирать новыхъ подданныхъ.

— Проводи меня, говорилъ онъ крестьянину:—проводи до Черкасска, а тамъ проводятъ меня въ Москву старшины, а ужъ тамъ я буду на отцовскомъ и дѣдовскомъ тронѣ и стричь у себя волосъ не стану... Есть у меня бабка и въ Кіевѣ.

Крестьянинъ Бирючковъ еще поклонился въ ноги, и

его отвели къ бурлаку Попову, исправлявшему должность секретаря. Бирючковъ поступилъ въ списокъ подданныхъ.

Списокъ этотъ въ весьма непродолжительномъ времени наполнился тридцатью подписями. Тутъ были бѣглые крестьяне, бурлаки и нѣсколько казаковъ изъ Дурновской и Березовской станицъ.

Списокъ начинался такъ: „Благословенъ еси Господи нашъ, сотворены сія книги отъ Петра Петровича его величества, подымая старый законъ отца своего и дѣда“... Потомъ слѣдовали подписи. Каждый писалъ: „подписуемся служить вѣрно его величеству Петру Петровичу“.

Желая узнать, что сдѣлалось съ Труженикомъ, Стародубцевъ рѣшился послать въ Тамбовъ нарочнаго. Посланный, бѣглый крестьянинъ Худяковъ, скоро возвратился и привезъ такія вѣсти:

„Царевичъ Алексѣй Петровичъ, который въ Тамбовѣ былъ подъ карауломъ и назывался Труженикомъ, живетъ нынѣ въ Москвѣ при государынѣ императрицѣ (онъ въ это время содержался въ Тайной канцеляріи) и присланъ де отъ него въ Тамбовскій уѣздъ къ попу указъ. Слышалъ я это отъ однодворца села Зрибановки. Да слышалъ еще, говорилъ Худяковъ Стародубцеву, отъ одного прохожащаго человѣка, что отъ помянутаго Труженика есть указы, въ которыхъ оный Труженикъ пишетъ: здравствуйте, казаки мои великодонскіе. А самъ онъ, Труженикъ, къ Троицыну дню не будетъ къ нимъ, а будетъ къ Петрову дню, мнѣ де вездѣ повольно, а что де оный Труженикъ въ Москвѣ, и былъ де въ С.-Петербургѣ раза съ три, и казаковъ де, которые ны-

нѣ при немъ, Труженикъ жалуетъ и набралъ де себѣ голутьбы ста съ два".

Насталъ и іюнь мѣсяцъ, но Труженикъ все не давалъ о себѣ вѣсти.

— Писемъ нѣтъ отъ брата моего, царевича Алексѣя Петровича, говорилъ Стародубцевъ своимъ сотоварищамъ,—вѣрно не будетъ, а ждетъ меня... Надо отправиться въ Москву собою... Только надо написать ярлыки и подкидывать къ казачьимъ станицамъ, чтобы народу больше пристало... Братъ мой въ Москвѣ при императорскомъ величествѣ въ милости... Пойдемъ въ Москву къ брату царевичу, дорогою станетъ набирать еще охочихъ людей, кто къ намъ приставать будетъ, а кто не будетъ приставать, тѣхъ бить будемъ... Придемъ къ Москвѣ, и я съ братомъ будемъ царствовать съ императрицею, а ежели намъ станутъ противиться, учинимъ въ Москвѣ и въ иныхъ мѣстахъ бунтъ.

— Какъ же бунтъ будемъ чинить? спрашивали его товарищи.

— То не ваше дѣло, отвѣчалъ Стародубцевъ:—какъ хочу, такъ и дѣлаю, для того что я подлинный царевичъ.

— Въ Москву не пройдешь, говорили ему товарищи,—вездѣ караулы.

— Не ваше дѣло. Я васъ съ тобой возьму и доведу какъ знаю, а теперь надо писать ярлыки и подкидывать по казачьимъ станицамъ, о томъ, что я подлинный царевичъ и чтобъ они, казаки, о томъ вѣдали и читали бы тѣ письма всенародно... А потомъ пойдемъ въ Москву, государыня отъ меня не отступится, она сестра мнѣ двоюродная.

И такъ приступили къ сочиненію ярлыковъ. Бурлакъ Иванъ Поповъ подъ диктовку Стародубцева написалъ два подметныхъ письма, одно къ казакамъ донскимъ, другое вообще ко всему народу и казакамъ. Вотъ одно изъ подметныхъ писемъ:

„Благословенъ еси Боже нашъ! Проявился Петръ Петровичъ стараго царя и не императорскій, пошелъ свои законы искать отцовскіе и дѣдовскіе, и также отцовскіе и дѣдовскіе законы были; при законѣ ихъ были стрѣльцы московскіе и рейторы, и копейщики, и потѣшные, и были любимые казаки, вѣрные слуги жалованные, и тако же цари государи наши покладались на нихъ якобы на каменную стѣну, тако и мы Петръ Петровичъ покладаемся на казаковъ, дабы постояли за старую вѣру и за чернь, какъ бывало при отцѣ нашемъ и при дѣду нашемъ, и вы голѣтвенные люди, безпріютные бурлаки, гдѣ нашъ гласъ не заслышитя, идитя со стараго закону денно и ночно. Яко я Петръ Петровичъ въ новомъ законѣ не поступалъ, много жъ и страданія о старыхъ книгахъ принималъ, отъ императора въ темницѣ за старую вѣру сидѣлъ два раза, и о ево законѣ не пошелъ, понеже онъ поступалъ своими законами, много часовни поломалъ, церкви опоко свѣщалъ, каменю вѣровать пригонялъ, красу съ человѣка снималъ, волею и неволею по своему закону на колѣна ставливалъ и платья обрѣзывалъ, излюбилъ свою вѣру, набралъ себѣ синихъ куръ, женскіе власы, змѣиныя жалы, да излюбилъ себѣ властниковъ, кормныхъ боровъевъ, а у нашего отца и дѣда такихъ законовъ не бывало, и такіе я законы спрогледѣлъ: мы, Петръ Петровичъ, спрогледѣвши, я отъ такихъ законовъ скрылся и

шелъ я на Черниговъ, а съ Чернигова на Кіевъ и въ Кіевѣ градѣ кинулъ ерлыкъ, а въ ерлыку подписано: слетѣлъ орелъ съ тепла гнѣзда; тогда же отъ императорскихъ законовъ пошелъ на вольную рѣку, а теперя я хощу умышленіемъ своимъ вступить на отцовское и дѣдовское пепелище, и вамъ бы всему нашему государству всею чернію сему нашему ерлыку вѣрить и поступать смѣло, не опасая себя ничего, читать по ярманкамъ и по торгамъ во всенародное извѣстіе и давать списывать и посылать списки во все государство, дабы о томъ вся чернь вѣдала, а казакамъ по всѣмъ станицамъ отъ насъ, Петра Петровича, ерлыки посланы".

Еще было написано письмо къ казакамъ, съ незначительными варіантами. Такъ напримѣръ, въ немъ было прибавлено: „и вы, казаки, сей ерлыкъ посмотрите и вы, голотва, оглядите сего ярлыка повѣритя и не повѣритя, а буде вы казаки не повѣрите и не положитесь на сей ерлыкъ и съ сего ерлыка не поставитя отповѣдь и вы мнѣ противъ сего ерлыка учините отповѣдь и чтобъ волхвамъ не волшать и своему брату въ указъ не указывать и посылать сей ерлыкъ станица до станицы и отдавать съ росписками и вездѣ списывать, дабы о томъ всякъ вѣдалъ и отъ Дубовцовъ бы не таились, читать бы во всенародно, и противъ сего ерлыка такой же слово въ слово посланъ въ Русь по черни во все государство, дабы о томъ всякъ вѣдалъ отъ стара до млада".

Слухъ о кочующемъ царевичѣ Петрѣ Петровичѣ распространился по станицамъ, но казаки не давались въ обманъ. Стародубцевъ сперва собиралъ волею, а потомъ началъ ловить къ себѣ подданныхъ неволею.

Въ одинъ день проѣзжалъ мимо пустыхъ юртовъ ка-

зачій мельникъ Антипъ Агапьевъ. На него налетѣли два бурлака и потащили его къ самозванцу. Мельникъ какъ-то удачно вырвался изъ ихъ рукъ и ускакалъ. Отъѣхавъ верстъ пятнадцать, онъ встрѣтилъ старшину станичнаго, который ѣхалъ съ казаками въ степь, дѣлить луга. Мельникъ разсказалъ ему о самозванцѣ. Старшина съ казаками поскакалъ въ пустые юрты и захватилъ самозванца, со всѣмъ его семействомъ и канцеляріей. Изъ товарищей его успѣли схватить только одиннадцать человѣкъ; прочіе ускакали.

Старшина препроводилъ самозванца въ Черкасскъ, а оттуда его отправили въ Москву въ контору Тайной канцеляріи.

IV.

Труженикъ приведенъ былъ скованный въ Москву, въ контору Тайной канцеляріи, 27 декабря 1732 г.

При первомъ допросѣ онъ объявилъ, что арестованъ въ Тамбовѣ, въ сказываніи за собою слова и дѣла, что онъ знаетъ, гдѣ нынѣ старый царь и имѣетъ донести самое тайное дѣло, а какое, и гдѣ нынѣ старый царь, и почему знаетъ и о томъ о всемъ онъ объявитъ и докажетъ подлинно предъ ея императорскимъ величествомъ, а кромѣ ея величества никому о томъ не скажетъ, и требовалъ, чтобы представили его императрицѣ. Весьма часто арестованные по слову и дѣлу предъявляли подобныя требованія, но имъ былъ всегда одинъ

отвѣтъ: застѣнокъ. Такъ случилось и съ Труженикомъ: когда его подняли на дыбу, онъ попросилъ, чтобъ его спустили, обѣщая, что онъ все разскажетъ. Просьба его была исполнена, и вотъ тайна, которую онъ хотѣлъ передать одной только императрицѣ

У одного однодворца въ домѣ одинъ крестьянинъ говорилъ ему на-единѣ: старый-де царь Петръ Алексѣевичъ сидитъ въ сокровищѣ, но гдѣ—не выговорилъ.

Вотъ вся эта тайна!

Отъ названія себя царевичемъ Петромъ Алексѣевичемъ Труженикъ отпирался.

Началась обыкновенная процедура Тайной канцеляріи. Изъ Тамбовскаго уѣзда привезли всѣхъ однодворцевъ, крестьянъ села Чуева, гдѣ проповѣдывалъ Труженикъ. Открылись всѣ гаданья, поѣздки за Стародубцевымъ и пр. и пр. Все это уже извѣстно читателямъ изъ предъидущаго разсказа.

Прислали наконецъ и Стародубцева. Это было уже въ концѣ іюля 1733 года.

Дѣло приняло извѣстный ходъ: очныя ставки, допросы; пытки.

Стародубцевъ во всемъ сознался откровенно; только и въ пыткахъ говорилъ, что собирался идти въ Москву не для бунта и не для соцарствованія съ императрицей, а чтобы просить у ея величества прощенія въ томъ, что онъ бѣглый драгунъ и назывался царевичемъ, а товарищи его будто шли съ нимъ къ Москвѣ тоже просить прощенія, что они—иные бѣжали изъ солдатъ, а другіе изъ крестьянства и однодворцевъ, а „злаго никакого въ томъ между ими намѣренія къ возмущенію бунта у нихъ не было“.

При очныхъ ставкахъ, какъ ни уличалъ Стародубцевъ Труженика, что онъ научилъ его быть самозванцемъ, Труженикъ отпирался отъ всего и утверждалъ, что онъ Стародубцева совершенно не знаетъ.

Сотоварищи Стародубцева сознались и винились, что они признавали его за царевича Петра Петровича; что кланялись ему и подписывались, чтобы служить ему вѣрно, спроста; а къ Москвѣ съ нимъ хотѣли идти не для бунту, а только для „провожанья“.

Любопытно показаніе крестьянина Скопина, одного изъ сотоварищей Стародубцева. Онъ разсказывалъ, что когда ихъ переловили и везли въ Черкасскъ, то въ Кундрюшевской станичной избѣ, будучи подъ карауломъ, бурлахи спрашивали Стародубцева: „Подлинно ли ты царевичъ? не обманываешь ли насъ?“ Стародубцевъ плюнувъ отвѣчалъ имъ: „Этакіе вы! не вѣрите! У меня есть и братъ, царевичъ же Алексѣй Петровичъ, и въ Москвѣ о Крещеньи у заутрени въ церкви явился государынѣ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, и о себѣ ей государынѣ объявилъ, что де онъ царевичъ Алексѣй Петровичъ, и бояре его брата спрашивали, что онъ за человѣкъ, и онъ имъ сказалъ, что онъ царевичъ, и тѣ бояре того его брата посадили въ темницу, а изъ темницы караульный солдатъ выпустилъ къ обѣднѣ, и братъ его пришелъ къ обѣднѣ тѣмъ боярамъ насмѣялся: это де ваша темница хороша! А потомъ изъ церкви пошли на воду со кресты, а у него де въ то время за поясомъ былъ топорикъ маленькій, а бояре де топорикъ у него изъ-за пояса вынули и бросили въ Іордань, и братъ его за тѣмъ топорикомъ пошелъ въ Іордань и сидѣлъ въ Іордани по тѣхъ поръ, какъ воду

освятили и пошли въ церковь, и братъ его, вышедъ изъ Іордани, пошелъ за кресты же въ церковь, и государыня императрица, увидя того его брата въ церкви мокраго, говорила князьямъ и боярамъ: этотъ де человѣкъ не простой, и велѣла тѣмъ князьямъ и боярамъ приходить во дворецъ, а она де государыня подыметъ старыя книги".

На сколько Стародубцевъ, при допросахъ въ Тайной канцеляріи былъ откровененъ и винился во всемъ, также какъ и его товарищи, на столько Труженикъ, виновникъ его несчастія, былъ упоренъ, и несмотря на жестокія пытки, которымъ его подвергали, запирался во всемъ и не сознавался въ своемъ знакомствѣ съ Стародубцевымъ.

Рѣшеніе Тайной канцеляріи (27 октября 1733 г.), послѣдовало очень строгое:

1. Самозванца крестьянина, Тимоѳея Труженика, который называлъ себя царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ и произносилъ злодѣйственныя непристойныя слова, яко бы у ея императорскаго величества присяга была будущему наслѣднику ему, Тимоѳею, и будто на монетахъ персона пишется его и пр. и пр.—велѣть за вышеозначенныя важныя злодѣйственныя онаго самозванца Тимоѳея вины въ пристойномъ мѣстѣ, гдѣ отъ него вышепоказанное злодѣйство болѣе произносимо было при публикѣ, казнить смертію: отсѣчь голову и, сдѣлавъ деревянный столбъ, взоткнуть онаго самозванца Тимоѳея голову на желѣзный колъ, а тѣло его сжечь, дабы въ оном мѣстѣ, смотря на то, другіе означеннаго злодѣйства чинить не дерзали.

2. Самозванцу Стародубцеву, который по повелѣнію

означеннаго самозванца Тимоѳея Труженика назывался царевичемъ Петромъ Петровичемъ и объявленнаго самозванца Тимоѳея признавалъ за подлиннаго царевича и называлъ его братомъ и пр. и пр.—учинить ему смертную казнь и прочее противу того, какъ и о вышеупомянутомъ самозванцѣ Тимоѳеѣ Труженикѣ учинить велѣно.

3. Девять человѣкъ его товарищей казнить смертію: отсѣчь головы.

4. Крестьянъ, которые ѣздили изъ Чуева къ Стародубцеву и которые ѣздили въ Тамбовъ на свиданіе въ тюрьмѣ съ Труженикомъ, бить нещадно кнутомъ, и „дабы впредь отъ нихъ о вышеозначенномъ злодѣйствѣ не могло быть произнесено, то урѣзать у нихъ языки и послать въ дальніе сибирскіе города, и велѣть тамъ опредѣлить ихъ въ работы вѣчно“.

Стародубцеву отрубили голову въ казачьей Яменской станицѣ; Труженику въ селѣ Чуевѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Колдовство въ XVII и XVIII столѣтіяхъ 1
Слово и дѣло. 63
Березка и корабликъ 94
Кабачекъ Мартышка 126
Серпуховскіе калачики 142
Русская чревовѣщательница XVIII столѣтія 149
Самосожигатели 167
Старовѣръ Васильевъ 203
Капуцины въ Россіи 212
Чернецъ Ѳедосъ 234
Княжна Прасковья Григорьевна Юсупова 332
Грекъ Серафимъ 377
Самозванцы—царевичи Петръ и Алексѣй Петровичи 416

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!